BX 597
.E83V95

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

GPO

12
1653

Евгений Митрополитъ Кіевскій

Vysokopreosviashchennoi Evgenii

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ

ЕВГЕНІЙ,

МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ И ГАЛИЦКІЙ.

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ

ДЛЯ БІОГРАФІИ

МИТРОПОЛИТА ЕВГЕНІЯ,

ИЗДАННЫЙ ВЪ ПАМЯТЬ

СТОЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ ЕГО РОЖДЕНІЯ

18 ДЕКАБРЯ 1767 — 1867 Г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза".
по Мойкѣ, № 5.
1871.

BX597
.E83V95

Его Высокопреосвященству,

Высокопреосвященнѣйшему

АРСЕНІЮ,

Члену Святѣйшаго Правительствующаго Синода,
Митрополиту Кіевскому и Галицкому,
Кіевопечерской Лавры Священно-Архимандриту,
Св. Андрея Первозваннаго и другихъ, орденовъ
кавалеру.

Высокопреосвященнѣйшій владыко,

Милостивый архипастырь!

Съ благословенія Вашего Высокопреосвященства начатый и подъ Вашимъ милостивымъ вниманіемъ и покровительствомъ въ Кіевѣ дополненный Сборникъ матеріаловъ для біографіи Митрополита Кіевскаго Евгенія, принимаю смѣлость посвятить Вашему имени, какъ должную дань искренней признательности за просвѣщенное сочувствіе моему посильному труду.

Съ чувствами глубокой преданности и высокаго уваженія имѣю счастіе быть

Вашего Высокопреосвященства,

Милостивый Архипастырь,

покорнѣйшимъ слугою

Антонъ Ивановскій.

30-го Августа.
1870 г.
С.-Петербургъ.

МАТЕРІАЛЫ

для

ЕВГЕНІЕВСКАГО СБОРНИКА.

О ПРАЗДНОВАНІИ ЮБИЛЕЯ

ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТІЯ РОЖДЕНІЯ

МИТРОПОЛИТА ЕВГЕНІЯ

И

ОБЪ ИЗДАНІИ

ЕВГЕНІЕВСКАГО СБОРНИКА.

«Недостаточно образованы тѣ, которые не знаютъ своего роднаго».

Слова **Митр. Евгенія.**

Этотъ девизъ всѣхъ трудовъ Высокопреосвященнаго Евгенія достаточно характеризуетъ всю дѣятельность знаменитаго Архипастыря.

Своими трудами онъ дѣйствительно познакомилъ насъ съ роднымъ краемъ и его древностями и не пренебрегалъ ни малѣйшею возможностію открыть, сберечь и обнародовать матеріалы для Россіи, какъ бы они ни казались на первый разъ мало замѣчательными. Въ одномъ изъ писемъ къ извѣстному въ свое время библіографу В. Г. Анастасевичу, Евгеній высказалъ справедливое мнѣніе о важности всякаго труда, на пользу исторіи, слѣдующими словами: «non sunt contemnenda quasi parva, sine quibus magna constare nequunt» т. е. не слѣдуетъ пренебрегать и малымъ, безъ котораго и великое не можетъ быть совершено. Еще убѣдительнѣе въ другомъ письмѣ къ тому же Анастасевичу пишетъ: «qui novit in omnibus aliquid in singulis nihil» т. е. кто знаетъ всего понемножко, тотъ основательно ничего не знаетъ.

Одинъ изъ современниковъ Евгенія, бывшій Попечитель Имнераторскаго Московскаго Университета, Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, въ своихъ *Опытахъ Исторіи Словесности и Нравоученія*, весьма справедливо замѣтилъ:

«Нѣтъ ничего приличнѣе гражданину, какъ любопытное вниманіе къ славнымъ произшествіямъ, къ древностямъ, къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и обыкновеніямъ своего отечества. Незнать сихъ особенностей народныхъ есть тоже, что быть иностранцемъ».

*

Еще ранѣе до него, нѣмецкій ученый, извѣстный критикъ и опытный изслѣдователь по части отечественной исторіи, Шлецеръ, въ своемъ сочиненіи: Probe Russischen Annalen, говоритъ:

«Разогните лѣтописи всѣхъ временъ и земель и покажите мнѣ исторію, которая бы превосходила или равнялась съ Русскою... Исторія эта безконечно *пространна*, по числу народовъ, составляющихъ политическое исполинское тѣло, чрезвычайно *важна*, по непосредственному вліянію своему на общую исторію Европы и Азіи и *вѣрна*, по богатству достовѣрныхъ историческихъ памятниковъ».

Если Исторія Россіи, по словамъ Шлецера, и *пространна* и *важна* и *вѣрна*, то, смѣю думать, что и заслуги ея ученыхъ дѣятелей, посвятившихъ всю свою жизнь историческимъ объ ней изслѣдованіямъ, заслуги, записанныя на страницахъ лѣтописей, не менѣе заслуживаютъ вниманія любителей отечественнаго.

Развѣ эти скромные труженики на полѣ историческихъ изслѣдованій, изображая намъ славу и величіе нашихъ предковъ, и, воздавая достойную имъ хвалу, не одушевляли своими трудами времена давно минувшія и не возбуждали въ своихъ современникахъ соревнованіе содѣлаться имъ подобными?

11-го марта 1827 года, въ торжественномъ засѣданіи *Общества исторіи и древностей*, учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, Предсѣдатель А. А. Писаревъ сказалъ:

«Біографія великаго человѣка иногда важнѣе исторіи цѣлой области».

Этотъ же самый ревнитель просвѣщенія обратился, сорокъ лѣтъ тому назадъ, къ своимъ сочленамъ съ слѣдующими словами:

«Съ похвальною гордостію скажемъ объ именахъ достойныхъ мужей, которые наиболѣе способствовали къ распространенію свѣдѣній въ отечественной исторіи, сей науки, важной для разума и усладительной для души. И справедливо (продолжаетъ предсѣдатель), какихъ еще не заслужили похвалъ достойный сынъ героя Задунайскаго, Графъ Н. П. Румянцевъ, жертвовавшій много значащею собственностію своею на изданіе въ свѣтъ лѣтописей отечества? Митрополитъ Кіевскій Евгеній, составившій полный историческій словарь духовныхъ и свѣтскихъ русскихъ писателей, описавшій древности Новгорода, Изборска и Кіева? Историографъ Николай Михайло-

вичъ Карамзинъ, успѣшно совершившій многотрудный подвигъ въ составленіи исторіи Государства Россійскаго?»

Какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, Предсѣдатель возобновляетъ въ памяти своихъ сочленовъ всѣ заслуги Графа Румянцева исчисленіемъ всѣхъ изданій, совершенныхъ иждивеніемъ незабвенной памяти Государственнаго Канцлера *). За тѣмъ, сообщая къ свѣдѣнію членовъ всѣ ученые труды Евгенія, А. А. Писаревъ, обращаетъ особенное ихъ вниманіе на рядъ историческихъ статей, помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ и придаетъ особенное значеніе примѣчаніямъ, сдѣланнымъ на открытую Іерархомъ Мстиславову грамоту въ Юрьевскомъ Монастырѣ, примѣчаніямъ, заключающимъ въ себѣ цѣлый трактатъ о русской палеографіи.

Въ заключеніе своей рѣчи Предсѣдатель Общества приводитъ слѣдующія слова Профессора Императорскаго Московскаго Университета Тимковскаго:

«Любовь къ отечеству возвышаетъ духъ, хранитъ отъ измѣны, питаетъ, покоитъ, животворитъ и ограждаетъ царства. Какъ дерево, насажденное при берегѣ источника, какъ сельскій цвѣтокъ, орошенный утреннею росою, такъ растетъ и красуется держава, сыны которой, забывая покой свой, жертвуютъ всѣмъ для общей пользы и славы».

Эти слова, за сорокъ лѣтъ до насъ сказанныя, свидѣтельствуютъ, сколь живо въ памяти современниковъ запечатлѣлась благодарность къ такимъ сынамъ отечества, которые забывая покой свой, жертвуютъ всѣмъ для общественной пользы и славы.

---

*) 1. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ.
2. Софійскій лѣтописецъ.
3. Законы Великаго князя Іоанна Васильевича и Судебникъ.
4. Изслѣдованія Эверса.
5. Опытъ о посадникахъ Новгородскихъ.
6. Объясненіе русской исторіи Лерберга.
7. Біографія Герберштейна.
8. Заслуги Императрицы Екатерины II.
9. Словарь духовныхъ писателей Митрополита Евгенія.
10. Древнія русскія стихотворенія.
11. Исторія Льва Діакона.
12. Бѣлорусскій архивъ.
13. Объ Экзархѣ Болгарскомъ.

Къ числу такихъ сыновъ — патріотовъ, по всей справедливости, принадлежали, Графъ Н. П. Румянцевъ и Митрополитъ Евгеній.

Еще 24 іюня 1808 г. основатель Московской практической Академіи Арнольдъ, при поставленіи въ актовой залѣ бюста, въ память Министра иностранныхъ дѣлъ и коммерціи Графа Н. П. Румянцева, произнесъ рѣчь: о *Любви къ отечеству*, въ которой, указывая на этотъ памятникъ, воздвигнутый въ честь благотворителя заведенія, патріота Россіи, представлялъ его воспитанникамъ въ образецъ пламенной любви, какою былъ одушевленъ къ отечеству этотъ Министръ, чуждый самолюбія и тщеславія, щедрый на приношенія для блага Россіи и любимецъ Монарха, почтившаго и щедро наградившаго его заслуги на пользу просвѣщенія.

Спустя 10 лѣтъ послѣ рѣчи Писарева 23 февраля 1837 года скончался Митрополитъ Евгеній и смерть его вызвала всеобщее сожалѣніе о незамѣнимой горестной утратѣ для церкви—пастыря, а для науки—дѣятеля.

При погребеніи произнесены были трогательныя рѣчи и надгробныя слова и вскорѣ за симъ время, все уносящее на своихъ крыльяхъ, унесло и воспоминаніе о заслугахъ почившаго Іерарха.

Впрочемъ нужно отдать полную справедливость Московскому Обществу исторіи и древностей, которое, какъ мы видѣли, въ лицѣ своего предсѣдателя, воздавъ публичную честь ученымъ заслугамъ Преосв. Евгенія, при жизни его, не могло остаться равнодушнымъ свидѣтелемъ чувствительной потери и для самаго общества, пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ покойнаго Митрополита. Расположеніе это видимо обнаруживалось многими приношеніями Евгенія, въ пользу библіотеки общества, рѣдкихъ книгъ и монетъ, а также доставленіемъ отъ него для напечатанія въ Запискахъ и Трудахъ Общества многоцѣнныхъ историческихъ и археологическихъ статей и монографій. Самымъ же лучшимъ доказательствомъ расположенія его къ Обществу, съ которымъ соединяло его какъ бы духовное родство науки, можетъ служить то, что онъ передалъ обществу, рукопись своего словаря, составляющаго памятникъ многолѣтнихъ трудовъ его дѣятельности и доставляющаго библіографамъ матеріалъ для историческихъ изслѣдованій.

Общество исторіи и древностей, столь облагодѣтельствованное Іерархомъ, не

могло отнестись равнодушно къ смерти его и, въ лицѣ своего члена М. П. Погодина, посвятило памяти Евгенія изданную на иждивеніи общества Псковскую лѣтопись, а предсѣдателемъ общества графомъ Строгоновымъ было поручено профессору Московскаго Университета, бывшему вмѣстѣ съ тѣмъ и секретаремъ общества, недавно умершему, И. М. Снегиреву написать біографію покойнаго члена.

Къ удивленію, съ подобнымъ сочувствіемъ къ горестной утратѣ для науки не отнеслась Академія Наукъ. Она не сочла нужнымъ почтить своего члена академическою біографіею и ограничилась только тѣмъ, что непремѣнный секретарь ея въ засѣданіи довелъ до свѣдѣнія академиковъ о смерти Митрополита Евгенія; — тѣмъ дѣло и покончено.

И. М. Снегиревъ принялся съ усердіемъ за изданіе словаря свѣтскихъ русскихъ писателей, переданнаго ему за годъ до смерти самимъ Митрополитомъ Евгеніемъ. Но, къ крайнему сожалѣнію, словарь этотъ не былъ поддержанъ публикою и, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ В. Г. Анастасевичу, Снегиревъ, спустя два года послѣ кончины Евгенія, въ 1839 году, съ грустью писалъ, что одинъ изъ бывшихъ его учениковъ, едва нашедши въ Кіевѣ могилу великаго Іерарха Евгенія, желалъ предложить обществу о сооруженіи ему памятника.

По поводу изданія Снегиревымъ Евгеніевскаго словаря, рецензенты возобновили воспоминаніе объ ученыхъ заслугахъ Іерарха.

Одинъ изъ нихъ, извѣстный оригинальностію и рѣзкостію своихъ критическихъ взглядовъ, высказалъ объ іерархѣ слѣдующее мнѣніе:

«Кому не дорога, не священна память достойнаго архипастыря, благороднаго и умнаго человѣка, усерднаго ревнителя просвѣщенія, превосходнаго литератора и безспорно ученѣйшаго сына православной Руси. Таковъ былъ Евгеній! Напрасно искали бы мы (продолжаетъ О. И. Сенковскій) между его и нашими современниками другаго человѣка, основательнѣе ученаго и истиннѣе просвѣщеннаго. Евгеній дѣйствительно принадлежалъ къ числу первыхъ ученыхъ въ Европѣ!»

За Снегиревскимъ явилось Погодинское изданіе Евгеніевскаго словаря. Изданіе это, въ свою очередь, вызвало сильную полемику и нападки на издателя, котораго обвиняли въ спекулятивныхъ цѣляхъ. Имя Евгенія стало опять занимать умы нѣкото-

рыхъ и большею частію зоиловъ, искавшихъ предлога выказать остроуміе въ брани, подъ которою весьма легко скрыть незнаніе дѣла.

Опять все замолкло и прошло четверть етолѣтія безъ всякаго уже повода къ полемикѣ; имя Евгенія отошло далеко на вторый планъ и явились новые дѣятели.

Празднованіе юбилеевъ двухъ представителей русской науки: въ 1865 — Ломоносова, 1866 году — Карамзина, побудило ревнителей просвѣщенія, 18 Декабря 1867 года, праздновать столѣтній юбилей рожденія Митрополита Евгенія.

«Не страннымъ ли казалось явленіемъ что Преосвященный Евгеній, поработавшій на поприщѣ литературы 50 лѣтъ, собравшій матеріалы для жизнеописаній 720 духовныхъ и свѣтскихъ русскихъ писателей, самъ какъ писатель, не удостоился въ 30 лѣтъ, послѣ своей кончины, ни одной сколько нибудь достойной или сносной біографіи. 33 года онъ былъ святителемъ на сѣверѣ, югѣ и востокѣ и почти забытъ былъ вездѣ на сѣверѣ, югѣ и востокѣ!»

Этими словами преподаватель Полтавской военной гимназіи П. Е. Пономаревъ возбудилъ вопросъ о необходимости празднованія Евгеніевскаго юбилея. Энергическое его заявленіе повсюду встрѣчено было съ самымъ живѣйшимъ сочувствіемъ не только въ столицѣ, но и въ дальнихъ мѣстахъ Россіи, а преимущественно въ тѣхъ городахъ, гдѣ жилъ или святительствовалъ Евгеній.

Въ Кіевѣ, Воронежѣ, Новгородѣ, Вологдѣ, Калугѣ, Псковѣ, Москвѣ и Петербургѣ одновременно закипѣла дѣятельность въ отъисканіи матеріаловъ.

Наступило наконецъ 18 Декабря 1867 года и въ этотъ день въ Петербургѣ, Москвѣ, Воронежѣ, и Вологдѣ устроены были публичныя юбилейныя празднества, на которыхъ мѣстные ревнители просвѣщенія возобновили въ памяти современниковъ присущія и по сіе время великія заслуги юбиляра, оказанныя имъ на пользу отечества, въ званіи пастыря церкви и въ качествѣ дѣятеля, на поприщѣ просвѣщенія.

Императорская Академія Наукъ 18 Декабря не оставила безъ вниманія и хотя не было такого публичнаго собранія, какъ во время Ломоносовскаго и Карамзинскаго юбилеевъ, и Евгеніевскій юбилей имѣлъ болѣе интимный характеръ, безъ приглашенія публики, но при всемъ томъ она, ознаменовала Евгеніевскій юбилей изданіемъ

Сборника чтеній академиковъ, ими произнесенныхъ въ чрезвычайномъ засѣданіи отдѣленія русскаго языка и словесности.

Почитатели заслугъ и памяти Митрополита Евгенія особенно поблагодарятъ Академика Грота за изданіе переписки Евгенія съ Г. Р. Державинымъ и гр. Д. И. Хвостовымъ и за примѣчанія къ письмамъ, объясняющія многія мѣста, непонятныя для обыкновенныхъ читателей. Письма эти характеризуютъ Евгенія, какъ человѣка въ домашнемъ быту и какъ литературнаго дѣятеля.

Вотъ какъ Яковъ Карловичъ характеризуетъ дѣятельность Евгенія:

«Въ 30 лѣтъ, протекшія со времени смерти Евгенія, почти ничего еще не сдѣлано для разработки его біографіи и опредѣленія заслугъ его... До приближенія юбилея никто не занялся даже полнымъ исчисленіемъ трудовъ его, или отысканіемъ тѣхъ, которые до сихъ поръ не напечатаны. У насъ еще нужны внѣшнія побужденія для отданія справедливости прежнимъ заслуженнымъ дѣятелямъ, нужны случайные поводы къ изученію историческихъ лицъ. Такъ и въ отношеніи къ Евгенію, нужно было возвращеніе дня его рожденія черезъ сто лѣтъ, чтобы напомнить обществу о трудахъ и заслугахъ этого замѣчательнаго ученаго».

Далѣе почтенный академикъ въ своей оцѣнкѣ, называя Евгенія собирателемъ матеріаловъ, изслѣдователемъ частныхъ вопросовъ науки, подготовляющимъ пособія для трудовъ болѣе общаго значенія, говоритъ, что онъ работалъ съ неутомимымъ жаромъ для успѣховъ науки и потомство будетъ съ благодарностію пользоваться его трудами, которыми онъ во многихъ отдѣлахъ историческаго вѣдѣнія положилъ первое основаніе плодотворнымъ изысканіямъ.

Профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, академикъ И. И. Срезневскій, въ «*Воспоминаніи о научной дѣятельности Евгенія*», говоритъ:

«Въ средѣ передовыхъ людей науки (Оленина, Карамзина, Калайдовича, и Востокова) мѣсто неотъемлемое принадлежитъ и Митрополиту Евгенію и его произведенія намъ необходимы и его дѣятельность не можетъ не быть нами глубоко чтима.»

«Научной дѣятельности посвятилъ онъ все время со стойкостью и прямотою, заслуживающею подражанія, Началъ ее въ то время, когда строгихъ научныхъ из-

слѣдованій у насъ почти не было, продолжалъ съ тѣмъ же успѣхомъ и тогда, когда они стали появляться все чаще и чаще, продолжалъ до послѣднихъ лѣтъ долгой жизни, съ прежнею юношеской любовью, какъ благородный труженикъ науки и честный русскій. Радуясь всякому новому труду и пользуясь своимъ положеніемъ для поддержанія и успѣха такихъ трудовъ, помогалъ имъ своими совѣтами и указаніями, своими работами, своимъ вліяніемъ на другихъ. Онъ одинъ изъ немногихъ первыхъ, внесшихъ и укрѣпившихъ у насъ научную требовательность въ изслѣдованіяхъ и оставившихъ по себѣ множество трудовъ достойныхъ всякаго уваженія. Не такъ громко его имя, какъ имя Карамзина, не соединяется съ такими открытіями, перемѣняющими понятія въ наукѣ, какъ имя Востокова, но будетъ вмѣстѣ съ ними одинаково памятно. Труды отъ него оставшіеся, возбуждая вниманіе къ древностямъ и старинѣ, и представляя о временахъ прошедшихъ множество любопытныхъ данныхъ и соображеній, достойны быть болѣе извѣстны. Научная дѣятельность его, заслуживая самого подробнаго разсмотрѣнія безъ сомнѣнія привлечетъ къ себѣ труженика, который будетъ въ состояніи разсмотрѣть ее отчетливо и подробно и такимъ трудомъ упрочить за нимъ важное мѣсто, ему принадлежащее въ нашей научной литературѣ. До тѣхъ поръ, пока трудъ будетъ сдѣланъ не лишнимъ будутъ и труды менѣе важны по цѣли и внутреннему значенію».

Изданная академикомъ Срезневскимъ въ сокращеніи переписка Митрополита Евгенія съ профессоромъ Казанскаго Университета Городчаниновымъ, безъ всякаго объясненія бывшихъ между ними отношеній и безъ приложенія къ нимъ необходимыхъ примѣчаній, коими снабжена переписка Евгенія съ Державинымъ и графомъ Хвостовымъ, заставляетъ желать, дабы она была издана вполнѣ, ибо она, какъ и всѣ письма Евгенія, составляетъ историческій матеріалъ.

Впрочемъ слѣдуетъ благодарить почтеннаго академика за поданную мысль о собраніи въ одно цѣлое всѣхъ трудовъ Евгенія, которые, по его соображенію, могутъ составить 8 большихъ томовъ.

Если бы это предположеніе дѣйствительно могла осуществить Академія наукъ, имѣя къ тому всѣ средства, то полное собраніе сочиненій Митрополита Евгенія доставило бы любителямъ отечественнаго возможность имѣть подъ рукою богатѣйшій ис-

торическій матеріалъ для изслѣдованій, и самое изданіе послужило бы памятникомъ юбиляру, достойнымъ его великихъ заслугъ, цѣнимыхъ каждымъ русскимъ, умѣющимъ понимать значеніе Евгеніевскихъ трудовъ.

Одновременно со II-мъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ праздновался столѣтній юбилей рожденія Митрополита Евгенія и въ Славяно-русскомъ отдѣленіи Императорскаго Археологическаго общества.

Въ бывшемъ по этому поводу засѣданіи члены-археологи признали заслуги Евгенія общеизвѣстными и заявили, что трудами его, по части отечественной археологіи, и по сіе время продолжаютъ пользоваться всѣ русскіе археологи. Одинъ изъ членовъ общества, П. Н. Петровъ сообщилъ собранію часть своихъ наблюденій надъ однимъ изъ предметовъ древностей русскихъ, которыми занимался Евгеній, а именно: древностями Новгорода.

Императорскій Университетъ Св. Владиміра въ Кіевѣ, съ полнымъ уваженіемъ къ заслугамъ Митрополита Евгенія на пользу науки, чтя память о немъ, какъ о первомъ своемъ почетномъ членѣ, пригласилъ магистра богословія, профессора Ѳаворова сказать рѣчь, по поводу предстоявшаго Евгеніевскаго юбилея.

Въ слѣдствіе такого порученія, въ торжественномъ годичномъ актѣ Кіевскаго Университета профессоръ Ѳаворовъ сказалъ рѣчь, которая заключаетъ въ себѣ весьма прекрасную и справедливую оцѣнку, преимущественно историческихъ трудовъ Митрополита Евгенія.

Желая эту рѣчь сдѣлать болѣе доступною для большинства и дать возможность воспитанникамъ всѣхъ духовныхъ заведеній имѣть подъ рукою этотъ прекрасный біографическій очеркъ, съ дозволенія почтеннаго профессора, я намѣренъ перепечатать ее изъ Трудовъ Кіевской духовной Академіи и включить въ «*Евгеніевскій Сборникъ*».

Въ Москвѣ *Общество любителей россійской словесности* праздновало юбилейное торжество, по словамъ Московскихъ Вѣдомостей, слѣдующимъ образомъ:

«Въ часъ по полудни собралось въ библіотечной залѣ Университета человѣкъ 200 всякаго званія; въ глубинѣ залы красовался портретъ юбиляра; живыя спокойныя черты лица котораго, вѣроятно многіе видѣли въ первый разъ. Послѣ нѣсколь-

кихъ словъ предсѣдателя Н. П. Калачова о цѣли засѣданія, профессоръ Московскаго Университета Тихонравовъ прочелъ статью, въ которой представилъ біографическій очеркъ высокопреосвященнѣйшаго Евгенія и характеризовалъ замѣчательнѣйшіе изъ его многочисленныхъ ученыхъ трудовъ. За тѣмъ, по поводу изысканій покойнаго Іерарха въ области русскаго права, предсѣдатель Общества разсмотрѣлъ значеніе присяги въ старинномъ русскомъ законодательствѣ и наконецъ князь Цертелевъ прочелъ стихотвореніе. Публика слушала съ живѣйшимъ участіемъ и вниманіемъ эти различныя статьи и по нѣсколько разъ заявляла свое сочувствіе, а можетъ быть и вынесла довольно ясно очерченный образъ одного изъ наиболѣе почтенныхъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ мало извѣстныхъ русскихъ ученыхъ».

Этимъ однимъ только юбилейнымъ празднествомъ Московскіе ученые оказали свое уваженіе къ заслугамъ Іерарха, получившаго образованіе въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и столь радѣвшаго объ интересахъ Московскаго общества исторіи и древностей.

Юбилейная статья г. Тихонравова была напечатана въ *«Современныхъ Извѣстіяхъ»* съ большими ошибками стенографа, но при всемъ томъ, она заключаетъ въ себѣ живой разсказъ о жизни и дѣятельности Архипастыря.

Въ Вологодскомъ каѳедральномъ соборѣ, въ память Евгенія, какъ бывшаго Вологодскаго Епископа, 18 декабря 1867 года Преосвященный Павелъ сказалъ Слово, въ которомъ, между прочимъ, вотъ что выразилъ:

«Выставляя передъ очи наши вышедшихъ изъ среды бурсы такихъ славныхъ мужей—двигателей науки и жизни, какъ знаменитый Евгеній, отцы и дѣды наши, помимо ихъ вѣдома, — заставляютъ насъ, очень часто тратящихъ свое время и силы, свои познанія и средства, совершенно непроизводительно, иногда даже со вредомъ для себя и другихъ, зяставляютъ насъ не слишкомъ превозноситься своимъ *прогрессомъ*. Не знаю, какъ вамъ, слушатели, продолжаетъ преосвященный витія, мнѣ невольно дѣлается грустно, когда вспомнишь и подумаешь о борцахъ жизни, подобныхъ юбиляру, объ этихъ гигантахъ труда — и, оглянувшись кругомъ, сравнишь ихъ съ современниками, какъ всѣ мы мелки въ сравненіи съ ними! А вѣдь всѣ мы, въ сравненіи съ ними, въ гораздо лучшей обстановкѣ,—владѣльцы богатѣйшаго наслѣдства

открытій и опытовъ всѣхъ протекшихъ вѣковъ и—идемъ по пути уже извѣстному,—предками же нашими проложенному и углаженному,—значитъ, безъ помѣхъ и задержки должны бы только устремляться впередъ и впередъ!!! Ужъ не мельчаютъ ли люди? Отчего же это?»

На этотъ вопросъ самъ витія отвѣчаетъ:

«Причина нашей мелкости зависитъ отъ вліянія умножившихся въ нашемъ поколѣніи разныхъ ученій, взглядовъ и направленій»...

Наконецъ витія, признавая Евгенія избранникомъ неба, по поводу его юбилея, заявляетъ желаніе, чтобы въ Русской Церкви всегда было, какъ можно болѣе личностей, подобныхъ юбиляру, чтобы необыкновенная любовь его къ труду, чтобы неколебимая приверженность его къ церкви, въ пользу которой онъ до самоотреченія посвящалъ всѣ труды свои, нашли искреннихъ подражателей.

Не удивительно, что при такомъ взглядѣ на заслуги Митрополита, Преосвященный Павелъ позаботился устроить юбилейное празднество, вполнѣ достойное имени юбиляра. Программа праздника не оставляетъ желать ничего больше, а что всего пріятнѣе было въ ней прочесть, что одинъ изъ воспитанниковъ семинаріи прочелъ свое сочиненіе о Митрополитѣ Евгеніѣ и что, въ память этого дня, Его Преосвященство роздалъ лучшимъ воспитанникамъ всѣхъ отдѣленій семинаріи разнаго рода книги. Публичное возданіе чести заслугамъ духовнаго дѣятеля, не можетъ скоро изгладиться изъ памяти воспитанниковъ и не можетъ, хотя бы въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, не возбудить соревнованія итти по слѣдамъ знаменитаго Евгенія!

Въ дополненіе этихъ нѣсколькихъ словъ объ юбилейномъ празднествѣ въ Вологдѣ, не могу съ особеннымъ сочувствіемъ не отозваться о заключеніи акта юбилейнаго, которое, по моему мнѣнію, составляетъ *суть* дѣла.

Его Преосвященство, обратившись къ посѣтителямъ, предложилъ, что для увѣковѣченія въ Вологодской епархіи памяти дня, 18 декабря 1867, и въ честь знаменитаго юбиляра Евгенія, украшавшаго и Вологодскую епархію, весьма прилично было бы учредить въ Вологодской семинаріи *стипендію* на содержаніе въ ней одного изъ лучшихъ по успѣхамъ и нравственности, но бѣдныхъ воспитанниковъ, съ тѣмъ, что-

бы воспитанникъ этотъ къ родовой фамиліи своей имѣлъ придаточное прозваніе «*Евгеніевъ*».

Достойный примѣръ для подражанія въ учрежденіи подобныхъ стипендій въ другихъ семинаріяхъ тѣхъ епархій, гдѣ Высокопреосвященный святительствовалъ.

Остается еще мнѣ сказать нѣсколько словъ о празднованіи Евгеніевскаго юбилея въ г. Воронежѣ, гдѣ юбиляръ родился, учился и началъ свою первоначальную педагогическую дѣятельность въ семинаріи и административную — въ консисторіи. По переходѣ юбиляра на службу изъ Воронежа въ Петербургъ открылось ему обширное поприще для новой разнообразной дѣятельности, открывшей ему дорогу къ самымъ великимъ постамъ въ церковной Іерархіи.

Въ день столѣтняго юбилея, кромѣ *церковнаго торжества* въ Семинаріи, въ которомъ принимали участіе Ихъ Преосвященства Архіепископъ Серафимъ и Епископъ Ѳеодосій, со всѣмъ городскимъ духовенствомъ, память юбиляра достойно почтена была *литературнымъ вечеромъ* въ домѣ князя В. А. Трубецкаго, на которомъ присутствовали, кромѣ членовъ Статистическаго Комитета, представители ученаго сословія, преподаватели и всѣ мѣстные любители просвѣщенія.

Засѣданіе открыто было краткою рѣчью Начальника губерніи, въ которой онъ указалъ на причину собранія, предложилъ нѣкоторымъ изъ членовъ прочитать приготовленныя сочиненія. Въ этихъ сочиненіяхъ раскрыта почти полная біографія Евгенія. Въ біографическомъ очеркѣ жизни юбиляра, прочитанномъ профессоромъ Семинаріи Палицынымъ, преосвященный Евгеній представленъ, какъ одинъ изъ даровитѣйшихъ и благороднѣйшихъ дѣятелей, на поприщѣ отечественной науки и на поприщѣ служенія благу Церкви въ санѣ Высшаго Іерарха.

За тѣмъ читано было сочиненіе, написанное учителемъ Воронежской Семинаріи Николаевымъ, въ которомъ разсмотрѣна дѣятельность юбиляра исключительно въ должности педагога, библіотекаря и префекта Воронежской Семинаріи. Далѣе читано было обширное разсужденіе, написанное учителемъ Воронежской гимназіи Сѣвернымъ. Авторъ этого сочиненія собралъ и свелъ къ единству всѣ матеріалы, касающіеся ученой дѣятельности покойнаго Митрополита, какъ историка и палеографа. Наконецъ сказано было нѣсколько словъ бывшимъ директоромъ гимназіи Сцепурою, касатель-

но переписки, которую велъ покойный Митрополитъ съ Государственнымъ Канцлеромъ Графомъ Н. П. Румянцевымъ. Изъ переписки этой можно видѣть характеристическія черты домашней — кабинетной жизни этихъ двухъ сановниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тружениковъ науки.

Въ другихъ городахъ, гдѣ святительствовалъ Евгеній — Новгородѣ, Калугѣ, Псковѣ и Кіевѣ по разнымъ причинамъ, то по болѣзни, то за отсутствіемъ мѣстныхъ Преосвященныхъ, не могли быть устроены юбилейныя празднества, подобно Вологдѣ и Воронежу, но при всемъ томъ, безъ всякаго сомнѣнія, и въ этихъ епархіяхъ дорога память о Святителѣ-юбилярѣ, которымъ столько совершено пастырскихъ и ученыхъ трудовъ, на пользу мѣстныхъ епархій въ административномъ и научномъ отношеніяхъ.

По поводу юбилея, весьма желательно собрать всѣ письма Евгенія, которыя составляютъ *историческій* матеріалъ и самымъ лучшимъ способомъ для спасенія ихъ отъ постоянныхъ утратъ это — обнародованіе ихъ посредствомъ печати. О необходимости изданія въ свѣтъ *историческихъ матеріаловъ* и частыхъ случаяхъ истребленія ихъ, неоднократно было заявляемо ревнителями просвѣщеніями.

Въ 1814 году Василій Каразинъ, старашіямъ котораго обязанъ своимъ существованіемъ Императорскій Харьковскій Университетъ, въ частномъ письмѣ къ В. Г. Анастасевичу, вотъ что пишетъ:

«Знаете ли вы, что рѣдчайшіе манускрипты такъ называемой *патріаршей ризницы*, которые ничто иное (по заключенію моему) какъ остатки библіотеки, увезенной изъ Греціи послѣднею дщерью палеологовъ въ XV вѣкѣ, что манускрипты эти валялись въ одномъ закоулкѣ бывшихъ патріаршихъ келлій, почти до временъ нашихъ; что профессоръ Маттей (покойнику не въ осуду будь сказано) прибралъ изъ нихъ, что только заблагоразсудилъ, изъ чего иное благополучно продалъ къ Германіи,—остальному же кое-какъ сдѣлалъ описаніе и что имъ *по нынѣ* нѣтъ порядочнаго каталога».

«Знаете-ли какъ укладывана и везена была изъ Варшавы славная Залусская библіотека? я еще видѣлъ нѣкоторые ящики. О Господи! прости многое множество беззаконій нашихъ; ей бо не вѣми, что творимъ»!

«А библіотека князя Таврическаго (*), стоившая великихъ денегъ, эту ужъ и я видѣлъ, какъ описывали, укладывали и отправляли въ Казань, вмѣстѣ съ драгоцѣннымъ собраніемъ разныхъ естественныхъ вещей. О нѣкоторыхъ изъ нихъ, неявившихся и по таковой описи, сказано, что *вѣроятно крысы съѣли*. Не почитайте это шуткою à la lettre, такъ было отвѣтствовано до открытія казанскаго округа, кажется въ 1802 году; въ числѣ съѣденныхъ крысами вещей была необыкновенной величины и красоты *змѣя* въ *спиртѣ*».

Засимъ въ 1820 П. И. Строевъ, при изданіи Софійскаго Временника, въ 1821 г. Митрополитъ Евгеній въ письмѣ къ академику Кеппену и въ 1834 году, издатель «*Отечественныхъ Записокъ*», Свиньинъ, въ письмѣ къ И. М. Снегиреву, жалуются на равнодушіе своихъ соотечественниковъ къ памятникамъ отечественной старины.

Изъ нихъ П. Свиньинъ заявляетъ:

«Наконецъ о моемъ *русскомъ музеумѣ* можно сказать, что о турецкомъ флотѣ подъ Чесмою—*былъ*. Его не стало и можетъ быть надолго не выищется другой чудакъ, который бы подобно мнѣ, употребилъ сотню тысячъ, 15 лѣтъ жизни и трудовъ для собранія обращиковъ русской славы, просвѣщенія и ума! Когда уже дѣло сдѣлано, когда уже пособить нельзя—начали тужить, начали понимать цѣль мою и достоинства покойника, котораго при жизни—тѣснили, клеветали огорчали? — Увы! распродажа музеума доказала мнѣ жалкую степень нравственности и образованности нашихъ бояръ и всего первокласнаго круга: вообразите бывали случаи, что богачи приходи-

(*) Относительно остатковъ изъ этой библіотеки, находящихся въ Рѣшетиловкѣ (Полтавской губ.) и заключающихъ въ себѣ драгоцѣнные автографы и рукописи, долженствующіе быть въ государственномъ архивѣ на храненіи, я заявлялъ Министерству Народнаго Просвѣщенія,—но сдѣлано ли какое-либо по этому предмету распоряженіе, мнѣ неизвѣстно. Впрочемъ, по представленной мною бывшему министру народнаго просвѣщенія (*) докладной запискѣ, о важности этого собранія, принадлежавшаго нѣкогда Князю Потемкину и потомъ секретаремъ его В. С. Поповымъ, сохраненнаго и привезеннаго въ свое имѣніе, Рѣшетиловку, было напечатано краткое извѣстіе въ Журналѣ Министерства. Замѣтка эта побудила Императорскій Новороссійскій Университетъ командировать компетентныхъ лицъ для пріобрѣтенія сказанной библіотеки для юнаго Университета. Къ крайнему сожалѣнію, не только не достигнута цѣль поѣздки, но пріѣхавшіе нарочно изъ Одессы не были даже допущены къ ея осмотру.

(*) По просвѣщенной заботливости А. В. Головнина, пріобрѣтена, при моемъ ходатайствѣ, для Одесскаго Университета Славянская библіотека, принадлежавшая извѣстному филологу Кухарскому, путешествовавшему въ 1825 — 26 годахъ по Славянскимъ землямъ.

ли въ музеумъ зѣвать или торговаться изъ копѣйки—за сторублевую картину, когда за часъ передъ тѣмъ заплатили Смурову 500 или 600 рублей за устрицы и шампанское.»

Историографъ и заслуженный академикъ Устряловъ еще въ 1834 году, при первомъ изданіи историческихъ матеріаловъ: «*Сказанія Современниковъ о Димитріи Самозванцѣ*,» съ грустью заявлялъ: «*Страшно подумать, чего можетъ лишиться русская исторія, если мы будемъ столь же нерадивы къ ея памятникамъ, какъ бы ли доселѣ?*»

Это нерадѣніе къ памятникамъ обнаружилось въ равнодушіи и къ сочиненію Митрополита Евгенія: «*Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей*», изданному И. М. Снегиревымъ. По этому поводу Бантышъ-Каменскій въ своемъ «*Словарѣ достопамятныхъ русской земли*» упрекалъ русскую публику. «*Читатели наши*, говорилъ онъ, *къ сожалѣнію, предпочитаютъ романы и сказки полезнымъ сочиненіямъ. Книга эта: Словарь, которая должна бы служить необходимою принадлежностію всѣхъ, желающихъ знать отечественную литературу, долго оставалась изданною только по букву Д, потому что никто ее не покупалъ???*»

Къ счастію, въ настоящее время просвѣщенная публика относится къ историческимъ матеріаламъ съ бо́льшимъ сочувствіемъ и съ каждымъ годомъ появляются спеціальные журналы для обнародованія этихъ матеріаловъ, которые находятъ уже большой кругъ читателей, интересующихся историческими событіями минувшей старины.

Для подобныхъ любителей отечественной старины, быть можетъ, будетъ небезъинтересенъ разсказъ о моихъ *библіографическихъ поѣздкахъ*, съ цѣлію отысканія матеріаловъ для біографіи Митрополита Кіевскаго Евгенія.

Въ «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», за 1867 годъ (декабрьская книжка), напечатанъ составленный мною біографическій очеркъ жизни и дѣятельности митрополита Евгенія и посвященъ памяти этого знаменитаго Іерарха, по поводу столѣтняго юбилея его рожденія. Очеркъ этотъ заинтересовалъ многихъ любителей и ревнителей просвѣщенія, которые совѣтовали мнѣ продолжать собирать матеріалы и издать болѣе подробную біографію.

Совѣты эти пробудили во мнѣ увѣренность въ небезполезности моего труда и подвинули меня совершить поѣздку въ г. Воронежъ, какъ мѣсто рожденія Іерерха, гдѣ, дѣйствительно, у наслѣдниковъ митрополита посчастливилось мнѣ достать автографы митрополита Евгенія, не лишенные историческаго интереса.

По поводу первой годовщины столѣтняго юбилея рожденія этого Архипастыря, 18 декабря 1868 года, я во второй разъ отправился въ Воронежъ и читалъ тамъ публичныя лекціи о Государственномъ канцлерѣ графѣ Николаѣ Петровичѣ Румянцовѣ и митрополитѣ кіевскомъ Евгеніѣ.

Лекціи мои не остались незамѣченными и вызвали благосклонные отзывы въ мѣстныхъ газетахъ *). Пріятно мнѣ заявить, что въ числѣ постоянныхъ посѣтителей

---

*) Въ *Воронежскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ*, въ неофиціальной части, о моихъ лекціяхъ было сдѣлано слѣдующее заявленіе:

«10-го декабря прибылъ въ нашъ городъ библіотекарь Императорской С.-Петербургской публичной библіотеки и профессоръ Академіи А. Д. Ивановскій съ цѣлію прочесть три публичныя лекціи объ ученыхъ заслугахъ Кіевскаго Митрополита Евгенія и государственнаго канцлера графа Румянцова, Нельзя не выразить благодарности г. Ивановскому за желаніе ближе познакомить Воронежцевъ съ ученою дѣятельностію знаменитаго архипастыря. Покойный митрополитъ принадлежалъ къ числу тѣхъ личностей, которые всю свою жизнь посвятили наукѣ; нашъ городъ, по преимуществу, имѣетъ право гордиться учеными заслугами высокопреосвященнаго Евгенія, который первоначальное образованіе свое получилъ въ Воронежской семинаріи и первое время своей педагогической пастырской дѣятельности провелъ въ Воронежѣ. Этотъ замѣчательный, по своимъ ученымъ трудамъ, архипастырь написалъ множество біографій почти всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ русскихъ писателей, между тѣмъ какъ собственной его біографіи до сихъ поръ нѣтъ. Прошло сто лѣтъ со дня рожденія Высокопреосвященнаго Евгенія и только теперь, благодаря настойчивости г. Ивановскаго, готовится къ выходу въ свѣтъ такъ называемый Евгеніевскій Сборникъ, въ которомъ будутъ помѣщены богатые и весьма любопытные матеріалы для будущей біографіи нашего знаменитаго ученаго.—Надобно отдать справедливость, что лица, имѣющія у себя подлинныя письма Митрополита Евгенія, съ готовностью поспѣшили передать ихъ г. Ивановскому для увеличенія матеріаловъ предполагаемаго къ изданію Сборника. — Г. Ивановскій успѣлъ уже напечатать до сорока листовъ этого Сборника и въ благодарность за то, что Воронежъ доставилъ ему довольно значительное количество матеріаловъ пожелалъ познакомить Воронежскихъ жителей съ своими трудами по изданію Сборника. Съ этою цѣлью были прочитаны г. Ивановскимъ три публичныя лекціи. Первая лекція имѣла мѣсто въ залѣ губернской гимназіи 20-го декабря, вторая въ залѣ воронежской семинаріи 21 декабря, и третья въ залѣ военной гимназіи 22 декабря. Кромѣ воспитанниковъ всѣхъ означенныхъ учебныхъ заведеній, на этихъ лекціяхъ присутствовали нѣкоторые почетные посѣтители и посѣтительницы. Содержаніе лекцій было слѣдующее:

Первая лекція. О празднованіи столѣтняго юбилея рожденія Митрополита Евгенія въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Вологдѣ и Воронежѣ, съ указаніемъ на изданныя академиками Я. К. Гротомъ и П. П. Срезневскимъ статьи о литературныхъ сношеніяхъ юбиляра съ Г. Р. Державинымъ, графомъ Д. И. Хвостовымъ и професоромъ казанскаго университета Городчаниновымъ; о критической оцѣнкѣ ученыхъ трудовъ

моихъ публичныхъ чтеній былъ графъ Д. Н. Толстой, бывшій Воронежской губернаторъ.

Въ бесѣдахъ съ этимъ достойнымъ сановникомъ я пріобрѣлъ много свѣдѣній, весьма полезныхъ для моего труда объ Евгеніѣ.

Графъ Дмитрій Николаевичъ напечаталъ подробный разборъ моихъ лекцій въ «*Воронежскомъ Телеграфѣ*», въ которомъ, отзываясь благоклонно о моемъ трудѣ, высказалъ много любопытнаго и мало кому извѣстнаго о митрополитѣ Евгеніѣ.

За оказанныя мнѣ, въ послѣднее время пребыванія въ г. Воронежѣ, гостепріимство и живое сочувствіе, со стороны графа Д. Н. Толстаго, б. инспектора гимназіи В. О. Ковалевскаго и преподавателя В. А. Никитина, позволяю себѣ публично заявить этимъ ревнителямъ просвѣщенія мою чувствительнѣйшую признательность.

Въ одномъ изъ писемъ Митрополита Евгенія къ И. М. Снегиреву находится весьма лестный отзывъ объ историческихъ трудахъ Н. И. Надеждина. Отзывъ этотъ побудилъ

Іерарха, высказанныхъ въ торжественныхъ собраніяхъ: кіевскаго университета—протоіереемъ Ѳаворовымъ и общества любителей россійской словесности—профессоромъ московскаго университета Тихонравовымъ. О значеніи слова, сказаннаго, по поводу юбилея, преосвященнымъ Павломъ, епископомъ Вологодскимъ. О важности изданія переписки Митрополита Евгенія съ государственнымъ канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцовымъ, предпринятаго воронежскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ. О настоятельной необходимости изданія въ свѣтъ полнаго собранія ученыхъ трудовъ Митрополита Евгенія и всей его литературной переписки съ современными ему дѣятелями.

Вторая лекція. Очеркъ первоначальной педагогической дѣятельности юбиляра сначала въ Воронежѣ а потомъ въ С.- Петербургѣ. — Характеристика библіографическихъ трудовъ Высокопреосвященнаго Евгенія, съ указаніемъ на первыя попытки предшественника его библіографа, члена россійской академіи наукъ Дамаскина (Руднева) епископа Нижегородскаго.—О важности богословскаго труда Евгенія каноническое изслѣдованіе» о папской власти, на пользу православной церкви, составленнаго имъ съ цѣлью противодѣйствовать стре мленію іезуитовъ къ соединенію церквей.—О двухъ знаменитыхъ личностяхъ того времени—генералѣ Іезуитскаго Ордена Груберѣ и Митрополитѣ Сестренцевичѣ. О принятіи Евгеніемъ участія въ столѣтнемъ юбилеѣ основанія С.-Петербурга и бывшихъ по этому поводу рѣчахъ и празднествахъ. О весьма оригинальномъ заявленіи, сдѣланномъ Н. М. Карамзину, по поводу столѣтняго юбилея, объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ гостинницы Петровой.

Третья лекція. Краткій очеркъ ученой дѣятельности Митрополита Евгенія въ Вологдѣ, Калугѣ и Псковѣ съ подробнымъ изложеніемъ совокупной его дѣятельности въ Новгородѣ, вмѣстѣ съ графомъ, Н. П. Румянцовымъ, въ области археологическихъ изысканій.—Приглашеніе смоленскаго губернатора барона Аша о сбереженіи памятниковъ отечественной старины съ изложеніемъ историческаго очерка подобныхъ же попытокъ для сбереженія древностей. Оцѣнка патріотическихъ трудовъ государственнаго канцлера графа Румянцова и указаніе огромныхъ его заслугъ на пользу отечественнаго просвѣщенія.

*

меня сдѣлать розысканія, гдѣ находятся оставшіеся по смерти этого труженика рукописные матеріалы и какъ покойный былъ Рязанскій уроженецъ, то для моихъ розысканій о немъ, я, на обратномъ пути изъ Воронежа въ Петербургъ, остановился въ городѣ Рязани.

Въ моихъ предположеніяхъ я не обманулся; отыскалъ наслѣдниковъ, видѣлъ бумаги и принялъ всѣ мѣры, дабы эти драгоцѣнные матеріалы не подверглись истребленію.

«Полное изданіе всѣхъ сочиненій Н. И. Надеждина, по словамъ одного изъ его біографовъ, составило бы не только памятникъ прошедшаго, но свѣточь для будущаго, если не на всегда, то по крайней мѣрѣ на долго, свѣточь огня любви къ добру и къ истинѣ, любви къ отечеству, къ полезному для отечества труду, отъ котораго займутъ себѣ искру много свѣточей».

Зажечь эту искру новымъ изданіемъ трудовъ Надеждина могутъ ревнители просвѣщенія Рязанскаго края, если они приложатъ старанія, подобно г. Воронежу, издать сочиненія Надеждина, какъ Воронежскій Статистическій Комитетъ, въ память Евгенія уроженца Воронежскаго, издалъ переписку его съ графомъ Н. П. Румянцовымъ. Подобная услуга, въ отношеніи изданія трудовъ Надеждина, сдѣлаетъ честь Рязанскому краю, имѣющему въ средѣ своихъ также ученыхъ и археологовъ.

Не могу здѣсь не заявить о Рязанскомъ любителѣ и знатокѣ отечественной старины, городскомъ головѣ А. В. Антоновѣ оживленномъ сильною любовью къ изученію памятниковъ русской старины. Прекрасное собраніе славянскихъ рукописей, старопечатныхъ книгъ и рѣдкихъ монетъ нашло себѣ мѣсто въ его домашнемъ музеумѣ.

Высокопросвященный Евгеній былъ Почетнымъ Членомъ Императорскаго Харьковскаго университета и потому мнѣ казалось неправдоподобнымъ, дабы въ архивѣ университетскомъ не остались какіе либо слѣды просвѣщеннаго его вниманія къ научнымъ интересамъ университета.

Въ этомъ предположеніи я побывалъ и въ Харьковѣ, но тамъ, кромѣ свѣдѣнія объ избраніи Высокопреосвященнаго Евгенія, въ бытность его Псковскимъ архіепископомъ, въ Почетные Члены Харьковскаго университета, 21 декабря 1816 года, ничего особенно важнаго не представилось для цѣли моихъ поисковъ, а только о современникѣ

Евгенія *Петръ Дубровскомъ* открыты мною матеріалы въ частномъ архивѣ бывшаго ректора Харьковскаго Университета П. П. Артемовскаго-Гулака.

Замѣчательныя рукописи, собранныя Дубровскимъ и принесенныя имъ въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ, которой онъ былъ впослѣдствіи библіотекаремъ, вызвали въ недавнее время пріѣздъ изъ Парижа французскихъ ученыхъ въ Петербургъ для изученія и снятія копій съ хранящихся въ публичной библіотекѣ французскихъ рукописей, относящихся до исторіи Франціи. Эти ученые сами съ благодарностію отзывались, что если бы не Дубровскій, парижская чернь уничтожила бы эти драгоцѣнные памятники для науки.

Извѣстный писатель и библіотекарь одной Парижской библіотеки Мармье, совершившій въ 1830, 37 и 38 годахъ, на счетъ суммъ своего Министерства Народнаго Просвѣщенія, археологическое путешествіе по сѣверной Европѣ, напечаталъ весьма интересныя наблюденія. Въ «Revue des deux mondes» (1842 p. 747) вотъ что Мармье говоритъ о нашемъ Дубровскомъ.

«Въ первые годы нашей революціи находился во Франціи русскій дипломатъ Дубровскій, который путешествовалъ по Англіи, Германіи, изучая по всюду каталоги и отыскивая рѣдкія книги. Онъ прибылъ въ Парижъ именно на ту пору, когда могъ вполнѣ удовлетворить за даромъ своимъ библіографическимъ наклонностямъ. Во времена волненій и безпорядковъ, убійствъ и терроризма, никто не обращалъ никакого вниманія на значеніе библіотекъ и важность рукописей. Монастырскіе и дворцовые архивы были разграблены и разрушены, хранившіяся въ нихъ книги выбрасывались чернью на улицу или продавались за безцѣнокъ *). Находчивый Дубровскій, прикрываясь своимъ дипломатическимъ характеромъ, пользовался свободнымъ входомъ повсюду и вездѣ; по разрушеніи бастиліи и разграбленіи аббатствъ, освѣдомлялся, гдѣ могъ пріобрѣсти даромъ или за какую нибудь ничтожную плату (pour quelques méchants assignats), рукопись, дипломъ, собраніе неизданныхъ писемъ и книги, если они представляли дѣйствительно что либо замѣчательнаго и любо-

*) У насъ и безъ революцій дѣлается тоже; стоитъ только вспомнить, какъ продавалась съ аукціона библіотека книгъ и рукописей, принадлежавшихъ Анастасевичу и хранившихся, то въ сараямъ то въ конюшняхъ при полиціи. Habent sua fata libelli.

пытнаго; нужно отдать справедливость, что дипломатъ понималъ цѣнность всего этого и поэтому неудивительно, что на этомъ необозримомъ полѣ онъ воспользовался прекрасною жатвою; онъ не терялъ времени для разсматриванія какой нибудь обыкновенной книжонки. Спустя нѣсколько лѣтъ потомъ онъ возвратился въ свое отечество, унося съ собою одну изъ драгоцѣннѣйшихъ коллекцій, какая существовала на свѣтѣ, эти пергаментныя рукописи, неизданные документы, эти безцѣнныя сокровища, похищенныя изъ архивовъ и невозвратно потерянныя для нашей исторіи».

«На длинныхъ полкахъ, на которыхъ помѣщается эта французская библіотека, и которыхъ большое пространство съ грустью измѣряя глазами, я замѣтилъ сто двадцать томовъ in folio писемъ нашихъ королей и принцовъ, сто пятьдесятъ томовъ автографовъ разныхъ знаменитостей, одинъ томъ писемъ Морица къ Генриху IV и множество писемъ разныхъ министровъ и французскихъ посланниковъ. Между рукописями мнѣ показывали одинъ листъ бумаги, на которомъ Лудовикъ XIV написалъ въ рядъ шесть разъ, съ трудомъ составленными буквами «L'hommage est dû aux rois, ils font tout, ce qui leur plait». Эту мудрую аксіому наставникъ давалъ своему августѣйшему воспитаннику копировать, какъ упражненіе въ чистописаніи».

«Я на скоро разсматривалъ говоритъ путешественникъ, рукописи греческія и латинскія, чрезвычайно точно описанныя Аделунгомъ...» *).

*) Если бы къ намъ почаще появлялись для обозрѣнія нашихъ библіотекъ иностранные библіотекари, то мы отъ нихъ могли бы кое что узнать о скрывающихся у насъ рѣдкостяхъ, съ которыми мы столь мало знакомы, по недостатку печатныхъ каталоговъ.

Нельзя не благодарить Аделунга, Муральта, Минцлофа и академиковъ Френа и Дорна за изданіе каталоговъ латинскихъ, греческихъ, нѣмецкихъ и восточныхъ рукописей; нельзя не благодарить П. И Строева за каталогъ рукописей графа Ѳ. А. Толстаго и А. Х. Востокова за описаніе рукописей Румянцовскаго Музеума, а также и А. Е. Викторова за каталогъ библіотеки В. М. Ундольскаго. Теперешній хранитель рукописей И. П. Библіотеки еще въ 1863 году заявилъ въ отчетѣ ея, что онъ приступилъ уже къ изданію описательнаго каталога рукописныхъ сборниковъ на церковно-славянскомъ языкѣ и напечаталъ даже 7 листовъ. Нельзя не благодарить и за это заявленіе.

Полезную и многостороннюю дѣятельность этого консерватора рукописей Императорской Публичной Библіотеки, 29 декабря 1868 года Академія Наукъ, почтила слѣдующимъ отзывомъ:

«Академикъ А. Ѳ. Бычковъ продолжалъ изслѣдованіями своими содѣйствовать основательной ученой разработкѣ матеріаловъ для исторіи отечественной словесности. Въ истекшемъ году напечатана имъ статья о словаряхъ русскихъ писателей митрополита Евгенія, къ которой присоединена любопытная (также найденная на толкучемъ рынкѣ) переписка этого ученаго съ А. И. Ермолаевымъ, бывшимъ библіотекаремъ Императорской Публичной Библіотеки и подробное описаніе перешедшихъ изъ древле-хранилища г. Погодина въ эту библіотеку матеріаловъ къ словарямъ. (Акад. Погодинъ печатно заявилъ, что онъ въ 1851 г. пожертвовалъ 5000 р. на напечатаніе полнаго каталога своего собранія)

Далѣе Мармье подробно описываетъ молитвенникъ Елисаветы, который эта несчастная принцесса имѣла, во время продолжительнаго своего заточенія въ тюрьмѣ. Указываетъ также на молитвенникъ Маріи Стюартъ, которая хотя не имѣла добродѣтелей первой, но все таки возбуждала состраданіе къ несчастной своей судьбѣ

Получивъ изъ Воронежа нѣсколько писемъ митрополита Евгенія, писанныхъ, имъ въ бытность еще Архимандритомъ Александро-Невской Лавры, къ Воронежскому своему другу Македонцеву, я на столько былъ заинтересованъ важностью содержанія ихъ, какъ біографическаго матеріала, что рѣшился отправиться въ Москву, дабы узнать какая судьба постигла цѣлую коллекцію помянутой Евгеніевской переписки, переданной еще въ 1865 году владѣльцемъ въ редакцію «*Православнаго Обозрѣнія.*»

Къ сожалѣнію, цѣль моей поѣздки не увѣнчалась успѣхомъ, ибо мнѣ сдѣлалось только извѣстнымъ, что переписка оставалась въ рукахъ бывшаго редактора упомянутаго духовнаго журнала.

Позволительно надѣяться, что этотъ важный для біографіи матеріалъ появится на страницахъ „*Православнаго Обозрѣнія*“ въ самомъ непродолжительномъ времени, ибо напечатанныя въ „*Русскомъ Архивѣ*“ выдержки изъ этихъ писемъ, съ примѣчаніями Г. Сѣвернаго, своимъ интересомъ возбуждаютъ желаніе видѣть ихъ въ полномъ текстѣ.

Временное мое пребываніе въ Москвѣ, по вышесказанному поводу, побудило меня прочесть въ Публичномъ Румянцовскомъ Музеѣ, три публичныя лекціи о Митрополитъ Евгеніѣ, графѣ Н. П. Румянцовѣ и И. М. Снегиревѣ. Сборъ съ лекцій, предназначенъ былъ въ пользу „*Миссіонерскаго Общества*“, состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Александровны. *)

---

*) Приводимъ здѣсь письмо Предсѣдателя Общества, Высокопреосвященнѣйшаго Иннокентія митрополита московскаго, адресованное ко мнѣ, 31 марта 1869 года № 107.

Милостивый Государь,
Антонъ Доминиковичъ!

На письмо Вашего Высокородія ко мнѣ, отъ 26 сего марта, коимъ Вы, изъявляя желаніе прочесть въ Москвѣ, по представленной программѣ, публичныя лекціи о многосторонней дѣятельности ученаго Іерарха Кіевскаго Митрополита Евгенія (Болховитинова), и сборъ нихъ посвятить въ пользу Миссіонерскаго Общества, испрашиваете на сіе моего разрѣшенія,—имѣю честь увѣдомить, что къ чтенію Вами въ Москвѣ означенныхъ лекцій, съ моей стороны не усматривая препятствія и за обѣщаемое

О моихъ лекціяхъ въ Москвѣ „*Современная лѣтопись*," сдѣлала благосклонный отзывъ, весьма рельефно характеризующій патріотическую дѣятельность Митрополита Евгенія, а „*Московскія Вѣдомости*" заявили о сдѣланномъ мною въ пользу Московскаго публичнаго Румянцовскаго Музея приношеніяхъ за оказанное гостепріимство предоставленіемъ Румянцовской залы для моихъ чтеній *).

И при открытіи Дашковскаго этнографическаго музея я имѣлъ случай поднести

Вами пожертвованіе въ пользу Миссіонерскаго Общества, приношу Вамъ мою искренюю благодарность.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть.

Вашего Высокородія

покорнѣйшимъ слугою

Иннокентій, Митрополитъ Московскій.

*) О моихъ приношеніяхъ въ пользу Румянцовскаго Музея будетъ сказано ниже, при изложеніи характеристики дружескихъ отношеній Преосвященнаго Евгенія къ Графу Н. П. Румянцову, а, съ открытіемъ Музея въ Москвѣ, получено мною отъ Директора Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ, слѣдующее письмо, отъ 30 Мая 1864 г. № 117.

Милостивый Государь,

Антонъ Доминиковичъ!

Спѣшу засвидѣтельствовать Вамъ мою полную благодарность за принесенные Вами въ даръ Московскому Публичному Музею: экземпляра Реймскаго Евангелія и 5 Автографовъ Графа Н. П. Румянцова. Изданіе Реймскаго Евангелія, хотя и существовало въ библіотекѣ Музея, но пожертвованный Вами экземпляръ сохранился въ такомъ отличномъ видѣ, что онъ по всѣмъ правамъ займетъ въ нашей библіотекѣ первое мѣсто и составитъ для нея очень важное пріобрѣтеніе. Еще больше, для Музея значеніе будутъ имѣть 5-ть писемъ Графа Румянцова, приложенныхъ къ Вашему приношенію. Подобнаго рода памятники, составляющіе матеріалъ для исторіи Графа Румянцова, если гдѣ въ особенности могутъ имѣть цѣну, такъ это именно въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, лучшую часть котораго доселѣ составляютъ и навѣрно долго будутъ составлять коллекціи Графа Румянцова. Позвольте надѣяться, Милостивый Государь что и на будущее время Вы не откажетесь содѣйствовать обогащенію Музея подобнаго рода памятниками ученой дѣятельности незабвеннаго въ исторіи отечественнаго библіописанія мецената.

Вмѣстѣ съ этимъ, какъ отъ собственнаго лица, такъ и отъ лица находящагося въ моёмъ управленіи учрежденія приношу Вамъ благодарность за Вашу готовность быть полезнымъ ему и на будущее время, заявленную Вами, какъ при личномъ моемъ свиданіи съ Вами, такъ и въ письмѣ Вашемъ къ бывшему Директору Музея Николаю Васильевичу Исакову, черезъ посредство котораго было доставлено въ Музей Ваше приношеніе. Ваше обязательное предложеніе быть посредникомъ нашимъ въ сношеніяхъ съ заграничными славянскими и польскими библіотеками чрезвычайно важно для Московскаго Публичнаго Музея, и онъ, при первой же надобности, не замедлитъ съ благодарностію воспользоваться Вашею готовностію содѣйствовать его развитію.

Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности и проч.

(Подп.) *Д. Левшинъ.*

рѣдкія сочиненія о Славянахъ, изданныя митрополитомъ Сестренцевичемъ, графомъ Потоцкимъ и другими для славянской библіотеки этого музея *).

Празднованіе Кіевскою Духовною Академіею 50-лѣтняго юбилея обновленія ея, въ царствованіе Императора Александра 1-го, представило мнѣ возможность, быть въ Кіевѣ, въ качествѣ Депутата отъ Императорской Публичной Библіотеки.

Не здѣсь мѣсто описывать мои впечатлѣнія, при видѣ скромнаго обиталища Митрополита Евгенія въ домѣ Кіево-софійскаго Собора, гдѣ онъ съ пользою трудился для церкви, отечества и науки; не здѣсь мѣсто изображать мои чувствованія, невольно пробудившіяся у придѣла въ Кіево-софійскомъ Соборѣ, при гробѣ достославнаго Іерарха — библіографа, но, да позволено мнѣ будетъ сказать здѣсь же, что никакой трудъ о Митрополитѣ Евгеніѣ не будетъ совершеннымъ, если не будетъ изслѣдована научная и административная его дѣятельность на самомъ мѣстѣ, гдѣ завершилось поприще многолѣтняго его служенія.

Пребываніе въ Кіевѣ подало мнѣ мысль—прочесть нѣсколько публичныхъ лекцій въ залѣ университета Св. Владиміра, въ пользу «*Общества попеченія о раненыхъ*

---

*) Отъ имени общества любителей естествознанія, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, предсѣдатель устройства русской этнографической выставки, по распорядительному комитету, почтилъ меня слѣдующимъ официальнымъ письмомъ, въ октябрѣ 1866 года.

Милостивый Государь,
Антонъ Доминиковичъ!

Я имѣлъ честь докладывать комитету отзывъ Вашъ, отъ 4-го ноября сего года, въ которомъ Вамъ угодно было выразить сочувствіе къ учрежденной спеціальной этнографической библіотекѣ при будущемъ этнографическомъ музеѣ и поименовать тѣ рѣдкія цѣнныя книги, которыми пожелали Вы обогатить зарождающуюся библіотеку.

Поручивъ мнѣ, какъ предсѣдателю, принести Вамъ, милостивый государь, совершенную благодарность за содѣйствіе, Комитетъ, признавая, что содѣйствіе Ваше въ дѣлѣ учрежденія библіотеки можетъ быть постоянно полезнымъ, опредѣлилъ просить Васъ, милостивый государь, взять на себя трудъ заботиться по мѣрѣ возможности объ обогащеніи этого учрежденія совокупными силами просвѣщенныхъ лицъ, признающихъ его пользу и важность.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи и совершенной преданности (Подп.) В. Дашковъ.

Вслѣдствіе этой просьбы Кешеновская библіотека, столь важная для изученія славянскихъ нарѣчій, а преимущественно, по части русской и славянской этнографіи, къ счастію уцѣлѣвшая для науки, при моемъ содѣйствіи была куплена у наслѣдниковъ почетнымъ корреспондентомъ *Императорской Публичной Библіотеки* А. Н. Неустроевымъ и принесена имъ въ даръ Дашковскому этнографическому музею въ Москвѣ. Составляя для музея каталогъ этой библіотеки, я имѣлъ случай убѣдиться въ ея важ-

и больныхъ воинахъ,» состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Александровны *).

Мѣстные литературные органы; «*Кіевлянинъ*», «*Кіевскій Телеграфъ*» и «*Паравозъ*» также благосклонно отозвались о моихъ лекціяхъ **), а редакція «*Кіевскихъ губернскихъ вѣдомостей*» напечатала извлеченія изъ моихъ лекцій, объ ученыхъ заслугахъ Митрополита Евгенія и Государственнаго Канцлера графа Н. П. Румянцова.

Изъ этихъ лекцій я составилъ брошюру, которая посвящена мною Кіевской Духовной Академіи, въ память ея юбилея.

Въ память юбилея, мною какъ депутатомъ—библіотекаремъ Императорской Публичной Библіотеки, были принесены въ даръ Академической Библіотекѣ слѣдующія сочиненія: 1) «Обозрѣніе Кормчей книги», составленное Барономъ Розенкампфомъ и изданное послѣ его смерти В. Г. Анастасевичемъ (библіографическая рѣдкость). 2) «Путеводитель по Императорской Публичной Библіотеки». 3) «Восшествіе на престолъ Императора Николая I^го^». 4) 9 выпусковъ «Каталога пріобрѣтеній Императорской Публичной Библіотеки» на иностранныхъ языкахъ. и 5 «100 литографированныхъ портретовъ Митрополита Евгенія», для раздачи студентамъ Духовной Академіи, по благоусмотрѣнію г. Ректора.

пости, а находящіяся въ ней библіографическія рѣдкости могутъ послужить этому музею основаніемъ будущей его спеціальной *историко-этнографической славянской библіотеки*. Патріотическое приношеніе г. Неустроева, доведенное г. директоромъ музея до свѣдѣнія г. министра народнаго просвѣщенія, удостоилось Высочайшей награды. Желательно, дабы положенное начало получило дальнѣйшее развитіе съ успѣхомъ для изученія этнографіи славянскихъ народовъ.

*) Вотъ письмо Г. Предсѣдателя Общества, Министра Государственныхъ Имуществъ, отъ 8 января 1870 г. № 12.

Милостивый Государь,
Антонъ Доминиковичъ!

Получивъ препровожденные Вами при письмѣ, отъ 24 минувшаго декабря, *пятьдесятъ* руб., вырученные Вами чтеніемъ публичныхъ лекцій въ г. Кіевѣ, въ пользу Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, имѣю честь увѣдомить Васъ, что Главное Управленіе весьма признательно Вамъ за оказанное Вами содѣйствіе развитію дѣятельности Общества, и что, согласно изъявленному Вами желанію, Вы приняты въ число дѣйствительныхъ членовъ Общества, съ зачисленіемъ означенныхъ денегъ въ счетъ установленнаго для дѣйствительныхъ членовъ единовременнаго взноса.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

(подписалъ:) А. Зеленый.

**) Печатные отзывы о моихъ Чтеніяхъ въ Воронежѣ (гр. Д. Н Толстаго), Москвѣ и къ Кіевѣ будутъ напечатаны въ 2-мъ выпускѣ.

Поѣздки мои въ Воронежъ, Москву и Кіевъ и чтенія тамъ публичныхъ лекцій, съ *благотворительною цѣлью*, были причиною замедленія появленія въ свѣтъ моего Сборника. Въ настоящемъ времени, затрудняясь въ средствахъ для печатанія всего матеріала, собиранію котораго посвящено мною столько труда и издержекъ, я, при полномъ сознаніи несовершенства моей попытки, рѣшаюсь выпустить въ свѣтъ первый только выпускъ, а за тѣмъ немедленно появится и второй, ибо онъ уже набранъ.

Не могу не заявить съ признательностію, что появленіе въ свѣтъ 1-го выпуска «*Евгеніевскаго Сборника*» могло осуществиться только потому, что мнѣ былъ открытъ кредитъ въ типографіи *Товарищества «Общественная Польза»*.

«*Евгеніевскій Сборникъ*», какъ трудъ частнаго лица, при всей своей несостоятельности, смѣю надѣяться, не будетъ безполезнымъ и послѣ изданныхъ уже академическихъ чтеній и разныхъ изслѣдованій, вызванныхъ празднованіемъ юбилея.

Со времени празднованія «*Евгеніевскаго Юбилея*» уже появилась въ печати переписка Архипастыря съ разными лицами и издано нѣсколько капитальныхъ о немъ изслѣдованій, поэтому предлагаемый теперь выпускъ 1-й «*Сборника*» своею несвоевременностію можетъ представить не много новаго, ибо заключаетъ въ себѣ отчасти матеріалы для біографіи Митрополита Евгенія, напечатанные уже въ 1867 году въ «*Русскомъ Инвалидѣ*» и «*Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія*».

Совершивъ *библіографическія* поѣздки для отысканія новыхъ матеріаловъ и открывъ переписку Евгенія съ Профессорами университетовъ; Дерптскаго—*Эверсомъ*, *Рейцомъ*, *Клоссіусомъ*, *Перевощиковымъ*, Московскаго:—*М. П. Погодинымъ* и *И. М. Снегиревымъ* и академикомъ *Кеппеномъ*, я не имѣлъ еще возможности напечатать ее въ «*Сборникѣ*» и эти матеріалы войдутъ въ составъ дальнѣйшихъ выпусковъ.

Переписка съ пресловутыми нѣмецкими учеными велась на латинскомъ языкѣ: она любопытна въ томъ отношеніи, что мы въ ней видимъ Евгенія руководящимъ научными изслѣдованіями этихъ профессоровъ, которые, при всѣхъ своихъ сомнѣніяхъ и недоразумѣніяхъ, преимущественно по каноническому праву, не могли обойтись безъ его совѣтовъ. Совершенно другой характеръ имѣетъ переписка, Преосвященнаго Евгенія съ недавно скончавшимся Иваномъ Михайловичемъ Снегиревымъ. Изслѣдованія сего послѣдняго преимущественно археологическія интересовали Ар-

пастыря, который постоянно слѣдилъ за статьями Московскаго археолога и въ многихъ случаяхъ самъ къ нему обращался за совѣтами для своихъ научныхъ трудовъ *).

Изъ извѣстныхъ уже, но еще не изданныхъ, матеріаловъ для біографіи Митрополита Евгенія осталась переписка его съ В. Г. Анастасевичемъ, которой большая часть хранится у князя М. А. Оболенскаго (о чемъ сказано ниже), а меньшая у А. Н. Неустроева; симъ послѣднимъ приготовлена уже къ изданію въ свѣтъ эта любопытная переписка.

Почему мы не видимъ въ печати окончанія переписки Митрополита Евгенія съ Государственнымъ канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцовымъ, которая, какъ извѣстно, составляетъ самый важный біографическій и библіографическій матеріалъ — этотъ вопросъ также подлежитъ разъясненію. Неужели этому изданію, начатому при столь радушномъ привѣтствіи всѣхъ любителей отечественной исторіи, суждено прекратиться на 2-мъ выпускѣ?

Не теряемъ надежды, что Воронежской Статистическій Комитетъ не остынетъ въ своемъ прежнемъ рвеніи къ представленію, посредствомъ этой переписки, въ настоящемъ свѣтѣ заслугъ Воронежскаго уроженца и, окончивъ изданіе, доставитъ животрепещущій матеріалъ для біографіи Митрополита Евгенія. Указаніе на характеристику сношеній его съ канцлеромъ Графомъ Румянцовымъ послужила мнѣ предметомъ для публичныхъ лекцій въ Кіевѣ **).

Видѣнныя мною въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго Собора рукописныя бумаги Преосвященнаго Евгенія, вѣроятно, уже были или еще сдѣлаются предметомъ для разработки мѣстными университетскими и академическими Профессорами, и нѣкоторые изъ нихъ уже дѣйствительно начертили картину заслугъ Митрополита Евгенія; о заслугахъ его не было умолчено и при празднованіи 50 лѣтняго юбилея Кіевской Духовной Академіи.

Пока появятся другіе болѣе, достойныя вниманія, труды спеціалистовъ о жизни и дѣятельности Преосвященнаго Евгенія, мы позволяемъ себѣ надѣяться, что, быть мо-

---

*) Сборникъ археологическихъ трудовъ Снигирева уже печатается.

**) Лекціи эти также печатаются и будутъ продаваться въ пользу «Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ».

жетъ, хотя и немногіе любители будутъ интересоваться извѣстіемъ, что выпускъ 2-й явится въ продажѣ не позже Марта будущаго года и въ немъ будетъ изображена подробно научная дѣятельность Преосвященнаго Евгенія, въ бытность его въ Новгородѣ, Вологдѣ и Калугѣ; дѣятельность же его въ Псковѣ и Кіевѣ составитъ предметъ 3-го выпуска. Къ послѣднему выпуску, въ видѣ приложеній, будутъ помѣщены важнѣйшія статьи Преосвященнаго Евгенія и алфавитный указатель лицъ и сочиненій, упоминаемыхъ во всѣхъ трехъ выпускахъ, въ которыхъ нумерація страницъ не будетъ прерываться.

Главнымъ побужденіемъ къ изданію «*Сборника*» было желаніе издать мало доступные матеріалы, могущіе послужить пособіями для изученія научной дѣятельности Митрополита Евгенія. Эти матеріалы у частныхъ лицъ случайнымъ только образомъ открываются, а въ казенныхъ архивахъ, при недостаткѣ удовлетворительныхъ описей, представляется не малое затрудненіе открыть ихъ и пользоваться ими.

Непростительно частнымъ лицамъ не радѣть о находящихся у нихъ документахъ, могущихъ пролить новый свѣтъ для объясненія какого-нибудь событія изъ отечественной исторіи; но стократъ непростительнѣе подобное же нерадѣніе со стороны казенныхъ учрежденій, имѣющихъ архивы и мало заботящихся о доступности ихъ нашимъ изслѣдователямъ, разработывающимъ матеріалы на пользу науки.

Вотъ причина, почему наши историческіе матеріалы столь медленно дѣлаются извѣстными и почему для открытія ихъ требуется много времени и ухаживанія за ихъ консерваторами. Но всего печальнѣе, что это случается, по бывшимъ примѣрамъ, нерѣдко по невѣжеству, а иногда и по злонамѣренности, какъ это было съ рукописями самого Евгенія, сожженными въ Вологдѣ *).

---

*) Ко времени епископскаго служенія Евгенія въ Вологдѣ надобно отнести его сочиненіе: 1. *Всеобщее введеніе въ исторію монастырей Грекороссійскія Церкви.* Оно напечатано въ началѣ второй части Исторіи Росс. іерархіи (стр. I—CXLIX) и подписано: Е.....

Рукопись этой статьи съ собственноручными замѣтками и поправками Евгенія удалось Г. Савватову исхитить изъ пламени (въ буквальномъ смыслѣ), когда въ 1841 году въ Вологодскомъ архіерейскомъ домѣ жгли Евгеніевскія и другія бумаги. «Морозъ деретъ по кожѣ, говоритъ почтенной археологъ, когда вспоминаю объ этомъ варварскомъ жженіи. Тогда же успѣлъ я сохранить и отрывки Пролога».

Къ этой замѣткѣ присоединяю и другую, благосклонно сообщенную мнѣ Павломъ Иванови-

Если иностранные ученые, бывшіе въ литературныхъ сношеніяхъ со Святителемъ Евгеніемъ, произносили съ уваженіемъ его имя и не безъизвѣстны его заслуги въ ученомъ мірѣ, даже за предѣлами нашего отечества, то намъ, русскимъ, слѣдуетъ ли довольствоваться только тѣми отрывочными о Іерархѣ свѣдѣніями, которыя сообщены публикѣ, по случаю юбилея? Прилично-ли намъ не знать всѣхъ подробностей богатой плодами жизни юбиляра и не лежитъ ли на насъ прямая обязанность—изслѣдовать полувѣковую его дѣятельность на всѣхъ поприщахъ служенія церкви, отечеству и наукѣ?

Важность и значеніе этой многознаменательной дѣятельности Архипастыря уяснится тогда только, когда она будетъ вполнѣ и удовлетворительно изслѣдована съ разныхъ сторонъ и изображена въ разныхъ ея проявленіяхъ.

Первая и вторая годовщины праздновавшагося столѣтняго юбилея Митрополита Евгенія уже минули 18 декабря 1868 и 1869 года, а полной біографіи его—и по сіе время нѣтъ. Она и невозможна, пока не будутъ собраны и изданы всѣ необходимые для составленія ея матеріалы.

Быть можетъ «*Евгеніевскій Сборникъ*» доставитъ спеціалисту, приступившему уже къ начертанію біографіи Святителя, хотя одинъ неизвѣстный ему матеріалъ или какое либо полезное указаніе и даже тогда буду считать себя вполнѣ вознагражденнымъ за предпринятый мною трудъ для извлеченія этого матеріала изъ неизвѣстности.

чемъ, въ подтвержденіе справедливости ниже приведеннаго разсказа М. П. Погодина о печальномъ положеніи монастырскихъ библіотекъ. Любопытная эта замѣтка извлечена почтеннымъ археологомъ изъ воспоминаній его о библіографической поѣздкѣ, совершенной имъ въ 1846 г. по порученію начальства.

По словамъ Павла Ивановича, въ Устюжскомъ Архангельскомъ монастырѣ собраніе старинныхъ рукописныхъ книгъ хранилось въ бывшей въ прежнее время кельѣ подъ церковною лѣстницею. Эти рукописи отобраны были отъ разныхъ церквей Устюжской епархіи и собраны въ означенномъ монастырѣ; здѣсь въ упомянутой кельѣ сложены въ ряды и залиты известкой, отъ которой обратились почти въ комки грязи; самая келья была на глухо заложена кирпичами, такъ что ея вовсе не было замѣтно. Архимандритъ монастыря (Августинъ) 14 августа 1846 г. за всенощною въ Успенскомъ городскомъ соборѣ проговорился объ этомъ собраніи и на другой день ему, Саввантову, удалось въ эту келью проникнуть чрезъ проломленное для этого отверстіе и сохранить изъ сплошной массы книгъ и рукописей одну только пергаменную тетрадь Февральской мѣсячной Минеи, писанной до 1250 года (см. о ней: Древніе памятники русскаго письма и языка. Спб. 1863 4, стр. 58).

Отъ сочувствія любителей отечественной старины къ предпринятому мною изданію и отъ дѣятельной поддержки со стороны ревнителей просвѣщенія, зависитъ успѣхъ появленія въ печати слѣдующихъ выпусковъ «*Евгеніевскаго Сборника*», для которыхъ собранные уже мною матеріалы представляютъ не лишенныя интереса подробности для характеристики ученой дѣятельности Архипастыря, въ бытность его въ Новгородѣ, Вологдѣ, Калугѣ, Псковѣ и Кіевѣ.

При составленіи въ 1867 г. напечатаннаго очерка не имѣлись въ виду матеріалы недавно только появившіеся въ «*Русскомъ Архивѣ*», а именно письма Преосвященнѣйшаго Евгенія къ В. М. Македонцову. Онѣ, между прочимъ, объясняютъ время пребыванія Евгенія въ Петербургѣ съ 1800 по 1804 годъ. Этотъ періодъ дѣятельности Евгенія, по недостатку матеріаловъ, отчасти только догадочнымъ образомъ изображенъ въ очеркѣ, а потому представилось необходимымъ составить къ нему дополнительную статью, которая помѣщена въ концѣ 1-го выпуска Сборника.

Въ заключеніе, прося извиненія за недосмотры въ корректурѣ, неточности объясненій, не строгое систематическое распредѣленіе матеріала, разновременно попадавшагося мнѣ подъ руки и, быть можетъ, невполнѣ удачные выводы, чистосердечно высказываю, что передъ публикою являюсь я простымъ только собирателемъ и мало опытнымъ издателемъ матеріаловъ, собранныхъ по возможности мною отовсюду и съ большими усиліями. Для бо́льшаго уясненія моихъ побужденій къ изданію «*Евгеніевскаго Сборника*» приведу слова извѣстнаго собирателя Ивана Голикова:

«Тружусь я уже нѣсколько лѣтъ надъ приведеніемъ въ такой порядокъ матеріаловъ, въ какомъ вы ихъ здѣсь видите. Но все сіе дѣлалъ я не съ тѣмъ, чтобы записаться въ цехъ писателей, а и того мѣнѣе, чтобы послѣ подать поводъ къ безполезнымъ преніямъ, показывающимъ больше недменное хвастовство большаго предъ другими знанія, нежели благородную любовь къ истинѣ. Словомъ, я собиралъ и писалъ для того, что находилъ въ томъ собственное свое удовольствіе а иногда утѣшеніе и отраду».

Относительно могущаго быть упрека за помѣщеніе въ «*Сборникѣ*» посторонникъ обстоятельствъ, не относящихся прямо къ дѣлу, отвѣчу словами Митрополита Евгенія: «что біографія не исторія и терпитъ всякія мелочи описываемыхъ лицъ *).

*) См. чтеніе Я. К. Грота стр. 72: письмо Евгенія къ графу Д. И. Хвостову.

Впрочемъ, если у меня не достало силъ сдѣлать лучше, то самое мое къ тому стремленіе да послужитъ мнѣ оправданіемъ—Si vires desint, laudanda est voluntas.

Относительно же моихъ надеждъ на благосклонное снисхожденіе любителей старины къ недостаткамъ предпринятаго мною «*Сборника*», являющагося въ свѣтъ послѣ многихъ препятствій къ его изданію, утѣшаю себя словами Святителя Евгенія, сохранившимися въ одномъ изъ писемъ къ одному Архимандриту:

«Мужайтесь и не ослабѣвайте, не смотря на всѣ недоброхотныя запинанія; добрымъ дѣламъ всегда бываютъ препятствія отъ тѣхъ, кои сами не хотятъ или неспособны дѣлать ихъ. Лучшій способъ побѣждать ихъ, даже пристыдить такихъ недоброхотовъ есть—успѣвать въ начатомъ».

Пора, пора собирать матеріалы, преданія о Митрополитѣ Евгеніѣ, справедливо сказалъ г. Пономаревъ, потому-что они изчезаютъ, а безъ свидѣтельствъ очевидцевъ трудно многому повѣрить. Время не ждетъ никого, годы уносятъ прошлое, гасятъ воспоминанія... И мало скажутъ потомству архивныя, форменныя бумаги, если не дойдетъ до него живой голосъ ближайшихъ современниковъ; мало прочтетъ въ официальныхъ источникахъ самое пытливое око далекаго потомка, если не прозвучитъ предъ нимъ теплая рѣчь воспріимчиваго сердца, которое знало, любило и цѣнило такую высокую и свѣтлую личность, какою былъ Митрополитъ Евгеній. Поспѣшимъ-же своевременно отдать ей должное: «все въ пору да кстати, такъ всѣ будутъ рады, — говоритъ опытная мудрость народа. И дай Богъ, чтобы скорѣе наступила та пора когда появится книга: «*Митрополитъ Евгеній и его время*»....

30 Августа 1870 года.
С.-Петербургъ.

Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ Отечество; *желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила Мудраго* Самодержавія и Святой Вѣры *болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія... по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!*

Карамзинъ.

Въ 1863 и 1865 годахъ посчастливилось мнѣ изъ разныхъ источниковъ пріобрѣсть довольно большое собраніе собственноручныхъ писемъ нашихъ знаменитыхъ писателей, въ числѣ которыхъ было около 200 автографовъ митрополита кіевскаго Евгенія.

Пріобрѣтеніе это навело меня на мысль составить изъ евгеніевскихъ писемъ *Сборникъ*, ко дню столѣтняго юбилея, со времени рожденія этого достославнаго архипастыря.

Съ искреннею признательностію здѣсь я долженъ заявить, что чтители заслугъ покойнаго іерарха, извѣстные ревнители просвѣщенія, М. П. Погодинъ и П. А. Мухановъ, вполнѣ признавъ подобное изданіе необходимымъ, своимъ сочувствіемъ подвинули меня къ осуществленію задуманной мысли. Въ особенности достопочтенный Павелъ Александровичъ, руководя своею опытностію, неоднократно поддерживалъ меня добрымъ словомъ въ пользу предпринимаемаго изданія и благосклонно разрѣшилъ напечатать адресованное къ нему благодарственное письмо митрополита Евгенія, отъ

11-го апрѣля 1836 года, за поднесеніе перваго изданія *Сборника*, вышедшаго недавно вторымъ изданіемъ.

Подобное же содѣйствіе оказалъ предпринимамоему изданію и многоуважаемый Михаилъ Петровичъ, (у котораго также находятся письма Евгенія), доставивъ мнѣ нѣсколько интересныхъ писемъ покойнаго архипастыря для напечатанія въ *Сборникѣ*. Одно изъ этихъ писемъ, отъ 3-го декабря 1826 года, значитъ — болѣе сорока лѣтъ тому назадъ писанное къ г. Погодину, тогда еще молодому ученому, служило какъ бы поощреніемъ къ продолженію начатыхъ имъ трудовъ на поприщѣ историческихъ розысканій *).

За эти доброхотныя содѣйствія и приношенія вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность печатно выразить искреннюю признательность М. П. Погодину и П. А. Муханову, въ полной увѣренности, что они, по своему просвѣщенному участію къ каждому научному дѣлу, не откажутъ мнѣ и впредь въ опытныхъ совѣтахъ для продолженія начатаго *Евгеніевскаго Сборника* и сообщатъ мнѣ еще подобные драгоцѣнные матеріалы о митрополитѣ Евгеніѣ.

Не могу здѣсь не засвидѣтельствовать съ душевною благодарностью о встрѣченномъ мною полномъ содѣйствіи моему изданію со стороны ветерана науки, бывшаго профессора московскаго университета и цензора, И. М. Снегирева, прослужившаго полвѣка отечественной исторіи, археологіи и литературѣ. Желая придти въ помощь моему *Сборнику*, многоуважаемый Иванъ Михайловичъ съ особенною готовностью предоставилъ въ мое распоряженіе, сохранившуюся у него переписку съ митрополитомъ и портретъ его, подаренный покойнымъ высокопреосвященнымъ семейству Снегирева.

Какъ переписка, такъ и портретъ составляютъ самое капитальное пріобрѣтеніе для *Евгеніевскаго Сборника*, въ которомъ они и будутъ помѣщены.

Самое дѣятельное и живое участіе къ моему *Сборнику* заявлено и другими московскими литераторами; въ числѣ ихъ библіотекарь московскаго публичнаго музея, А. Е. Викторовъ, доставилъ мнѣ копіи съ нѣсколькихъ писемъ митрополита Евгенія къ графу Н. П. Румянцеву, хранящихся въ рукописномъ отдѣленіи б. Румянцевскаго музея, а извѣстный издатель *Русскаго Архива* и дирек-

*) Письмо это вмѣстѣ съ другими напечатано въ моихъ замѣткахъ о жизни и литературной дѣятельности ученаго Іерарха.

торъ Чертковской публичной библіотеки, П. И. Бартеневъ, при личномъ свиданіи, благосклонно мнѣ дозволилъ воспользоваться тѣми матеріалами объ Евгеніѣ, какіе появятся въ его замѣчательномъ періодическомъ изданіи. О другихъ сдѣланныхъ мнѣ въ Москвѣ заявленіяхъ въ пользу *Евгеніевскаго Сборника*, почту долгомъ довести до всеобщаго свѣдѣнія въ свое время, когда получу обѣщанныя ленты въ память покойнаго митрополита.

Матеріалы для біографіи митрополита Евгенія въ Петербургѣ находятся въ слѣдующихъ ученыхъ учрежденіяхъ:

1. *Александро-невская духовная академія.* Въ настоящее время въ ней начата повѣрка академической библіотеки, по случаю пріема ея новымъ библіотекаремъ, и кромѣ того, она приводится въ порядокъ по образцу Императорской публичной библіотеки. Благосклоннымъ разрѣшеніемъ высокопреп. отца-ректора надѣюсь воспользоваться впослѣдствіи съ полнымъ успѣхомъ для моего *Сборника*; ибо, по нѣкоторымъ даннымъ, мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что въ академической библіотекѣ и ея архивахъ находятся матеріалы, могущіе пригодиться для цѣли моего изданія.

2. *Архивъ Святѣйшаго Сунода.* Онъ находится въ подобномъ, какъ и вышеозначенная академія, положеніи, т. е. приводится въ порядокъ. Но какъ учрежденный для разборки дѣлъ его комитетъ имѣетъ во главѣ и средѣ своей извѣстныхъ ученыхъ въ литературѣ, то смѣло можно надѣяться, что или они сами обратятъ особенное вниманіе, на находящіеся въ немъ матеріалы для біографіи митрополита Евгенія, или не лишатъ возможности другихъ извлечь изъ архива нужные для вышесказанной цѣли источники.

3. *Императорская публичная библіотека.* Въ отдѣленіи ея рукописей находится *Словарь свѣтскихъ писателей*, автографъ Евгенія, пріобрѣтенный вмѣстѣ съ Погодинскимъ древлехранилищемъ. На сколько важенъ этотъ трудъ,—объ этомъ сказано въ другомъ мѣстѣ, а здѣсь я могу только заявить, что если бы наши молодые ученые приняли на себя трудъ разработать этотъ біографическій матеріалъ и издали бы его достойнымъ образомъ, то дѣйствительно, этимъ они воздвигли бы вѣчный памятникъ незабвенному іерарху. Изданію этого полезнаго и необходимаго сочиненія вѣроятно не отказалось бы содѣйствовать товарищество «*Общественная Польза*», издавшее уже такое множество сочиненій, соотвѣтствующихъ фирмѣ самого Общества. Изданіемъ «*Словаря*» оно только прибавило бы къ пріобрѣтеннымъ уже заслугамъ на поприщѣ

отечественнаго образованія еще одну не менѣе важную заслугу, и изданіе окупилось бы.

Товарищъ министра народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь П. Д. Деляновъ, сочувствуя моему изданію, благосклонно содѣйствовалъ, какъ мой начальникъ (директоръ Императорской Публичной библіотеки) къ напечатанію въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія составленнаго мною біографическаго очерка жизни и ученой дѣятельности покойнаго митрополита кіевскаго Евгенія. За это просвѣщенное содѣйствіе считаю себя вполнѣ обязаннымъ его превосходительству Ивану Давыдовичу, а равнымъ образомъ и редактору Александру Ивановичу Георгіевскому, признавшему очеркъ этотъ до нѣкоторой степени достойнымъ помѣщенія на страницахъ министерскаго органа.

Все это служитъ очевиднымъ доказательствомъ, что и министерство народнаго просвѣщенія желало почтить, чѣмъ могло, память столѣтней годовщины рожденія знаменитаго архипастыря, а приложенный мною къ журналу портретъ митрополита Евгенія да прикроетъ недостатки моего слабаго, но усерднаго труда.

4. *II-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.* Въ архивѣ бывшей коммиссіи составленія законовъ, переименованной во II-е Отдѣленіе, находятся документы, свидѣтельствующіе о дѣятельномъ въ ея занятіяхъ участіи Евгенія, бывшаго тогда псковскимъ архіепископомъ. Оказанныя имъ заслуги по изслѣдованію источниковъ отечественнаго, по преимуществу церковнаго, законодательства, вызвали бывшаго главноуправляющаго князя Лопухина, избрать Евгенія въ почетные члены коммиссіи. По благосклонному разрѣшенію главноуправляющаго князя Сергѣя Николаевича Урусова, полученъ мною доступъ въ сказанный архивъ и предоставлена возможность вполнѣ обнаружить, бывшіе неизвѣстными по сіе время, труды митрополита Евгенія и по исторіи церковнаго законодательства.

Полученіемъ доступа въ архивъ II-го отдѣленія я обязанъ милостивому къ моей просьбѣ вниманію и рекомендаціи барона М. А. Корфа, бывшаго моего начальника по И. П. Библіотекѣ. Баронъ Модестъ Андреевичъ, принимая живое участіе въ моемъ изданіи, удостоилъ меня сообщеніемъ письма митрополита Евгенія на французскомъ языкѣ къ барону Г. А. Розенкампфу, отъ 22 января 1828 года.

За оказанное мнѣ этими высокими ревнителями просвѣщенія покровительство,

для отысканія матеріаловъ объ Евгеніѣ принимаю смѣлость печатно выразить имъ глубокую признательность.

5. *Императорская академія наукъ.* При ней находится архивъ бывшей россійской академіи, которой митрополитъ Евгеній былъ почетнымъ членомъ. Надѣюсь, что Академія наукъ не откажетъ въ разрѣшеніи о допущеніи меня въ этотъ архивъ, хотя, къ сожалѣнію, находившаяся въ немъ рукопись Евгенія утратилась. Въ архивахъ академической библіотеки и азіатскаго музея находится переписка митрополита Евгенія съ академиками *Кеппеномъ* и *Френомъ*, которая, по благосклонному содѣйствію гг. академиковъ Куника и Дорна, безъ всякаго затрудненія, предоставлена мнѣ въ копіяхъ для напечатанія въ *Сборникѣ*. Въ принадлежащей академіи наукъ перепискѣ митрополита Евгенія съ *Державинымъ* мнѣ положительно отказано, безъ указанія причинъ *).

Вѣроятно, само Русское отдѣленіе академіи наукъ предполагаетъ издать эти письма по поводу юбилея и только на этомъ основаніи отказало мнѣ и г. Пономареву, по этому случаю печатно выразившему свое неудовольствіе **).

---

*) Я получилъ отъ непремѣннаго секретаря Академіи слѣдующее офиціальное письмо.

«Конференція Императорской Академіи Наукъ, въ засѣданіи 3-го сего ноября, по выслушаніи прошенія Вашего о доставленіи Вамъ возможности напечатать въ изготовляемомъ Вами *Сборникѣ* матеріяловъ для біографіи кіевскаго митрополита Евгенія, имѣющіяся въ Академіи Наукъ письма его къ Державину, и принявъ въ соображеніе представленныя академикомъ Гротомъ *словесныя* объясненія, касательно сего предмета, не признала возможнымъ исполнить означенную просьбу Вашу».

**) По случаю отказа въ письмахъ м. Евгенія къ Державину вотъ что г. Пономаревъ заявляетъ:

«Какъ видите, интересъ отдѣленія ставится выше интереса научнаго—жаль! Сочиненія Державина, издаваемыя академіею, и помимо писемъ митрополита Евгенія имѣютъ много достоинствъ, которыя вполнѣ могутъ сообщить имъ значеніе въ мнѣніи публики; а для біографіи митрополита Евгенія письма его являются существенно важнымъ источникомъ; но и къ тому не допускаютъ, пока прежде сами не напечатаютъ... Жаль, и тысячу разъ жаль, что такія ограниченія представляются во 2-мъ отдѣленіи Академіи Наукъ». (См. *Труды Кіевс. Дух. Акад.* Сентябрь 1867 года. «Матеріалы для біографіи митрополита Евгенія»).

Въ другомъ мѣстѣ своей замѣчательной и добросовѣстной этой же самой статьи г. Пономаревъ весьма справедливо замѣчаетъ:

«И грустно и тяжело читать слѣдующія слова академика Я. К. Грота, отъ которыхъ вѣетъ на насъ какимъ-то укоромъ, неотклонимымъ и горько правдивымъ: «безъ подробнаго и всесторонняго разсмотрѣнія нашихъ дѣятелей, мы никогда не выведемъ новѣйшей русской исторіи (разумѣю тутъ и область литературы) изъ того жалкаго состоянія, въ какомъ она до послѣдняго времени находилась». (Соч. Державина, изданіе Имп. Акад. Наукъ, С. П. В. 1864. Т. I. Предисловіе). Не забудьте еще, что академикъ говоритъ это о *свѣтской* литературѣ, гдѣ такъ много усердныхъ благородныхъ тружениковъ, гдѣ уже сдѣлано такъ много прекраснаго и достойнаго. Послѣ этого, что же сказать о разработкѣ нашей *ду-*

6. *Архивъ Центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ*. Въ числѣ ученыхъ учрежденій и обществъ, пользовавшихся многосторонними свѣдѣніями достославнаго архипастыря, и бывшее *статистическое отдѣленіе* министерства внутреннихъ дѣлъ, 12 декабря 1835 года, считало для себя честью украсить списокъ своихъ членовъ и корреспондентовъ именемъ митрополита Евгенія, какъ это видно изъ собственной его автобіографіи, гдѣ высокопреосвященный значится членомъ бывшаго статистическаго комитета. Указаніе это навело меня на мысль отыскать слѣды дѣятельности незабвеннаго іерарха по части статистическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, и съ этою цѣлію, съ разрѣшенія подлежащаго начальства, я приступилъ къ осмотру архива бывшаго статистическаго комитета, въ которомъ, къ сожалѣнію, по случаю пожара, утрачено много дѣлъ. Но, при всемъ томъ, есть у меня надежда, что желаемые матеріалы могутъ отыскаться, такъ какъ покойный митрополитъ не носилъ никакихъ званій, хотя бы *почетныхъ* и *ученыхъ*, не исполняя и соединенныхъ съ ними обязанностей.

Вслѣдствіе письменныхъ моихъ сношеній съ учеными, живущими въ провинціи, именно въ тѣхъ городахъ, гдѣ покойный митрополитъ пребывалъ на святительскихъ каѳедрахъ и гдѣ могли уцѣлѣть о немъ устныя преданія и письменные источники, оказались слѣдующіе результаты:

1) Въ *Воронежѣ*,—по полученному мною извѣстію отъ г. Устиновскаго, мѣстный статистическій комитетъ, желая почтить память митрополита Евгенія, какъ воронежскаго уроженца, приготовилъ къ юбилею изданіе переписки его съ графомъ Румянцевымъ, извѣстнымъ ревнителемъ просвѣщенія *).

ховной литературы, объ этой разработкѣ... объ этомъ пустынномъ полѣ, гдѣ широко раскинулась Божія нива, а жители только по краюшкамъ мелькаютъ то тамъ, то сямъ. И еще тяжелѣе то, что въ этомъ охлажденіи къ духовнымъ великимъ людямъ нужно винить, кажется, не столько невнимательность нашихъ скромныхъ духовныхъ дѣятелей, сколько явную и часто рѣзко высказываемую апатію нашего общества, вообще мало читающаго, а по духовнымъ вопросамъ—ничего нечитающаго! Но чуть ли не всего больнѣе и ядовитѣе то мертвое равнодушіе, какое выказали многія и многія «особы» свѣтскія и духовныя (увы!) къ пламенному сердечному желанію составить біографію митрополита Евгенія...

«Да минетъ поскорѣе это печальное время!...

«Живъ Господь!.. Онъ знаетъ срокъ:
Онъ вышлетъ утро на востокъ!»

Слова эти г. Пономарева приведены мною въ доказательство, что, при недостаткѣ матеріаловъ и при равнодушіи тѣхъ, у которыхъ они скрываются или хранятся офиціально, нѣтъ возможности составить достойной біографіи великаго въ церкви пастыря и ученаго дѣятеля въ то время, когда апа-

2) Въ *Новгородѣ* — учитель тамошней гимназіи Кедровъ печатаетъ собраніе писемъ митрополита Евгенія къ бывшему професору казанскаго университета Городчанинову; объ этомъ пишетъ мнѣ протоіерей Василій Орнатскій.

3) Въ *Вологдѣ* — учитель тамошней семинаріи Н. П. Суворовъ въ мѣстныхъ *Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*, по поводу юбилея, напечаталъ рядъ статей объ Евгеніѣ, какъ епископѣ вологодскомъ, и свои статьи предоставилъ мнѣ для напечатанія въ *Сборникѣ*.

4) Изъ *Калуги*—все, найденное въ консисторскомъ архивѣ, могущее служить біографическимъ матеріаломъ объ Евгеніѣ, какъ епископѣ калужскомъ, по содѣйствію мѣстнаго преосвященнаго Григорія, отправлено въ Полтаву къ г. Пономареву. Объ этихъ данныхъ сообщилъ мнѣ директоръ мѣстной гимназіи Бибиковъ.

5) Въ *Псковѣ*—мѣстный археологъ А. С. Князевъ *) приготовилъ статью объ Евгеніѣ, какъ архіепископѣ Псковскомъ. Статья эта будетъ напечатана въ *Евгеніевскомъ Сборникѣ*. Вполнѣ сочувствуя моему изданію, этотъ любитель просвѣщенія доставилъ мнѣ автографъ переписки Евгенія: 1) съ намѣстникомъ Кіевской лавры и настоятелемъ Задонскаго монастыря Серафимомъ, особенно любимымъ покойнымъ митрополитомъ; 2) съ псковскимъ купцомъ Иваномъ Ивановичемъ Шарпымъ и 3) съ рижскимъ священникомъ Стефаномъ Гіацинтовымъ, бывшимъ впослѣдствіи ключаремъ псковскаго каѳедральнаго собора и протоіереемъ г. Острова. Эти весьма любопытные матеріалы, преимущественно переписка съ намѣстникомъ, будутъ напечатаны въ *Евгеніев-*

тія была еще больше настоящаго. *Евгеніевскій Сборникъ* представляетъ возможность обнародованія драгоцѣнныхъ матеріаловъ о митрополитѣ Евгеніѣ!

*) Письмо г. Устиновскаго, какъ отрадное явленіе, достойное вниманія, привожу здѣсь подлинными словами: «М. Г. Антонъ Доминиковичъ! Благоговѣя къ памяти дѣда моего и благодѣтеля, покойнаго кіевскаго митрополита Евгенія, у котораго я прожилъ въ Кіевѣ нѣсколько лѣтъ, съ искреннѣйшею благодарностью за вниманіе ваше составить *Сборникъ* сочиненій покойнаго архипастыря, даю Вамъ, милостивый государь, право перепечатать все то изъ переписки и сочиненій митрополита Евгенія, что передано мною въ Воронежскій статистическій комитетъ и онымъ будетъ напечатано.

Съ истиннымъ высокопочтеніемъ

и проч. и проч.

(Подп.) Евгеній Степановичъ Устиновскій.

6 Декабря 1867 г.

Воронежъ.

*) «Указатель достопамятностей г. Пскова» (1850 г.), «Историческо-статистическое описаніе псковскаго каѳедральнаго Троицкаго собора» (1858 г.) и друг.

скомъ Сборникѣ, а за доставленіе таковыхъ считаю для себя священнымъ долгомъ заявить печатно Александру Сергѣевичу душевную признательность.

Доставленная мнѣ изъ Пскова вышеозначенная переписка митр. Евгенія съ намѣстникомъ лавры Серафимомъ, по своимъ интереснымъ подробностямъ, относительно мѣстной администраціи, удостоилась обратить на себя вниманіе пребывающаго нынѣ въ столицѣ члена св. синода высокопреосвященнаго митрополита кіевскаго Арсенія, и она, до напечатанія въ *Сборникѣ*, будетъ представлена на предварительное разсмотрѣніе милостиваго ко мнѣ архипастыря.

Въ видахъ просвѣщенной заботливости объ изданіи матеріаловъ, относящихся къ исторіи мѣстной церкви и епархіи, его высокопреосвященство милостиво соизволилъ разрѣшить мнѣ напечатать въ *Сборникѣ* рукописи митр. Евгенія, хранящіяся въ библіотекахъ дух. кіевской академіи и Кіево-Софійскаго собора. Причемъ, изъ сочувствія къ моему изданію, высокопреосвященный осчастливилъ меня своимъ архипастырскимъ благословеніемъ, которое, вмѣстѣ съ иконою Успенія Пресвятыя Богородицы, я удостоился получить на счастливое совершеніе предпринятаго труда.

6) Въ *Кіевѣ*—профессоры тамошней академіи протоіерей Ѳаворовъ и проф. Пѣвницкій, въ *Трудахъ академіи* блистательнымъ образомъ заявили себя достойными біографами митрополита Евгенія, по поводу юбилея. Первый изъ нихъ напечаталъ въ *Трудахъ* рѣчь объ Евгеніѣ, произнесенную имъ 3-го минувшаго сентября на торжественномъ годичномъ собраніи кіевскаго св. Владиміра университета, которая возбуждаетъ чувство живѣйшей признательности въ каждомъ чтителѣ заслугъ покойнаго митрополита за достойное воздаяніе достойному. Второй началъ печатать въ *Трудахъ* рядъ статей о научной оцѣнкѣ проповѣдническихъ заслугъ митрополита Евгенія. На перепечатаніе рѣчи въ моемъ *Сборникѣ* изъявлено протоіереемъ Ѳаворовымъ согласіе, въ какомъ, вѣроятно, не будетъ мнѣ отказано и со стороны профессора Пѣвницкаго.

7) Изъ *Харькова*—высокопреосвященный Макарій, архіепископъ харьковскій, почтилъ меня слѣдующимъ письмомъ: «М. Г. Принадлежа къ числу самыхъ искреннихъ *почитателей* покойнаго митрополита Евгенія, и *особенно его историческихъ трудовъ*, я не могу не сочувствовать Вашему прекрасному намѣренію издать *Сборникъ* матеріаловъ для его достопамятной біографіи. Но къ крайнему моему прискорбію, съ своей стороны я не въ состояніи сообщить Вамъ ничего новаго и неизвѣстнаго изъ печат-

ныхъ источниковъ о знаменитомъ іерархѣ. Я вовсе не занимался никогда собираніемъ о немъ свѣдѣній, вопреки дошедшихъ до Васъ слуховъ».

8) Въ *Полтавѣ*—явился самымъ усерднымъ чтителемъ заслугъ митрополита Евгенія С. И. Пономаревъ (наставникъ-наблюдатель мѣстной военной гимназіи). По изданнымъ уже его статьямъ *) (см. *Труды Кіевской Духовной Академіи* и *Полтавскія Епархіальныя вѣдомости*) весьма легко догадаться, какъ замѣчателенъ будетъ трудъ его, приготовляемый къ юбилею; и дабы сдѣлать его еще полнѣе, отправился онъ, какъ самъ мнѣ пишетъ, въ Кіевъ для изслѣдованія на мѣстѣ тѣхъ богатыхъ матеріаловъ, которые покойный митрополитъ завѣщалъ библіотекѣ Кіево-софійскаго собора.

Хотя не всѣ мои просьбы о доставленіи матеріаловъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, но онѣ по крайней мѣрѣ вызвали появленіе серьёзныхъ статей о митрополитѣ Евгеніѣ, а потому смѣло могу надѣяться, что авторы и издатели брошюръ и сочиненій, которыя появятся въ печати по поводу юбилея, не откажутъ мнѣ въ дозволеніи включить ихъ труды въ мой *Сборникъ*.

Если мое настоящее заявленіе и покорнѣйшія просьбы, обращенныя ко всѣмъ лицамъ, у которыхъ находятся матеріалы, могущіе быть источниками для составленія біографіи митрополита Евгенія, удостоятся благосклоннаго вниманія то, смѣю надѣяться, мой *Евгеніевскій Сборникъ*, кромѣ собственныхъ статей самого Евгенія, разсѣянныхъ въ разныхъ старыхъ періодическихъ изданіяхъ, сдѣлавшихся уже *библіографическою рѣдкостью*, сосредоточивъ и статьи, вызванныя юбилеемъ, представитъ самые многосторонніе матеріалы и весьма любопытныя данныя для надлежащей оцѣнки трудовъ и заслугъ митрополита Евгенія, дождавшагося, наконецъ, черезъ 30 лѣтъ послѣ своей кончины (27-го февраля 1837 года), признательности потомковъ.

Къ сему издатель долгомъ считаетъ присовокупить, что изданіе «*Евгеніевскаго Сборника*» предпринимается въ полной увѣренности въ теплое сочувствіе каждаго русскаго, которому дорого свое *отечественное*, а потому дороги и воспоминанія о заслугахъ митрополита Евгенія, которымъ, по всей справедливости, не только духовенство, но и вся Россія можетъ гордиться.

И какъ къ *Сборнику* будутъ приложены, кромѣ портретовъ митрополита Евгенія

*) Статьи эти, по данному мнѣ Степаномъ Ивановичемъ дозволенію, будутъ перепечатаны въ *Сборникѣ* и составятъ самое лучшее его украшеніе, какъ матеріалъ для біографіи Евгенія.

въ разные годы его жизни, и портреты тѣхъ современныхъ ему лицъ, съ которыми покойный архипастырь находился въ перепискѣ (каковая будетъ напечатана въ *Сборникѣ*), а также приложены будутъ и виды тѣхъ каѳедральныхъ соборовъ, въ которыхъ покойный іерархъ святительствовалъ и оказалъ столько заслугъ, то заблаговременное заявленіе желающихъ пріобрѣсть *Сборникъ* поставило бы въ возможность издателя печатать соотвѣтственное количество экземпляровъ.

Осуществленіе предпринятаго изданія, для котораго собрано уже столько матеріаловъ, вполнѣ будетъ зависѣть отъ сочувствія какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ; а безъ предварительнаго о томъ ихъ заявленія, издатель легко можетъ встрѣтить матеріальныя препятствія къ продолженію начатаго, столь, казалось бы, благого дѣла.

Слѣдовательно предварительная *подписка* на подобное *серьезное* изданіе необходима. Что не въ состояніи сдѣлать одинъ человѣкъ, то легко для сотни, а незамѣтно для тысячи. Возьмемъ напр. Англію. Вся ея сила и слава развивалась въ ней и возросла до высочайшей степени отъ безпрерывной совокупной дѣятельности. Сердце каждаго англичанина сильно бьется при воспоминаніяхъ о старушкѣ-Англіи (Old England); вся масса народа олицетворена въ названіи *Джонъ-Булля*, и этотъ Джонъ-Булль, котораго иногда справедливо упрекаютъ въ эгоизмѣ, отдаетъ послѣдній пенни, отказывается отъ лакомаго своего блюда, когда идетъ дѣло о пользѣ, чести и славѣ старушки-Англіи. Тамъ всѣ великія предначертанія и малыя предпріятія для пользы и славы отечества совершились *подписками* и *компаніями*. Англичанинъ почитаетъ священнымъ долгомъ участвовать во всемъ *отечественномъ*. Ему стыдно было бы предъ дѣтьми и предъ родителями, если бы онъ не принесъ жертвы въ дѣлѣ, клонящемся къ пользѣ или славѣ отечества. За то въ Англіи богатая литература, пышные музеи, обширная торговля, превосходныя фабрики и мануфактуры и земледѣліе въ совершенствѣ. Все это произведено *любовью къ отечеству, подписками* и *компаніями*.

30 лѣтъ тому назадъ, а именно, въ годъ смерти митрополита Евгенія (1837), по поводу новаго изданія *Дѣяній Петра Великаго* Голикова, предпринимаемаго въ то время литераторомъ и книгопродавцемъ Ксенофонтомъ Полевымъ, пок. Ѳ. В. Булгаринъ выражалъ такую горькую истину, которую не будетъ *отчасти* анахронизмомъ и въ 1867 г. повторить подлинными его словами:

«Никто не дерзнетъ,—говорилъ пок. Ѳаддей Венедиктовичъ—упрекнуть насъ рус-

скихъ, въ недостаткѣ патріотизма; но мы еще неопытны въ примѣненіи его къ гражданской жизни. Все, что до сихъ поръ у насъ сдѣлано великаго, сдѣлано правительствомъ. Заведенія общеполезныя, основанныя частными людьми, у насъ на счету, и принадлежатъ къ позднему нашему времени. Нашъ патріотизмъ постигнулъ наконецъ, что наше мудрое и попечительное правительство, котораго кругъ дѣйствій безпрерывно расширяется при быстро распространяющемся въ Россіи просвѣщеніи, не можетъ дѣйствовать порывами и должно наблюдать равновѣсіе при поощреніи всѣхъ отраслей образованности. Возьмемъ напр. народное просвѣщеніе. За 30 лѣтъ съ небольшимъ у насъ былъ только одинъ университетъ въ цѣлой Россіи, а теперь (1837) ихъ семь, сверхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, четырехъ лицеевъ и пяти академій. Какая разница въ издержкахъ и попеченіи! Изъ этого числа два только лицея (Демидова и гр. Кушелева-Безбородко) основаны частными людьми. По части наукъ большая часть важнѣйшихъ сочиненій издана правительствомъ. Въ наше время государственный канцлеръ графъ Румянцевъ покрылся безсмертною славою, жертвуя частію своего достоянія пользѣ отечественной исторіи и почетный патріотъ Демидовъ снискалъ общую благодарность, учредивъ поощрительныя для отечественной литературы преміи. Но въ цѣломъ образованномъ сословіи хотя уже пробудилось чувство національности и убѣжденіе, что безъ исторіи и литературы народъ не можетъ быть ни славнымъ, ни великимъ, но это чувство и убѣжденіе еще не превратились въ привычку, въ необходимость. Драгоцѣнныя румянцевскія изданія отечественныхъ памятниковъ не возбудили общаго вниманія и любопытства. *У насъ издатель отечественнаго и полезнаго еще долженъ рисковать собственнымъ имуществомъ, не надѣясь на содѣйствіе патріотовъ.* Пройдетъ по крайней мѣрѣ цѣлое столѣтіе, пока гипербола почтеннаго издателя Русскаго Инвалида сбудется у насъ на самомъ дѣлѣ *). Однако въ теченіе послѣднихъ 15-ти лѣтъ публика принимаетъ гораздо болѣе участія въ движеніи отечественной литературы и по крайней мѣрѣ поддерживаетъ нѣкоторыя полезныя изданія. Первый шагъ уже сдѣланъ, остальное предоставляется сдѣлать нашимъ *потомкамъ*. Удивительно — да дѣлать нечего!»

«Въ наше время — продолжаетъ покойный редакторъ *«Сѣверной Пчелы»* — уже

*) Когда вышелъ 9-й томъ *Исторіи Рос. Государства,* сочиненія Н. М. Карамзина, то почтенный издатель *Русскаго Инвалида* А. Ѳ. Воейковъ напечаталъ, что трое сутокъ не было слышно стука каретъ на мостовой въ Петербургѣ, потому что всѣ жители столицы *читали исторію.*

постигнута великая истина, что русскому человѣку столько же невозможно быть полезнымъ отечеству, не зная его во всѣхъ отношеніяхъ, какъ невозможно быть пловцомъ, не бывъ никогда на водѣ, и какъ нельзя видѣть зажмуривъ глаза. Я даже не постигаю, какъ можно называться *русскимъ* и *не знать Россіи!!!* Какъ можно имѣть экипажъ, карманныя деньги на карты и на лакомства и *не имѣть у себя русскихъ книгъ!* Это позволено только Каффрамъ и Готтентотамъ, у которыхъ нѣтъ вовсе книгъ. Въ Англіи нѣтъ ни одного лорда, нѣтъ ни одного купца, нѣтъ фермера (арендатора) и ремесленника, который не имѣлъ бы въ домѣ англійскихъ книгъ, по крайней мѣрѣ историческихъ и статистическихъ, не взирая на то, что почти въ каждой деревнѣ есть библіотеки для чтенія.»

И знаменитый баснописецъ И. А. Крыловъ (котораго столѣтній со времени рожденія юбилей приходится 2-го февраля сего 1868 года) юмористически представилъ бывшій въ его время застой нашей книжной торговли.

«Книжныя лавки ломятся отъ нашей прозы и стиховъ: но когда войдешь и «посмотришь на полки гдѣ лежатъ наши сочиненія, то подумаешь, что это зараженные «товары, до которыхъ никто не смѣетъ дотронуться и они остаются въ сей неволѣ «доколѣ табачники и разнощики не расхватятъ ихъ по клочкамъ а нечувствительная публика смотритъ на это равнодушно, оставляя имъ терзать наши неподражаемыя «произведенія» *).

Причину же неподвижности нашей литературы тридцатыхъ и сороковыхъ

---

*) Этотъ образчикъ прозы Ивана Андреевича, бывшаго также издателемъ нѣсколькихъ журналовъ: сообщилъ библіотекарь Императорской Публичной Библіотеки И. П. Быстровъ **) находившійся съ Крыловымъ, какъ своимъ сослуживцемъ по библіотекѣ ***) въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ. Здѣсь кстати упомянуть, что по званію библіотекаря Быстровъ, сознавая пользу для библіографическихъ справокъ имѣть подъ рукою указатель къ періодическимъ изданіямъ прежнихъ временъ, составилъ *Опытъ алфавитнаго указателя къ русскимъ періодическимъ изданіямъ. Часть историческая С.-Пбг. 1841. 8°.* Митрополитъ Евгеній въ письмѣ къ Кеппену говоритъ: *въ журналахъ многое доброе только что погребается!* Честь и слава тѣмъ библіографамъ и библіотекарямъ, которыя, обрекая себя на неблагодарный трудъ въ матеріальномъ отношеніи, составленіемъ указателей облегчаютъ труды ученымъ, въ пріисканіи спеціальныхъ статей и, снискиваютъ право на благодарность отъ имени науки.

**) *Отрывки изъ записокъ моихъ объ И. А. Крыловѣ.* (Сѣверная Пчела, 1845 годъ. № 203).

***) Самую большую часть жизни И. А. Крыловъ провелъ въ званіи библіотекаря русскаго отдѣленія И. П. Библіотеки (1812—1841 г.) и, послѣ выхода въ отставку, прожив всего только 3 года, скончался въ 1844 году, 76 лѣтъ отъ роду. О нашемъ баснописцѣ—библіотекарѣ, по поводу предстоящаго юбилея, приготовляются серьозныя этюды, которые, вѣроятно, появятся ко 2-му февраля текущаго года.

годовъ современные писатели приписывали также недостатку справедливой и серьезной критики.

«У насъ бранятъ не тѣхъ, кого *слѣдуетъ* бранить а только тѣхъ, которыхъ *можно*. По словамъ безсмертнаго Крылова, всякой у кого когти и зубы поострѣе или съ бойкимъ копытцемъ, всегда и во всемъ правъ и такъ называемые литературные народы часто низкопоклонничаютъ предъ львами, тиграми и мѣдвѣдями пишущей братіи» *).

Эти нарѣканія публициста и баснописца, представляющія положеніе литературы въ ихъ время и указывающія не бывшее тогда равнодушіе къ русскимъ книгамъ, едвали теперь могутъ быть вполнѣ примѣнены къ нашей современной литературѣ, въ которой появленіе каждаго замѣчательнаго труда возбуждаетъ уже интересъ и находитъ поддержку въ публикѣ. Новый Университетъ, новый филологическій Институтъ, новое Историческое Общество, новыя преміи Евгеніевская, Уваровская и Макаріевская — очевидно свидѣтельствуютъ о стремленіяхъ правительства и стараніяхъ патріотовъ содѣйствовать развитію литературы и распространенію просвѣщенія.

Въ заключеніе этихъ *pia desideria*, относительно изданія *Евгеніевскаго Сборника*, да позволено будетъ скромному труженику отечественнаго книгохранилища, *въ день юбилея* кіевскаго митрополита Евгенія, обратиться къ усерднымъ ревнителямъ просвѣщенія, почитателямъ заслугъ знаменитаго іерарха и вообще ко всѣмъ русскимъ патріотамъ съ слѣдующею просьбою: сообщить хранящіеся у нихъ матеріалы о митрополитѣ Евгеніѣ для напечатанія въ *Евгеніевскомъ Сборникѣ*. Съ обнародованіемъ этихъ по сіе время остающихся неизвѣстными матеріаловъ наши ученые изслѣдователи будутъ въ состояніи надлежащимъ и достойнымъ образомъ оцѣнить великія заслуги ученаго Іерарха, оказанныя имъ на поприщѣ отечественной исторіи и литературы.

18-го Декабря 1867 года
С.-Петербургъ.

*) См. Сѣв. Пчела 1845 годъ тамъ же.

Примѣчаніе. Статья эта была помѣщена въ *Русскомъ Инвалидѣ*, 1-го декабря № 342 подъ заглавіемъ: *Нѣсколько небезполезныхъ заявленій по поводу предстоящаго столѣтняго юбилея покойнаго Евгенія, митрополита кіевскаго, со времени его рожденія* (18-го декабря 1767 года).

Второе изданіе этой статьи, дополненное и исправленное, должно было явиться отдѣльною брошюрою in 8°, ко дню самого юбилея и какъ статья эта, уже набранная, получила цензорское одобреніе, то она только и ожидала свободнаго станка для напечатанія.

Типографія, въ которой сдѣланъ былъ наборъ, предпочла для себя болѣе выгоднымъ занять всѣ свои машины объявленіями о подаркахъ къ праздникамъ и о прейсъ-курантахъ къ Новому году, чѣмъ заботиться о печатаніи моей брошюры, издаваемой по поводу юбилея. Ни просьбы, ни угрозы, не дѣйствовали на неумолимаго типографщика, доказывавшаго, что назначенный срокъ мною пропущенъ и что машины только послѣ Новаго года будутъ свободны. Можетъ быть онъ и былъ правъ—время для заведенія—да еще передъ праздниками—капиталъ, хлопоты же мои въ отысканіи цензора дѣйствительно лишили меня возможности воспользоваться въ-время машиною, приготовленною для моей брошюры. Видя мою неподдѣльную горесть, и чуть не отчаяніе, разчувствовался содержатель типографіи и предложилъ мнѣ возможное съ его стороны благодѣяніе, а именно: дозволилъ взять наборъ брошюры и отправиться въ другія типографіи для отыскиванія въ нихъ свободнаго станка.

Подобное предложеніе ѣздить по городу съ наборомъ въ нѣсколько пудовъ — сильно меня оскорбило, но желаніе поспѣть съ брошюрою къ юбилею, понесенные труды, издержки, а главное недостатокъ времени для новаго набора и корректуры — все это взяло верхъ надъ моимъ негодованіемъ и заставило меня принять его предложеніе. Скрѣпя сердце, я отправился странствовать по петербургскимъ типографіямъ, и вездѣ встрѣтилъ однѣ только неудачи. Нѣкоторыя изъ нихъ брались напечатать, но своимъ шрифтомъ и для этого потребовалось бы опять много времени и хлопотъ на наборъ и корректуры и все понапрасно, потому что дѣло не могло бы устроиться къ 18 декабря. Другія типографіи, хотя не имѣли свободнаго шрифта, но все таки не соглашались печатать чужимъ наборомъ.

Въ этихъ, не скажу, пріятныхъ разъѣздахъ по типографіямъ застало меня 18 декабря.

Убитый неудачами явился я на академическій юбилей безъ брошюры, но только съ литографированнымъ портретомъ митрополита Евгенія. Этотъ портретъ, къ счастію, а можетъ быть, къ несчастію, далъ мнѣ сначала нѣкоторую надежду и потомъ право быть на юбилеѣ, описанномъ мною въ № 352 «Русскаго Инвалида».

Въ академическомъ только залѣ я еще болѣе и вполнѣ почувствовалъ всю обиду, нанесенную мнѣ типографщикомъ, ибо явись моя брошюра во-время, за отсутствіемъ академическихъ, по поводу юбилея, изданій, она имѣла бы значеніе, какъ лента частнаго человѣка, и къ тому, будь она роздана на юбилеѣ вмѣстѣ съ портретомъ, тогда и юбилей принялъ бы другой видъ, и академики получили бы отъ меня приличный къ случаю подарокъ.

Прошедшаго не воротишь, упущено время и остались только грустныя воспоминанія!

Оставивъ въ типографіи весь наборъ моей брошюры, я уже не пытался болѣе имъ воспользоваться, хотя онъ уже былъ облеченъ въ цензорскія формы; брошюра моя по мановенія дня юбилея до нѣкоторой степени утратила свой интересъ.

Но какъ мои замѣтки о митрополитѣ Евгеніѣ, могущія составить матеріалъ, хотя и мало обработанный, какъ слѣдовало бы, современи передачи ихъ въ редакцію Журнала Министерства народнаго просвѣщенія, увеличились новыми данными, то я рѣшился издать ихъ вмѣстѣ со сказанною брошюрою и такимъ случайнымъ образомъ составилась настоящая книга, какъ бы *Введеніе къ Евгеніевскому Сборнику*.

Претерпѣнныя неудачи, домашнія и служебныя обстоятельства, трудность въ собраніи матеріаловъ, а еще болѣе невозможность въ дѣланіи необходимыхъ библіографическихъ справокъ въ русскомъ отдѣленіи Императорской публичной библіотеки, за неимѣніемъ въ немъ *систематическаго каталога* — все это вмѣстѣ взятое да послужитъ извиненіемъ моей смѣлости — представлять публикѣ этотъ трудъ, недостойный имени того, въ честь котораго онъ былъ предпринятъ и памяти котораго онъ посвящается.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ

МИТРОПОЛИТА ЕВГЕНІЯ.

(МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ).

Vir non adumbrata, sed solida laudis gloria, ingenio solertiaque praestabilis, nullum paene ad hoc temporis articulum praetermisit annum, quo non variis librorum monumentis civitati literariae prodesset.

Saxius, (Chr.) Onomastivon literarium.

Аще въ чемъ погрѣшилъ... или и типографъ не пребліоде коего мѣста.... молю вы: мене недостойнаго исплученія ради, невозненавидите, не поносите, прощенію сподобляйте, браніе.

(*Служ. 1604; Уставъ Церкви 1610*).

Въ бумагахъ, принадлежавшихъ покойному библіотекарю Румянцевскаго музея и Императорской публичной библіотеки, извѣстному библіографу и библіоману Василію Григорьевичу Анастасевичу, оказались адресованныя къ нему собственноручныя письма покойнаго Евгенія, митрополита Кіевскаго: въ нихъ заключаются новые матеріалы для библіографическихъ розысканій, и что̀ самое главное, по нимъ можно вполнѣ оцѣнить и понять свѣтлый умъ и благородную душу покойнаго архипастыря. Въ этихъ искреннихъ письмахъ, не стѣсняясь оффиціальными отношеніями своего высокаго положенія, ученый іерархъ откровенно обнаруживалъ свои взгляды и высказывалъ свои чувствованія. Эти же письма, равно какъ и вся переписка митрополита Евгенія, самымъ неопровержимымъ образомъ свидѣтельствуютъ о сильномъ его вліяніи на ученыхъ современниковъ. Они обращались къ нему то за совѣтами, то за библіографическими справками. Дѣло понятное: онъ служилъ для нихъ какъ бы живымъ и общедоступнымъ архивомъ. Потому то и неудивительно, что и новички и старые заслуженные писатели на поприщѣ литературы считали для себя особенною честью входить съ нимъ въ личныя сношенія и подносить ему труды свои.

Случай, доставшійся мнѣ на время письма митрополита Евгенія, давъ возможность оцѣнить заслуги его, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ побужденіемъ къ розысканію матеріаловъ для разъясненія многообразной дѣятельности этого достойнаго труженика на

всѣхъ поприщахъ служенія, не ограничивавшейся одними только сферами науки и библіографіи.

Найболѣе важнымъ для того матеріаломъ могутъ служить *письма* митрополита Евгенія.

Кому неизвѣстно значеніе писемъ вообще, какъ матеріала, не только для біографіи самаго лица писавшаго, но и для объясненія отношеній его къ тѣмъ, съ кѣмъ обмѣнивался онъ корреспонденціей?

Дружескія отношенія митрополита Евгенія съ бывшимъ профессоромъ казанскаго университета Н. Г. Городчанпновымъ, начавшіяся еще въ то время, когда оба они слушали лекціи въ московскомъ университетѣ, не прекращались до самой кончины перваго изъ нихъ.

Эти отношенія вызвали между ними переписку, которая, по смерти Городчанпнова, перешла къ его семейству и къ счастію вполнѣ и сохранно уцѣлѣла.

Изъ этой переписки, состоящей изъ 140 писемъ, всего 32 были напечатаны и вотъ какой далъ о нихъ отзывъ преосвященный Макарій, епископъ Орловскій:

«Письма Евгенія имѣютъ близкое и несомнѣнное отношеніе къ ученымъ трудамъ Іерарха, вѣрно указывая на удивительно неутомимую ревность его къ симъ занятіямъ, на источники, коими онъ пользовался и кои заботливо повсюду отыскивалъ, и на его критическій взглядъ на нѣкоторыхъ писателей и на ихъ сочиненія. Въ этихъ дружескихъ письмахъ открываются необыкновенный умъ, изящный вкусъ, теплота души, нѣжность чувствъ, твердый и открытый характеръ преосвященнаго Евгенія, а вмѣстѣ съ симъ часто открывается и духъ того времени, особенно въ отношеніи къ литературѣ и ученымъ тогдашнимъ вопросамъ. При таковой занимательности многія изъ этихъ писемъ могутъ быть несомнѣнно сочтены за образцовыя въ качествѣ дружескихъ или пріятельскихъ; въ нихъ соединены и простота самая естественная, и тонкость глубокомысленная, и откровенность чистосердечная, и остроуміе затѣйливое и находчивое. Въ нихъ видѣнъ духъ преосвященнаго Евгенія гораздо болѣе, нежели въ другихъ его ученыхъ произведеніяхъ, видѣнъ во всемъ величіи и простотѣ. Двадцать лѣтъ уже прошло, какъ преосвященный Евгеній въ лѣтахъ маститой старости (70-ти лѣтъ) скончался, но перо его въ этихъ письмахъ такъ бойко и сильно, такъ молодо и свѣжо, что читая ихъ, невольно забываешь о давнемъ времени, когда они писаны. Очень часто преосвященный употребляетъ въ нихъ фразы на языкѣ французскомъ, часто и на латинскомъ, по духу того времени и по учености, коею обладалъ онъ едва-ли не болѣе всѣхъ своихъ въ отечествѣ современниковъ.» *)

Преосвященный Макарій, придаетъ много важности и значенія перепискѣ митрополита Евгенія съ профессоромъ Городчанпновымъ; но едва ли не болѣе значенія

*) См. журн. Мин. Народн. Просв. 1857 г. т. 94; «Письма Евгенія къ проф. Г. М. Городчанпнову».

имѣютъ письма его къ В. Г. Анастасевичу, заключающія въ себѣ множество драгоцѣнныхъ свѣдѣній и матеріаловъ для исторіи современной ему отечественной литературы.

Въ подтвержденіе моихъ словъ я приведу здѣсь два только письма Евгенія, въ бытность его Псковскимъ архіепископомъ.

Вотъ эти письма.

«Отъ *28-го октября 1821 года.* Отвѣчаю на ваши письма отъ 14, 18 и 21 октября. Добрый путь доброму *Кеппену* на чужбину. Онъ не возвратится тощъ къ намъ и воспользуется болѣе своего Телемака. Въ послѣднемъ своемъ ко мнѣ письмѣ онъ описалъ свои распоряженія о палеографическихъ запискахъ и надѣется больше на Каченовскаго, нежели на академію Р.—О куфической Печерской надписи онъ только сообщилъ мнѣ Френово сказаніе, что она *арабская*, а не татарская; ибо де тутъ есть членъ, al, коего въ татарскомъ нѣтъ. Если онъ успѣлъ прочесть только членъ, то онъ рѣдкій оріенталистъ. Нѣмецкую и вами по догадкѣ съ голландскаго толкованную надпись Аделунгъ протолковалъ: *помяните Якова Голстефера и Гертруду жену его.* Мнѣ это надобно передать въ Дерптъ. Болѣзнь хилаго ипохондрика Перевощикова остановила печатаніе моихъ книжонокъ, но пишутъ, что уже отпечатаны монастыри *Свѣтогорскій* и *Крыпецкій*, а печатается *Печерскій*. Какъ скоро получу, то пришлю вамъ, чтобы и вы поскорѣе окончили описаніе своей *Прогулки.* Кажется нѣтъ нужды умалчивать и о Снѣжной горѣ, а только хозяина именовать безъименно *хозяиномъ.* Вы спрашиваете о библіотекѣ Никандровой пустыни. Она больше состоитъ изъ церковныхъ книгъ; а гражданскія по милости вашей съ Плавильщиковымъ я уже завелъ. Но пора кончить расчетъ. Доплатите хоть журналами. Лучше что нибудь, чѣмъ ничего.

Посылаю вамъ при семъ біографію *Сопикова*, мною написанную для словаря. Прочтите и если что знаете приправьте, прибавьте, убавьте и возвратите. По вашей задачѣ думалъ было я тутъ включить исторію библіографіи русской, но увидѣлъ, что симъ разсказомъ надобно будетъ отнять у покойника честь первенства; ибо первый систематическій у насъ библіографъ *Бантышъ-Каменскій*, а первый алфавитный и обстоятельный—*Новиковъ*. Но къ числу библіогностовъ или рецензентовъ нельзя Сопикова и причитать. Въ этомъ у насъ честь первенства принадлежитъ *Миллеру* въ *Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ.*

За оглавленіе Муравьева сочиненій спасибо, возвращу, а краткая его біографія, почерпнутая изъ *Вѣстника Европы*, у меня есть. Я одобряю соревнователей за намѣреніе издать хоть именной списокъ нашихъ писателей съ указаніемъ вѣка и года смерти. Мой номенклаторъ словаря есть у Греча. Если и вы свой прибавите, то будетъ полнѣе. Между прочимъ Гречъ присылаетъ мнѣ отпечатанные листы своей Исторіи литературы. Этотъ трудъ не на шутку и очень любопытенъ. Пусть онъ печатаетъ и живыя біографіи. У насъ опаздываютъ описывать умершихъ, а про иныхъ безотвѣтно лгутъ.

Получилъ я письмо вашего барона (Розенкампфа). Но оно только предисловіе къ отправленнымъ мнѣ его запискамъ; а потому не видавши сихъ, нельзя отвѣчать и на оное. Вопросовъ тутъ много, но удовлетворительные отвѣты трудны. Что знаю сообщу, а о неизвѣстномъ нечего и толковать. Извощикъ изъ лавки Дмитріева еще не пріѣхалъ. Барону уже 60 лѣтъ! Подлинно пора думать о безсмертіи, когда и мы, помоложе его, твердимъ уже *ars longa vita brevis.* Но у меня одного оставаться его біографіи мало; намъ извѣстна судьба единственныхъ подлинниковъ по смерти хранителей. И такъ надобно и намъ еще кому-нибудь сообщить списокъ, а черновое, думаю, останется и у автора по смерти. Такимъ образомъ гдѣ-нибудь да уцѣлѣетъ для потомства, особливо если включена въ это и часть исторіи коммиссіи. Вы нѣкогда въ моемъ Словарѣ духовныхъ писателей такія

исторіи называли *сторонними*, излишками и отступленіями, а я всегда считаю ихъ и для біографіи любопытными.

Не отгадали вы писца статей въ *Вѣстникѣ Европы* помѣщенныхъ противъ историографа. Это пишется въ Казани — Арцыбашевымъ, извѣстнымъ въ исторіи нашей купномъ, издавшимъ книжку о первобытной Россіи, которую историографъ не удостоилъ и упоминанія, а Словцовъ хотя и намаралъ панегирикъ Ивану В., но въ исторіи онъ повѣса. Я Арцыбашева угадалъ по слогу и найпаче по сокращенію названій книгъ. Не слыхалъ ли онъ отъ кого-нибудь презрительнаго о себѣ отзыва историографа? Льву не надобно и комаря презирать. Не знаю, какъ вы не отгадали по первой его статьѣ, въ которой онъ сослался на списокъ Курбскаго, находящійся въ Казанскомъ обществѣ словесности.

И такъ алфавитный указатель указовъ съ 1795 до 1821 по настоянію барона можетъ у васъ окончиться и вытти! Вотъ книга, за кою поблагодарятъ васъ больше, нежели за всѣ прежде изданныя. Все первое изданіе тотчасъ раскупится.

Намѣреніе Кеппена издать продолженіе своихъ матеріаловъ въ Вѣнѣ что-то кажется странно, ибо если на нѣмецкомъ, то не для насъ; а если на русскомъ, то не для Нѣмцевъ. Вотъ если бы онъ тамъ вырѣзалъ палеографическіе наши снимки, то занялъ бы ими и Нѣмцовъ.

Если ваши старые цензоры всѣ уклоняются уже отъ должности своей, то видно уставъ новой цензуры будетъ не легокъ. Но замѣчено вѣками, что строгая цензура всегда производитъ больше пасквилей письменныхъ: nitimur in vetitum.

Читалъ я вашу статью о Кавказскихъ народахъ. Одно описаніе не есть исторія, а исторія сихъ народовъ кажется не возможна, все покрыто тьмою. Руссо сказалъ, что изъ Кавказскихъ горъ когда нибудь прорвется еще наводненіе дикарей на богатую Европу, какъ было въ V вѣкѣ. Стоитъ только явиться у нихъ какому-нибудь Чингисъ-Хану или Батыю для совокупленія ихъ.

Спасибо тетрарху, что онъ собрался съ духомъ и противорѣчитъ. Этого отъ него не ожидали, а Москвичи вводятъ у себя строгости. Селив. пишетъ, что къ нему уже примѣнена Дмитріева басня въ добрый имъ часъ! а вамъ желаю добраго здоровья. Вѣтры продолжаютъ у меня толкаться въ затылокъ. Да будетъ воля Божія. Vale et ama tuum. Е.

2. Отъ 9 декабря 1821 г. Отвѣчаю на два письма ваши XI—29 и XII—2. Вы уже пустились и публиковать о *гривнѣ*, не зная достовѣрно исторіи о найденіи ея! что же вы публиковать будете? въ слѣпкѣ вашемъ и фигура слѣпа; а одна надпись и вовсе еще не прочитана. По вашему же слѣпку вы Богъ знаетъ, какія буквы читаете, и такъ иногда вы бываете медлительны въ недоумѣніяхъ а иногда опрометчивы. Увидимъ, что вы публиковали. Академикамъ и это будетъ случаемъ потѣшиться надъ вашимъ описаніемъ со слѣпка, когда у нихъ яснѣе подлинная медаль. Но для П. П. Свиньина лишь бы что нибудь печатать: и за чужое онъ и не отвѣчаетъ. А естьли вы и мои всѣ замѣчанія втиснули въ публикацію, то что же останется для псковщины?

Догадка Ермолаева о принадлежности сей гривны столкнулась съ моими мыслями, ибо и я гадалъ, что Архангелъ *Михаилъ* значитъ велик. князя Михаила—Святополка † 1093 — 1113, а имя *Василія* значитъ преемника его и племянника Василія—Владиміра Мономаха † 1113—1125, который изъ почтенія уступилъ дядѣ и престолъ прежде себя. Можетъ быть по сей то любви и почтенію онъ удержалъ въ гривнѣ своей и Святаго дяди. Можетъ быть и гривну сію Владиміръ пожаловалъ кому нибудь при жизни еще и великокняжествѣ дяди. А по нашему Несторовому тексту (Кенисб. стр. 294) можетъ быть и самъ носилъ пожалованную отъ дяди. Но я согласенъ съ Карамзинымъ, что князья сами гривенъ не носили, а кресты носили. Сей обычай окончился уже на царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Цѣпи же и у князей и у бояръ всегда были щегольствомъ и на себѣ и на лошадяхъ. О княжеской гривнѣ сличите Кенисб. мѣсто съ другими лѣтописями. Но поберегите все для

псковщины. Естьли Свиньинъ всей вашей ерудиціи не приметъ, то Каченовскій и поготово, ибо въ Москвѣ свои работаютъ надъ растолкованіемъ сей старины. Въ такомъ случаѣ Булгаринъ будетъ вамъ радъ. Между тѣмъ естьли и нѣмцы что нибудь опубликуютъ, то вамъ же пригодится въ екзегетику.

Не справляйтесь болѣе въ Синодѣ о службѣ *Саввы* Крыпецкаго. — Цензура, мнѣ такъ же непріязненная, не пропустила въ Москвѣ: объ этомъ я уже имѣю оттуда извѣстіе.

Письмо *Ермолаева* о гривнѣ, перерывши свои бумаги, я еще не нашолъ; а помню что въ сентябрѣ имѣлъ я досугъ сводить его съ Карамзиновымъ расчисленіемъ и замѣтилъ, что Карамзинъ полагаетъ 25 и Ермолаевъ 50 кунъ въ гривнѣ. Карамзинъ полагаетъ $2^1/_2$ или 2 въ кунѣ рѣзаней, а Ермолаевъ равняетъ рѣзань кунѣ, вотъ и все содержаніе письма. А чтобы до того, пока отыщу самое письмо, потѣшить васъ, посылаю вамъ Фаворита моего *Раковецкаго**), котораго и вы полюбите, только чуръ чрезъ 10 дней мнѣ возвратить, ибо онъ нуженъ мнѣ и для отвѣта вашему Барону, а теперь я пока занимаюсь другимъ дѣломъ. Чтобы и Раковецкій не празденъ къ вамъ шелъ, то я ему на плечи навьючиваю еще три тетрадки: 1). для васъ описаніе *Мирожскаго* монастыря черновое; оное мнѣ возвратите; 2). для Сибирскаго вѣстника статью о Камчатской Миссіи, нѣкогда полученную мною изъ Иркутска; 3). для Павла Петровича въ Отечественныя Записки статью о Корсунѣ съ планомъ и описаніемъ; планъ съ описаніемъ посылается особою трубкою, ибо мять его съ Раковецкимъ не захотѣлось. Павелъ Петровичъ съ плана можетъ сдѣлать маленькое сокращеніе, а подлинникъ мнѣ возвратить. При печатаніи попросите тиснуть мнѣ особо 10 экз., да думаю сію статейку для путешественниковъ не худо было бы и въ лавки особнякомъ пустить сотни двѣ. Въ дорожный чемоданъ всего журнала Отечественныхъ Записокъ умѣстить нельзя.

За пазуху Раковецкому вложилъ я еще *транспортиръ* изъ готовальни купленной мнѣ въ Питерѣ Борисомъ Антоновичемъ. По полученіи по скорѣе повидайтеся съ нимъ; нельзя ли на лицевой сторонѣ на хордѣ начертить маштабъ *2 англійскихъ дюймовъ*, одинъ съ раздѣленіемъ на линіи по обыкновенію, а другой чистой дюймъ. Есть ли же Б. А. уѣхалъ, то не исполните ли вы сего въ магазинѣ хоть у Мильза вашего. Въ готовальнѣ мнѣ купленной нѣтъ никакого маштаба, а мѣры англійскаго дюйма я и въ домѣ не имѣю, такъ что на случай и повѣрить сей мѣры не съ чѣмъ.

Въ трубку къ планамъ вложилъ я и списки *печерскихъ надписей*. Покажите ихъ Гиппингу или другимъ знатокамъ и спросите, такъ ли Аделунгъ и Эверсъ ихъ прочитали? а ихъ мнѣ возвратите съ планомъ же не помявши. Радъ бы и еще что нибудь вамъ приложить въ посылки, но не приходитъ на мысль, а послѣ можетъ быть и придетъ, но уже поздно.

Желаніе Николая Ивановича *Греча* приписать мнѣ свою книгу, мнѣ очень чувствительно и совѣстно было бы отказываться. Но скажите ему, что недоброхотство и пересуды моей братіи заставляютъ меня убѣгать всѣхъ случаевъ быть гласнымъ въ публикѣ. а сія знаменитая книга вѣрно и у нихъ будетъ въ рукахъ. И такъ принужденъ я съ сожалѣніемъ отказаться отъ чести мнѣ предлагаемой.

Посмотримъ, каковъ то будетъ Польскій *Витольдъ*, идущій къ намъ, а вы между тѣмъ насладитеся и Раковецкимъ. тутъ найдете много и о гривнѣ щетной извѣстной и Полякамъ. Но почему не было у нихъ honorowey? Это стоитъ замѣчанія.

---

*) Извѣстный издатель текста «*Русской правды* (1820—1828); онъ обогатилъ ее переводомъ на польскій языкъ и снабдилъ весьма интересными примѣчаніями. Изслѣдованія Раковецкаго по славянской филологіи пролили много свѣта на объясненіе нравовъ и обычаевъ древнихъ славянъ. Въ особенности замѣчательна его статья: *O stanie cywilnym dawnych slowian* (см. Roczn. tow. przyjaciol nauk, tom XIX), заслуживаетъ быть переведенною на русскій языкъ. Раковецкій умеръ въ Варшавѣ 1839 года, и послѣ него осталась библіотека и рукописи, но что съ ними сдѣлалось — неизвѣстно. Оставшіяся послѣ смерти другаго филолога Кухарскаго — библіотека и рукописи его пріобрѣтены въ 1865 году, для Новороссійскаго университета (см. мою статью *Славянистъ Кухарскій*. Литературная библіотека 1857. Сентябрь).

Нельзя ли прислать для прочтенія и *Верхово* путешествіе въ Чердынь и Соликамскъ? Сія древняя Пермія достопамятна. Но я слышалъ въ Устьсысольскѣ, что хотя названіе Перміи уже не употребляется, но жителей называютъ еще Пермяками и они говорятъ языкомъ похожимъ на Зырянскій, но много и отличнымъ. Vale et ama tuum E. *).

Эти два письма достаточно сидѣтельствуютъ о важности и значеніи для библіографіи и исторіи литературы всей переписки митрополита Евгенія съ Анастасевичемъ. Огромная коллекція писемъ изъ этой переписки находится въ домашнемъ архивѣ князя М. А. Оболенскаго по слѣдующему поводу.

Послѣ продажи съ аукціона библіотеки извѣстнаго библіографа В. Г. Анастасевича, находившаяся въ ней переписка митрополита Евгенія досталась въ руки букинистамъ. У нихъ-то посчастливилось мнѣ, хотя съ большимъ трудомъ и издержками, спасти значительное количество автографовъ архипастыря.

Затрудняясь, при моихъ скудныхъ средствахъ, пріобрѣтаемыхъ службою, напечатать на свой счетъ этотъ драгоцѣнный біографическій матеріалъ, я обратился, лично къ князю Михаилу Андреевичу, извѣстному своею любовію къ историческимъ розысканіямъ и даже издателю нѣсколькихъ сочиненій и брошюръ, — съ предложеніемъ взять на себя изданіе евгеніевскихъ писемъ.

Князь, какъ страстный собиратель автографовъ, съ особенною готовностію изъявилъ желаніе напечатать эти письма въ *Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей* и обязался доставить мнѣ условленное количество оттисковъ. Сіи послѣдніе, съ приложеніемъ біографіи и портрета митрополита Евгенія, должны были послужить началомъ *Евгеніевскаго Сборника* и составить 1-й его выпускъ.

Но, къ крайнему моему прискорбію, Князь, по истеченіи уже двухъ лѣтъ, современи полученія отъ меня упомянутыхъ писемъ, по сіе время, не напечаталъ ихъ и даже въ бытность мою на этнографической выставкѣ лично отказалъ мнѣ въ возможности

---

*) Эти письма благосклонно мнѣ переданы г. Мавроди, къ которому они съ прекрасною коллекціею автографовъ нашихъ знаменитыхъ ученыхъ перешли по наслѣдству отъ отца, извѣстнаго собирателя. По словамъ г. Мавроди автографы эти безъ предварительнаго на то согласія покойнаго отца его, напечатаны въ литературномъ альманахѣ *Русская Правда*, изданномъ въ Кіевѣ 1860 г. Но какъ альманахъ мало кому извѣстенъ и автографы прочитаны невѣрно, то помѣщеніе ихъ здѣсь казалось мнѣ не лишнимъ.

80 писемъ покойнаго архипастыря (съ 1813 до 1818 годъ) къ этому же Анастасевичу достались отъ букинистовъ почетному члену—корреспонденту Императорской публичной библіотеки, 2-й гильдіи купцу А. Н. Неустроеву.

Имя этого библіомана очень хорошо извѣстно нашимъ библіотекамъ, которыя обогащаются его приношеніями. Доставшіяся ему евгеніевскія письма онъ предполагаетъ издать отдѣльною книжкою, но, къ сожалѣнію, я не могъ также воспользоваться и ими, какъ матеріаломъ для біографіи митрополита Евгенія.

воспользоваться хотя копіями съ этихъ писемъ, какъ біографическаго матеріала для составляемаго мною очерка жизни и дѣятельности митрополита Евгенія.

Отказъ этотъ, поставилъ меня въ невозможность достойнымъ образомъ изобразить заслуги достославнаго архипастыря.

При всеобщемъ уваженіи къ памяти и заслугамъ этого ученаго Іерарха можно надѣяться, что и князь Оболенскій, котораго имя съ фамильнымъ гербомъ столько лѣтъ уже украшаетъ разныя его изданія, или самъ пожелаетъ быть усерднымъ дѣятелемъ, по изданію матеріаловъ о митрополитѣ Евгеніѣ или предоставитъ мнѣ издать эту замѣчательную и достойную печати переписку архипастыря съ Анастасевичемъ.

Въ противномъ случаѣ письма эти столь же будутъ безполезны для науки, какъ они были безполезны и тогда, когда хранились (съ 1845 года т. е. со дня смерти владѣльца по 1854 годъ дня продажи ихъ съ аукціона) въ сараѣ бывшаго Румянцевскаго музея, въ домѣ котораго покойный библіографъ жилъ по день кончины.

Кромѣ писемъ къ Г. Н. Городчанинову и В. Г. Анастасевичу извѣстна мнѣ переписка митрополита Евгенія съ академиками: П. И. Кеппеномъ и Х. Д. Френомъ, б. Профессорами Московскаго университета: М. П. Погодинымъ и П. М. Снегирекымъ; П. Г. Бутковымъ; Г. Р. Державинымъ; графомъ Н. П. Румянцовымъ; П. И. Мартыновымъ; С. І. Селивановскимъ; С. Т. Устиновскимъ; графомъ Д. П. Хвостовымъ; барономъ Г. А. Розенкампфомъ; протоіереемъ І. І. Григоровичемъ; намѣстникомъ Кіевопечерской Лавры Серафимомъ; Рижскимъ іереемъ Стефаномъ Гіацинтовымъ. Судя по литературнымъ сношеніямъ Евгенія должны бы открыться еще письма его къ слѣдующимъ лицамъ: Архіепископу Амвросію Протасову, К. М. Бороздину, Н. Н. Бантышъ-Каменскому, А. Х. Востокову, А. П. Ермолаеву, К. О. Калайдовичу, П. М. Карамзину, П. П. Свиньину, П. С. Сопикову, П. М. Строеву; П. С. Яковкину; Ѳ. С. Малиновскому; Н. А. Полевому; Д. И. Языкову; отцу Веніамину, бывшему начальнику типографіи при кіевопечерской лаврѣ, а нынѣ архимандриту, настоятелю Кіево-Выдубицкаго монастыря.

Но какъ Евгеніевскія письма собрать, пріобрѣсть и издать? Попытки мои въ этомъ отношеніи далеко еще не увѣнчались желанными результатами. Счастливые ихъ обладатели неохотно съ ними разстаются, держатъ ихъ у себя подъ спудомъ. а между тѣмъ отъ проволочки времени теряется возможность приступить къ серіозному труду о митрополитѣ Евгеніѣ.

Что письма покойнаго митрополита представляютъ богатѣйшій *исторический ма-*

теріалъ, въ томъ кажется никто не усумнится, прочитавъ только два вышеприведенные автографы его писемъ къ Анастасевичу и ниже напечатанныя письма его.

О настоятельной необходимости немедленно издавать въ свѣтъ *историческіе матеріалы*, не одинъ уже разъ было заявлено извѣстными ревнителями отечественной науки.

Въ 1820 году историкъ-археологъ *П. М. Строевъ*, издавая *Софійскій Временникъ*, жаловался на холодность и наше равнодушіе къ заслугамъ предковъ и находилъ, что равнодушіе это будетъ всегда непреодолимою преградой къ изданію историческихъ матеріаловъ. Чтобъ убѣдить примѣромъ, онъ изобразилъ весьма грустное положеніе, въ какомъ находились въ *тогдашнее время* монастырскія библіотеки.

«Знаемъ ли мы, спрашиваетъ достопочтенный издатель лѣтописей, что находится въ такъ-называемыхъ книгохранилищахъ монастырскихъ, гдѣ червь, тля и невѣжественное нерадѣніе за одно истребляютъ малые остатки нашей словесности, которые пощадило и самое время? Долго ли еще будемъ равнодушны ко всему относящемуся до отечественной исторіи, и кому предлежитъ завидный исполинскій подвигъ исторгнуть отъ тлѣнія и сохранить письменныя наши сокровища, день отъ дня уменьшающіяся?»

Въ 1821 году митрополитъ Евгеній въ письмѣ къ академику Кеппену, собиравшемуся осмотрѣть монастырскія библіотеки, указываетъ на нѣкоторыя изъ нихъ.

«Въ Новѣгородѣ подъ кровлею Софійскаго Собора вы найдете необозримую кучу гніющихъ бумагъ, но я опытомъ дозналъ, что ихъ отъ гнильной вони и пыли нельзя разворачивать ни на два часа. При томъ въ тысячѣ свертковъ хозяйственныхъ, развѣ строчка попадется историческая, И такъ незнаю, достанетъ ли у васъ терпѣнія. Въ Юрьевѣ монастырѣ я все перебралъ и только нашелъ Мстиславову грамоту, которую и возвратилъ туда по напечатаніи. Прочее только монастырскія записки, которыя думаю, давно уже употреблены на обклейку зимнихъ стеколъ. Въ Москвѣ вы найдете много сокровищъ въ синодальной библіотекѣ, въ архивѣ иностранной коллегіи и въ библіотекѣ гр. Толстова. Но недостанетъ вамъ времени осмотрѣть, а любопытнаго и не укажутъ. Въ Кіевѣ ничего не найдете *).»

При пробудившейся въ настоящее время заботливости духовенства о сбереженіи памятниковъ нашей старины, безъ сомнѣнія, монастырскія библіотеки не находятся въ такомъ положеніи, въ какомъ онѣ были тому полстолѣтія назадъ. Объ этомъ могутъ заявить наши академики, совершившіе въ послѣднее время поѣздку для осмотра нѣкоторыхъ изъ этихъ библіотекъ.

Спустя 25 лѣтъ послѣ этого заявленія, другой ревнитель просвѣщенія и собиратель погибавшихъ матеріаловъ *М. П. Погодинъ* въ 1846 году, по поводу встрѣтившихся сомнѣній и недоразумѣній въ достовѣрномъ опредѣленіи годовъ рожденія Спе-

*) Автографъ письма находится въ коллекціи Кеппеновскихъ бумагамъ, хранящихся въ Императорской Академіи Наукъ.

ранскаго и Карамзина, счелъ нужнымъ на страницахъ своего журнала «*Москвитянинъ*» заявить:

«Не странно ли, что при рѣшеніи такихъ простыхъ вопросовъ о двухъ знаменитѣйшихъ современникахъ, сомнѣваемся, споримъ и бываемъ принуждены работать въ потѣ лица, точно какъ европейскіе ученые, опредѣляя время и мѣсто рожденія Гомера или Платона, умершихъ за двѣ или за три тысячи лѣтъ?... Умираютъ свидѣтели и уносятъ съ собою въ могилу всѣ живыя свѣдѣнія, такъ что будущему русскому Плутарху останутся главными матеріалами реляціи, газеты и отзывы иностранцевъ, которымъ вѣрить едва ли кто рѣшится. И будетъ историкъ пыть о недостаткѣ матеріаловъ, какъ ноемъ мы, приступая къ описанію жизни Ломоносова, Сумарокова, Хемницера, Богдановича, Румянцева, и въ тоже время молчимъ о Кутузовѣ, Сперанскомъ, Ростопчинѣ, Новосильцовѣ, Сенявинѣ, Карамзинѣ, Пушкинѣ, то есть, даемъ право нашимъ дѣтямъ продолжать воспѣвать такую же іереміаду.»

Сѣтованія г. Погодина предшествовали изданію жизни графа *Сперанскаго*, сочиненія барона М. А. Корфа и тѣмъ изслѣдованіямъ о *Ломоносовѣ* и *Карамзинѣ*, которыя были вызваны столѣтними ихъ юбилеями.

Что касается монастырскихъ библіотекъ, то положеніе ихъ и 25 лѣтъ спустя послѣ осмотра Строевымъ, нисколько не улучшилось.

Въ своихъ путевыхъ запискахъ о пребываніи въ Вологдѣ *), М. П. Погодинъ рисуетъ не утѣшительную картину тогдашняго положенія тамошнихъ монастырскихъ библіотекъ.

«Забрался я, пишетъ г. Погодинъ, въ одно изъ пустыхъ отдѣленій архіерейскаго дома, съ позволенія преосвященнаго, который слышалъ о какихъ-то бумагахъ, тамъ валявшихся. Это кладовая есть нѣчто отличное въ своемъ родѣ, заслуживающее особаго описанія, чтобы дать понятіе о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ надо искать рукописей!!!»

Добравшись до этой кладовой, Михаилъ Петровичъ увидѣлъ въ первой половинѣ отдѣленія лари съ мукой, крупой, овсомъ и валявшійся на полу лукъ. Въ другой половинѣ, по указанію проводника, нашъ археологъ примѣтилъ въ темномъ углу сотни фигуръ, вырѣзанныхъ изъ дерева, которыя, по объясненію монаха, представляли изображенія Спасителя, отобранныя въ разныя времена у раскольниковъ. Подъ этими изображеніями валялись какіе-то лоскутки.

«Я началъ ихъ шарить, говоритъ г. Погодинъ, вынулъ листъ: харатейный изъ тріоди; вынулъ другой: послѣсловіе къ книгѣ, напечатанной при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Но пыль поднималась столбомъ. Я не могъ оставаться дольше и просилъ о приказѣ служителямъ повыбрать все бумажное. Мнѣ принесли два короба. Оказалось листовъ шестьдесятъ харатейной тріоди, осьмушки четыре харатейныхъ, которыми переплетенъ былъ молитвенникъ, и еще полъ-листа харатейнаго, служившаго также обверткой негодной книжонкѣ.»

*) См. *Москвитянинъ*, 1842 г.

Слова г. Погодина, приведенныя изъ его разсказа, невольно заставляютъ пршомнать все еще продолжающееся у насъ равнодушіе въ собираніи и сбереженіи историческихъ памятниковъ.

Четверть столѣтія протекла, не вылечивъ насъ отъ этой болѣзни.

Доказательствомъ тому служитъ невозвратная утрата многихъ историческихъ матеріаловъ и библіографическихъ рѣдкостей, хранившихся въ собраніи Анастасевича. Библіотека сего послѣдняго, въ продолженіи 20 лѣтъ оставалась, какъ выше сказано, въ сараѣ при домѣ бывшаго Румянцевскаго музея, а потомъ нашла себѣ пріютъ на книжномъ рынкѣ у букинистовъ.

Пора, наконецъ, нашимъ ученымъ учрежденіямъ обращать вниманіе на библіотеки, остающіяся послѣ смерти собирателей и библіомановъ и не допускать, дабы эти ученыя наслѣдства переходили на рынокъ, гдѣ уже съ трудомъ собираются остатки многолѣтнихъ трудовъ нашихъ библіографовъ.

Въ другомъ мѣстѣ *) подробно мною описано несчастіе, случившееся съ собраніемъ Анастасевича и указаны тѣ автографы, которые мнѣ удалось еще спасти; къ моему счастію въ томъ числѣ были и письма митрополита Евгенія, перешедшія теперь на храненіе къ князю Оболенскому.

Третій ревнитель просвѣщенія *П. А. Мухановъ*, получившій 30 лѣтъ тому назадъ благословеніе отъ митрополита Евгенія на псторическіе труды, призналъ нужнымъ въ Desiderata'хъ, помѣщенныхъ въ новомъ изданіи *Сборника*, пршомнить о необходимости издавать *историческіе матеріалы*, при чемъ начертана, такъ-сказать, полная программа будущихъ занятій молодому поколѣнію.

Desiderata Павла Александровича пршесли бы большую пользу, еслибъ они были напечатаны отдѣльно книжкой или перепечатаны въ журналахъ: тогда только эти совѣты столь опытнаго дѣятеля на поприщѣ историческихъ изслѣдованій сдѣлались бы еще болѣе общеизвѣстными и скорѣе могли бы достигнуть своей цѣли. Не безъизвѣстно, что *Сборникъ* г. Муханова напечатанъ въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, и по этой причинѣ не можетъ быть повсюду распространенъ, гдѣ бы слѣдовало.

---

*) См. мою статью: *о матеріалахъ для біографіи митрополита Евгенія*, Литературная Библіотека 1867. іюнь — іюль, № № 13 — 14.

Насъ особенно остановили, въ ряду его благожеланій на пользу отечественной исторіи, слѣдующія desiderata:

«§ 2. У частныхъ людей находится, безъ сомнѣнія, много драгоцѣнныхъ матеріаловъ для русской исторіи; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ фамильные архивы. Эти историческіе матеріалы подвержены, къ сожалѣнію разнымъ случайностямъ: пожарамъ, пропажамъ при перевозкѣ, истребленію когда при раздѣлѣ имущества поступаютъ на долю или малолѣтнихъ или попадаются въ руки лицъ, не знающихъ имъ цѣны. Въ видахъ сохраненія историческихъ матеріаловъ весьма было бы желательно, чтобы частные люди передавали ихъ въ казенные или общественные архивы и книгохранилища, или по крайней мѣрѣ завѣщали передачу въ нихъ послѣ смерти. Такимъ образомъ отечественные акты не только сохранились бы, но сдѣлавшись извѣстными нашимъ ученымъ, могли бы со временемъ быть обнародованы.

«§ 21. Желательно бы имѣть полное исправное собраніе *писемъ* нашихъ государей и вообще *знаменитыхъ* лицъ.

«§ 26. Не одно правительство, но и частные люди должны бы содѣйствовать успѣхамъ изученія русской исторіи изданіемъ историческихъ памятниковъ. Многія изъ нашихъ аристократическихъ фамилій имѣютъ на то матеріальныя средства; при томъ же фамильные ихъ архивы богаты памятниками старины. Желательно, чтобы примѣръ, поданный княземъ М. А. Оболенскимъ, издавшимъ сборникъ, носящій его имя, не остался безъ подражанія. Наше купечество, которое столь щедро жертвуетъ значительными капиталами для распространенія въ нашемъ отечествѣ просвѣщенія, оказало бы большую услугу русской исторіи, употребивъ хотя небольшую сумму для напечатанія русскихъ старинныхъ грамотъ etc. Мы имѣемъ литературные сборники Смирдина и другихъ; отчего же не имѣть историческихъ сборниковъ: Кокорева, Солдатенкова, Исакова, Кожанчикова, Вольфа и др.? Матеріалы для этой цѣли нашлись бы въ нашихъ архивахъ и библіотекахъ; завѣдывающіе ими не только бы ихъ доставили, но и съ удовольствіемъ указали бы на лица, которыя могли бы придти имъ въ помощь своими совѣтами и трудомъ при изданіи.»

Неужели останутся безотвѣтными призывы П. А. Муханова, изданіемъ своего драгоцѣннаго для исторіи отечественной сборника указавшаго любителямъ просвѣщенія примѣръ, какъ они могутъ приносить пользу наукѣ?

Нельзя не отдать справедливости, что въ послѣднее время появилась живая дѣятельность по изданію историческихъ памятниковъ, хранящихся въ нашихъ государственныхъ архивахъ обѣихъ столицъ. Дѣятельность эта еще болѣе усиливается съ учрежденіемъ для этой цѣли отдѣльныхъ обществъ и при стремленіи частныхъ лицъ къ обнародованію историческихъ матеріаловъ. Изданія центральныхъ Виленской и Кіевской археографическихъ коммисій, получившихъ отъ монаршихъ щедротъ увеличеніе своихъ денежныхъ средствъ, представляютъ уже рядъ замѣчательныхъ матеріаловъ. Новое Историческое Общество изданіемъ своихъ сборниковъ открываетъ возможность и частнымъ лицамъ обнародовать остающіеся у нихъ безъ пользы документы. *Русскій архивъ*, издаваемый въ Москвѣ при Чертковской публичной библіотекѣ

невольно вызываетъ желаніе, дабы и при библіотекахъ столичныхъ Императорскихъ публичной и академіи наукъ было предпринято подобное же изданіе.

Въ надеждѣ послужить чѣмъ можно общему дѣлу, мы рѣшились на изданіе *Сборника* доступныхъ намъ матеріаловъ о митрополитѣ Евгеніѣ, отдѣльными выпусками, а какъ собираніе матеріаловъ для предпринимаемаго мною *Сборника* потребуетъ много времени и изданіе его зависитъ отъ матеріальныхъ средствъ, то теперь позволяемъ себѣ только представить, какъ посильный и усердный трудъ, настоящія мои замѣтки, изъ которыхъ, можетъ быть, что нибудь пригодится, какъ *матеріалъ* для біографіи покойнаго митрополита.

Высокопреосвященный Евгеній, какъ самъ же онъ указалъ въ своей автобіографіи, родился въ Воронежѣ 18-го декабря 1767 года. Позаботившись, какъ точный біографъ отечественныхъ писателей, сохранить для насъ память о днѣ своего рожденія, онъ оставилъ намъ впрочемъ мало извѣстій о своихъ родныхъ. Отецъ его, Алексѣй Андреевичъ Болховитиновъ, былъ священникомъ въ г. Воронежѣ сперва Входъ-Іерусалимской церкви, а потомъ церкви Иліи Пророка, при которой и скончался. Будущій іерархъ, названный при крещеніи Евѳиміемъ, по кончинѣ родителя оставшись сиротою, долженъ былъ уже въ юности бороться съ недостаточными средствами, которыя, казалось, обрекали его на самое скромное положеніе въ обществѣ, и бороться съ своими способностями, которыя увлекали его въ возвышенныя сферы умственныхъ наслажденій. Прежде находился онъ въ пѣвческомъ архіерейскомъ хорѣ и тамъ узналъ первыя начала грамоты, за симъ былъ принятъ въ мѣстную семинарію.

Семинарское образованіе того времени, вѣроятно, мало могло удовлетворять жаждѣ талантливаго мальчика къ познаніямъ; но дарованіями своими, обнаружившимися въ раннемъ возрастѣ, онъ имѣлъ счастіе обратить на себя вниманіе епископа Воронежскаго Тихона III, и съ той минуты рѣшилась вся его будущность. Достойный пастырь, и самъ принадлежавшій къ ученѣйшимъ членамъ духовенства, предугадалъ его высокое назначеніе въ нравственномъ, умственномъ и политическомъ мірѣ и усердно пособилъ молодому Болховитинову достигнуть цѣли его желаній учиться и

учиться. По назначенію этого преосвященнаго, Болховитиновъ былъ отправленъ въ Московскую духовную академію, гдѣ весь предался ученію, стараясь пріобрѣсть всѣ познанія, какія могли быть ему достушны.

Въ бытность его въ Московской духовной славяно-греко-латинской академіи, въ числѣ прочихъ наукъ, древняя классическая литература стала любимымъ его предметомъ: онъ достигъ основательнаго знанія древняго и новѣйшаго греческаго языка, что̀ и должно было послужить ему ключемъ къ трудной наукѣ библейской герменевтики, въ то время уже усовершенствованной на Западѣ, но почти еще неизвѣстной въ Россіи. Занятія ученою герменевтикою, основанною на правилахъ древней классической филологіи, составляютъ, быть можетъ, лучшую школу для образованія молодаго ума въ великомъ искусствѣ всякой критики, и безъ сомнѣнія, въ этихъ-то занятіяхъ будущій пастырь почерпнулъ тотъ критическій духъ и ту любовь къ точнымъ изысканіямъ, какія онъ въ послѣдствіи обнаружилъ въ своихъ историко-археологическихъ трудахъ.

Но покровители его дарованій, безъ сомнѣнія, не предвидѣли еще одного обстоятельства, которое оказалось особенно полезнымъ для талантливаго семинариста. Они могли быть увѣрены, конечно, что̀ Болховитиновъ съ успѣхомъ окончитъ академическій курсъ, но едва-ли они могли заранѣе предвидѣть, чтобы всяло на мысль молодому человѣку посѣщать лекціи Московскаго университета. Мы убѣждены, что слушаніе университетскихъ лекцій у Московскихъ профессоровъ: Шадена — всеобщей и нравственной философіи и политики, у Роста — опытной физики, у Бодуэна — французской литературы и у Гейма—нѣмецкаго языка, а также ознакомленіе его съ другими языками, италіанскимъ и польскимъ, и ихъ литературами, и изученіе еврейскаго языка, при тогдашнихъ научныхъ средствахъ Московской духовной академіи, только и могли приготовить не просто умнаго и высоко-ученаго настыря, но историка и литератора, какимъ былъ Евгеній. На разносторонность воззрѣній его имѣлъ рѣшительное вліяніе широкій для своего времени объемъ университетскаго курса. Тогда, какъ пріобрѣтенное имъ въ духовныхъ училищахъ знаніе древнихъ языковъ было хорошимъ и основательнымъ фундаментомъ серіозной учености, знаніе новѣйшихъ языковъ, полученное имъ въ университетѣ, давало молодому ученому возможность слѣдить за ходомъ современной ему европейской науки и литературы, и даже въ послѣдствіи вести разнообразную переписку съ ученѣйшими мужами за границей.

Надежная и солидная подготовка должна была вызвать со стороны молодаго человѣка, еще въ бытность его въ духовной академіи и въ университетѣ, сколько-нибудь серіозный трудъ, и вотъ онъ въ 1788 году издалъ въ Москвѣ новую латинскую азбуку, къ которой приложилъ словарь первоначальныхъ латинскихъ и греческихъ въ латинскомъ языкѣ наиболѣе употребляемыхъ реченій, а также подробный и ясный римскій календарь.

Въ слѣдующемъ году (1789), по требованію мѣстнаго епархіальнаго начальства, Евѳимій Алексѣевичъ Болховитиновъ, обогащенный свѣдѣніями, послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Москвѣ, наконецъ возвратился на родину въ Воронежъ. Здѣсь ждала его педагогическая дѣятельность въ той самой семинаріи, которой онъ былъ обязанъ начальнымъ образованіемъ. Опредѣленный сначала профессоромъ риторики и французскаго языка, молодой ученый въ своемъ риторическомъ классѣ сталъ читать съ перваго же времени особый курсъ греческихъ и римскихъ древностей, а потомъ назначенъ былъ префектомъ и библіотекаремъ.

Въ бытность его префектомъ, и безъ сомнѣнія, по его указанію и подъ его руководствомъ, старшіе воспитанники Воронежской семинаріи охотно стали браться за такія научныя работы, которыя не относились прямо къ школьнымъ ихъ занятіямъ, а требовали и особеннаго труда и значительнаго развитія знанія. Переводили они съ французскаго языка нѣкоторыя замѣчательныя по времени сочиненія, между прочимъ, философскія размышленія о происхожденіи языковъ Мопертюи. Подобныя упражненія показываютъ и довольно высокую степень развитія въ этихъ воспитанникахъ, и серіозное направленіе училищнаго курса подъ руководствомъ ученаго преподавателя.

Такія серіозныя научныя занятія въ каждомъ классѣ требовали отъ молодаго профессора кабинетныхъ приготовительныхъ работъ, необходимыхъ ему для собственной подготовки. И вотъ онъ составляетъ записки для своихъ слушателей: по *Мосгейму*—всеобщей церковной критической исторіи (1790 — 1792); по *Рамбаху* — сокращенныхъ правилъ священной герменевтики (1792—1794); догматическаго и въ систематическихъ таблицахъ изображеннаго богословія, для показанія производства и связи богословскихъ догматовъ (1793); о трудности естественнаго богопознанія (1791); о причинахъ несогласій въ христіанской вѣрѣ (1792); далѣе сокращенную

греческую грамматику по примѣру Посселіевой, для учениковъ низшаго греческаго класса (1792—94); о пособіяхъ къ изученію исторіи (1794); о связи церковной исторіи съ богословіемъ (1795).

Кромѣ этихъ профессорскихъ его трудовъ, оставшихся въ рукописи, нѣкоторые были имъ напечатаны въ періодъ его педагогической дѣятельности въ Воронежской семинаріи *).

Такимъ образомъ Воронежская семинарія при Болховитиновѣ, достойномъ ея представителѣ, дѣйствительно могла считаться одною изъ лучшихъ среднихъ школъ въ Россіи для духовнаго образованія.

Особенно пришлась по душѣ, какъ показалъ опытъ, любознательному молодому преподавателю должность библіотекаря, сдѣлавшая изъ Евгенія библіографа ex professo.

По разсказамъ воспитанниковъ Кіевской духовной академіи, которые имѣли счастіе учиться въ ней, въ бытность Евгенія митрополитомъ, онъ посѣщая кабинеты окончившихъ курсъ студентовъ и разсуждая съ ними о темахъ сочиненій ихъ на ученую степень, часто указывалъ книги, которыя имѣются въ библіотекѣ Воронежской семинаріи и могли бы служить источниками для заданныхъ имъ тѣмъ. И въ случаѣ, если онѣ не находились въ Кіевѣ въ академической библіотекѣ, высокопреосвященный тутъ же просилъ ректора напомнить ему, чтобъ онъ могъ пріискать у себя рукописи и книги, нужныя этимъ студентамъ для диссертацій на ученыя степени. Извѣстное разсужденіе о духоборцахъ, сдѣлавшееся теперь уже *библіографическою рѣдкостью* и доставившее автору ея (О. Новицкому) имя въ наукѣ, было написано по программѣ митрополита Евгенія и по рукописямъ, доставленнымъ этому студенту высокопреосвященнымъ.

Какъ извѣстно, чрезвычайно обширная память ученаго іерарха доставляла ему возможность указывать при случаѣ видѣнныя имъ когда либо рѣдкія книги въ разныхъ библіотекахъ. Поэтому не удивительно, что въ письмахъ его заключается столько библіографическихъ указаній что онъ могъ разрѣшать всевозможныя сомнѣнія по библіографическимъ вопросамъ, и что Анастасевичъ пользовался указаніями

*) А именно: Разсужденіе о надобности греческаго языка для богословія и объ особенной пользѣ его для россійскаго языка. Москва, 1793 г. 4°. 2-е изданіе съ поправками, въ Воронежѣ, 1800 г. 4°. Вольтеровы заблужденія, обнаруженныя аббатомъ Нонотомъ, въ 2-хъ частяхъ. Москва, 1793 г. 8°. Трюблетовы размышленія о краснорѣчіи вообще и особенно о проповѣдническомъ. Москва, 1793 8°. Разсужденіе о древнемъ христіанскомъ богослужебномъ пѣніи и особенно пѣніи Россійской церкви, съ примѣчаніями на оное. Воронежъ, 1800 г. 4°. Разсужденіе о томъ, что алтарныя украшенія нашей Россійской церкви сходны съ древними Восточной. Воронежъ, 1800. 4°.

преосвященнаго для новаго изданія *Опыта библіографіи Сопикова*. Къ сожалѣнію, это предпріятіе не только не было доведено до конца, но даже самая рукопись погибла вмѣстѣ съ цѣлымъ собраніемъ библіографа. Когда будутъ изданы письма митрополита Евгенія, хотя бы не всѣ, но покрайней мѣрѣ большая часть ихъ, тогда, безъ сомнѣнія, представится возможность безпристрастно оцѣнить всю великость заслуги высокопреосвященнаго и на *библіографическомъ* поприщѣ. И едва ли не придется тогда отдать митрополиту Евгенію первое мѣсто между всѣми извѣстными нашими библіографами.

Занимая видныя и почетныя мѣста префекта и исправляющаго должность ректора семинаріи, несмотря на свои молодыя лѣта, Евѳимій Алексѣевичъ не могъ не считать для себя неприличнымъ и несогласнымъ съ мѣстомъ служенія свѣтское званіе. Потому, вступивъ въ бракъ съ дочерью Липецкаго (Тамбовской губерніи) купца Расторгуева, Анною Антоновной, принялъ рукоположеніе въ священника и скоро повышенъ въ протоіереи. Новое положеніе, какъ семьянина, нисколько не отвлекало его отъ ученыхъ занятій, какъ онъ самъ отзывается въ одномъ изъ писемъ къ своему другу Селивановскому.

«Обо мнѣ не думайте, какъ о женатомъ, писалъ онъ ему, ибо я и самъ иногда это забываю Жена у меня не болѣе четверти часа отнимаетъ времени въ цѣлыя сутки, и всегда занимаюсь въ своемъ кабинетишкѣ.

Вся переписка Евгенія съ С. А. Селивановскимъ весьма любопытна и часть ея уже напечатана *).

Одно письмо изъ нея, а именно отъ 19 Генваря 1793 года, можетъ дать понятіе о ученой дѣятельности Евгенія въ Воронежѣ.

«Вы конечно, любезный другъ, вините меня, что я не писалъ къ вамъ на прошедшей почтѣ; но причину тому сами отгадаете. И такъ ни я, ни вы не виноваты. Вѣсть о 2-й части моей книги взбѣсила меня, и я клялся ничего въ Москвѣ не печатать. Помарка его въ предисловіи больше всего (простите моему самолюбію) доказываетъ его трусость и (съ позволенія сказать) глупость, — Руссово *«Исповѣданіе»* точно о *величествѣ Божіемъ*. Жду съ нетерпѣливостью Вашихъ отвѣтовъ о Вольтерѣ и хочу отомстить Серафиму надъ вами. Готовьтесь къ сраженію, да читайте для сего исторію. О *Россійской Исторіи»*, теперь я не могу еще сказать вамъ ни слова — отдѣлавши двѣ эпохи, то есть до нападенія татаръ на Россію, я пришлю къ вамъ для посмотрѣнія. Кажется, хочется мнѣ ею похвалу заслужить, когда удастся. Нѣкоторые пріятели мои уже аплодируютъ мнѣ; но я на нихъ не очень полагаюсь. *Теперь я весь обкладенъ историческими книгами....* Тамбовская ценсура и типографія съ

*) См. Библіографическія Записки 1859 г. № 3.

сего времени пріятно мерещется въ моихъ мысляхъ и я сдержу свою клятву въ томъ, чтобы все печатать только въ ней. Прощайте».

«Чтожъ Гольберговы Исторіи? видно ваши корреспонденты въ Питерѣ спятъ. Пришли, любезной другъ поскорѣе маленькую баночку типографическихъ чернилъ, закупоря ихъ въ маленькую антекарскую баночку глиняную, да поскорѣе пришли; крайняя нужда».

Доказательствомъ справедливости словъ его можетъ служить быстрота появленія сочиненій его въ Воронежѣ, не смотря на то, что кромѣ заботъ по семинаріи онъ получилъ мѣсто протоіерея въ г. Павловскѣ (Воронежской губерніи), съ назначеніемъ въ члены консисторіи.

Чувства признательности, которыми во всю жизнь было преисполнено благородное сердце Евгенія ко всѣмъ любившимъ и почитавшимъ его, не могли угаснуть въ немъ къ преосвященному Тихону III, столь содѣйствовавшему, какъ мы видѣли, къ высшему его образованію. Полное описаніе жизни Тихона, бывшаго прежде епископомъ Кексгольскимъ и викаріемъ Новгородскимъ, а потомъ Воронежскимъ и Елецкимъ, сообранное изъ устныхъ преданій и записокъ очевидцевъ съ нѣкоторыми историческими свѣдѣніями, касающимися до Новгородской и Воронежской іерархіи, и съ описаніемъ всѣхъ сочиненій этого пастыря, издано Евѳ. Болховитиновымъ въ С.-Петербургѣ 1796 г. 8° (2-е изд. 1820 г., 3-е изд. 1835 г.), Сочиненіе это составляетъ какъ бы памятникъ благодарности бывшаго Воронежскаго семинариста заботливому о судьбѣ его пастырю, память котораго равнымъ же образомъ съ глубокимъ уваженіемъ и даже благоговѣніемъ чтитъ весь православный русскій народъ.

Зя тѣмъ два *слова*, произнесенныя Евгеніемъ въ Воронежскомъ (Благовѣщенскомъ) каѳедральномъ соборѣ, одно—*надгробное* преосвященному Иннокентію, епископу Воронежскому 1794 г., апрѣля 19-го, а другое — *похвальное* Императрицѣ Екатеринѣ II, при торжествѣ бракосочетанія великаго князя Константина Павловича, 1796 года февраля 9-го, уже предвѣщали въ молодомъ проповѣдникѣ того знаменитаго витію, котораго ораторскій талантъ имѣлъ впослѣдствіи столько случаевъ выказаться въ полномъ блескѣ на разныхъ поприщахъ пастырскаго служенія церкви и отечеству.

Избранныя же поученія преосвященнаго Иннокентія, бывшаго епископа Воронежскаго, съ пріобщеніемъ краткаго начертанія жизни и кончины его, изданныя, въ Воронежѣ, въ 1799 г. 8°, Болховитиновымъ, послужили для него какъ бы пригото-

вительнымъ курсомъ церковнаго краснорѣчія, о которомъ не разъ еще доведется намъ упоминать при случаѣ.*)

Среди этой кипучей и многосторонней дѣятельности Провидѣніе посѣтило его потерею всего семейства и жены (въ 1799 году).

Эта потеря порвала видимую связь его съ міромъ, какъ бы для того, чтобы вызвать его, испытаннаго горестью, на поприще дѣятельности гораздо обширнѣйшей, чѣмъ Воронежъ и тамошняя семинарія **).

Похоронивъ жену, Болховитиновъ рѣшился принять постриженіе. Этому рѣшительному шагу, измѣнявшему дальнѣйшую судьбу его, помогъ пріятельскимъ содѣйствіемъ начальникъ Московскаго главнаго архива бывшей иностранной коллегіи, Н. Н. Бантышъ-Каменскій, находившійся, какъ извѣстно, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ архіепископу С.-Петербургскому (въ послѣдствіи митрополиту) Амвросію Подобѣдову.

Пользуясь этими отношеніями Бантышъ-Каменскій обратилъ на осиротѣвшаго Болховитинова вниманіе преосвященнаго Амвросія, который тотчасъ же вытребовалъ его въ Петербургъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ сюда, въ началѣ 1800 года, отецъ Евѳимій былъ опредѣленъ префектомъ въ Александро-Невскую Академію съ порученіемъ преподавать философію и высшее краснорѣчіе; вслѣдъ за тѣмъ постригся въ монахи и получилъ имя Евгенія. Одновременно съ постриженіемъ въ монашество онъ былъ посвященъ въ архимандриты Зеленецкаго монастыря (Новгородской губерніи) и назначенъ членомъ Петербургской консисторіи; затѣмъ (въ 1802 г.) возведенъ въ архимандриты Сергіевой пустыни (близъ Стрѣльны) и назначенъ преподавателемъ богословія въ академіи.

Ученые труды Евгенія въ Воронежѣ, предшествовавшіе прибытію его въ Петер-

---

*) Въ библіотекѣ александро-невской академіи находится составленный подъ руководствомъ Евгенія переводъ сочиненія: совѣтъ молодому проповѣднику, данный однимъ наставникомъ, съ польскаго на русскій языкъ; издано въ Кіевской духовной академіи, 1824 года in 8°.

**) Какъ добрый супругъ чадолюбивый отецъ, онъ поставилъ памятникъ, на которомъ сдѣлалъ слѣдующую эпитафію: «Здѣсь погребены Анна и Пульхерія, супруга и дщерь Болховитиновы, скончавшіяся, первая на 22 году жизни; августа 21 дня 1799 г., вторая на 1-мъ году отъ рожденія, іюля 9-го того же года, которымъ супругъ и отецъ отъ скорби сердца съ надгробнымъ рыданіемъ взываетъ вѣчную память протоіерей Евѳимій Болховитиновъ». Эти слова находятся на западной сторонѣ памятника, съ восточной же стороны помѣщены слѣдующіе стихи:

«Покойтесь милыя до вѣчнаго свиданія,
«Болѣзней гдѣ ужъ нѣтъ, ни скорби, ни воздыханья».

Протоіерей Евѳимій Болховитиновъ.

бургъ, обратили на него вниманіе графа Д. И. Хвостова, извѣстнаго своими стихотвореніями и другими литературными трудами *).

Къ симъ послѣднимъ можно отнести похвальную дѣятельность графа въ собираніи матеріаловъ для *Словаря русскихъ писателей*. Съ просьбами о доставленіи этихъ матеріаловъ обращался онъ къ многимъ лицамъ и въ томъ числѣ къ Евгенію, тогда уже архимандриту.

Въ бывшей по этому поводу перепискѣ **) встрѣчаемъ мы и отвѣтъ Евгенія графу Хвостову, отъ 30 іюня 1801 года изъ Александро-невской Академіи.

Въ этомъ отвѣтѣ нашъ библіографъ сообщаетъ подробныя извѣстія о сочиненіяхъ преосвященныхъ Гавріила (Петрова) митрополита Петербургскаго, Иннокентія (Нечаева), архіепископа Псковскаго и Самуила (Мисловскаго) митрополита Кіевскаго. И въ отдѣльной запискѣ, приложенной къ отвѣту, исчисляетъ напечатанные переводы и сочиненія преосвященныхъ Аполлоса Байбакова-Орловскаго и Сѣвскаго, и Дамаскина (Семенова-Руднева) — Нижегородскаго.

Не лишнимъ здѣсь нахожу упомянуть, что въ числѣ сочиненій преосвященнаго Дамаскина не значится одного весьма важнаго чисто *библіографическаго* сочиненія, дающаго преосвященному Дамаскину право быть въ числѣ *первыхъ* русскихъ библіографовъ.

Еще въ 1785 году, Дамаскинъ (Рудневъ) епископъ Нижегородскій, членъ Россійской академіи, составилъ библіографическое сочиненіе подъ заглавіемъ: *Библіотека Россійская или свѣдѣнія о всѣхъ книгахъ въ Россіи съ начала типографіи въ свѣтъ вышедшихъ* ***).

---

*) Графъ Хвостовъ (съ 1899 по 1803 г. оберъ прокуроръ св. Синода) въ 1804 — 1806 годахъ издавалъ журналъ литературы, наукъ и художествъ подъ заглавіемъ: *Другъ Просвѣщенія*. Въ этомъ журналѣ, по личному знакомству съ издателемъ, преосвященный Евгеній помѣщалъ свои статьи. Графъ Хвостовъ двумя только годами раньше митрополита Евгенія скончался, 22 октября 1835 года.

**) Она напечатана въ *Библіографическихъ Запискахъ*, 1859.

***) Въ обворѣ дух. лит. пок. архіепископъ Филаретъ сообщаетъ любопытныя данныя объ этомъ *библіографическомъ* сочиненіи, которое не было издано, а находится между рукописями Моск. Дух. Акад. № 115 — 118. Оно состоитъ изъ 3-хъ книгъ: въ первой описаны книги 1518 — 1742 г.; во второй 1742 — 1768 г.; а въ третьей 1769 — 1785. Въ началѣ сочиненія помѣщено: *краткое описаніе россійской ученой исторіи*, которое, по отзыву пок. архіепископа, по тогдашнему времени *превосходное*; при описаніи заглавій книгъ, иногда присовокупляются ученыя замѣчанія о достоинствахъ и содержаніи сочиненія; о многихъ изъ нихъ сказано, гдѣ онѣ хранятся.

Дамаскинъ слушалъ въ Геттингенѣ лекціи по богословскимъ наукамъ, по исторіи и математикѣ

Санъ архимандрита — неизбѣжная ступень къ архіерейскому; Евгеній облеченъ, былъ въ санъ іерарха черезъ четыре года. Затѣмъ, въ теченіе 19-ти лѣтъ, побывавъ на каѳедрахъ Старой Руссы (1804 — 1808), Вологды (1808—1813), Калуги (1813—1816) Пскова (1816 — 1823), удостоенъ сана митрополита Кіевскаго.

Не входя въ подробности епархіальной его дѣятельности, скажемъ кратко, что преосвященному Евгенію, не смотря на его любовь къ труду, по преимуществу кабинетному, выпалъ завидный для многихъ жребій быть свидѣтелемъ нѣсколькихъ важныхъ событій въ нашемъ отечествѣ, и во многихъ изъ нихъ принималъ онъ живѣйшее участіе словомъ и дѣломъ.

На новомъ поприщѣ его служенія въ столицѣ Евгенію представился случай оправдать рекомендацію Н. Н. Бантышъ-Каменскаго оказаніемъ услуги не только преосвященному Амвросію, своему покровителю, но и самой церкви русской.

и усовершенствовался въ знаніи языковъ еврейскаго и греческаго, французскаго и нѣмецкаго. Въ послѣднемъ столько былъ силенъ, что на немъ написалъ сокращенную лѣтопись древней Руси по Нестору, изд. Гатереромъ, въ Universal Historie 1771. Этотъ трудъ доставилъ сочинителю извѣстность въ ученой Германіи и дипломъ на званіе кореспондента Историческаго Института. Съ нѣмецкаго же языка перевелъ на русскій сочиненіе Сульцера: *о полезномъ съ юношествомъ чтеніи древнихъ классическихъ писателей*; какъ Латинистъ перевелъ сочиненіе Платона митрополита московскаго *православное ученіе* и издалъ въ 1774 С.-Пбургѣ подъ заглавіемъ: *Orthodoxa doctrina*. Не менѣе замѣчателенъ его трудъ въ собраніи сочиненій Ломоносова, которыя онъ издалъ въ Москвѣ 1778 въ 5 частяхъ съ варіантами прежнихъ изданій, а въ 5 томѣ приложилъ къ подлиннику рѣчей Ломоносовыхъ и переводы оныхъ на латинскій, нѣмецкій и французскій языки. За это изданіе получилъ онъ отъ Императрицы Екатерины II Всемилостивѣйшую награду. Дамаскинъ былъ достойнымъ предшественникомъ трудовъ Евгенія по Исторіи, Филологіи и библіографіи Въ числѣ первыхъ библіографовъ въ Россіи изъ иностранцевъ былъ вызванный Головкинымъ изъ заграницы 1725 года въ академію наукъ профессоромъ Іоаннъ Петръ Коль (Kohl). Онъ родился въ Голштинскомъ городѣ Килѣ и обратилъ на себя вниманіе серьезнымъ трудомъ по части церковной исторіи: *Ecclesia Graeca lutheranizans sive exercitatio de consensu et dissensu orientalis Grecae speciatim Russicae et occidentalis luteranae Ecclesiae, Lubecae 1723, 8°*. Находясь при академіи, онъ представилъ академическому собранію нѣсколько библіографическихъ записокъ — *о рукописяхъ Московской библіотеки*, о сочиненіи *славянской библіотеки* и о происхожденіи *славянскаго языка*, которыя въ помѣшательствѣ ума сжегъ, а по выздоровленіи въ 1799 году въ Альтонѣ издалъ брошюру: *Introductio in historiam et rem literariam Slavorum imprimis sacram*. Брошюра эта, по отзыву митрополита Евгенія, заключаетъ въ себѣ весьма много любопытнаго а по словамъ Шленера, она забыта ученымп.

Кромѣ Коля, къ числу первыхъ нашихъ библіографовъ изъ иностранцевъ нужно отнести Грека (родомъ изъ Кефалоніи) Аѳанасія Скіаду и Саксонскаго уроженца Христіана Фридерика Маттея.

Оба они извѣстны, какъ составители каталоговъ рукописей; подробныя объ нихъ свѣдѣнія сообщаются митрополитомъ Евгеніемъ, въ Словарѣ свѣтскихъ писателей.

По словамъ протоіерея Ѳаворова, профессора Кіевской Духовной Академіи, случай этотъ былъ слѣдующій *):

«Въ 1800 году, іезуитъ Груберъ, въ послѣдствіи генералъ іезуитскаго ордена, жившій тогда въ Петербургѣ и имѣвшій входъ въ кабинетъ Императора Павла I, предложилъ ему, по интригамъ папы, проектъ соединенія нашей церкви съ латинскою, безъ сомнѣнія въ томъ же родѣ, въ какомъ и прежде, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, дѣлались намъ подобныя предложенія, то-есть въ смыслѣ не соединенія церквей, а подчиненія православной церкви римскому церковному правительству или папѣ. Дѣло велось такъ хитро и искусно, что Государь, привлекаемый разными обѣщаніями отъ папы и іезуитовъ, видимо склонялся на ихъ предложеніе; даже нѣкоторые изъ духовныхъ были предрасположены въ пользу этого дѣла **). Черезъ министра Ростопчина сдѣланъ былъ, наконецъ, запросъ и митрополиту. Но Амвросій, вмѣсто собственнаго отвѣта, представилъ написанную по его порученію Евгеніемъ записку о папской власти, и Государь, выслушавъ эту записку о папской власти, перемѣнилъ мысли и съ тѣхъ поръ не велѣлъ впускать въ свой кабинетъ іезуита Грубера. «Много тогда было и на меня роптаній», замѣчаетъ по этому случаю самъ преосвященный Евгеній, «но слава Богу, обошлось безъ напасти».

Вѣроятно, за этотъ подвигъ, при коронованіи Государя Императора Александра I, Евгеній получилъ алмазный наперстный крестъ, открывавшій достойному дѣятелю и поборнику православія перспективу дальнѣйшихъ наградъ самыми высшими въ Имперіи знаками отличія.

Трудъ Евгенія надъ составленіемъ вышеупомянутой записки подъ заглавіемъ: «*Каноническое изслѣдованіе о папской власти въ христіанской церкви*» на латинскомъ и русскомъ языкахъ, по всей справедливости, долженъ быть названъ *подвигомъ*, если обратить вниманіе на то обстоятельство, какого опаснаго соперника имѣлъ Евгеній въ лицѣ іезуита Грубера, противъ котораго, однако, выступилъ онъ смѣло, не оглядываясь ни на какія послѣдствія. Вѣроятно не безъизвѣстны были Евгенію сила, значеніе и вліяніе, коими пользовался отецъ Груберъ не только въ кружкахъ высшаго общества, но даже и при Дворѣ. При всемъ томъ, Евгеній въ своемъ разсужденіи, основанномъ на историческихъ фактахъ, является неустрашимымъ борцомъ за истину, въ томъ сознаніи, что отвѣтъ его былъ отвѣтомъ всего православнаго міра.

По милостивому вниманію митрополита Кіевскаго Арсенія къ цѣли изданія *Евгеніев-*

---

*) См. *Труды Кіев. Дух. Акад.* 1867 г. Августъ.

**) Мы думаемъ не слишкомъ ли увлекся въ этомъ случаѣ прот. Ѳаворовъ. Доказательствомъ противнаго мнѣнія можетъ служить, во 1-хъ, то, что Императоръ Павелъ, подобно Петру Великому, получившему въ Сорбонѣ (въ Парижѣ) такое же предложеніе, передалъ его на опроверженіе духовной власти, и во 2-хъ, что Груберъ за этотъ дерзкій поступокъ (по словамъ же прот. Ѳаворова) навлекъ на себя полное нерасположеніе Императора. Едва-ли кто нибудь изъ русскаго духовенства могъ быть предрасположенъ въ пользу этого дѣла.

ского Сборника, сдѣлано благосклонное распоряженіе о снятіи вѣрной копіи съ латинскаго текста этого знаменитаго труда.

Подлинная рукопись *Изслѣдованія* хранится въ Кіево-софійской соборной библіотекѣ, подъ № 592 и русскій текстъ ея уже напечатанъ въ одномъ Кіевскомъ періодическомъ изданіи *). Латинскій текстъ вмѣстѣ съ русскимъ en regard будетъ помѣщенъ въ *Сборникѣ*.

Чтобы лучше оцѣнить заслугу Евгенія, оказанную имъ православію, считаемъ не лишнимъ вкратцѣ познакомить нашихъ читателей съ личностью іезуита Грубера, дабы уяснить значеніе собственныхъ словъ Евгенія: «*дѣло обошлось безъ напасти*».

Гавріилъ Груберъ родился въ Вѣнѣ, 6-го мая 1740 года. Отличаясь необыкновеннымъ умомъ, знаніемъ свѣта и всеобъемлющими познаніями, онъ принадлежалъ, по личнымъ своимъ достоинствамъ, къ числу знаменитѣйшихъ членовъ ордена іезуитовъ. Сверхъ того онъ пользовался хорошимъ общественнымъ мнѣніемъ, относительно своихъ нравственныхъ достоинствъ, мягкостью же своего характера и особенно утонченною привѣтливостью онъ снискивалъ себѣ всеобщее уваженіе и любовь. Будучи въ то же время механикомъ, знатокомъ математики, физики, химіи и медицины и въ добавокъ живописцемъ и любителемъ музыки, онъ посвящалъ свободныя отъ обязанностей призванія минуты любимымъ занятіямъ наукой и искуствами. Чрезвычайною легкостью, съ какою онъ могъ производить столько трудныхъ и разнообразныхъ работъ, онъ приводилъ въ недоумѣніе всѣхъ близко его знавшихъ. Поступивъ въ орденъ іезуитовъ, онъ приготовлялся быть миссіонеромъ въ Китаѣ; но, по прекращеніи существованія ордена папою Климентомъ XIV, вмѣстѣ съ другими іезуитами прибылъ въ Бѣлоруссію, въ эту единственную уцѣлѣвшую «іезуитскую провинцію», гдѣ нашелъ довольно многочисленную братію, и тамъ оставался до кончины Екатерины II. Со вступленіемъ на престолъ Павла I, Груберъ поселился на жительство въ Петербургѣ. Груберъ прибылъ въ столицу, съ цѣлію представить Академіи Наукъ сдѣланныя имъ въ механикѣ усовершенствованія, и нашелъ многихъ покровителей, въ томъ числѣ нѣсколькихъ вельможъ, которые бывъ проѣздомъ въ Полоцкѣ, восхищались тамъ физическимъ кабинетомъ, типографіей и другими научными учрежденіями іезуитовъ. Груберъ и сопровождавшіе его іезуиты получили доступъ въ общество, посѣщали Академію, бывали вездѣ, гдѣ предвидѣли возможность сдѣлать полезныя зна-

*) *Руководство для сельскихъ пастырей*, Кіевъ, 1867 г. № 34.

комства, и обратили на себя вниманіе столько же своими познаніями, сколько и чрезвычайною скромностью. Слухи объ ихъ достоинствахъ и примѣрномъ благочестіи дошли наконецъ до Двора. Императоръ пригласилъ къ себѣ Грубера, былъ очарованъ имъ, и тотчасъ же хотѣлъ пожаловать его въ Мальтійскіе кавалеры. Груберъ, уклонившись отъ этой милости, на основаніи статутовъ своего ордена, прибавилъ смиренно, что члены общества Іисуса посвящаютъ себя на служеніе государямъ и ихъ подданнымъ единственно ради вящшей славы Бога (ad majorem Dei gloriam). Этотъ отвѣтъ такъ понравился, что императоръ разрѣшилъ Груберу свободный доступъ въ свой кабинетъ во всякое время и каждый разъ встрѣчалъ его словами: ad majorem Dei gloriam.

Послѣдствія приближенія къ особѣ Государя этого іезуита оказались весьма пагубными для католическаго митрополита Сестренцевича, желавшаго подчинить іезуитовъ своей власти. По стараніямъ Грубера, Сестренцевичъ, вмѣстѣ съ запрещеніемъ являться ко Двору, былъ лишенъ знаковъ Мальтійскаго ордена. Враги его не удовольствовались этою немилостью царя: они успѣли бросить тѣнь недовѣрія на Сестренцевича, вслѣдствіе чего митрополитъ сосланъ былъ сначала въ свое помѣстье въ шести верстахъ отъ Могилева, а потомъ перевезенъ дальше отъ губернскаго города въ другое помѣстье и отданъ подъ надзоръ полиціи. Живя въ совершенномъ уединеніи, такъ какъ всякій доступъ къ нему былъ запрещенъ, ученый мужъ весь предался наукѣ, кончилъ свое сочиненіе о Тавридѣ, начатое при князѣ Потемкинѣ, и занялся изслѣдованіями о происхожденіи Славянъ. Труды эти сдѣлали имя Сестренцевича извѣстнымъ въ ученомъ мірѣ.

Высылка митрополита Сестренцевича до того сдѣлала іезуитовъ неосторожными и увѣренными въ своей силѣ, что они, считая почву довольно подготовленною для осуществленія своихъ видовъ, подвинули Грубера на рѣшительный шагъ — представить записку о соединеніи церквей, какъ мы видѣли, претерпѣвшую совершенное пораженіе отъ Евгенія. Казалось, что послѣ такого изобличенія ихъ замысловъ положеніе ихъ въ Россіи должно было перемѣниться, и счастливая звѣзда Грубера на всегда закатиться; но на самомъ дѣлѣ вышло иначе. Хотя Императоръ Александръ I и не отличалъ Грубера особенными милостями, но тѣмъ не менѣе цѣнилъ и уважалъ его до того, что при посѣщеніи въ 1801 году Полоцкаго іезуицкаго коллегіума, по случаю смертельной болѣзни генеральнаго викарія іезуитскаго ордена Карё (Kareu), снисхо-

дя къ усильнымъ просьбамъ Грубера, всемилостивѣйше разрѣшилъ обнародовать буллу папы Пія VII «Catholicae fidei», отъ 7-го марта 1801 года о возстановленіи ордена іезуитовъ въ Россіи. Булла эта, по ходатайству того же Грубера, еще Императоромъ Павломъ I была испрошена у папы Пія VII. Вѣроятно, въ награду за эти старанія, Груберъ, по смерти Карё 10-го октября 1805 года избранъ былъ генераломъ ордена.

Отцы іезуиты находили себѣ сильную поддержку со стороны двухъ лицъ, игравшихъ значительную роль въ Петербургѣ. Первымъ изъ нихъ былъ графъ Ильинскій, который, пользуясь расположеніемъ къ нему Императора Павла, отправилъ въ 1800 году митрополита Сестренцевича въ ссылку, въ угоду іезуитамъ; вторымъ графъ де-Мэстръ, питомецъ іезуитовъ, сначала эмигрантъ, потомъ съ 1803 года посланникъ Сардинскаго короля въ Петербургѣ.

Послѣдній былъ не только покровителемъ іезуитовъ, но ихъ руководителемъ и, такъ сказать, свѣтскимъ генераломъ ордена. Благодаря вліянію его необыкновеннаго ума, многіе изъ высшаго Петербургскаго общества, (въ томъ числѣ и князь Александръ Николаевичъ Голицынъ), особенно же дамы, очень благоволили къ ученикамъ Игнатія Лойолы, и составляли весьма сильную партію, противъ которой было не безопасно выступить такъ открыто, какъ это сдѣлалъ Евгеній.

Кромѣ догматическаго трактата о папской власти, Евгенію поручено было въ 1802 году составить примѣчанія на книгу пастора *Рихтера*, подъ заглавіемъ: «*Учебная книга въ формѣ катихизиса о главнѣйшихъ должностяхъ общественной жизни, собранная для низшихъ гражданскихъ и народныхъ школъ*». Примѣчанія эти, какъ замѣчательный трудъ Евгенія, были представлены митрополитомъ Амвросіемъ въ кабинетъ Его Величества.

Въ 1803 году, директоръ императорской Вѣнской библіотеки Ганка де-Ганкенштейнъ прислалъ въ св. синодъ составленное имъ «Разсмотрѣніе древнѣйшаго — будто бы — кодекса первобытной славянской церкви» (Recensio codicis pervetusti primaevae Slavorum ecclesiae seculi VIII). На это сочиненіе, по порученію св. синода, Евгеній написалъ примѣчанія, которыя были имъ представлены митрополиту Амвросію.

Обративъ на себя вниманіе этими, можно сказать, европейскими трудами, Евгеній является еще дѣятелемъ самымъ усерднымъ на поприщѣ общественной благотворительности.

Въ 1802 году состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи *Комитета бла-*

годительнаго общества для подаванія помощи бѣднымъ. Въ этотъ комитетъ Евгеній, тогда еще архимандритъ и префектъ Александро-Невской академіи, самимъ Государемъ былъ назначенъ членомъ и вполнѣ оправдалъ Высочайшее довѣріе, принимая живѣйшее участіе въ дѣйствіяхъ комитета. Ему, какъ члену, было поручено составить планъ, какимъ образомъ всего лучше можно подавать помощь убогимъ и престарѣлымъ. Вслѣдствіе того онъ представилъ въ комитетъ *Голосъ* *), въ которомъ исторически прослѣдилъ всѣ русскія законоположенія о призрѣніи нищихъ.

Изъ этого изслѣдованія члены комитета могли узнать, какія существовали прежде въ Россіи учрежденія для общественнаго призрѣнія нищихъ и какія были принимаемы мѣры для облегченія ихъ участи. Всѣ его соображенія съ проектомъ новаго благотворительнаго общества вошли во всеподданнѣйшій докладъ.

Затѣмъ мы видимъ архимандрита Евгенія дѣйствующимъ лицомъ при празднованіи 15, 16 и 17 мая 1803 года столѣтней годовщины основанія Петербурга.

Могъ ли Евгеній, при своемъ патріотическомъ настроеніи, не принять живаго участія въ торжествѣ этой годовщины?

Слово, произнесенное имъ въ Исакіевскомъ соборѣ, въ этотъ высокоторжественный день, также какъ и составленое имъ описаніе самаго обряда церковнаго, происходившаго по случаю торжества, составляютъ любопытныя страницы въ исторіи нашей сѣверной столицы.

Позволю себѣ сдѣлать краткое извлеченіе изъ этого описанія, мало кому извѣстнаго и составляющаго *библіографическую* рѣдкость.

«Вслѣдствіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, по случаю благополучно совершившагося перваго столѣтія отъ зачатія царствующаго града С.-Петербурга, сего мая 15, 16 и 17 дня 1803 года, при разныхъ другихъ гражданскихъ и воинскихъ церемоніяхъ, церковная происходила слѣдующая:

---

*) У пишущаго эти строки есть въ рукописи этотъ *Голосъ* съ собственноручною помѣткой Евгенія: «Поданъ 25-го октября 1802 года», и какъ рукопись эта принадлежала В. Г. Анастасевичу, то и симъ послѣднимъ сдѣлана на ней слѣдующая замѣтка: «Получена отъ митрополита Кіевскаго, писавшаго мнѣ, что потомъ и закрыто было упомянутое учрежденіе по рескрипту на имя Витовтова». Къ этой рукописи приложена опись дѣламъ по комитету Благотворительнаго общества, въ которой озаглавлено содержаніе бумагъ и разныхъ проектовъ. Всѣхъ ихъ числомъ 26. Начиная съ № 17-го по № 26-й включительно съ боку оглавленій значится собственноручная приписка Евгенія: «Это все мое». Одно только оглавленіе проектовъ, выписокъ и меморій которыя вносились Евгеніемъ въ засѣданія комитета на обсужденіе членовъ его, невольно приводитъ въ недоумѣніе, сколько онъ приложилъ труда и по этой части, въ званіи члена комитета Благодѣтельнаго общества. Къ сожалѣнію, труды эти, какъ и многіе другіе, мало извѣстны и по сіе время скрываются въ архивахъ тѣхъ обществъ, которыхъ Евгеній былъ членомъ не для почета и титула, а дѣйствительно для пользы самаго дѣла. Въ упомянутомъ *Голосѣ* заключается весьма много интересныхъ подробностей относительно общественной благотворительности въ Россіи. Этотъ трудъ заслуживаетъ быть напечатаннымъ въ *Евгеніевскомъ Сборникѣ*.

На канунѣ торжества, мая 15-го по предварительно учиненной повѣсткѣ во всѣхъ С.-Петербургскихъ соборахъ, монастыряхъ и церквахъ своимъ духовенствомъ, а въ Исакіевскомъ соборѣ синодальнымъ членомъ, преосвященнымъ Варлаамомъ, архіепископомъ Грузинскимъ, съ архимандритомъ и тамошнимъ духовенствомъ, съ вечера отправлено всенощное бдѣніе. Въ самый же день заложенія Санктпетербурга, то-есть, мая 16-го, во всѣхъ церквахъ съ половины восьмаго часа по утру совершалась Божественная литургія съ благодарственнымъ Господу Богу молебствіемъ, по окончаніи коего возглашена была блаженныя памяти государю Петру Великому по церковной формѣ *вѣчная памятъ* а потомъ Его Императорскому Величеству со всею Высочайшею фамиліею *многолѣтіе*. А въ Петропавловскомъ соборѣ въ то же время синодальнымъ членомъ Принеемъ, архіепископомъ Псковскимъ, сперва надъ гробомъ блаженныя памяти государя Петра Великаго соборнѣ отправлена панихида, потомъ литургія и также благодарственное молебствіе. Между тѣмъ съ восьми часовъ того же утра и въ Исакіевскомъ соборѣ начата литургія святѣйшаго синода первенствующимъ членомъ Амвросіемъ, митрополитомъ Новгородскимъ и Санктпетербургскимъ, предъ окончаніемъ которой говорено Сергіевой пустыни архимандритомъ и Александро-Невской академіи префектомъ *Евгеніемъ* торжественное слово,»

Приведу здѣсь только заключеніе этого слова.

«Всѣ сіи размышленія, что открываютъ намъ при настоящемъ торжествѣ? Они служатъ намъ яснѣйшимъ доказательствомъ того, что Всевышній къ основателю сего града, отцу отечества нашего, благоволилъ въ самомъ основаніи семъ столько же, сколько во всѣхъ другихъ славныхъ его предпріятіяхъ. Самъ великій Петръ то чувствовалъ и чувствованіе сіе изъявлялъ примѣрнымъ своимъ благочестіемъ. Еще цѣлы здѣсь тѣ храмы, въ которыхъ сей монархъ Россіи предстоялъ алтарю Господню съ благоговѣніемъ подданнаго и въ благочестивомъ жару сердца самъ воспѣвалъ славословіе Вышнему. Потомки въ дѣлахъ его несравненно болѣе видятъ *перстъ Божій*, удивляясь до нынѣ безпримѣрному успѣху сего града, такъ какъ и всѣхъ его начинаній. Въ самой вещи, начать дѣло не предназначенное ни единымъ изъ своихъ предмѣстниковъ, въ странѣ еще не уступленной сосѣдями Россіи, въ дебрехъ едва проходныхъ, на зыбяхъ не способныхъ къ основанію, основать свое жилище и даже столицу градовъ россійскихъ; укрѣплять мѣсто самою природою разслабленное; единою рукою созидать и въ то же время другою обороняться отъ нападенія враговъ,—есть дѣло и даже самая мысль безъ особеннаго содѣйствія Божія превыше естественныхъ силъ человѣчества. Россія искони имѣла многихъ премудрыхъ и предпріимчивыхъ государей; но одни изъ нихъ едва обращали вниманіе на сію страну, другіе только умѣли ратовать въ ней и поражать враговъ своихъ; иные довольствовались безполезнымъ обладаніемъ ея. Единому Петру премудрымъ промысломъ Вышняго предоставлено преобразить лице земли сея и въ тонкихъ зыбяхъ ея найти твердое дно для основанія зданія славы и могущества Россіи. И могъ ли самъ основатель сперва надѣяться, что малый оплотъ его вскорѣ содѣлается важною необоримою твердынею всея имперіи? Но Петръ полагалъ слабый камень съ твердою надеждою на Бога—и сего довлѣло для незыблемаго основанія! Надѣющій бо ся на Господа, яко гора Сіонъ. (Псаломъ 124).

«И се градъ Петровъ достигъ уже въ единый только вѣкъ отъ ничтожества до необозримаго величія, отъ неизвѣстности до повсемственныя славы, отъ слабости до непреодолимой крѣпости. Что будетъ исполинъ сей въ два вѣка и потомъ? Всевышній не безъ особеннаго промысла предопредѣлилъ первый вѣкъ его начать *Петромъ* первымъ, но заключить первымъ *Александромъ*, дабы тѣмъ самымъ раздѣлить между ими славу быть эпохами его возраста и съ нимъ благоденствія Россіи. Преемники Петровы до нынѣ почти исполнили всѣ его предначинанія; но *Александру* въ судьбахъ предоставлено предпріять и совершить многое не предначатое и *Петромъ*. Въ два лѣта благосло-

веннаго его царствованія Россія видѣла уже неоднократныя тому доказательства. Петръ могъ только многое предусмотрѣть, нѣчто предначертать, а прочее токмо желать для благоденствія своихъ подданныхъ. Преемники Петровы постепенно ихъ къ оному только приближали. Но—поставить Россію на самомъ верху сего счастія и паче всего, содѣлать самихъ Россіянъ способными вкушать и чувствовать оное — сія слава будетъ славою *Александра* перваго.

«Сугубое убо нынѣ мы празднуемъ торжество, сограждане! Ибо оканчиваемъ въ градѣ семъ благословенный вѣкъ *Петровъ* и начинаемъ благословеннѣйшій вѣкъ *Александровъ*; благодаримъ Вышняго за дарованіе Россіи перваго и въ радости славословимъ Его за наше наслажденіе вторымъ; преисполняемся чувствованіями признательности къ Петру, по изливаемъ всѣ желанія сердца къ Александру».

Затѣмъ Евгеній продолжаетъ описаніе торжества.

«По совершеніи литургіи всѣ члены св. синода съ градскимъ духовенствомъ и гг. сенаторы съ знатнѣйшими особами въ томъ же Исакіевскомъ соборѣ ожидали прибытія Ихъ Императорскихъ Величествъ къ соборному отправленію благодарственнаго Господу Богу молебствія. Въ 11 часовъ по полуночи Ихъ Императорскія Величества Государыни Императрицы и Ихъ Императорскія Высочества въ предшествіи и препровожденіи императорской свиты изволили прибыть въ Исакіевскій соборъ изъ Зимняго дворца и при входѣ встрѣчены святѣйшимъ синодомъ съ животворящимъ крестомъ. По вшествіи въ соборъ, начатъ благодарственный молебенъ, а по окончаніи онаго пѣто Тебѣ Бога хвалимъ при пушечной съ адмиралтейства и крѣпости пальбѣ и при ружейномъ огнѣ стоявшихъ около собора полковъ, подъ собственнымъ Его Императорскаго Величества распоряженіемъ. По отпускѣ возглашена по формѣ протодіакономъ и пѣвчими государю Петру Великому *вѣчная память* при повторенной пальбѣ изъ пушекъ и ружей, а наконецъ многолѣтіе Его Императорскому Величеству и всей Высочайшей фамиліи, при таковой же пальбѣ. По совершеніи всей церковной церемоніи святѣйшій синодъ и старшее духовенство приносили всеподданнѣйшія поздравленія Ихъ Императорскимъ Величествамъ и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ по обыкновенію. А напослѣдокъ Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества въ сопровожденіи придворнаго штата, духовенства, господъ сенаторовъ и прочихъ знатнѣйшихъ обоего пола особъ изволили по выходѣ изъ церкви отбыть въ домъ сената для зрѣнія воинскихъ церемоній, подъ собственнымъ предводительствомъ Его Императорскаго Величества предъ монументомъ Петра Великаго совершившихся. По окончаніи же оныхъ начался по всему городу колокольный звонъ и продолжался чрезъ три дня.

«На другой день, то-есть, 17-го мая, по Высочайшей же волѣ, въ Петропавловскомъ соборѣ происходило слѣдующее по случаю положенія на гробницѣ въ Бозѣ почившаго государя императора Петра Великаго золотой медали, поднесенной Его Императорскому Величеству отъ города Санктпетербурга въ память сей торжественной эпохи. Въ десять часовъ по полуночи начата Божественная литургія преосвященнымъ Амвросіемъ митрополитомъ Новгородскимъ и Санктпетербургскимъ, соборнѣ, во время которой оная медаль г. министромъ юстиціи и генералъ-прокуромъ Гавріиломъ Романовичемъ Державинымъ внесенная во святый алтарь положена была на пристойномъ мѣстѣ. За тѣмъ по совершеніи литургіи синодъ и сенатъ предстали къ гробницѣ государя императора Петра Великаго, а медаль протоіереемъ того собора вынесена и положена на нарочно уготовленномъ для оной мѣстѣ надъ гробницею. Послѣ того святѣйшимъ синодомъ съ духовенствомъ отправлена была панихида съ провозглашеніемъ *вѣчныя памяти*, и потомъ прочтенъ въ слухъ имянный Его Императорскаго Величества высочайшій указъ, повелѣвавшій положить на гробѣ государя Петра Великаго помянутую золотую медаль, которая тотъ же часъ старшимъ изъ присутствовавшихъ господъ сена-

торовъ, графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгоновымъ, поднесена преосвященному митрополиту, а симъ положена на гробницѣ съ провозглашеніемъ слѣдующихъ словъ:

«Отецъ отечества! Исполняя волю достойнаго твоего преемника Александра Перваго, возложе-«ніемъ на гробъ твой сего памятника, въ знаменіе Его къ тебѣ благоговѣнія, умоляемъ Бога, упо-«коющаго душу твою въ своихъ селеніяхъ, да откроетъ тебѣ съ онымъ и нашу признательность къ «твоимъ благодѣяніямъ, признательность всего сего правительствующаго сословія, тобою первоначально «созваннаго, признательность всего царствующаго града, тобою основаннаго, признательность всея «Россіи, тобою возрожденной и просвѣщенной и чтити имя твое во вѣки вѣковъ обязанной».

На положеніе медали была сочинена Г. Р. Державинымъ слѣдующая надпись:

«Приникни съ высоты, великій мужъ!
И виждь: потомки полагаютъ
На прахъ твой знакъ, и благодарныхъ душъ
Заслуги въ гробѣ созрѣваютъ».

Пасторъ Іоганнъ Генрихъ *Буссе*, Почетный членъ С.-Петербургской Академіи Наукъ и извѣстный редакторъ: *Историческаго и Политическаго журнала Россійскаго Государства*, издававшагося на нѣмецкомъ языкѣ, по поводу столѣтняго юбилея основанія С.-Петербурга, также сказалъ приличную къ случаю проповѣдь *).

Любители отечественной старины вѣроятно не безъ любопытства прочитаютъ нѣкоторыя выдержки изъ нея и пріятно имъ будетъ убѣдиться въ томъ, что иностранцы, нашедшіе для себя въ Россіи другое отечество, были преисполнены, въ минуту общей радости жителей столицы, чувствами благодарности за данный имъ пріютъ, при бывшихъ политическихъ смутахъ въ ихъ отечествѣ.

«...Не опасаюсь, друзья мои, что вы сего не возчувствуете; напротивъ надѣюсь, что вы признаете съ благодарнымъ сердцемъ: что Богъ здѣсь подаетъ намъ щедро свои блага. Сколь бы кто удостовѣренъ ни былъ въ истинѣ, но никогда не бываетъ безполезно повторять тѣ доказательства, которыя утверждаютъ оную; особливожъ не безполезно повторить ихъ нынѣ, когда торжественной случай наши сердца отверзаетъ радости, и тѣмъ удобнѣе дѣлается нашему размышленію пріятіе таковыхъ къ истинѣ убѣжденій. И такъ, съ признательностію воображая полученныя въ семъ градѣ отъ Бога благодѣянія, вникнетъ прилежнѣе въ качество тѣхъ благъ, коихъ участниками сдѣлались здѣсь особенно мы, — мы, которые сами по себѣ, либо въ отношеніи къ нашимъ родителямъ и прародителямъ, были чуждые Россіи странники.

Когда родители наши, или ихъ предки, либо сами мы — испытавъ въ своей отчизнѣ горестную судьбу, или бывъ побуждены желаніемъ прибытка и надеждою найти его здѣсь скорѣе, или движимы любопытствомъ приобрѣсти о Россіи свѣдѣнія, я присовокуплю еще, или по юношеской опрометчивости и по безразсудности, словомъ по какой бы причинѣ ни было — когда, говорю, переселялись

*) Слово проповѣданное сего года маія 17 дня въ лутеранской Св. Екатерины церкви, что на Васильевскомъ острову г. консисторіалратомъ Иваномъ Буссе, по случаю трехдневнаго торжественнаго празднованія перваго столѣтія прошедшаго отъ основанія столичнаго града Санктпетербурга. Переведено съ подлинной нѣмецкой рукописи А. Кр. (Красовскимъ) въ С.-Петербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ 1803 года.

сюда: вѣрно весьма не многіе изъ нихъ и изъ насъ тогда располагались скончать здѣсь свою жизнь. Напротивъ того руководила и оживляла всякаго одна надежда: чрезъ весьма короткое время или собрать здѣсь довольно имѣнія, или инымъ какимъ образомъ придти въ такое состояніе, чтобы какъ возможно выгоднѣе и лучше было возвратиться изъ сей страны, которую каждой изъ пришельцевъ болѣе или менѣе почиталъ грубою и еще не образованною, и въ которой конечно никто не думалъ провести жизнь свою благополучнѣе, нежели сколько надѣялся въ своемъ отечествѣ. Можетъ быть, что тогда первое время здѣшняго пребыванія и оправдывало, по видимому, всѣ или по крайней мѣрѣ многія мысли, какія каждый пришлецъ имѣлъ о людяхъ суровыхъ и дикихъ; можетъ быть, что онъ счастливѣйшимъ днемъ своего здѣсь пребыванія почиталъ тотъ день, въ которой должно было ему разстаться съ Россіею: — однако сіи мысли довольно скоро перемѣнились. Узнали что, и здѣсь можно было вести пріятную и безнужную жизнь; такимъ образомъ начали уже здѣсь тратить то самое имѣніе, которое единственно съ тѣмъ намѣреніемъ было собрано, чтобы съ онымъ выѣхать изъ Россіи. Чрезъ сіе понемногу привыкали думать, что и здѣсь возможно было прожить; состарѣвались въ надеждѣ; наибольшую часть женатыхъ иностранцевъ привязывали къ здѣшней сторонѣ ихъ дѣти, которыя не знали другаго отечества; самые родители болѣе и болѣе прилѣплялись къ Россіи, и даже научали дѣтей своихъ сію землю, которую они избрали мѣстомъ своей промышленности, или мѣстомъ своего убѣжища, почитать за настоящее мѣсто ихъ пребыванія; очень многіе переселенцы, провождая здѣсь тихо и спокойно свою жизнь, избѣгли можетъ быть подлинныхъ или мнимыхъ притѣсненій, которыхъ они имѣть не могли при кротости Россійскаго правленія; слѣдовательно избранная ими новая земля въ одномъ семъ отношеніи предпочтительныя доставляла уже имъ выгоды предъ оставленною ими стороною. Они, отцы наши, или мы сами остались въ Россіи; и такъ мы не сдѣлались либъ-не благодарными, еслибъ такое Государство, въ которомъ они и мы всѣ столь дружески были приняты, еслибъ, говорю, не захотѣли мы Россію почитать и любить, какъ свое отечество? Признаемъ, что въ замѣнъ нѣкоторыхъ претерпѣваемыхъ непріятностей и недостатковъ, мы здѣсь много, и презбыточно много получаемъ выгодъ, а при томъ выгодъ важныхъ. Признаемъ, что наши промыслы вообще производятся гораздо удобнѣе здѣсь, нежели въ нашей отчизнѣ; признаемъ также, что здѣсь мы болѣе пріобрѣтаемъ, и пріобрѣтеннымъ обыкновенно живемъ лучше. Справедливо, что нельзя почесть вовсе напрасною жалобу на дороговизну съѣстныхъ припасовъ и на необходимость расходовъ, каковые введенной обычай насъ заставляетъ здѣсь имѣть и противу воли: однако признаемся и въ томъ, что по мѣрѣ возвышенія дороговизны, для большей части состояній и промыслы сдѣлались легче, и умножились такъ, что расходы въ сихъ состояніяхъ стали, повидимому, нужнѣе; а кто теперь не въ силахъ, достать себѣ столько прибытка, тому, для пропитанія здѣсь если не безъ заботы, по крайней мѣрѣ безъ нужды, надобно вести себя нѣсколько осторожнѣе, и удерживаться отъ многихъ расходовъ, каковыхъ онъ никогдабъ не зналъ въ своей отчизнѣ. Впрочемъ ежели и есть препятствія сему достаточному пропитанію, то одно изъ величайшихъ въ самыхъ насъ находится. Когда въ первую половину столѣтія, минувшаго сему граду, предки наши явились здѣсь съ пріобрѣтенными знаніями и со своимъ прилѣжаніемъ къ искусствамъ: тогда они нашли въ природныхъ жителяхъ народъ, которой въ оныхъ былъ или совершенно несвѣдущъ, или по крайней мѣрѣ мало свѣдущъ. Россіяне и бѣдные и богатые приняли ихъ весьма охотно. и часто награждали расточительно за сообщеніе имъ знаній, которыхъ они еще непмѣли. Тогда наши предки естественнымъ образомъ весьма легко наживались, и по причинѣ своихъ знатнѣйшихъ промысловъ также легко пріобрѣтали отличное преимущество надъ Россіянами, которые въ другомъ отношеніи могли бы съ ними равняться своимъ состояніемъ и правомъ на удобности и на пріятности жизни. Теперь обстоятельства сіи много перемѣнились. Русскіе научились отъ насъ; и во многомъ искусны уже не одни иностранцы: не они одни умѣютъ, что либо работать, и хорошо переработывать. Въ Государственной службѣ, въ торговлѣ, въ

промыслахъ, въ художествахъ и ремеслахъ пріобрѣли русскіе также много выгодъ — выгодъ, на которыя прежде сего одни иностранцы имѣли право, потому что они одни имѣли потребныя, или по крайней мѣрѣ превосходныя свѣдѣнія. Но между нами очень часто сынъ, или новой пришлецъ не имѣетъ такихъ познаній своего отца или предка, не имѣетъ того превосходнаго ихъ искусства, какія наслѣдственно онъ получилъ права на преимущества и выгоды въ жизни. Не должны ли мы предъ всѣми признаться за истину, что главная причина бѣдности и убожества многихъ здѣсь живущихъ иностранцевъ есть та, что они несправедливо простирали требованія свои на роскошную жизнь, — и симъ самымъ расходы свои возвысили надъ своими доходами? Но можемъ ли тѣмъ винить здѣшнее мѣсто, или Россію; не болѣе ли виновны тѣ люди, которые, не посѣявъ, хотятъ уже собирать жатву? — Однако, уже ли покажется намъ великимъ число сихъ бѣдныхъ, коль скоро сравнимъ *настоящее время* съ тѣмъ, что *было прежде?* Если сдѣлаемъ сравненіе между нашимъ состояніемъ *здѣсь* и между нашимъ состояніемъ *въ другихъ* земляхъ: то будемъ должны отдать честь сей истинѣ, что число совершенно бѣдныхъ и убогихъ, особливожъ обѣднѣвшихъ безъ доказанной вины — гораздо менѣе здѣсь, нежели въ другихъ мѣстахъ? Подлинножъ неимущимъ и бѣднымъ людямъ здѣсь, при вообще лучшемъ благосостояніи, оказывается и болѣе благодѣтельной помощи, нежели во многихъ другихъ земляхъ. Но вообще должно положительно сказать, что всякъ, кто только хочетъ трудиться, здѣсь легко еще найдетъ способы къ пропитанію; весьма мало сыщется такихъ людей, которые имѣлибъ причину на то жаловаться, что они безъ собственной вины здѣсь терпятъ нужду. И такъ за неоспоримую признаемъ истину, что первымъ преимуществомъ сего града можно почесть то, что оный по своему мѣстоположенію, по стеченію въ него толь многихъ разнаго рода людей, по своей знаменитости, будучи столицею обширнаго и отъ природы толико всѣмъ обогащеннаго государства, доставляетъ своимъ жителямъ вообще легкіе способы къ пропитанію.

И не токмо къ пропитанію, но и къ наслажденію. Я отъ того весьма удаленъ, чтобы восхвалять здѣсь какое либо невоздержное наслажденіе, или оное оставлять безъ охужденія. Всякое излишнее чувственное удовольствіе, всякая неумѣренность въ наслажденіи посрамляетъ человѣка разумнаго. Но когда тѣмъ, что къ содержанію жизни принадлежитъ, наслаждаются здѣсь свободнѣе и дружелюбнѣе; когда охотнѣе и пріятнѣе раздѣляютъ здѣсь съ другими употребленіе своего имѣнія: то сіе свободнѣйшее обхожденіе, сіе величайшее гостепріимство не токмо не достойно порицанія, но заслуживаетъ даже похвалу строгаго нравоучителя. И сіе-то гостепріимство составляетъ здѣсь главный образъ жизни. Еслижъ люди безразсудные толь легко употребляютъ оное во зло, и если гостепріимство удобно обращаться можетъ въ неблагонравіе: то сіе хотя и бываетъ къ сожалѣнію слѣдствіемъ, однако не слѣдствіемъ неизбѣжнымъ свободнѣйшаго образа жизни. Даже сомнительно еще: не скорѣе ли при образѣ ограниченнѣйшей жизни перераждается въ неблагонравіе всякая случайная свободность обхожденія? Но безразсудный во всемъ найдетъ для себя ядъ; разсудительный же, мудрый человѣкъ въ семъ величайшемъ и свободнѣйшемъ обращеніи, какое между здѣшними жителями господствуетъ, будетъ находить весьма великое, и конечно весьма позволительное наслажденіе жизнію.

Далѣе, указавъ на тѣ выгоды, какія столица обширнаго и богатаго государства доставляетъ своимъ жителямъ въ легкомъ пріобрѣтеніи средствъ для удобной и даже роскошной жизни, проповѣдникъ обращаетъ вниманіе своихъ прихожанъ на *вѣротерпимость*, какою пользуются въ Россіи иностранцы.

Но преимущество величайшее, и отъ учителя христіанскаго закона всего болѣе восхваленія достойное, есть безъ сомнѣнія то преимущество, которымъ ознаменовано все Россійское Государство, преимущество, говорю, котораго можетъ быть не былибъ многіе изъ насъ участниками, еслибъ не было

сего града: я разумѣю здѣсь свободу своего исповѣданія въ такихъ должностяхъ, которыхъ ничего нѣтъ важнѣе для человѣка разумнаго. Обратите, друзья мои, обратите взоръ вашъ на многія государства: вы увидите, что тамо проповѣдуютъ Имя Іисуса, но не терпятъ христіанъ. Ахъ! силы ваши недостаточны къ восхваленію сея *терпимости вѣръ* *), которую должно здѣсь называть уже *не такъ*, но *свободнымъ исповѣданіемъ вѣръ*. Что есть драгоцѣннѣе сего блага? Но что и отъемлется чаще онаго? Даже въ такихъ земляхъ сіе безцѣнное право по крайней мѣрѣ нарушается и стѣсняется, гдѣ мудрое и человѣколюбивое правительство не желаетъ онаго лишать гражданъ. Можетъ быть предки наши, оставляя свою отчизну, не думали обрѣсти здѣсь сіе благо въ такой мѣрѣ, въ какой они подлинно нашли, и въ какой мы его получили отъ нихъ, увеличивъ во многомъ отношеніи по обстоятельствамъ лучшаго проницанія и вящшаго просвѣщенія. Мы смѣемъ то свободно исповѣдывать, чему вѣруемъ и по вѣрѣ нашей можемъ поступать и жить.

За тѣмъ излагаетъ поводы къ благодарности:

И такъ не обязаны-ли мы отъ чистаго признательности исполненнаго сердца благодарить Бога за сохраненіе нашего града, за распространеніе его и за возведеніе на толикую степень славы? Наши предки и мы обрѣли здѣсь надежное убѣжище. Удалившись отъ бѣдствій войны, мы здѣсь прожили мирно послѣдніе годы, то самое время, когда сіе адское изчадіе со свирѣпостію опустошало прекраснѣйшія мѣста нашего отечества. При всѣхъ гоненіяхъ, которыя испытали жители другихъ государствъ, отцы наши спокойно здѣсь вели и заключили свою жизнь. Благополучно было начало, благополучно продолженіе, но еще благополучнѣе конецъ перваго столѣтія нашего града. Совершилось столѣтіе непричастное всѣмъ тѣмъ бѣдствіямъ, отъ которыхъ страдали другіе знаменитые города. Правда, бывали здѣсь наводненія, бывали пожары; но вредъ, сдѣланный первыми, весьма скоро миновалъ, и былъ легко позабытъ; нѣтъ также и тѣхъ пустотъ, которыя на весьма краткое время оставили послѣ себя пожары.

... Благополучно начатъ былъ протекшій вѣкъ, въ который Августѣйшій Основатель сего града управлялъ Россіею, и крѣпкимъ содѣлался защитникомъ Своего народа, нужноль мнѣ говорить о благополучномъ минувшаго вѣка окончаніи? ПЕТРЪ былъ Великій Государь, Великій Образователь Своихъ подданныхъ, и Великій Герой. Да будетъ АЛЕКСАНДРЪ счастливѣе Великаго ПЕТРА; да не будетъ ОНЪ имѣть причины, и Самъ да не найдетъ никогда случая къ снискапію славы героя: но въ мирномъ сіяніи да будетъ счастливымъ Образователемъ гражданъ своей Имперіи; почитаемъ будучи съ благоговѣніемъ, яко Государь, всегда любимъ и прославляемъ, да пребудетъ Отцемъ Своего народа.

Въ заключеніе приведемъ еще патріотическую молитву, сказанную достопочтеннымъ пасторомъ, оживленнымъ сильнымъ чувствомъ любви къ своему новому отечеству.

... Паче многихъ человѣковъ, паче многихъ помазанниковъ изліялъ Ты дары духа твоего на Основателя града. *Да будутъ въ немъ обитать всѣхъ концевъ земли и всѣхъ языковъ народы, покланяющіеся Богу и Іисусу Христу:* такъ мыслилъ, такъ говорилъ Онъ, когда созидалъ сей градъ; ПЕТРЪ Самъ и Его преемники пребыли вѣрны *сему слову*. Благодаримъ Тебя, перваго благъ Подателя —Милосердіе и кротость воцарились на Всероссійскомъ престолѣ въ ПЕТРОВОЙ дщери; отцы наши хвалами превознесли намъ правленіе ЕЛИСАВЕТЫ, яко царствованіе благословенное изобиліемъ благъ земныхъ. Благодаримъ Тебя —Высокая царская добродѣтель и величіе духа явились на Всероссійскомъ престолѣ въ

*) Но съ *терпимостію вѣръ* — сею господствующею въ Россіи гражданскою добродѣтелію, не должно смѣшивать *неразборчивости вѣръ*. Извѣстно, что *сіи слова* даютъ совершенно противныя понятія. *(Примѣчаніе переводчика).*

ЕКАТЕРИНѢ Второй; отцевъ нашихъ старость и наша юность здѣсь были избавлены отъ многихъ золъ и бѣдствій, которыми всѣ почти страны земли были посѣщены. — Тебя благодаримъ. Въ мирѣ и тишинѣ почили наши отцы; и мы съ исполненными надежды сердцами стоимъ на брегу втораго столѣтія, начавшаго свое теченіе; ибо оправдывающій всѣ ожиданія ГОСУДАРЬ, ознаменовавъ присутствіемъ Своимъ вчерашнее торжество, не Своей искалъ въ немъ славы; ОНЪ желалъ въ немъ прославить Тебя, и Своему незабвенному Предку воздать достойную Его честь. Тобою, Небесный Отецъ! дарованъ намъ АЛЕКСАНДРЪ.—Благодаримъ Тебя, и Тебѣ молимся о Немъ со слезами сердечной признательности: одни слова устъ нашихъ выразить не сильны пламенныхъ нашихъ молитвъ. Благослови сего Самодержавнѣйшаго ИМПЕРАТОРА нашего, ИМПЕРАТРИЦУ ЕГО Супругу, ИМПЕРАТРИЦУ Матерь ЕГО, и весь благослови ИМПЕРАТОРСКІЙ Всероссійскій Домъ; защити и сохрани всѣхъ съ нимъ соединенныхъ союзомъ родства, и всѣхъ Ему преданныхъ.

Благослови всѣхъ, подающихъ ИМПЕРАТОРУ нашему совѣты, и посвящающихъ себя ЕГО службѣ наставляй и руководствуй ихъ, да будутъ совѣты ихъ спасительны для Россіи, и да всѣми силами споспѣшествуютъ они ея благоденствію.

Благослови каждаго гражданина обширной сей Имперіи, особенно же ниспошли благословеніе Твое на сей градъ. Умножай въ немъ промыслы и благосостояніе чрезъ науки и художества, чрезъ торговлю и кораблеплаваніе, и чрезъ всякое ремесло и рукодѣліе, которыми во страхѣ Твоемъ получаемъ мы наше пропитаніе....»

И въ римско-католическихъ церквахъ, по поводу столѣтняго юбилея отъ основанія Петербурга, также было совершено торжественное молебствіе.

При благосклонномъ содѣйствіи настоятеля римско-католической церкви (что на Невскомъ проспектѣ), пріора доминиканскаго ордена и декана Шкиллондзя, была предоставлена мнѣ на разсмотрѣніе хранящаяся въ архивѣ той же церкви рукопись на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Дневникъ петербургскаго павловскаго іезуитскаго коллегіума*, начатый съ 30 ноября 1800 года *).

Въ Дневникѣ—17 мая 1803 года записано, что въ этотъ высокоторжественный день, по поводу бывшаго во всемъ Петербургѣ празднества совершившагося столѣтія, со времени положенія перваго камня для основанія столицы, воспитанники іезуитскаго училища пріобщались Св. Тайнъ; послѣ божественной литургіи они пропѣли гимнъ: «Тебе Бога хвалимъ»; а служившій обѣдню патеръ произнесъ публичныя молитвы, предписанныя на высокоторжественные случаи **).

Молебствіе это совершено было отцами іезуитами, въ слѣдствіе предписанія митрополита Сестренцевича. Хотя на это нѣтъ положительныхъ доказательствъ, такъ

*) Diarium collegii Petropolitani Paulini Societatis Jesu, incoeptum die 20 novembris 1800 anni.

**) 16 mai, Sabb. festum S. Ioannis Nepomuc. Communio non sacerdotum. Scholae nullae, quod scilicet magna hodie erat tota Petropoli solennitas ob annum centesimum completum a jacto primo lapide in fundamenta magnae hujus urbis. Fuit propterea etiam sub sacro studiosorum cantatum a nostris pueris Te Deum, sacerdote postea sacro finito consuetas precationes subjiciente.

какъ указы римско-католической духовной коллегіи, за подписью митрополита, даваемые ректору коллегіума, за 1803 годъ не уцѣлѣли въ іезуитскихъ дѣлахъ, но предположеніе мое съ достовѣрностью основываю на указаніи вышеупомянутаго Дневника. Въ немъ, 29 ноября 1806 года, значится слѣдующая замѣтка: «Сегодня достопочтеннымъ отцомъ ректоромъ коллегіума получено собственноручное письмо высокопреосвященнаго митрополита, которымъ предписывалось, дабы былъ отслуженъ молебенъ съ пропѣтіемъ гимна «Тебе Бога хвалимъ» за здравіе новорожденной дочери ихъ императорскихъ величествъ *).

Въ другомъ архивѣ іезуитскихъ дѣлъ, хранящемся нынѣ при департаментѣ духовныхъ иностранныхъ исповѣданій, съ милостиваго разрѣшеніе графа Эммануила Карловича Сиверса, удостоившаго своимъ просвѣщеннымъ вниманіемъ мою просьбу, объ открытіи доступа въ этотъ архивъ,—мнѣ посчастливилось отыскать и донесеніе *) ректора іезуитскаго коллегіума и церкви св. Екатерины, объ отправленіи торжественнаго молебствія по вышесказанному письму митрополита Сестренцевича.

---

*) 1806 a. 29 novembris, Feriae 5. Hodie pervenit epistola ad Rever. Patrem Rectorem scripta manu propria Jll. et excell. Metropolitae, qua mandatur, ut cantetur Te Deum pro neonata filia S. I. M.

*) Это донесеніе, какъ образчикъ дипломатической покорности своему архипастырю, который, какъ мы выше видѣли былъ высланъ изъ столицы, по усердію іезутовъ, привожу здѣсь буквально.

Illustrissimo, Excellentissimo, Reverendissimo
Domino, Domino *Stanislao Siestrzencewicz*,
Archiepiscopo Metropolitae Mohiloviensi etc,
a Josepho Angiolini Soc. Jesu Rectoris collegii
et ecclesiae parochialis Romanae Catholicae
Relatio.

Cum omni veneratione et obsequio recepi honorandum manu propria scriptum Excellentiae Vestrae Reverendissimae, datum 29 Novembris proxime elapsi, quae dignata est commendare Ecclesiae Nostrae ut subsequenti die S. Andreae sacro solemnes gratiarum actiones Deo O. M. redderentur pro felici partu Augustissimae Imperatricis Nostrae decantato Hymno Te Deum cum adnexis collectis, in quibus nomen Serenissimae Neonatae Elisabethae Alexandrovnae statim post Serenessimum Michaelem Paulovicium caneretur. De qua receptione honorem habeo referendi Excellentiae Vestrae Reverendissimae simul nuntians supra dicta omnia impleta adamussim ac paratus semper Ejus venerandis jussionibus cum ea profunda submissione ac veneratione, qua tot nominibus debeo, mihi duco honori significare, quod sum et ero semper

Excellentiae Vestrae Reverendissimae
humillimus, obsequentissimus, obedientissimus servus
idem qui supra.

Datum ex collegio Soc. Jesu.
Redemptoris, 15 Xbris 1806. Petropoli.

Донесеніе это, объ исполненіи предписанія митрополита Сестренцевича, позволяетъ догадываться, что римско-католическій архіепископъ, всегда благоговѣйно чтившій во всемъ державную волю Императрицы Екатерины II и Императоровъ Павла I и Александра I, вѣроятно не преминулъ сдѣлать распоряженіе о молебствіи и въ 1803 году, по вышеозначенному случаю.

Крайне можно сожалѣть, что несчастнымъ пожаромъ истреблены многіе важные историческіе документы, относящіеся къ управленію Сестренцевичемъ римско-католическими церквами въ Россіи — что́ лишаетъ возможности составить полную біографію этого митрополита, вполнѣ заслужившаго, дабы память о немъ была воскрешена въ надлежащемъ свѣтѣ.

Графъ Д. А. Толстой *) и А. Поповъ **), говоря о заслугахъ митр. Сестренцевича и о нерасположеніи къ нему Римскаго двора, представляютъ много біографическаго матеріала и указываютъ источники для характеристики его архипастырской, дѣятельности.

---

*) Въ 1798 г., митрополитъ Сестренцевичъ составилъ проектъ объ устройствѣ латинской іерархіи въ имперіи, въ которомъ предполагалъ поддержать зависимость латинской церкви папѣ, какъ ея главѣ, только въ отношеніи къ догматамъ вѣры. Что же касается дисциплины и внутренняго управленія въ епархіяхъ, то правительство должно его предоставить епископамъ, своимъ подданнымъ, назначаемымъ всегда государемъ, посвящаемымъ митрополитомъ, по благословенію папы. «Епископы должны пользоваться властью, которая имъ принадлежала въ продолженіе первыхъ десяти вѣковъ христіанства, пока папа Григорій VII не отнялъ у нихъ этой власти. Епископы должны находиться въ зависимости отъ постояннаго синода, который долженъ быть учрежденъ въ Петербургѣ». См. Le catholicisme Romain en Russie, т. II, гл. 8, стр. 114 и слѣд.

**) Римскій дворъ весьма не благоволилъ къ митрополиту Сестренцевичу, іезуиты его ненавидѣли и при императорѣ Павлѣ имъ удалось устранить его отъ управленія Въ іюльской нотѣ 1832 г. кардиналъ Ламбрускини писалъ нашему правительству: «Sono noti in questa parte gli atti arbitrari dell'arcivescovo di Mohilew defunto M-r Stanislao Siestrzencewicz con aver acconsentito ed ammesso nel lungo governo di quella chiesa moltissime novità perniciosissime alla dottrina ed alla disciplina della chiesa catholica, coll'essersi fatto specialmente protettore della societa biblica». На это обвиненіе наше правительство отвѣчало, въ нотѣ 6 сентября 1832 г.: «On y cite entr'autres feu Métropolitain Siestrzencewicz, comme ayant introduit des innovations contraires aux doctrines de l'église Romaine. A ces inculpations un peu vagues nous ne pouvons repondre, que par l'observation générale que durant le demi-siècle que M-r Siestrzencewicz s'est trouvé à la tête de l'église catholique Romaine en Russie, il a constamment suivi le précépte de l'évangile qui lui ordonnait: de rendre à Dieu ce qui est à Dieu, et à César ce qui est à César, et qu'il a laissè à ses successeurs deux grands exemples à suivre: un amour pur pour la réligion qu'il professait et un entier dévouement à son souverain légitime (Галль-Морель: №№ VI и XIV, стр. 15 и 39). Римъ особенно не любилъ М. Сестренцевича за то, что онъ не противился учрежденію римско-католической коллегіи; напоминая древнее синодальное устройство церкви, это учрежденіе казалось

Труды же священника Морошкина *), Самарина **) и кн. Оболенскаго ***), заключающіе въ себѣ исторію іезуитовъ въ Россіи, *отчасти* только даютъ понятіе о Сестренцевичѣ, этой замѣчательной личности, не имѣющей по сіе время достойной критической оцѣнки его дѣяній и распоряженій по управленію р. к. церквами въ Россіи.

По поводу предстоявшаго празднованія столѣтняго юбилея основанія Петербурга, доставлено было изъ Петербурга, къ Н. М. Карамзину, издателю Вѣстника Европы ****), не подписанное, къ сожалѣнію письмо, отъ 14 марта 1803 года, сочинитель котораго быть можетъ былъ извѣстенъ, самому только редактору.

Письмо это содержитъ въ себѣ такое заявленіе, которое прямо относится къ эпохѣ столѣтняго юбилея нашей столицы, потому считаю не лишнимъ, перепечатать его подлинными словами.

«Спѣшу вамъ сообщить вызовъ одного изъ почтеннѣйшихъ нашихъ согражданъ, вызовъ благодѣтельный для человѣчества, Эпоха, въ которую онъ сдѣланъ, его цѣль

папистамъ *чудовищнымъ* (Тейнеръ: Die neuer. Zustände der kathol. Kirche in Russl, u. Polen. Augsburg, 1841 стр. 478). Ср. Mémoires du Card. Consalvi, т. II. изд. Crétineau-Joli. 1864 г. стр. 316: Les ennemis de Rome, á la tête desquels se distinguait le célèbre archêveque de Mohileff, autrefois luthérien (?), puis converti au catholicisme et enfin promu à cet archevêché, n'aimait pas à voir un nonce à St.-Petersbourg,— говоритъ папскій статсъ-секретарь, по случаю неудачи назначить монсиньора Ареццо постояннымъ папскимъ резидентомъ въ Россіи (См. статью Попова: «Послѣдняя судьба папской политики въ Россіи». Вѣстникъ Европы 1868 г. январь, книга I, стр. 85).

*) Св. Морошкинъ въ сочиненіи: «Іезуиты въ Россіи въ царствованіе Императрицы Екатерины II и Императора Павла I,» вовсе не упоминаетъ ни объ отвѣтѣ Евгенія (тогда архимандрита), по поводу записки о соединеніи церквей, представленной іезуитомъ Груберомъ Павлу I, ни о самой запискѣ, которая вѣроятно хранится въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, доступномъ отцу Михаилу Яковлевичу. Вопросъ этотъ долженъ былъ обратить на себя особенное его вниманіе и заслуживалъ найти себѣ мѣсто въ его замѣчательномъ и обширномъ сочиненіи. Вопросъ этотъ подробно еще не изслѣдованъ, намеки же о немъ въ рѣчи протоіерея Ѳаворова и въ настоящихъ замѣткахъ нисколько необъясняютъ сущности дѣла, а между тѣмъ соединеніе церквей съ самыхъ отдаленныхъ временъ, а преимущественно со временъ посольства іезуита Поссевина, составляло и по настоящее время составляетъ настойчивую и неуклонную цѣль всѣхъ іезуитскихъ стремленій.

**) Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи. Москва 1866 г. 8°.

***) См. *Сборникъ русскаго историческаго общества* т. I. Спб. 1867 г. стр. 421, статья кн. Оболенскаго: переписка по дѣлу объ открытіи въ бѣлоруссіи іезуитскаго новиціата (съ приложеніемъ официальныхъ документовъ, находящихся въ московскомъ главномъ архивѣ министерство иностр. дѣлъ).

****) Вѣстникъ Европы издавался Н. М. Карамзинымъ въ продолженіи только двухъ лѣтъ, а именно съ 1802 по 1803 годъ. Послѣдняя книжка Вѣстника Европы оканчивается обращеніемъ издателя къ своимъ читателямъ, въ которой онъ объясняетъ причину, принудившую его прекратить изданіе. Этою причиною было Всемилостивѣйшее назначеніе Карамзина историографомъ.

спасительная не только для Петербурга, но и для всѣхъ гражданскихъ обществъ, коихъ злоупотребленія добрый Руссо оплакивалъ а острый Вольтеръ осмѣивалъ, произвели у насъ равносильное и глубокое впечатлѣніе. Не разсудите ли извѣстить о томъ и другихъ нашихъ соотечественниковъ.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

«Истекаетъ нынѣ первое столѣтіе отъ заложенія Санктпетербурга. Всѣ граждане «онаго, всѣ обитатели Россійской Имперіи, весь даже образованный свѣтъ обильно полъ«зуются выгодами, дарованными имъ премудрымъ Основателемъ града Св. Петра.

«Сколь священъ, сколь пріятенъ долгъ нынѣшнихъ обитателей великолѣпнѣйша«го въ мірѣ града! Торжествуя сію важную эпоху принесеніемъ Всевышнему теплаго «сердечнаго благодаренія за столь щедрыя Его изліянія благъ на насъ и на всѣхъ на«шихъ соотечественниковъ, ознаменуемъ ее, дражайшіе сограждане, въ память нашего «къ Отцу, Преобразителю, Законодателю и Герою, ПЕТРУ Велікому, искреннѣйшаго «благоговѣнія, и въ знакъ нашей къ нынѣшнему нашему вселюбезнѣйшему Государю «Императору АЛЕКСАНДРУ Первому сердечной и всеподданнѣйшей за спасительныя «учрежденія благодарности;—ознаменуемъ ее хотя слабымъ благодѣяніемъ для страж«дущаго человѣчества — а именно, для тѣхъ злощастныхъ, кои, въ молодыхъ лѣтахъ, «чрезмѣрными страстьми, по физическимъ какимъ причинамъ или по вреднымъ на«выкамъ, вовлечены будучи въ гнусные пороки, сколь въ обществѣ дѣлаются нетер«пимы, столь и самимъ себѣ пагубны.

«Предложимъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ начертаніе о учрежденіи, на «иждивеніи нашемъ, кроткой *нраволечебной*, подъ названіемъ: *гостинница Петрова*, «цѣль коей была бы принимать таковыхъ нещастныхъ сограждан, спасать отъ пред«стоящей гибели, и исправя ихъ, возвращать обществу полезными и здравыми члена«ми онаго: отдать сына родителямъ, проливающимъ горькія слезы о томъ, что ли«шаются надежды видѣть подпору дней своихъ въ драгомъ сынѣ; женѣ, сѣтующей о «лишеніи друга и попечителя, возвратить мужа, малолѣтнымъ отца; начальникамъ, «лишающимся иногда рожденныхъ съ отличными дарованіями молодыхъ людей, под«чиненныхъ, исправленныхъ и содѣланныхъ паки способными къ служенію обществу.

«Соберемся, изберемъ изъ насъ повѣренныхъ для сочиненія плана и штата тако«ваго и Богу угоднаго мѣста призрѣнія, для поднесенія оныхъ Всемилостивѣйшему

«Государю ИМПЕРАТОРУ нашему, чрезъ господина Министра Внутреннихъ Дѣлъ, гра-«фа Кочубея! — Или учредимъ подобное заведеніе для вспоможенія нещастнымъ, безъ «вины ихъ погруженнымъ въ бездну золъ и тягостной, незаслуженной бѣдности».

Предложеніе это, невольно, вызываетъ и мое заявленіе, что, по поводу столѣтняго юбилея рожденія Высокопреосвященнаго Евгенія, митрополита Кіевскаго и Галицкаго, въ память заслугъ столь полезной и многосторонней дѣятельности покойнаго архипастыря, потрудившагося *полъ-вѣка* на различныхъ поприщахъ служенія Церкви, Отечеству и наукѣ, слѣдовало бы изъ частныхъ приношеній учредить *Евгеніевскую стипендію* при одной изъ семинарій или при одной изъ духовныхъ академій.

Заслуги архимандрита Евгенія, по комитету Благодѣтельнаго общества и участіе его въ праздновапіи столѣтней годовщины основанія нашей сѣверной столицы,—не могли не содѣйствовать къ возведенію его на высшій постъ, столь справедливо слѣдовавшій ему, и вотъ въ 1804 году мы видимъ нашего архимандрита уже на епископской каѳедрѣ въ Старой Руссѣ, въ званіи викарія Новгородскаго. Въ эту пору онъ былъ призванъ, между прочимъ, содѣйствовать преобразованію духовныхъ училищъ.

Научное образованіе духовенства составляло тогда, какъ составляетъ и нынѣ, одинъ изъ важныхъ предметовъ заботливости нашего правительства. Высокопреосвященный Амвросій поручилъ Евгенію, епископу Старорусскому и викарію Новгородскому, составить планъ къ усовершенствованію духовныхъ учулищъ. И въ этомъ важномъ дѣлѣ, какъ и въ дѣйствіяхъ по комитету Благодѣтельнаго общества, онъ твердо стоялъ на исторической почвѣ. Онъ составилъ *Предначертаніе о преобразованіи духовныхъ училищъ*, *) которое митрополить Амвросій представилъ въ 1805 году Государю Императору; вслѣдствіе чего состоялся Высочайшій указъ, 29-го ноября 1807 года, которымъ повелѣно было учредить комитетъ объ усовершенствованіи духовныхъ училищъ.

Безъ сомнѣнія, труды эти, совершенные Евгеніемъ слишкомъ за полвѣка, для своего времени были трудами замѣчательными.

Труды Евгенія, по устройству духовныхъ училищъ удостоились всемилостивѣйшей награды, сопричисленіемъ его къ кавалерамъ ордена св. Анны 1-й степени.

*) Историческая часть предначертанія о преобразованіи духовныхъ училищъ напечатана въ сокращеніи въ «Докладѣ комитета о усовершеніи духовныхъ училищъ» стр. 5—16. Полное всеобщее хронологическое обозрѣніе начала и распространенія духовныхъ россійскихъ училищъ съ показаніемъ всѣхъ бывшихъ о нихъ учрежденій и указовъ, напечатано въ 1-й части «Исторіи Россійской Іерархіи» стр. 401—457.

Подробное и обстоятельное изложеніе того, въ чемъ именно состояли эти преобразованія, въ какомъ они находятся отношеніи къ нынѣ предпринятымъ реформамъ, по учебной части духовнаго вѣдомства, а также указаніе и оцѣнка заслугъ ученаго іерарха, оказанныхъ имъ этому дѣлу, должны составить задачу особаго спеціальнаго изслѣдованія и не могутъ быть предметомъ настоящихъ замѣтокъ.

За симъ, Евгеній, викарій Новгородскій, имѣлъ случай оказать еще новую услугу, на которую митроп. Амвросій призналъ нужнымъ обратить вниманіе св. синода.

Въ Екатеринославской губерніи въ 1791 году появилась духоборческая ересь; въ 1803 г. оттуда были присланы въ Александро-Невскую лавру два тамошнихъ духоборца, для изслѣдованія сущности ихъ лжеученій и для увѣщанія. Обличеніе и увѣщаніе ихъ поручено было Евгенію, вслѣдствіе чего было имъ составлено: *Изслѣдованіе исповѣданія духоборческой секты.* Изслѣдованіе это и веденные съ этими духоборцами переговоры, прилоденные къ самому сочиненію, были представлены преосвященнымъ Амвросіемъ въ 1806 году на благоусмотрѣніе св. синода. Эти любопытные документы находятся нынѣ въ архивѣ св. синода и въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора.

Въ 1811 и 1813 годахъ, по поводу двухъ сочиненій, вызванныхъ особенными случаями, имя Евгенія обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, и дѣлается извѣстнымъ всей Россіи.

Преосвященный Евгеній въ 1811 году, уже какъ епископъ Вологодскій, является государственнымъ дѣятелемъ на такомъ поприщѣ, которое, казалось бы, было ему совсѣмъ чуждо; но для этого архипастыря, обладавшаго запасомъ самыхъ разнородныхъ познаній, ни одна наука не могла быть чуждою.

Въ бытность Евгенія еще викаріемъ Новгородскимъ, московская медико-хирургическая академія поднесла преосвященному, 24 февраля 1808 года, дипломъ на званіе *Почетнаго члена.* Какъ бы желая оправдать этотъ выборъ, Евгеній, уже Епископъ Вологодскій, написалъ *Пастырское увѣщаніе о привитіи предохранительной коровьей оспы.* Увѣщаніе это, кромѣ ревности о благѣ человѣчества, обнаружило глубокія познанія архипастыря и въ медицинской наукѣ.

Сочиненіе это, по Высочайшему повелѣнію, было напечатано въ 1811 году въ С.Петербургѣ и Москвѣ, въ 4-ю долю листа, съ объяснительными къ нему примѣчаніями и разослано по всѣмъ россійскимъ церквамъ, съ предписаніемъ читать народу

ежегодно по три раза; *) признано было нужнымъ напечатать четыре изданія, которыя были опять разосланы по церквамъ. Пастырское увѣщаніе имѣетъ интересъ и въ настоящее время и будетъ перепечатано *въ Сборникѣ* **).

Освобожденіе Россіи отъ нашествія Наполеона съ союзниками вызвало преосвященнаго Евгенія сказать трогательно-назидательное слово ***) къ своей Калужской паствѣ, въ которомъ понесенныя испытанія при этомъ нашествіи проповѣдникъ относилъ къ карѣ за недостатокъ теплоты вѣры.

Это замѣчательное слово, проникнутое безпредѣльнымъ упованіемъ на благость Божію и любовью къ отечеству, представляетъ собою великій образецъ духовной бесѣды, подъ вліяніемъ патріотическаго настроенія вылившейся изъ сердца вдохновеннаго архипастыря—проповѣдника.

Оно, по простотѣ и общедоступности выраженій и по возвышенности патріотическихъ чувствъ, дѣйствительно заслуживаетъ вниманія любителей роднаго слова.

Слово это, читанное тогда съ энтузіазмомъ всею Россіею, и въ настоящее время не лишено своего историческаго значенія.

Краткое извлеченіе изъ него дастъ намъ, хотя и слабое, понятіе о томъ, съ какою силою проповѣднический талантъ преосвященнаго Евгенія могъ дѣйствовать на умы и сердца слушателей.

«Нѣтъ благовременнѣе случая, какъ въ сей день празднованія нашего, благочестивые сограждане! провозглашать торжественное таковое Апостольское похваленіе вѣрѣ; и нѣтъ приличнѣе мѣста, какъ въ нашемъ наипаче градѣ проповѣдывать могущественную силу ея. Ибо нынѣ мы празднуемъ избавленіе града нашего въ такое злощастное время, когда Божіимъ попущеніемъ Отечество наше

---

*) Пастырское увѣщаніе и за симъ четыре изданія его въ 1813, 1829 и 1845 годахъ было напечатано безъ примѣчаній, въ 1853 явилось самое краткое изданіе съ назначеніемъ пяти копѣекъ серебромъ за экземпляръ, дабы сдѣлать его по цѣнѣ общедоступнымъ для пріобрѣтенія каждому простолюдину.

**) Еще до Евгенія, 5 декабря 1768 года, въ публичномъ университетскомъ собраніи, бывшій профессоръ Московскаго университета, докторъ медицины, членъ россійской академіи Зибелинъ сказалъ: *Слово о пользѣ прививной оспы и о преимуществѣ оной предъ естественною съ моральными и физическими возраженіями противъ неправомыслящихъ.*

Другой профессоръ того же университета Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ (онъ же инспекторъ гимназій и изданія Московскихъ Вѣдомостей), 10 ноября 1768 года, произнесъ въ торжественномъ собраніи Университета рѣчь: *на предпріятіе съ благополучнымъ успѣхомъ прививанія оспы Ея Императорскимъ Величествомъ.* (См. Рѣчи, произнесенныя въ торжественныхъ собраніяхъ Императорскаго Московскаго Университета русскими профессорами онаго. Изданы Обществомъ любителей Россійской Словесности. Ч. IV Москва, 1823, 8° стр. 16).

***) Слово на день торжественнаго воспоминанія и Господу Богу благодаренія о пораженіи враговъ отечества и о прогнаніи ихъ изъ предѣловъ Калужской губерніи, проповѣданное въ Калужской Іоанно-Предтеченской церкви октября 12-го 1813 года. Оно тогда же было напечатано въ Москвѣ въ 4-ю долю листа, и перепечатано въ 1814 году въ С.-Петербургскомъ журналѣ: *Сынъ Отечества* и въ Собраніи образцовыхъ русскихъ сочиненій 1823 года; вошло и въ собраніе поучительныхъ словъ митр. Евгенія. Кіевъ, 1834 г., въ IV ч.

терзаемо было отъ врага всеобщаго, отъ врага человѣчества, отъ врага вѣры и благочестія; когда все спасшееся отъ хищенія его поядаемо было пламенемъ, спасшееся отъ пламени пожинаемо было убійственнымъ мечемъ, спасшееся отъ меча блуждало съ трепетомъ безъ пристанища, *яко овцы, не имущія пастыря.* Увы! горестное воспоминаніе! пали многіе знаменитые грады Россійскіе, опустошены цѣлыя страны, осквернены храмы Господни, разрушены олтари, поруганы старцы и юные наши, и наконецъ всѣ ужасы, постигшіе наше Отечество, матерь градовъ Россійскихъ испытала въ себѣ совокупно. Подобно нѣкогда осиротѣвшему Іерусалиму, градъ сей *умноженный людьми, бысть яко вдовица, умноженный во языцѣхъ, владяй странами, бысть подъ данію.* Кто тогда изъ насъ не восклицалъ воплемъ Давидовымъ? *Боже! пріидоша языцы въ достояніе Твое; осквернища храмъ Святый Твой; положиша трупія рабъ Твоихъ брашно птицамъ небеснымъ, плоти преподобныхъ Твоихъ звѣремъ земнымъ; проліяша кровь ихъ яко воду, и не бѣ погребаяй; быхомъ поношеніе сосѣдомъ нашимъ и поруганіе сущимъ окрестъ насъ!* Кто изъ соотчичей нашихъ не молился? *доколѣ, Господи, прогнѣваешися до конца? Пролей гнѣвъ Твой на языки, незнающіе Тебе, и на царствія, яже имене Твоего не призваша!* но Богъ, казалось тогда, по слову Іереміину, *покрывался* еще *облакомъ, да не дойдетъ* до него *молитва, и* сомжалъ *очи* свои. А злодѣй, не насытившійся разрушеніемъ Столицы, поруганіемъ ея святыни, позоромъ несчастныхъ гражданъ и томленіемъ страждущихъ, обращалъ алчные взоры и къ другимъ градамъ, направлялъ дерзкія стопы и ко граду нашему, простиралъ хищныя руки и на достояніе наше, помышлялъ и о раззореніи стѣнъ сихъ, и уже торжествовалъ на пути въ двухъ градахъ нашихъ. Но слава Вышнему! здѣсь-то возсталъ Господь отмщеній въ защиту рабовъ своихъ, и въ нашихъ-то предѣлахъ исполнилась мѣра долготерпѣнія Его надъ врагами. Вы прибѣгли съ моленіемъ къ Богу и Заступницѣ рода Христіанскаго, Матери Господа нашего; и вдругъ возсіяла надежда спасенія не только граду вашему, но и цѣлой Россіи. Достойно убо и праведно восхотѣли вы предать памяти потомства сіе *Знаменіе* къ намъ милосердія Божія! Достойно и праведно ваше обѣтованіе предъ симъ благодатнымъ изображеніемъ Божія Матере, воспоминать ежегодно Ея чудесное заступленіе насъ. Достойно и праведно и преславно въ роды родовъ будетъ сіе торжество ваше! пусть чада чадъ вашихъ познаютъ и удостовѣрятся чрезъ васъ, кому наипаче обязаны мы симъ щастіемъ. И конечно не слабости врага: ибо онъ имѣлъ еще многочисленныя силы; не одному воиновъ нашихъ мужеству и храбрости: ибо въ нихъ и прежде оныя никогда не оскудѣвали; не одной прозорливости и мудрости вождей: ибо оныя вездѣ и до бѣгства своего испыталъ и признавалъ самъ сопостатъ. Все сіе могло споспѣшествовать и споспѣшествовало избавленію нашему. Но всему споспѣшествовала и вѣнецъ успѣховъ и побѣды возложила наконецъ молитва и вѣра. Такъ подлинно; скажемъ словами Св. Апостола и Евангелиста Іоанна: *сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша.* Воздадимъ убо должную честь всѣмъ защитникамъ нашимъ; но воздадимъ славу и Богу, воздадимъ славу и Заступницѣ нашей, умилосердившимся на моленія и вѣру нашу. А научась опытомъ симъ, предадимъ потомству нашему и *наставленіе, какъ побѣждать враговъ Отечества.*

Неоспоримо, что человѣкъ получилъ отъ Бога естественныя силы, отклонять всякое насиліе и вредъ; а разумъ изобрѣлъ и способствующія тому средства во всѣхъ случаяхъ. Богу самому даже угодно, дабы человѣкъ не пренебрегалъ сихъ данныхъ ему способовъ, и не оставался въ бездѣйствіи во время напастей. Самъ Онъ предписывалъ народу своему брани и осторожности въ оныхъ; самъ ободрялъ ихъ къ мужеству и храбрости; самъ заповѣдывалъ иногда не щадить упорныхъ враговъ и миловать покорныхъ. Но отъ Него же бываетъ на людей и на цѣлые народы попущеніе такихъ напастей, подъ которыми изнемогаетъ вся храбрость, все мужество и все искусство человѣческое.

...И такъ, что же остается въ таковыхъ бѣдствіяхъ страждущему, но невѣдущему Божіихъ судебъ

человѣчеству? Отнюдь не приходить въ унынie, не терять вовсе надежды и употреблять всѣ возможныя средства и силы къ отклоненію бѣдствій отъ себя, а паче отъ ближнихъ. Таковъ есть долгъ всѣхъ соединенныхъ въ общество, всѣхъ согражданъ, всѣхъ соотчичей и всѣхъ вѣрноподданныхъ. Естьли подвергается искушенiямъ и напастямъ самая невинность и добродѣтель; то для чего сомнѣваться, что Богъ, попустившій оныя, по слову Павлову, *не оставитъ насъ искуситися паче, еже можемъ, но сотворитъ со искушенiемъ и избытiе, яко возмощи намъ понести?* А хотя бы чувствующіе вину свою и захотѣли безропотно покориться тяготѣющей надъ ними руцѣ Божіей; то по крайней мѣрѣ обязаны защищать невинныхъ, неучаствовавшихъ въ ихъ беззаконiи, но участвующихъ въ бѣдствiяхъ. Когда за отцевъ страдаютъ чада, за чадъ родители, за мужа жена, за жену мужъ, за друга другъ, за ближнаго ближній; то должны ли виновные оставлять ихъ безъ помощи и защищенія? Божiему промыслу и Божiимъ судьбамъ принадлежитъ опредѣленіе, кому пасть подъ бременемъ бѣдствій, и кому избавлену быть отъ оныхъ: но кровп всякія души невинныя взыщетъ Богъ отъ руки виновныхъ, незащищающихъ ихъ, и проклята жизнь та, которая лукавно сохраняется страданiями и смертію ближняго. Тщетно тогда многіе извинялись бы слабостію, или невозможностію сопротивленія. Конецъ Божiихъ судебъ никому ясно невидимъ, а успѣхъ браней не всегда зависитъ отъ преимущественныя силы, или мужества сопротивниковъ. Когда нечестивый Антiохъ разорилъ весь градъ Іерусалимъ, поставилъ мучителей своихъ по всѣмъ окрестнымъ градамъ, избилъ старцевъ и юношей, матерей и чадъ числомъ до осмидесяти тысящь, толикоежъ число продалъ въ рабство, и четыредесять тысящь плѣнилъ, поругалъ Божiи жертвенники идолослуженiемъ, сквернымп трапезами и всякага рода студодѣяніями на оныхъ; тогда кто могъ помышлять даже о сопротивленіи? Но Іуда Маккавей съ девятью токмо собратіями своими уклонившійся въ горныя пустыни, *облечеся въ броня яко исполинъ*, какъ говоритъ Писаніе, *и препоясася оружiемъ своимъ браннымъ, и состави рати, защищая ополченія мечемъ своимъ.* Тщетно слабые и робкіе соотчичи говорили ему: *како можемъ вмалѣ суще ополчатися пропиву множества толикаго крѣпкаго?* Онъ ихъ увѣрилъ, *что удобь есть объяти многихъ рукою малыхъ, и нѣсть разнствія предъ Богомъ небеснымъ спасти во многихъ или въ малыхъ. Сіи бо грядутъ къ намъ во множествѣ укоризны и беззаконія, еже изторгнути насъ и жены наша и чада наша, еже взяти корысти наша; мы же ополчаемся за души наша и законы наши. Лучше есть намъ умрети въ брани, неже видѣти злая людей нашихъ и святыхъ.* Тогда-то воскликнулъ и каждый къ ближнему своему: *востанемъ за истребленiе людей и ополчимся за люди наша и святыя!* и съ такою-то любовію къ отечеству, съ такою-то ревностію за святыню и законы праотеческіе Іуда седмію токмо тысящами споборниковъ своихъ очистилъ всѣ Іудейскіе грады и столицу Іерусалимъ отъ враговъ многочисленныхъ, избилъ ихъ сперва болѣе девяти тысящь, потомъ болѣе двадесяти тысящь и освободилъ всю Іудею. Такъ-то подвизаются и подвизаться должны всѣ истинные сыны Отечества при всеобщихъ бѣдствiяхъ отъ нашествія враговъ! такъ дѣйствительно подвизались и всѣ наши соотчичи! такъ подвизались и вы сами, благочестивые сограждане!

За симъ проповѣдникъ, изложивъ, что, кромѣ естественныхъ средствъ для защиты отъ враговъ, самое лучшее средство съ вѣрою, молитвою и покаяніемъ призывать Всемогущаго на помощь, — заключаетъ проповѣдь слѣдующими словами:

... Обратимся паки къ самимъ себѣ, благочестивые сограждане! Естьли по грѣхамъ нашимъ въ началѣ бѣдствій не сподобились мы таковагоже Божія обѣтованія; то милосердый Богъ, не по беззаконіямъ нашимъ сотворивый намъ, ниже по грѣхамъ нашимъ воздавый намъ, снизходя на молитву и вѣру нашу, по крайней мѣрѣ конецъ нашей брани увѣнчалъ знаменитыми усиѣхами. Сопостатъ нашъ,

дерзостію и гордостію подобпвшійся нечестивому Антіоху, подобно ему же отъ насъ *со срамомъ возвратися, и всевидецъ Господь Богъ Израилевъ,* какъ Антіоха, *порази неизцѣльною и невидимою язвою* полки его. Самъ злодѣй почувствовалъ тяготѣющую надъ нимъ руку Божію и предъ цѣлымъ свѣтомъ признался, что постигшихъ его нещастій не въ силахъ была отвратить ни храбрость, ни благоразуміе, нп предусмотрительность человѣческая. Приснопамятный Началовождь нашего воинства, нынѣ уже въ вѣчныхъ селеніяхъ водворяющійся, восписывалъ также Богу знаменитые успѣхи оружія нашего. Тоже признавали и всѣ благочестивые Вожди наши и все воинство. Тоже признаетъ и Благочестивѣйшій Монархъ Нашъ, въ засвидѣтельствованіе храбрости, отличающій воиновъ своихъ изображеніемъ промыслительнаго ока Божія, и глагола къ Богу Давидова: *не Намъ, не Намъ, а имени Твоему даждь славу.* Можемъ ли убо мы не признавать съ благоговѣніемъ защитительной десницы Вышняго въ избавленіи насъ отъ напастей?

Боже всеблагій! преклоняемъ предъ Тобою колѣна благодарныхъ сердецъ нашихъ! исповѣдуемъ съ благодарностію безмѣрное Твое къ намъ милосердіе, признаемъ со исповѣданіемъ неисповѣдиму Твою къ намъ благодать, проповѣдуемъ и чудное о насъ предстательство заступницы рода Христіанскаго, всенепорочныя Матере Христа Господа нашего! А при сихъ чувствованіяхъ непзреченныхъ Твоихъ къ намъ благодѣяній, молимъ Тя, всещедрый Царю царствующихъ! продли къ намъ благость Твою и въ грядущія времена, смири болѣе п болѣе гордаго врага Твоего и нашего, способствуй воинству нашему въ преодолѣніи его къ щастію всея вселенныя, умири міръ Твой успѣхами нашими въ крѣпости и сплѣ, да разумѣютъ языцы, *яко Ты еси Господь Богъ нашъ, а мы людіе* Твои! Аминь.»

Не меньшимъ преисполненъ былъ патріотизмомъ и римско-католическій митрополитъ Сестренцевичъ, архіепископъ Могилевскій, когда собиралось народное ополченіе, въ виду ожидаемой войны съ Франціею. Патріотизмъ его вполнѣ отразился въ изданномъ имъ, по этому поводу, архипастырскомъ окружномъ посланіи ко всему р.-к. духовенству и ввѣренной ему паствѣ. Посланіе это, хотя данное и при другихъ обстоятельствахъ, вполнѣ изображаетъ вѣрноподданническія чувства его къ Монарху и любовь къ Отечеству, и можетъ быть наравнѣ поставлено съ благодарственнымъ словомъ преосвященнаго Евгенія, сказаннымъ по изгнаніи уже французовъ изъ предѣловъ Калужской его паствы.

Отъ митрополита римско-католическихъ церквей въ Россіи,

Станислава Сестренцевича-Богуша.

Преосвященнымъ Епископамъ, Прелатамъ, Каноникамъ, Деканамъ, Провинціаламъ, Настоятелямъ церквей и монастырей, и всѣмъ исповѣдающимъ Римско-Католическую вѣру.

«Свѣту извѣстный врагъ Европы, врагъ рода человѣческаго, Наполеонъ Бонапарте, по плѣненіи и опустошеніи многихъ странъ, дерзаетъ простирать злобныя намѣ-

ренія свои и на предѣлы Россіи, Отечества нашего. Богомъ руководимый кроткій АЛЕКСАНДРЪ, Отецъ Своихъ подданныхъ, нашелъ Себя въ горестной для человѣколюбиваго сердца Его необходимости—произвести всеобщее въ Имперіи Своей ополченіе. Всѣ состоянія призываются гласомъ угрожаемаго опасностію Отечества нашего къ содѣйствованію въ противопоставленіи твердаго оплота силѣ и кознямъ вражіимъ. Призывается и Санъ Духовный, предстоящій Олтарю Господню, да дѣйствуетъ онъ согласно съ священною волею Благочестивѣйшаго ГОСУДАРЯ Нашего.

Пастыри Духовные! вы обязаны пещись о благѣ ввѣренныя вамъ паствы. Служеніе Отечеству соединено тѣсною связію съ служеніемъ Олтарю Господню.— Богъ, Творецъ всяческихъ, есть источникъ порядка; отъ Его десницы истекли блага Правительствъ, и рушитель тишины и спокойствія народовъ, ополчающійся противу Властей предержащихъ, не можетъ не быть противникомъ воли Божіей, противникомъ самого Бога. Пастыри Духовные! се предстоитъ вамъ время явить, паче нежели когда-либо, ревность и усердіе ваше ко благу общему. Да проповѣдуя Слово Божіе, препоясавъ чресла ваша истиною, внушаете ввѣренной вамъ паствѣ кротость и повиновеніе. Потщитесь направлять увѣщаніями вашими мысли и сердца сыновъ ввѣренныя вамъ Церкви, къ безропотному служенію Отечеству и Государю, къ ревностному исполненію ихъ обязанностей, къ твердому и мужественному сопротивленію силѣ и хитростямъ вражіимъ. Потщитесь истолковать имъ, съ одной стороны, что средства къ отраженію врага, Правительствомъ предпріемлемыя, суть средства предписуемыя необходимостію; что долговременное или краткое продолженіе безпокойствъ и трудностей всеобщаго ополченія зависятъ отъ вѣрности, усердія и мужества подданныхъ Россійскихъ; съ другой, что малодушіе, слабость, а паче неповиновеніе и строптивость несомнѣнно породятъ бѣдствія нескончаемыя; что единодушіе сыновъ Россійскихъ вскорѣ можетъ ниспровергнуть намѣренія злобствующаго врага, истребить его начинанія, и изгладить бѣдствія, имъ порожденныя; что разномысліе, напротивъ, продлитъ оныя на времена безконечныя.

Средства непріятеля общаго состоятъ не въ храбрости его воиновъ, но паче въ ухищреніяхъ и ложныхъ обольщеніяхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что онъ потщится искушать паству вашу коварствами и лестію; но языкъ его, языкъ исполненный притворства и прельщенія, извѣстенъ: нѣтъ нужды искать отдаленныхъ доказательствъ вѣроломныя совѣсти Наполеона. Извѣстно, какія

бѣдствія постигли тѣхъ несчастныхъ соотчичей вашихъ, которые за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, по неблагоразумію своему, вступили въ службу его. Воспомните сей несчастный походъ, о которомъ говорено было во всѣхъ публичныхъ извѣстіяхъ. Воспомните тѣхъ несчастныхъ согражданъ вашихъ, отправленныхъ Наполеономъ на островъ Сент-Доминго; воспомните, что кромѣ пяти сотъ изъ нихъ, спасшихся бѣгствомъ на кораблѣ Англійскомъ, и отдавшихся въ плѣнъ, почти ни одинъ не избѣгъ отъ ярости и убійственныхъ рукъ Негровъ. Вопросите, гдѣ сіи ополченія соотечественниковъ вашихъ, посланныхъ въ Италію? сколько остается еще ихъ въ Калабріи? Легіонъ Польскій, о которомъ съ похвалою повторяемо было въ публичныхъ извѣстіяхъ (въ газетахъ), не есть остатокъ вызванныхъ оттуда, не есть остатокъ сихъ безразсудныхъ, присоединившихся прежде къ войскамъ Французскимъ; нѣтъ, и память сихъ несчастныхъ погибла. Легіонъ же Польскій состоитъ изъ новобранныхъ. Какую мзду обрѣли соотчичи ваши, предавшіеся вѣроломно въ руки Французовъ? Рекрутство, контрибуціи и безчисленные сборы были единою ихъ наградою.

Бонапарте не можетъ представить вамъ выгодъ и со стороны религіи. Мы исповѣдуемъ вѣру свою въ Россіи безъ малѣйшихъ стѣсненій и съ такою свободою, какъ бы она была вѣрою господствующею. Но и съ сей стороны недремленно должны вы назирать за собою, дабы не подпасть искушеніямъ Наполеона, сего ума злочестиваго и толико обильнаго въ ухищреніяхъ и прельщеніи. Онъ знаетъ, что религія есть могущественнѣйшая движущая сила для душъ благорожденныхъ. Нельзя опредѣлить путей, коими будетъ онъ искать вкрасться въ сердца соотчичей вашихъ. Но извѣстно, что, не бывъ приверженъ ни къ какой религіи, онъ всегда употреблялъ ее, такъ какъ средство политическое; чтобъ плѣнить умы Египтянъ, онъ призналъ предъ Муфтіемъ Магомета истиннымъ Пророкомъ; чтобъ привлечь къ себѣ Евреевъ всего свѣта, онъ тщится представить себя имъ въ лицѣ Мессіи ихъ. Пастыри Духовные! вы просвѣщены ученіемъ, просвѣщены свѣтомъ Евангелія, и удобнѣе простолюдиновъ можете отличать истину отъ неправды. Потщитесь въ поученіяхъ вашихъ вразумлять ихъ о истинныхъ ихъ выгодахъ; представлять имъ тѣ попеченія Монарха ихъ, коими они толико лѣтъ пользуются; тѣ блага, коими наслаждаются они подъ кроткою Державою Россійскою. Потщитесь обращать вниманіе ихъ на ужасныя бѣдствія, произведенныя въ сосѣднихъ намъ странахъ рукою жаднаго и гордаго ихъ завоевателя, или паче опустошителя; на слезы несчастныхъ жертвъ коварства его и безчеловѣчія;

и да проповѣдуя истину, внушите омерзеніе къ тирану, поправшему святость правъ народныхъ, законы человѣчества, гласъ совѣсти, гласъ Божій, въ Евангеліи напечатлѣнный.

Нѣтъ предѣловъ ни дѣйствіямъ, ни намѣреніямъ рушителя тишины общей; нѣтъ границъ его властолюбію. Непрестанно присоединяетъ онъ къ неправедно похищенной имъ державѣ своей страны чуждыя, и отъ лютости ли своей не зная спокойнаго наслажденія, или отъ непрестанныя боязни лишиться приобрѣтеннаго имъ чрезъ коварства, налагаетъ оковы на народы имъ покоренные. Гдѣ слѣдъ его, который бы не былъ обагренъ кровію? гдѣ мѣсто, которое не было бы ознаменовано разрушеніемъ, если рука его коснулась онаго? И слабо сопротивляться ему, и подло преклоняться на его обольщенія, есть приносить себя въ жертву его властолюбія.

Не горе ли есть пасть въ сѣти врага лукаваго? не добро ли есть противостать врагу толь злобному? Пастыри стада Христова, призванные на святое служеніе истинѣ! внушайте чадамъ церкви, коль великія опасности облежатъ ихъ, если твердость ихъ, истиннымъ сынамъ Отечества свойственная, поколеблется: внушайте коль великая слава ожидаетъ вѣрныхъ сыновъ Россіи! Она единая, съ помощію Бога, правдѣ поборающаго, предшествовала до нынѣ оружію Россійскому. Но коль праведно подъемлетъ нынѣ оружіе кроткій МОНАРХЪ нашъ, АЛЕКСАНДРЪ Первый! Благодарность Отечества, благословенія потомства и неувядаемый вѣнецъ въ вѣчности — суть награды, готовящіяся сподвижникамъ воли ЕГО. *Да будутъ дни Его яко дни неба на земли; да дастъ Господь крѣпость намъ; да просвѣтитъ очи наши, да живемъ подъ сѣнію Его, да работаемъ Ему дни многи, и обрящемъ благодать предъ Нимъ.* Служители церкви Божіей, просвѣщая паству вашу о истинномъ долгѣ ея и обязанностяхъ, внушая въ нее кротость, повиновеніе и мужество, утверждая въ ней правила вѣрныхъ подданныхъ и добрыхъ гражданъ, возсылайте мольбы свои ко Всевышнему о ниспосланіи всесильной Его помощи къ отраженію врага, и къ скорому возстановленію тишины и спокойствія, единыхъ источниковъ благоденствія».

Принесемъ днесь моленіе Всевышнему.

МОЛИТВА I. (Oratio).

Господи силъ, побѣждаяй крѣпостію Твоею возстающихъ на уповающихъ на Тя! помози рабомъ Твоимъ, благоутробію Твоему молящимся; да поправъ ковы супоста-

товъ нашихъ, восхвалимъ Тя непрестанными благодареньми, купно съ единороднымъ Твоимъ Сыномъ, Господемъ Нашимъ Іисусомъ Христомъ, и святымъ и благимъ и животворящимъ Твоимъ Духомъ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ Аминь.

МОЛИТВА II. (Secreta).

Господи! не отрини жертву, нами Тебѣ приносимую, воеже избавити насъ отъ лукавнующаго на ны врага и супостата, и сохрани Святою Твоею Десницею восхваляющихъ Тя, купно и проч.

МОЛИТВА III. (Postcommunio).

Боже царствующихъ и Господи господствующихъ, иже наказуяй наказуеши ны, смерти же не предаеши, прощая прегрѣшенія наша, спасаеши вѣрныхъ Твоихъ! яви намъ милость и благоутробіе Твое, насади между нами миръ и тишину Божественною силою Твоею, да насладимся онымъ правдою Твоею, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ Аминь. Святый Боже, Святый крѣпкій и проч.

Подписано: Митрополитъ Станиславъ Сестренцевичъ-Богушъ,
Архіепископъ Могилевскій.

Санктпетербургъ.
Января 25 дня 1807 года.

Смѣю думать, что посланіе это, представляющее правильный взглядъ Высокопреосвященнѣйшаго на тогдашнія политическія обстоятельства и выказывающее сильныя причины, по которымъ его соотчицы не должны были увлекаться французскими обольщеніями, вполнѣ заслуживало здѣсь быть перепечатаннымъ.

Въ 1816 году воля Монарха назначила преосвященнаго Евгенія, епископа Калужскаго, быть архіепископомъ Псковскимъ, Курляндскимъ и Эстляндскимъ.

На этомъ новомъ, высшемъ въ церковной іерархіи, постѣ, мы видимъ Высокопреосвященнаго опять государственнымъ дѣятелемъ, но на новомъ поприщѣ трудовъ,— трудовъ законодательныхъ.

Въ дѣлахъ архива бывшей Коммиссіи составленія законовъ сохранились слѣды участія преосвященнаго Евгенія въ ея занятіяхъ, по каноническому праву.

Оцѣнка трудовъ преосвященнаго Евгенія, по части отечественнаго законодатель-

ства, должна быть предметомъ особаго изслѣдованія, а въ настоящее время считаемъ нелишнимъ сообщить къ свѣдѣнію письмо свѣтлѣйшаго князя Лопухина къ Евгенію, архіепископу псковскому, съ отвѣтомъ на оное.

Вотъ это письмо:

I.

Ваше высокопреосвященство,

милостивый государь мой!

Коммиссія составленія законовъ, получа доставленныя вашимъ высокопреосвященствомъ свѣдѣнія о Кормчей книгѣ, нашла оныя не только ей нужными, но совершенно полезными, и потому позвольте принести вашему высокопреосвященству чувствительную благодарность за трудъ, принятый вами на себя.

Зная готовность вашего высокопреосвященства оказывать услуги отечеству, по обширнымъ познаніямъ вашимъ въ отечественной исторіи и церковномъ правѣ, осмѣливаюсь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, не оставить снабжать коммиссію и впредь столь полезными бумагами и удостоить ее чести принятіемъ на себя званія почетнаго корреспондента.

Ожидая на сіе благосклоннаго отвѣта вашего, испрашиваю архипастырскаго вашего благословенія и съ отличнымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и пр.

(Подп.) Князь Петръ Лопухинъ.

29-го января 1818 года.

II.

Сіятельнѣйшій князь,

милостивый государь!

Почтительнѣйшее отношеніе вашей свѣтлости, отъ 29-го января подъ № 7, съ приложеніемъ мнѣ титла почетнаго корреспондента коммиссіи составленія законовъ, имѣлъ я честь получить. Пріемля удостоеніе сіе за особенный знакъ благоволенія ко мнѣ вашей свѣтлости, приношу чувствительнѣйшую мою благодарность. Если я имѣлъ случай заслужить оное краткимъ моимъ замѣчаніемъ о славянской Кормчей книгѣ, то сіе самое убѣдитъ меня еще прилежнѣе заняться изслѣдованіемъ сего и другихъ подобныхъ сему предметовъ для коммиссіи, дабы тѣмъ оправдать предложенное мнѣ титло корреспондента оной, а паче дабы тѣмъ болѣе заслужить милостивое вниманіе вашей свѣтлости и всегда съ готовностію быть при отличномъ высокопочитаніи и совершенной преданности

вашей свѣтлости

милостивѣйшаго государя

всепокорнѣйшимъ слугою

(Подп.) Евгеній, Архіепископъ Псковскій.

5-го февраля 1818 года.

Дипломъ на званіе почетнаго корреспондента коммисіи слѣдующаго содержанія:

Коммисія составленія законовъ Имперіи Россійской, торжественно изъявляя уваженіе свое къ извѣстнымъ познаніямъ въ юриспруденціи и законодательствѣ, а особливо въ греко-россійскомъ каноническомъ правѣ, преосвященнаго Евгенія, Архіепископа Псковскаго, Курляндскаго, Эстляндскаго и кавалера, приняла его, на основаніи Высочайше утвержденнаго постановленія, почетнымъ членомъ

сей коммиссіи. Въ увѣреніе чего дано сіе въ С.-Петербургѣ, за подписаніемъ главноуправляющаго коммиссіею, съ приложеніемъ печати. Февраля 13-го дня 1818. № 21.

(Подп.) Князь Петръ Лопухинъ.

Эти данныя, почерпнутыя изъ архива бывшей коммиссіи составленія законовъ, объясняютъ отношенія Евгенія къ ней, а явившееся въ печати «*Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ* соч. барона Г. Розенкампфа, изданное Обществомъ Исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ, невольно наводитъ на мысль, что въ составленіи этого обозрѣнія Евгеній принималъ самое дѣятельное участіе.

Въ первомъ изданіи *Обозрѣнія Кормчей книги* принималъ также дѣятельное участіе б. профессоръ Московскаго университета И. М. Снегиревъ.

Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ упоминается въ письмѣ митрополита къ барону Розенкампфу. Оно замѣчательно еще и потому, что писано на французскомъ языкѣ и даетъ намъ понятіе о легкости и свободѣ, съ какою Евгеній могъ вести переписку на этомъ языкѣ.

Monsieur le Baron!

J'ai eu le plaisir de recevoir votre lettre du 10 Janvier, mais je partage votre chagrin, que votre fête n'etoit pas augmentée par l'apparition de votre ouvrage, que vous attendiez pour ce jour. La maladie de Mr Snieguireff et la difficulté de l'impression d'aprés un original toujours changeant en est la cause. Pour accélerer l'édition il faut enfin terminer, corrigenda et addenda, qui ne font point d'honneur à l'auteur.

Vous me paraissez tomber dans un desespoir, en souhaitant même la mort. Mais celui, sans la volonté duquel ne tombe pas un passereau, prolongera vos jours, si chers pour vos amis et pour les lettres.

Soyez sûr, Baron, que je ne cesserai pas pour la vie de vous être de tout mon coeur

Monsieur le Baron

Votre trés obéissant serviteur

E. M. de. K.

Kieff, 22 Janvier 1828.

Въ одномъ изъ писемъ митрополита Евгенія къ академику Кеппену мы видимъ очевидное доказательство свѣдѣній его по части нашего церковнаго законодательства и его взглядъ на статью Коппитара о *Кормчей книгѣ*.

Вотъ что между прочимъ въ этомъ письмѣ значится.

«Любопытно ваше описаніе Венгерскихъ, Трансильванскихъ и Польскихъ обломковъ древности, а Коппитарова статья о Кормчей нашей для насъ безполезная и для иностранцевъ не нужная. Примѣчанія же въ ней почти всѣ ребяческія. Онъ даже неуказалъ намъ источниковъ многихъ статей Кормчей, коихъ подлинника мы доселѣ отыскать не можемъ. Ссылка его на мое мнѣніе о Кормчей въ моемъ Словарѣ не въ попадъ. Я осудилъ только глупыхъ издателей, а отнюдь не самую книгу, ко-

торая у насъ почитается уставомъ церковнымъ и отчасти гражданскимъ для древнихъ временъ Россіи. Компитару даже неизвѣстно, что у насъ два рода или списка кормчихъ: одинъ Грекорусскихъ полныхъ законовъ и правилъ, а другой по болгарскому списку однихъ только греческихъ сокращенныхъ, каковой у насъ и напечатанъ въ Кормчей. Первый же списокъ остался только въ рукописяхъ.

Второе изданіе этого *Обозрѣнія Кормчей книги*, со многими перемѣнами и дополненіями, явилось уже по смерти барона Розенкампфа, стараніями В. Г. Анастасевича въ С.-Петербургѣ, въ 1839 году.

По сдѣланнымъ мною въ типографіи Академіи Наукъ справкамъ оказалось, что оно было напечатано всего въ ста экземплярахъ, а по засвидѣтельствованію г. Терещенки *), это второе *изданіе совершено на иждивеніи митрополита Евгенія*, но также уже послѣ его кончины.

Сочиненіе это, по всей справедливости, должно бы носить имя Евгенія, какъ настоящаго издателя; но ученый іерархъ, по свойственной ему скромности, не желалъ быть гласнымъ дѣятелемъ. Вотъ причина, почему и другія его историко-юридическія статьи остались не подписанными его именемъ, и только изъ недавно напечатанной собственной его автобіографіи, находящейся въ рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора, мы узнаемъ, что въ *Новомъ памятникѣ законовъ Россійской Имперіи*, изданномъ въ С.-Петербургѣ въ 1825 году, иждивеніемъ книгопродавца Ивана Глазунова, помѣщены капитальныя статьи, составленныя митрополитомъ Евгеніемъ **).

Что же касается 2-го изданія *Обозрѣнія Кормчей книги*, оставшагося не пристроеннымъ при жизни двухъ лицъ заинтересованныхъ имъ, Евгенія и барона Розенкампфа, то оно, по небрежности Анастасевича, издателя, почти все погибло, за исключеніемъ нѣсколькихъ экземпляровъ, спасенныхъ мною отъ истребленія.

О несчастіи, случившемся съ этимъ важнымъ для нашего церковнаго законодательства памятникомъ, подробно мною описано въ другомъ мѣстѣ ***).

Изданіе это, стоившее столько трудовъ и издержекъ, и всего только въ нѣсколь-

---

*) Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ. С.-Петербургъ 1837.

**) *Историческое обозрѣніе россійскаго законоположенія отъ древнѣйшихъ временъ до 1824 года*, сообщенное издателю однимъ почтеннѣйшимъ изъ нашихъ археологовъ, съ присовокупленіемъ свѣдѣній: 1) о *старинныхъ Московскихъ приказахъ*, существовавшихъ до временъ Петра Великаго; 2) *о старинныхъ чинахъ въ Россіи*, о коихъ упоминается въ *Русской Правдѣ* великаго князя Владиміра, изд. въ 6504 (996) году, *Судебникѣ* царя Іоанна Васильевича 7048 (1550) и *Уложеніи*, царя Алексѣя Михайловича 7157 (1649) и 3) *о прежде бывшихъ въ Малороссіи присутственныхъ мѣстахъ и чинахъ*.

***) См. мою статью подъ заглавіемъ: «*Судьба Кормчей книги*», Литературная Библіотека 1867 г. № № 15 — 16.

кихъ экземплярахъ уцѣлѣвшее, заслуживаетъ быть перепечатаннымъ и разосланнымъ въ высшія и среднія духовныя учебныя заведенія.

Что же касается важности и значенія *Кормчей книги*, какъ памятника въ историческомъ отношеніи, то собственныя слова митрополита Евгенія будутъ лучшимъ убѣжденіемъ необходимости предлагаемаго новаго изданія.

Отвѣтъ Его Превосходительству Барону Г. А. Розенкампфу, на вопросъ его: *«Имѣетъ ли Кормчая книга силу и употребленіе въ гражданскихъ и уголовныхъ судахъ Россійскихъ?*

«Вопросъ сей очевидно родился изъ того, что *Кормчая Книга*, яко Церковное Уложеніе, долженствующая существенно содержать въ себѣ Правила Св. Писанія, Соборовъ и Святыхъ Отцевъ относительно только исповѣданія Вѣры, обрядовъ, обязанности Духовныхъ Особъ и вообще Правленія Церковнаго, имѣетъ въ себѣ многія узаконенія по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ. И такъ надлежитъ открыть прежде всего причину сему.

Первое такое смѣшеніе Законовъ Духовныхъ съ Гражданскими мы находимъ еще въ Законѣ Божіемъ, данномъ чрезъ Моисея. Но въ Θеократическомъ правленіи, въ коемъ Священство имѣло высшую власть и должность наблюдать за исполненіемъ законовъ (Второзак. XVII. 9 — 13) иначе и быть не могло. А когда у Евреевъ Гражданское Правленіе предоставлено Царямъ; то Священству осталось только распоряженіе Церковныхъ и духовныхъ дѣлъ: но и тогда еще въ судныхъ дѣлахъ верховнаго правительства Священники участвовали, какъ видно 2 Паралипом. XIX. 8, а законъ Моисеевъ оставался общимъ для всѣхъ Уложеніемъ. При всемъ томъ нѣкоторыя даже Полицейскія дѣла особенно Священникамъ поручены были, какъ-то: свидѣтельствовать зараженныхъ и исцѣлившихся прокаженныхъ (Левит. XIII. 2), недопускать болѣзненныхъ въ церковныя собранія (Числ. VIII. 19), различать вещи нечистыя отъ чистыхъ и мірскія отъ святыхъ (Левит. X, 10), защищать и покровительствовать неумышленныхъ убійцъ (Числ. XXXV), наблюдать за вѣрностію общественныхъ мѣръ и вѣсовъ (Левит. XXII. 26 — 1 Паралип. XXIII. 29).

Христіанская Вѣра застала у другихъ народовъ иныя Уложенія Законовъ и не вмѣшивалась уже въ Гражданское правленіе, а составила себѣ особое Церковное, основывавшееся на Правилахъ Св. Апостолъ, Соборныхъ Постановленіяхъ своихъ Священноначальниковъ и нѣкоторыхъ частныхъ рѣшеніяхъ Отцевъ. Но Христіанскіе Государи по связи Церкви съ Гражданствомъ и сіи Правила признавали Государственными Законами. Весьма выразительно Императоръ Іустиніанъ объявилъ сіе въ 131 своей Новеллѣ, и тамъ же сравнилъ даже Правила Св. Соборовъ со Священнымъ Писаніемъ. При томъ всѣ благочестивые Императоры, примѣняясь къ Соборнымъ Правиламъ, съ своей стороны многіе издавали законы для благочинія Церковнаго и для наказанія за преступленія противу Вѣры и Церкви; а часто и Гражданскіе Законы, дабы сдѣлать ихъ уважительнѣе въ совѣсти народа, взаимно подкрѣпляли Соборными Приговорами. Такимъ образомъ и въ Россіи многіе Уставы Царя Ивана Васильевича и Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича утверждены Соборомъ же. Въ самомъ Гражданствѣ, еще первые Христіанскіе Государи, подобно Израильскимъ, предоставили Церковному надзиранію и распоряженію нѣкоторыя дѣла, касающіяся больше совѣстнаго, нежели нареднаго исполненія, каковы напр. заведеніе и содержаніе общественныхъ училищъ, больницъ, призрѣніе нищихъ и плѣнныхъ, покровительство рабовъ, дѣла брачныя, разводныя, семейныя распри и другія. Изъ собранія сихъ-то Церковныхъ правилъ, мнѣній Отцевъ, Царскихъ для Церкви Указовъ и препорученій Духо-

венству, составилось Церковное Уложеніе, извѣстное у Грековъ подъ именемъ *Номоканона*, то есть Законоправильника, а у насъ *Кормчей книги*. Первый *Номоканонъ* Іоанна Схоларія появился при Им-Императорѣ Іустиніанѣ въ половинѣ VI вѣка. Но полнѣйшій, собранный около 883 года Константинопольскимъ Патріархомъ Фотіемъ, принятъ наипаче во всеобщее употребленіе Восточной Церкви, и съ него-то сокращеніе съ толкованіями Діакона Аристина а по мѣстамъ и Зонары, составляютъ первую часть нашей печатной *Кормчей*. Къ ней присовокупленъ Фотіевъ же систематическій сводъ всѣхъ тѣхъ Правилъ и рѣшеній по матеріямъ въ 14 граняхъ, и подъ каждою гранью у Фотія послѣ ссылокъ на правила Соборовъ и Отцевъ, прибавлены ссылки и на Гражданскіе законы о тѣхъ же матеріяхъ: а въ 13 и 14 грани помѣщены правила суда и надъ мірскими людьми уже не за вѣру, но за разныя безчинія, неприличныя нравственности Христіанской. Ибо еще Императоръ Константинъ Великій, замѣтивъ слабое за симъ надзираніе Гражданскихъ Начальниковъ, поручилъ оное Церкви; и даже во всѣхъ судахъ, въ случаѣ недовѣрчивости къ Судіямъ Гражданскимъ, позволилъ судиться у Духовныхъ и первымъ по рѣшенію послѣднихъ исполнять. Но въ печатной нашей *Кормчей* вмѣсто Фотіевыхъ ссылокъ на Гражданскіе Законы помѣщены во 2 части самые сіи Законы, для того ссылки на нихъ подъ гранями опущены.

Изъ сего происхожденія *Кормчей Книги* и связи ея съ Гражданскими Законами, а также по отношенію Правилъ ея не къ однимъ догматамъ, обрядамъ и служителямъ Церкви, но и къ мірянамъ и ихъ поведенію, видно, что она долженствовала имѣть силу закона и въ Гражданскихъ Судахъ, тѣмъ паче, что хотя наказанія собственно Церковныя суть только духовныя епитиміи: но во многихъ ея Правилахъ назначены и Гражданскія, которыхъ только мѣру и исполненіе Церковь предоставляла Государственному Правительству. Сами Греческіе Императоры въ Полицейскихъ своихъ законахъ, опредѣляя мѣру таковыхъ наказаній, ссылались на осужденія Церковныя.

Славенскій переводъ Греческаго *Номоканона* вошелъ въ Россію вмѣстѣ съ Христіанскою Вѣрою. Ибо Великій Князь Владиміръ Святославичь на него уже ссылался въ *Уставѣ* своемъ *о Церковныхъ Судахъ* *). Ученикъ Максима Грека, Новгородскій монахъ Зиновій, жившій около 1560 года, пишетъ въ 52 и 33 своихъ *Бесѣдахъ* на ересь Ѳеодосія Косого, что онъ видѣлъ харатейные списки Славенскаго *Номоканона* или *Кормчей*, писанные при Великихъ Князьяхъ Ярославѣ Владиміровичѣ и Изяславѣ Ярославичѣ т. е. въ одинадцатомъ вѣкѣ. Но первоначальный переводъ сей, можетъ быть по неопытности первыхъ переводчиковъ, въ 13 столѣтіи почитался уже такъ темнъ для Славеноруссовъ, что Кириллъ Митрополитъ Кіевскій на Соборѣ бывшемъ во Владимірѣ на Клязьмѣ 1274 г. жаловался на невразумительность онаго и хвалился полученіемъ яснѣйшаго съ толкованіями перевода. *Помрачены бѣяху*, сказалъ онъ, *Правила Церковныя прежъ сего облакомъ мудрости Еллинскаго языка; нынѣ же облисташа, рекше, истолкованы быша и благодатію Божіею ясно сіяютъ, невѣдѣнія тму отоняюще и вся просвѣщающе свѣтомъ разумнымъ*. Въ Новгородской Софійской библіотекѣ въ числѣ Кириллова монастыря бывшихъ книгъ есть списокъ съ упоминаемаго Митрополитомъ Кирилломъ другаго перевода. Тамъ въ предисловіи къ Карѳагенскому Собору именно сказано, что писецъ Іоаннъ Драгославъ въ 1270 г. повелѣніемъ Болгарскаго Деспота Іакова Святослава списалъ оный съ двумя

---

*) *Уставъ Владиміровъ* дошелъ до насъ во многихъ спискахъ Кормчей Книги и разныхъ сборниковъ уже испорченнымъ вставками анахроническими и другими. Въ такихъ спискахъ *Фотій* патріархъ константинопольскій выставленъ современникомъ Владиміру, а *Леонтій* первымъ Кіевскимъ митрополитомъ (Слѣдующія за симъ строки не напечатаны въ книгѣ *), а находятся въ имѣющейся у меня рукописи). Но въ одномъ старомъ бумажномъ спискѣ полуставномъ, бывшемъ Кирилова Бѣлозерскаго монастыря по каталогу книгъ онаго № 437 въ листъ, а нынѣ въ Новгородской Софійской библіотекѣ находящемся, сей *уставъ* написанъ гораздо кратче до нынѣ изданныхъ, и въ немъ не упоминается ни о *Фотіи* ни о *Леонтіи*. Очень вѣроятно, что сей списокъ ближе къ подлиннику.

*) Описаніе Кіевософійскаго Собора стр. 238.

товарищами въ 50 дней для Кирилла Кіевскаго Митрополита. Сей списокъ почти слово въ слово сходенъ съ нашею печатною *Кормчею*, кромѣ прибавочныхъ статей въ послѣдней, не находящихся въ Болгарскомъ спискѣ. Въ обоихъ Правила Соборовъ предложены сокращенныя съ толкованіями Аристина, Греческаго Діакона, жившаго около 1166 года и по мѣстамъ Зонары, какъ сказано выше. Изъ сего видно, что за основаніе къ изданію нашей печатной *Кормчей* принятъ списокъ Болгарскій, а не первоначальный, содержавшій не сокращенныя, но полныя Правила Соборовъ, какъ видно изъ привода оныхъ у монаха Зиновія, и по другимъ старописьменнымъ спискамъ, въ коп уже съ 13 вѣка изъ Болгарскаго начали приписывать къ правиламъ Аристиновы толкованія, слово въ слово сходныя съ Болгарскимъ. Первоначальныежъ Славенскіе списки, по словамъ Кирила Митрополита, были безъ всякихъ толкованій. Сіе можно заключить еще изъ того, что всѣ извѣстные толкователи *Кормчей Книги*: Зонаръ, Аристинъ и Валсамонъ, жили уже въ 12 вѣкѣ. Но ни одного изъ таковыхъ первоначальныхъ списковъ безъ толкованій до нынѣ у насъ еще не найдено. Ибо и самый древнѣйшій намъ извѣстный, сохраняющійся въ Московской Патріаршей Библіотекѣ, писанный въ Новѣгородѣ на хартіи или пергаминѣ въ послѣдней четверти 13 вѣка, имѣетъ уже къ Правиламъ полнымъ приписанныя Аристиновы толкованія изъ Болгарскаго списка. Вѣроятно, тогдашніе Отцы наши хотя воспользовались толкованіями послѣдняго: но не хотѣли оставить первоначальнаго перевода полныхъ правилъ, вмѣсто копхъ въ Болгарскомъ положены только сокращенныя. Изъ сего произошло у насъ два рода списковъ *Кормчей Книги*, одни подобные вышеупомянутому Новгородскому, а другіе Болгарскому. Разность ихъ состоитъ въ томъ, что подобные Новогородскому (каковыхъ много бумажныхъ въ Софійской и другихъ Библіотекахъ), сверхъ правилъ Фотіева Номоканона и другихъ къ тому прибавочныхъ изъ Гражданскихъ Законовъ и прочихъ съ Греческаго же переведенныхъ статей, содержатъ нѣсколько и Русскихъ Соборныхъ и Отеческихъ рѣшеній, Уставъ Князя Владиміра, Русскую правду Ярославову и пныя: но въ Болгарскомъ спискѣ нѣтъ никакихъ Русскихъ статей; а въ Славенскомъ изданіи прибавлены еще нѣкоторыя изъ разныхъ не принадлежащихъ къ *Кормчей Книгѣ* писателей.

Великій Князь Владиміръ Святославичь Уставъ свой о *Церковныхъ Судахъ* взялъ изъ Фотіева Номоканона и подражая Уставамъ Греческихъ Царей, предоставилъ Церковному разсмотрѣнію и суду: 1) всѣ преступленія противъ Вѣры, Церкви и ея Уставовъ, какъ-то: идолопоклонство, поруганіе Святыни, суевѣріе, волшебство, отраву, церковныя и гробовыя татьбы и тому подобн.; 2) всѣ лица Церкви служащія, отъ ней питающіяся и ею принятыя въ покровительство, какъ-то странники и пришельцы для Богомоленія, исцѣлѣвшіе чудесно, нищіе, увѣчные и рабы отпущенные на волю отъ Господъ для помину души ихъ; а естьли Церкви принадлежащимъ лицамъ случалось судиться въ преступленіяхъ или въ тяжбѣ съ мірянами въ Гражданскихъ судахъ, то Гражданскимъ судьямъ велѣно судить ихъ вмѣстѣ съ судьями духовными; 3) всѣ мѣста и заведенія Церковныя, къ коимъ причислены богадѣльни или больницы, гостинницы, странно-пріимницы и проч.; 4) всѣ семейные союзы, раздоры, обязянности и преступленія, какъ то браки, разводы, прелюбодѣянія, блудодѣянія, откидываніе незаконнорожденныхъ дѣтей, кровосмѣшенія, скотоложства, семейныя драки, тяжбы о раздѣлѣ имѣній и о наслѣдствѣ, непочтеніе родителей и тому подоб.; 5) наблюденіе за вѣрностію торговыхъ вѣсовъ и мѣръ. Въ Фотіевѣ *Номоканонѣ* отнесено къ Церковному суду еще болѣе Гражданскихъ дѣлъ, какъ-то: о глумцахъ, игрищахъ, убійцахъ, разбойникахъ, самоубійцахъ, баняхъ, рабахъ отыскивающихъ свободу, лихоимствѣ и проч. Можетъ быть Владиміръ умолчалъ о сихъ статьяхъ потому, что на оныя были уже особые Русскіе Законы, какъ-то видны нѣкоторыя статьи о семъ и въ Русской Правдѣ, въ которой напротивъ того о прочихъ, предоставленныхъ Владиміромъ Духовному суду, по сему самому и неупомилается. Даже и статьи о наслѣдствахъ включены въ оную кажется уже послѣ Ярослава. Ибо нѣтъ ихъ въ Русской Правдѣ по Татищеву Новгородскому списку. Вѣроятно уже позднѣйшіе Князья, чтобы сдѣлать себя наслѣдниками выморочныхъ имѣній и собирать пошлину съ раз-

дѣловъ, помѣстили сіи законы въ оную. А о дѣлежѣ между братьями наслѣдственнаго имѣнія въ 22 статьѣ Владиміру Мономаху приписываемыхъ законовъ сказано только подъ условіемъ, что судитъ ихъ князь тогда, когда они попросятъ его суда. «*Аще братія растяжутся о задницю* (о наслѣдствѣ) *предъ Княземъ, то который дѣтскій* (чиновникъ княжой) *идетъ ихъ дѣлити, тому взяти гривна кунъ.*

Послѣ Русской Правды, со всѣми ея въ разныя времена поправками и дополненіями весьма недостаточной еще для полнаго Судопроизводства, намъ неизвѣстны другія никакихъ первыхъ вѣковъ общія для всей Россіи Уложенія. Были безъ сомнѣнія и по Удѣльнымъ Княжествамъ свои частные законы, какъ видно изъ того, что Великій Князь Василій Темный велѣлъ Ростовскимъ Боярамъ судить по ихъ старымъ Законамъ; а Царь Иванъ Васильевичъ по просьбѣ Рязанскихъ Бояръ позволилъ такъ же имъ судить по своимъ Законамъ. «Таковыхъ Удѣльныхъ Законовъ, говоритъ Татищевъ *), я видѣлъ у князя Димитрія Голицына собрана книга «не малая и оная гдѣ-либо въ неизвѣстномъ нынѣ домѣ хранится.» Но *Кормчая Книга* и по Духовнымъ и по Гражданскимъ дѣламъ есть Уложеніе полнѣйшее всѣхъ древнихъ извѣстныхъ въ Россіи. Къ первоначальному Славенскому переводу оныя у насъ приписываемы были въ разныхъ послѣдовавшихъ вѣкахъ подробнѣйшіе Греческихъ Царей Законы о судныхъ дѣлахъ всякаго рода и даже Законы земледѣльческіе, покупные, продажные, помѣщичьи, договорные, свидѣтельскіе, наслѣдственные и другіе. Къ ней пріобщались, какъ выше сказано и видно по древнимъ дошедшимъ до насъ спискамъ, и Уставы первыхъ Великихъ Князей нашихъ, Владиміра, Ярослава, Святослава, Всеволода и самая Русская Правда, разныя русскія поучительныя повѣствованія, рѣшенія Русскихъ Отцевъ на разные случаи, увѣщанія народу, и наставленія Князьямъ. Естьли бы по всѣмъ симъ статьямъ не было въ Россіи всеобщаго употребленія собранію сихъ законоположеній, то нужды не былобъ и присоединять Гражданскіе Уставы къ принадлежащимъ только Церкви.

Наилучшимъ сему доказательствомъ были бы древнія Судныя дѣла наши Гражданскія и Уголовныя: но они до насъ не дошли. Однакожъ изъ лѣтописей видимъ, что и Князья въ переговорахъ и распряхъ между собою ссылались на правила Св. Отцевъ. Въ 1488 г. Митрополитъ Геронтій, отсылая нѣкоторыхъ лишенныхъ сана священниковъ къ суду Государева Намѣстника, пишетъ въ своей Граммативѣ, что они должны судимы быть, какъ установилъ Великій Князь по *Царскимъ правиламъ* т. е. Законамъ Царей Греческихъ въ *Кормчую Книгу* внесеннымъ. Даже и послѣ изданнаго въ 1497 году Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ новаго русскаго *Судебника*, *Кормчая Книга* по уголовнымъ дѣламъ не теряла еще въ Россіи своей силы. Ибо тотъ же митрополитъ Геронтій въ 1502 году писалъ къ Новгородскому архіепископу Геннадію о жидовствовавшихъ еретикахъ, чтобы онъ, есть ли не покаются, отослалъ ихъ къ Намѣстникамъ Великаго Князя и *они ихъ тамо велятъ казнити градскою казнію по Великаго Князя Наказу, какъ писано въ Царскихъ Правилѣхъ* **). Посему и почтенный нашъ Исторіографъ дѣлаетъ свое замѣчаніе, что Кормчая служила тогда для насъ и гражданскимъ уложеніемъ въ случаяхъ неопредѣленныхъ Русскими Законами и дополняла оныя ***). Царь Иванъ Васильевичь Духовные суды всѣ предоставилъ по прежнимъ уставамъ *Кормчей Книги* Правленію Церковному, а только издалъ нѣкоторые законы о монастырскихъ вотчинахъ. Но и въ гражданскій свой *Судебникъ* запмствовалъ нѣкоторые законы также изъ *Кормчей*. Однакожъ и онъ не всею оною воспользовался, и о нѣкоторыхъ весьма нужныхъ обстоятельствахъ совсѣмъ не упомянулъ;

*) Въ предисловіи къ Русской Правдѣ.

**) Древн. Рос. Вивліоѳ. томъ XIV стр. 235.

***) Исторія Государства Росс. томъ IV, стр. 354 и примѣч. 324.

такъ что по необходимости надлежало держаться еще Греческихъ подробнѣйшихъ законовъ. По сему то при нѣкоторыхъ старинныхъ спискахъ его *Судебника* приписаны Іустиніановы законы земледѣльческіе и градскіе о разныхъ родахъ казней, о свидѣтеляхъ, о брачныхъ договорахъ и проч. Съ такими прибавленіями оный и напечатанъ 1768 г. въ Спб. — Царь Алексѣй Михайловичъ заимствовалъ въ *Уложеніе* свое гораздо больше уже статей изъ *Кормчей Книги* индѣ безгласно, а индѣ съ явною ссылкою на правила Соборовъ и Св. Отецъ и законы Градскіе, какъ наприм: Въ главѣ XIII, XIV и XVII и проч. Онъ первый изъ Россійскихъ Государей учредилъ особый *Монастырскій Приказъ*, бывшій до того времени вмѣстѣ *съ Приказомъ Большаго Дворца*, для суда надъ духовными по исковымъ и вотчиннымъ дѣламъ. Онъ также во многихъ *новоуказныхъ статьяхъ* издалъ свои подробнѣйшіе законы о наслѣдственныхъ правахъ: и съ тѣхъ поръ сей родъ дѣлъ началъ переходить въ гражданскіе суды: но прочія семейственныя дѣла оставилъ еще подъ судомъ церковнымъ. Онъ же первый внесъ въ Уложеніе свое и дѣла касающіяся до вѣры и Церковныхъ уставовъ, но только по отношенію къ мѣрѣ гражданскихъ наказаній за преступленія противу оныхъ. За всѣмъ тѣмъ въ *Кормчей Книгѣ* оставались еще полезные и для гражданства законы, не вошедшіе въ *Уложеніе* и потому то уже послѣ изданія онаго Царь въ 1654 году счелъ за нужное разослать ко всѣмъ воеводамъ выписки изъ Греческихъ Законовъ *Номоканона* и велѣлъ судить по онымъ дѣла уголовныя *).

Со времени царствованія Государя Петра I. Россійское Законоположеніе получило уже гораздо большую подробность и опредѣлительность. Сей Государь *въ Воинскомъ, Морскомъ* и другихъ *Уставахъ* своихъ помѣщалъ также законы наказательные за преступленія противу Вѣры и Церкви, но не вдругъ рѣшился унтчтожить силу и Греческихъ Градскихъ Законовъ, положенныхъ въ *Кормчей книгѣ*. Сіе доказываетъ его указъ въ слѣдъ за изданнымъ уже Воинскимъ Уставомъ 1716 года присланный Маія 3 изъ Преображенскаго Приказа въ Московскую Губернію, коимъ именно предписано было; «сказывающихъ про себя Государево слово и дѣло разыскивать и судить по Уложенью и по новоуказаннымъ статьямъ и по *градскимъ законамъ*» *). При учрежденіи Святѣйшаго Сунода 25 Генваря 1721 года изданнымъ *Регламентомъ Духовнымъ* онъ также предоставилъ Духовному Правительству», судить свои дѣла на основаніи Закона Божія въ Св. Писаніи предложеннаго, такожъ Каноновъ или Правилъ Соборныхъ Св. Отцевъ и уставовъ Гражданскихъ, Слову Божію согласныхъ,» и таковая выписка или собраніе Правилъ и Законовъ тогда обѣщана была особою Книгою. Но на Докладныхъ Пунктахъ Св. Сунода 1722 года Апрѣля 2 многія дѣла, по *Кормчей книгѣ* принадлежавшія Церковному Суду, какъ то, любодѣянія, изнасилованія, кровосмѣшенія, восхищенія къ браку, незаконнорожденные и кровосмѣсные дѣти, браки дѣтей безъ воли родителей, ослушанія духовному суду, наслѣдства по завѣщаніямъ и безъ завѣщаній, богохуленіе, явные и нераскаянные грѣшники, три года неисповѣдающіеся и не причащающіеся, оглашающіе ложныя чудеса и нѣкоторыя другія преступленія предоставилъ онъ уже гражданскому суду, и оныя съ тѣхъ поръ судятся по общимъ Россійскимъ Государственнымъ Узаконеніямъ. Однакожъ и послѣ сего Апрѣля 10 того же 1722 года въ данной Инструкціи Спнодальному Члену Леониду Архіепископу Сарскому и Подонскому не уничтожилъ онъ силу градскихъ законовъ, помѣщенныхъ въ *Кормчей книгѣ*, и 5 пунктомъ предписалъ: «Случающіяся отъ Спнодальной области дѣла до Духовнаго Правительства разсуждать и опредѣлять и рѣшать по Святымъ Правиламъ и по содержащимся въ *Кормчей книгѣ* градскимъ Законамъ и по Соборному Уложенію и по Указамъ и по Духовному регламенту и проч. *). Также хотя разсмотрѣніе о наслѣдствахъ по Докладнымъ Пунктамъ

*) Исторія Государства Росс. Т. III, примѣч. 222.

*) Смотри систематическій Сводъ существующихъ Россійскихъ Законовъ. Право Гражданское издан. Коммисіею составленія Законовъ, Томъ I, стран. 57.

*) См. Систематическій Сводъ существующихъ Законовъ. Право Гражданское, Томъ I, стран. 56.

Св. Синода отнесено уже къ Гражданскому Суду; но Указомъ Верховнаго Совѣта 1726 года, Іюня 19 повелѣно: «кто неумѣетъ подписать своей руки на завѣщательномъ своемъ письмѣ, то Духовнымъ ихъ Отцамъ во мѣсто ихъ при свидѣтеляхъ руки подписывать и тѣ духовныя, хотя и не у крѣпостныхъ дѣлъ, но въ домахъ писанныя, не опровергать, но въ дѣйство производить.» Въ послѣдствіи времени бывали случаи, въ коихъ и Гражданское Правительство, при сужденіи Уголовныхъ Церковныхъ Дѣлъ, обращалось къ правиламъ *Кормчей книги*. Такъ напримѣръ въ 1807 году Министръ Юстиціи предложилъ вопросъ Новгородскому митрополиту Амвросію, какія покраденныя въ церкви вещи почитать и судить за святотатство? и по представленію сего Преосвященнаго Св. Синодъ учинивъ изъ правилъ Градскихъ Законовъ *Кормчей книги* выписку, предписалъ ему препроводить оную къ г. Министру, а по предложенію сего Правительствующій Сенатъ указами 1808 года разослалъ оную въ руководство всѣмъ уголовнымъ палатамъ. Въ 1811 году разослалъ еще и дополненіе къ оной. Надлежитъ къ сему же замѣтить, что и всѣ Опредѣленія Св. Синода, основанныя какъ на общихъ Государственныхъ Законахъ, такъ и на *Кормчей книгѣ*, признаются Государственными постановленіями.

Изъ всего сего видно, что есьли *Кормчая книга* и помѣщенные въ ней Градскіе Законы потеряли уже свою силу въ назначеніи мѣры наказаній по дѣламъ Гражданскимъ и уголовнымъ, по причинѣ изданныхъ уже у насъ на оныя своихъ гражданскихъ уставовъ, то не теряетъ еще до нынѣ силы своей въ опредѣленіи существа преступленій, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ Церковныхъ и Духовныхъ; а иногда и въ гражданскихъ судахъ о наслѣдствѣ обращается вниманіе на степени родства по *Кормчей книгѣ*.

Е. А. П.

Псковъ.
Генваря 25
1822 г.

Покойный профессоръ иностраннаго (Берлинскаго) Университета Фридрихъ Августъ Бинеръ *) (Biener) оцѣнилъ достойнымъ образомъ труды по каноническому праву преосвященнаго Евгенія и барона Розенкамифа и указалъ заслуги ихъ въ отысканіи и собраніи рукописныхъ экземпляровъ *Кормчей книги*, скрывавшихся въ частныхъ и публичныхъ казенныхъ библіотекахъ.

Мы же, Русскіе, по обыкновенію, не интересуясь трудами, совершенными въ Россіи, остались равнодушными и къ Кормчей и не позаботились о спасеніи отъ истреб-

*) Бинеръ въ сочиненіи: *De collectionibus canonum ecclesiae graecae schediasma literarium*, (Berolini 1827, 8°) на стр. 5 пишетъ: «De codice canonum ecclesiae Russicae ante omnia celebranda sunt merita Reverendissimi *Eugenii*, archiepiscopi Metropolitani provinciae Kioviensis. Inseruit enim plura, quae ad historiam et criticam hujus codicis faciunt, operi suo: *de scriptoribus ecclesiasticis Russiae*», Petropoli 1819 edito, deinde vero in appendice libri de *ecclesia S. Sophiae et hierarchia Kioviensi*, Kioviae 1825. 4 p. 235—244 publicavit epistolam de historia atque usu hujus codicis in imperio Russico, qua etiam de codicibus *manuscriptis* hujus collectionis exponitur...» Далѣе на стр. 8... Cum enim intenti essent originibus codicis canonum Russici investigandis viri doctissimi, Reverend. *Eugenius*, et Illustr L. B. de *Rosenkampff* conquisiverunt et contulerunt multa scripta exemplaria, quae in publicis atque privatis bibliothecis delitescebant...

ленія печатныхъ экземпляровъ ея, сосредоточивающихъ въ себѣ столько драгоцѣнныхъ матеріаловъ для отечественнаго церковнаго законодательства.

Что̀ 2-е изданіе *Обозрѣнія Кормчей* дѣйствительно драгоцѣнно, какъ собраніе матеріаловъ и указаніе источниковъ, хотя и слабымъ тому доказательствомъ, можетъ служить *Введеніе* къ этому сочиненію барона Г. А. Розенкампфа.

Введеніе это въ 1827 году было напечатано въ 3-й книжкѣ *Матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи*, собираемыхъ академикомъ Петромъ Кеппеномъ, потомъ вошло въ первое и второе изданіе *Обозрѣнія Кормчей*. Но какъ и Кеппеновскій библіографическій журналъ и оба изданія *Кормчей* очень рѣдки, а преимущественно *второе* изданіе, то для объясненія важности и значенія *Кормчей* и дѣйствительной необходимости новаго ея изданія, позволю себѣ перепечатать здѣсь *Введеніе* къ этому сочиненію съ *примѣчаніями*, которыми оно щедро обогащено,

Сіи послѣднія, заключающія въ себѣ множество историческихъ и библіографическихъ ссылокъ, придаютъ особенное значеніе труду барона Розенкампфа и дѣлаютъ его еще болѣе желательнымъ для каждой библіотеки, не говорю уже о семинарскихъ и академическихъ.

«Историческое изложеніе *Кормчей книги*, относительно ея *состава, времени* и *разности* славянскихъ переводовъ оной съ греческихъ подлинниковъ, также сравненіе входящихъ въ оную статей, не только переведенныхъ, но и собственныхъ русскихъ, ведутъ къ изслѣдованіямъ не менѣе любопытнымъ, какъ и важнымъ для древней исторіи церковной и гражданской.

Предметъ сей донынѣ еще не былъ разсмотрѣнъ ни въ общемъ видѣ, ни въ частныхъ его подробностяхъ. Мы не найдемъ въ нашихъ лѣтописяхъ, ни въ самыхъ законахъ достаточныхъ свѣдѣній о постепенномъ дополненіи статей, разнообразныхъ переводовъ въ разныхъ спискахъ, и, такъ сказать, первоначальныхъ изданіяхъ Кормчей; но и находящіяся въ лѣтописяхъ (1) и въ узаконеніяхъ, по сему предмету свѣдѣнія, еще неизслѣдованы и необработаны.

---

1) Число всѣхъ, до сихъ поръ извѣстныхъ и печатныхъ списковъ лѣтописей, простирается не далѣе 14-ти или 15-ти, и ежели сравнить сіи 14 или 15 списковъ между собою, смотря по сходству вошедшихъ въ оныя статей, и раздѣлить на роды, такъ какъ я это сдѣлалъ съ списками Кормчей книги: то сіе количество еще уменьшится, и наконецъ не выдетъ болѣе четырехъ, или пяти разныхъ родовъ, къ которымъ причислить можно всѣ нынѣ извѣстные списки. Для сего сравненія и классификаціи прежде всего должно изслѣдовать *Греческіе источники*, заимствованные или переведенные Несторомъ и его продолжателями. Славный *Шлёцеръ* полагалъ, что всѣ сіи, болѣе къ Греческой и къ Болгарской, нежели къ Русской Исторіи принадлежащія мѣста, не были помѣщены самыми первыми сочинителями; но *вставлены* переписчиками.—Однакоже они уже находятся въ самыхъ древнѣйшихъ спискахъ и Шлёцеръ самъ отыскалъ многія таковыя мѣста, совершенно сходныя съ текстомъ *Зонары, Кедрина*, или другихъ Византійцевъ, у которыхъ они ихъ заимствовали. Несторъ также ссылается (на стр. 8

Никто еще незанимался критическимъ *разборомъ матеріаловъ и сравненіемъ источниковъ, какъ греческихъ, такъ и русскихъ*, входящихъ въ составъ всѣхъ оныхъ списковъ, или, покрайней мѣрѣ, не-

---

Лаврентіевскаго и Софійскаго Временника и на стр. 10 *Никоновскаго списка*), на *Георгія: — глаголетъ бо Георгій въ лѣтописаніи.* Недавно Г. *Строевъ* въ No XI Сѣвернаго Архива, на стр. 216, и въ IV томѣ Трудовъ Историческаго общества на стр. 167, извѣстилъ насъ о древнемъ переводѣ сего Георгія, называвшагося Георгіемъ Грѣшнымъ (ἁμαρτόλος, Peccator). Сходство между лѣтописью *Георгія Грѣшнаго* и начальными листами нашего *Нестора* совершенно извѣстно было покойному Государственному Канцлеру графу Н. П. Румянцеву, и потому онъ намѣренъ былъ поручить ученому Г. Газе, издателю *Льва Діакона*, изданіе и сего Византійца, сочиненія котораго, по свидѣтельству Льва Аллація (*Leo Allatius*) и *Фабриція* (въ Библіотекѣ Греческой *(Biblioth. Graeca, tom. VI. pag.* 154 и *X pag.* 641—650), никогда еще не были изданы. Левъ Аллацій, въ сочиненіи *De Georgiis* (о Георгіяхъ), выписалъ начало предисловія и заглавіе съ рукописной Лѣтописи Георгія, и упомянулъ еще о другомъ его сочиненіи, подъ заглавіемъ: *О посольствахъ Греческихъ Императоровъ къ иностраннымъ народамъ (De legationibus Romanorum Imperatorum ad exteros).* Можетъ быть, въ семъ сочиненіи находятся свѣдѣнія о мирныхъ дороговорахъ, Кіевскими Князьями *Олегомъ* и *Игоремъ* съ Греками заключенныхъ, о которыхъ доселѣ не найдено никакихъ свѣдѣній у Византійцевъ.

Говоря о Несторѣ и о продолжателяхъ его, въ видѣ источниковъ исторіи Кормчей книги, доселѣ неизслѣдованныхъ, кажется, что начало сей Лѣтописи, или, такъ сказать, первая часть оной (съ царствованія Михаила до XI вѣка), составлена была почти изъ собственныхъ словъ Византійцевъ.—Первый подлинникъ, или образецъ (ἀρχετύπον) сего изложенія, безъ сомнѣнія, дошелъ до насъ изъ Болгаріи, той самой страны, откуда Россія получила и первые переводы правилъ Св. Отецъ. Къ сему образцу Преподобный Несторъ и продолжатели его присовокупили нѣкоторыя извѣстія, по *преданію (per traditionem)* сохраненныя, равномѣрно свѣдѣнія о внутреннемъ положеніи Россіи *).

Въ слѣдствіе сего *общаго начала*, переписчики въ разныхъ странахъ Россіи дополнили сіи изложенія современными извѣстіями. Ходъ сей былъ самый естественный и полезный для сохраненія событій и произшествій, къ отечественной исторіи принадлежащихъ. — Притомъ же слѣдуетъ замѣтить, что первые Лѣтописцы всѣхъ, въ Христіанскую вѣру обращенныхъ народовъ, имѣютъ одинъ и тотъ же *отличительный характеръ*, состоящій въ томъ, что всѣ до Церкви и до Іерархіи относящіяся произшествія, какъ то: управленіе епархіями, житія Святыхъ, чудеса, учрежденія монастырей, Соборовъ и тому подобные предметы, преимущественно въ нихъ помѣщались. Сей характеръ первыхъ Христіанскихъ Лѣтописцевъ находится у *Франковъ*, *Галловъ* и прочихъ, какъ это видно въ извѣстныхъ собраніяхъ первоначальныхъ *Анналовъ* (Лѣтописей средняго вѣка) **).—Сіе и не могло быть иначе потому,

*) Сіи послѣдніе уже помѣщены въ Византійскихъ лѣтописяхъ, какъ мы это видимъ изъ разныхъ мѣстъ въ сочиненіяхъ Константина Багрянороднаго (Mem. Pop. T. I. стр. 976—986.)—Можетъ быть, многіе варіанты, которыми нынѣ мы занимаемся, сами по себѣ разрѣшились бы, если бы мы прочли оные въ самыхъ подлинникахъ. Сравн. Диссертацію, напечатанную въ IV томѣ Трудовъ Истор. общ. стр. 159—166.

**) Я приведу здѣсь только нѣкоторыя предо мною лежащія собранія, какъ то: *Luc. D'Achery Spicilegium* въ 4 томахъ (оба изданія находятся въ библіотекѣ СПБ. Адмиралтейства), *Eccardii Corpus* Historicum *medii aevi, Lipsiae.* 1777 fol. tom. I. II.—*Goldasti Scriptores* rerum Allemannicarum, Francofurti 1661. fol. tom. I. II. III.—и недавно изданное, лучше всѣхъ предшествовавшихъ, собраніе, подъ заглавіемъ: *Monumenta Germaniae historica inde ab anno D. usque ad M. D. auspiciis Societatis aperiendis fontibus rerum Germanicarum medii aevi Scriptorum edidit G. H. Pertz.* Какъ въ сихъ собраніяхъ находится много Лѣтописей, которыя соотвѣтствуютъ нашему Нестору, такъ равно и въ собраніяхъ для сѣверной и западной исторіи (Швеціи, Даніи, Норвегіи), *Langenbecii* см. Scriptores rerum Danicarum medii aevi. tom. I, II. III. Ed. F. Suhm 1772—1792 и Scriptores rerum Svecicarum medii aevi, edidit. *E. M. Fant.* Upsaliae. 1818. Въ предисловіи вышеприведеннаго собранія, Г. Перцъ объяснилъ постепенный ходъ составленія, умноженія и распространенія сихъ первоначальныхъ Лѣтописей.

чатной Кормчей книги: сей трудъ однакоже долженъ предшествовать самому изложенію содержанія и существа сей книги; ибо она, сверхъ догматовъ вѣры, и сверхъ правилъ Святыхъ Отецъ, заключаетъ въ себѣ премногія важныя свѣдѣнія для русскаго историка, для славянскаго филолога и вообще для всякаго любителя отечественныхъ древностей.

Всѣ сіи изслѣдованія наконецъ служатъ къ объясненію вопроса: *Какое вліяніе имѣла Кормчая книга на законодательство и на успѣхи просвѣщенія русскаго народа?*

Разборъ сихъ матеріаловъ, къ древней исторіи государства принадлежащихъ, не вошелъ въ кругъ занятія почтенныхъ нашихъ писателей, духовныхъ (2) и свѣтскихъ (3). Можетъ быть по избранному

что первые писатели всѣ были монахи, или духовные лица.— Списки съ сихъ Лѣтописей умножились въ разныя времена въ разныхъ частяхъ Россіи, и сдѣланы были людьми изъ различныхъ состояній. Отъ того произошли разнообразности, какъ въ самомъ текстѣ, такъ и въ слогѣ, и въ правописаніи, равно и сокращенія и пропуски, смотря по образцу списковъ, или по требованіямъ тѣхъ лицъ, для которыхъ списки составлялись.

Положимъ на примѣръ, что въ XVI, или въ XVII вѣкѣ, два переписчика имѣли каждый предъ собою древнѣйшіе списки, существовавшіе до начала XIII вѣка; положимъ, что одинъ не пропустилъ ничего изъ церковныхъ извѣстій, однакоже употребилъ слогъ и языкъ *своего* вѣка, между тѣмъ, какъ другой позволялъ себѣ сокращать большую часть сихъ церковныхъ статей, не удаляясь впрочемъ ни отъ слога, ни отъ правописанія подлинниковъ. Будутъ ли похожи другъ на друга сіи сдѣланные списки? Такая-то разность, по моему мнѣнія, отличаетъ Кёнигсбергскій списокъ отъ такъ называемаго Никоновскаго.— Вотъ въ чемъ, какъ мнѣ кажется, состоитъ разность между Кенигсбергскимъ и такъ называемымъ Никоновскимъ списокомъ *) Писецъ перваго держался болѣе древняго слога, но сократилъ подлинный списокъ **) болѣе половины противъ Никоновскаго переписчика; сей же не сократилъ почти ничего, но употребилъ новѣйшій слогъ и правописаніе.

Нѣтъ сомнѣнія, что переписчикъ, который смѣлою рукою сократилъ и перемѣнилъ текстъ своего источника, особливо въ отношеніи къ церковнымъ предметамъ, могъ легко пропустить при семъ случаѣ и другія статьи, на что я представлю доказательства.

Тоже должно сказать и о *Степенныхъ книгахъ*, которыя суть ни что иное, какъ выписки изъ древнихъ Лѣтописей, другимъ порядкомъ составленныя. Не премину также объяснить несправедливость мнѣнія Шлёцера о сихъ Степенныхъ книгахъ. Онъ полагаетъ, (въ Нестор. I, ак ***), что собиратели вставили въ оныя много выдуманныхъ статей. Напротивъ того, Степенныя книги, равно и Лѣтопись по Никоновскому списку, представляютъ намъ древнѣйшую Церковную Исторію такъ, какъ она *въ свое время* была сочинена, безъ всякихъ выдуманныхъ переписчиками статей; но онѣ при томъ содержатъ въ себѣ разныя произшествія и обстоятельства, до гражданской исторіи принадлежащія, которыя пропущены во всѣхъ другихъ спискахъ.

2) Я упомяну здѣсь только о важнѣйшихъ Духовныхъ писателяхъ:

Преосвященнѣйшій Митрополитъ Платонъ написалъ Краткую Исторію Церкви (напечатанную 1805 въ Москвѣ, въ 2 томахъ). Должно полагать, что онъ въ особенномъ прибавленіи хотѣлъ соединить все то, что принадлежало къ объясненію исторіи Кормчей. О семъ можно заключать изъ того, что во

*) Разумѣется, что здѣсь идетъ рѣчь токмо о первомъ томѣ, содержащемъ въ себѣ древнія произшествія до начала XIII вѣка, гдѣ кончился Кёнигсбергскій списокъ.

**) Шлёцеръ самъ, въ другомъ мѣстѣ, согласенъ съ симъ мнѣніемъ, въ разсужденіи первыхъ Лѣтописцевъ средняго вѣка.

***) По переводу Д. И. *Языкова*.

каждымъ изъ нихъ плану, таковыя розысканія не могли быть помѣщены въ сочиненіяхъ ихъ, впрочемъ полезныхъ.

всѣхъ мѣстахъ, гдѣ слѣдовало говорить о составленіи и о переводѣ Номоканона, или Кормчей, онъ не говорилъ; можно было упомянуть объ ней въ статьяхъ:—о крещеніи ВК. Владиміра и учрежденіи Россійской Іерархіи (стр. 29—37—47—66—), о Митрополитахъ *Кириллѣ*, *Кипріанѣ* и *Макаріѣ*, и о Патріархахъ *Іосифѣ* и *Никонѣ*.

Преосвященный Иннокентій, Епископъ Пензенскій, въ своемъ *Начертаніи Церковной Исторіи до XVIII вѣка*, въ разсужденіи Русской Церкви, включилъ не токмо все, что находится въ сочиненіи Московскаго Митрополита Платона, но и прибавилъ еще много изъ приведенныхъ имъ лѣтописей и изъ другихъ источниковъ. Но и онъ, вѣроятно, по той же причинѣ, какъ и Преосвященный Платонъ, не вошелъ ни въ какое объясненіе относительно Кормчей и вообще о собраніяхъ Соборныхъ Правилъ, къ чему онъ имѣлъ поводъ въ разныхъ мѣстахъ; какъ то: въ первой части (стр. 254) упоминая о *Іоаннѣ Схоластикѣ*; во второй же части о обращеніи Болгаръ къ Христіанской Вѣрѣ (стр. 4); о Фотіѣ Патріархѣ и о Болгарскомъ Царѣ (стр. 23—39—51); о ВК. Владимірѣ (стр. 75—80—83—85), гдѣ упоминаетъ объ изданіи закона, подъ заглавіемъ *Церковнаго соединенія* (глава 52 нашей Кормчей); потомъ, объ Императорѣ Львѣ-Мудромъ и о сынѣ его Константинѣ; о Греческихъ книгахъ, привезенныхъ въ Россію (стр. 101—105—106—109—113). — Авторъ замѣчаетъ слѣдующее: *Лѣтописецъ присоединяетъ, что ближайшимъ закономъ Церковнаго Правленія, послѣ Св. книгъ, были въ сіе время Соборныя Правила, называемыя Номоканономъ*, и ссылается на слова Ник. Лѣтописи (часть I, стр. 106).

Авторъ могъ упомянуть о Кормчей: при царствованіи ВК. Ярослава Владиміровича; на стр. 162, 179, 185—188—195—197—205); потомъ на стр. 240—244—248—251—261—265, гдѣ упоминается о *Валсамонѣ* и о *Зонарѣ*; на стр. 267—282—285, гдѣ Авторъ изчисляетъ Кіевскіе Соборы 1147, 1157 и 1169 годовъ; на стр. 290—296—310 и —335—342—347—357—362—365—375—377, гдѣ говоритъ о Митрополитѣ Кириллѣ, равно и о Соборѣ 1274 года, бывшемъ во Владимірѣ, тѣмъ болѣе что онъ въ примѣчаніи привелъ слова Кирилла, касающіяся до темноты древняго перевода правилъ;— на стр. 438, гдѣ говоритъ о трудахъ Митрополита Кипріана; на стр. 456—460—469—484, когда говорилъ о Соборахъ: Переяславскомъ 1325, Московскомъ и Тверскомъ 1390 годовъ; о Митрополитѣ Кипріанѣ и о кончинѣ его (на стр. 461), сказалъ, что *Михаилъ Валсамонъ, славный истолкователь Соборныхъ и прочихъ Правилъ Греческой Церкви, провожалъ Патріарха Іосифа на Флорентійскій Соборъ*; на стр. 570—581; 628, 641—642—644, когда писалъ о исправленіи Церковныхъ книгъ; на стр. 646—651—655—659 о Соборахъ 1505 и 1555 годовъ и о *Стоглавномъ Соборѣ*; о Соборѣ, касательно четвертаго брака Царя Ивана Васильевича;—о Соборѣ 1581 года; о Соборѣ для учрежденія Патріаршества 1589 и 1594 годовъ въ Брестѣ-Литовскомъ; когда упоминалъ о трудахъ Патріарха Никона, слѣдующими словами: *Творенія же его суть Правила Свят. Апостолъ, седми Вселенскихъ, и девяти Помѣстныхъ Соборовъ, и Свят. Отецъ, которыя частію исправилъ, частію перевелъ.*—Всѣ сіи мѣста могли подавать случай къ изложенію Исторіи Русской Кормчей книги, т. е., къ изчисленію разныхъ переводовъ, разныхъ собраній и списковъ, содержащихъ въ себѣ Вселенскіе и Помѣстные Соборы и Правила Св. Отецъ; но видно, что Авторъ не считалъ сего нужнымъ потому, что онъ можетъ быть предполагалъ изложить сей необходимый предметъ въ особенномъ сочиненіи.

Еще прежде Епископа Иннокентія, Преосвященный *Меѳодій*, Архіепископъ Тверскій, писалъ на Латинскомъ языкѣ книгу, подъ заглавіемъ: *Liber historicus de rebus in primitiva, sive trium primorum et quarti ineuntis saeculorum Ecclesia Christiana, praesertim quum prima Christi nati aetas floreret, gestis; cui libro accesserunt Prolegomena Historiae Ecclesiasticae et notae ejusdem auctoris. Mosquae*, 1805. Ко-

Высокопреосвященнѣйшій Евгеній (4) Митрополитъ кіевскій и галицкій, извѣстный не только въ отечествѣ, но и вовсемъ ученомъ свѣтѣ трудами своими по части исторіи церковной и гражданской,

---

нечно, въ таковомъ сочиненіи можно было ожидать нѣкоторыхъ историческихъ свѣденій о Кормчей книгѣ. Авторъ собралъ (стр, 44—55 до 68) краткую выписку изъ выписокъ, помѣщенныхъ въ Fabricii Bibliotheca Graeca, равно изъ *Бевереговыхъ* и *Юстелліевыхъ* собраній, относительно Патріарха Фотія и его Номоканона, также о Соборахъ и прочихъ, къ тому принадлежащихъ предметахъ; потомъ (съ стр. 58—74) выписалъ нѣкоторыя мѣста изъ Русскихъ Лѣтописей, также изъ сочиненій Татищева и Князя Щербатова (74—78); потомъ статью о Греческихъ *Четіихъ-минеяхъ* (μηναῖον-μηνολόγιον) (стр. 299), оглавленіе и краткое изложеніе о первыхъ вѣкахъ или началахъ Христіанской церкви. Но о Словенскомъ Номоканонѣ Авторъ также ни слова не упоминаетъ. И такъ, во всѣхъ сихъ, впрочемъ любопытныхъ сочиненіяхъ, ни мало не находится объясненія о составленіи исторіи Кормчей книги.

Изъ *Начертанія Церковно-Библейской Исторіи*, сочиненной Преосвященнѣйшимъ Московскимъ Митрополитомъ Филаретомъ (С. П. Б. 1819), сюда принадлежитъ токмо *первый вѣкъ* Новаго Завѣта, съ стр. 735 до 843, гдѣ сей ученый авторъ, основываясь на самыхъ вѣрныхъ источникахъ, упоминаетъ (на стр. 822 и 823) о правилахъ, и о заповѣдяхъ Святыхъ Апостолъ слѣдующими словами:

«Отъ сюда (т. е. отъ *преданія*) произошли такъ называемыя *Правила Апостольскія*, которыя собраны, вѣроятно, во второмъ и третьемъ вѣкахъ, и которыя въ церкви Восточной сохраняются въ числѣ осьмидесяти пяти. Какъ въ нихъ говорится о *иподіаконахъ*, *чтецахъ*, и *пѣвцахъ* (Правило 43—69), разрѣшаются вопросы о скопцахъ (21), о бракѣ церковнослужителей (26), о четыредесятницѣ (69) и Пасхѣ (7), и упоминается о старѣйшемъ надъ Епископами (34); то изъ сего видно, что онѣ приспособлены къ состоянію Церкви послѣ Апостоловъ, и умножены по обстоятельствамъ. По сему, въ послѣдствіи времени нѣкоторыя изъ нихъ могли быть и отмѣнены: какъ и дѣйствительно сіе сдѣлано съ правилами о двукратныхъ ежегодныхъ Соборахъ (37) и о крещеніи еретиковъ (46 — 47). Собиратель «*заповѣдей Апостольскихъ* (Constitutiones Apostolicae), который хотѣлъ казаться *Климентомъ* Римскимъ, повредилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текстъ Апостольскихъ правилъ, прибавивъ такія слова, которыя бы показывали, будто сіи правила отъ слова и до слова написаны Апостолами, и внести въ списокъ каноническихъ книгъ два Климентовы посланія и мнимо-Апостольскія заповѣди. Присоединенныя въ Кормчей книгѣ къ правиламъ Апостольскимъ семнадцать правилъ Апостола Павла, столько же Петра и Павла, и два особыя правила всѣхъ Апостоловъ, имѣютъ одно происхожденіе съ первыми. (Кормч. гл. 25, 27 — 30, гл. 2—3—6).» Ученый Парижскій архіепископъ *Petrus de Marca* въ своей книгѣ De concordia Sacerdotum et imperio seu de libertatibus Ecclesiae Gallicanae (lib. VIII. Paris, 1641) признаетъ дѣйствительность Апостольскихъ правилъ, основываясь на свидѣтельствѣ Греческихъ Св. Отецъ: Ex iis autem, quae diximus, non solum colligitur vetustas et auctoritas canonum Apostolorum, sed etiam eorum numerus; etenim 85 canones recenserunt Graeci in collectionibus suis justam definitionem Synodi in Trullo, quo in capite illis recte convenit cum libro constitutionum Apostolicorum, ubi canones illi eadem serie, eodem numero referuntur; laudandum etiam vidimus canonem 74 a Synodo Constantinopolitana sub Nectare (вторымъ Вселенскимъ соборомъ) et 62 canonem a Synodo Nicaena (седьмымъ соборомъ) et 76 a Concilio Antiocheno, quin etiam Theodoretus (разумѣетъ собраніе Іоанна Схоластика) in collectione sua eundem numerum 85 canonum Apostolorum servavit. И славный Испанскій архіепископъ *Antonio Augustiano* былъ того же мнѣнія. О разсужденіяхъ прочихъ иностранныхъ авторовъ по сему предмету сказано будетъ ниже.

3) Еще менѣе свѣдѣній о Кормчей книгѣ, и о разныхъ переводахъ и перемѣнахъ въ составѣ оной, находимъ у гражданскихъ писателей.

первый приступилъ къ изслѣдованію происхожденія и состава разныхъ задунайскихъ и русскихъ списковъ, и чрезъ то *открылъ обширное поле для новыхъ изслѣдованій.*

Татищевъ, сей трудолюбивый писатель, былъ источникомъ, изъ котораго всѣ почти послѣдующіе свѣтскіе писатели Русскіе черпали свое неосновательное и даже забавное мнѣніе о Кормчей книгѣ. Въ главѣ 48 Рос. Ист. и въ прочихъ главахъ, онъ молчалъ о Кормчей; но въ примѣчаніяхъ на письмо Царя Ивана Васильевича къ Казанскому архіепископу (въ изданіи Судебника 1786 г. стр. 322) онъ пишетъ: *Соборы Вселенскіе часто у насъ въ утвержденіи ихъ (Св. От.) мнѣніи употребляютъ, какъ то въ уложеніи находится. Никонъ Патріархъ великую книгу Законовъ церковныхъ сочиня, ово Вселенскихъ, ово помѣстныхъ соборъ, сказуетъ; только разсмотря сущіе законы или правила соборовъ, всякъ узнаетъ, что они ихъ не видали, а писали на изусть, или разсужденіе нѣкоихъ монаховъ и законы Царей Греческихъ, на то положили.*

Симъ Татищевъ ввелъ въ заблужденіе тѣхъ, которые сами не вникали въ содержаніе сей Кормчей. Такъ сочинитель *Опыта Россійской Библіографіи*, Сопиковъ, въ 1-й части, на стр. 128 и 579, прибавилъ къ заглавію перваго изданія Кормчей 1653 года слѣдующія слова: *и частію переведена съ Греческаго, частію сочинена Никономъ Патріархомъ.*

Князья, *Хилковъ* и *Щербатовъ*, генералъ-майоръ *Болтинъ* въ своихъ замѣчаніяхъ на Исторію Щербатова и Леклерка, а равно и *Миллеръ*, *Байеръ*, *Штриттеръ*, *Шлецеръ*, *Лерберъ*, *Крузъ*, *Френъ* и другіе, въ важныхъ своихъ, къ Русскимъ Древностямъ относящихся сочиненіяхъ, молчали о Кормчей книгѣ, и потому въ нихъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о сей книгѣ, столь важной для Исторіи и для Законодательства Россіи.

Славный критикъ *Шлецеръ*, въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ, и сравнительномъ объясненіи списковъ Несторовой лѣтописи, неоднократно повторялъ, что Церковная наша исторія ожидаетъ основательнаго обработанія источниковъ, отъ части изданныхъ, но отъ части еще въ архивахъ находящихся, и вовсе не открытыхъ. За 50 лѣтъ предъ симъ, въ предисловіи къ собранію *Neuveränderles Russland* 1769 года *) и потомъ въ разныхъ мѣстахъ, Шлецеръ говорилъ о необходимости собрать и пріискать *источники.*

Еверсъ въ книгѣ Geschichte der Russen на стр. 405, по примѣру своихъ предшественниковъ полагаетъ, что патріархи Іосифъ и Никонъ что нибудь сочинили или прибавили къ древнему составу Кормчей книги **).

*) Онъ тамъ пишетъ: So bald die Kaiserliche Academie mit der Ausgabe der Annalen zu Stande ist, und die heiligste Synode ihre reichen Archive öffnet und die Ueberbleibsel der alten Patriarchal-Bibliothek u. s. w. und ein russischer Fleury oder Walch aufsteht, dan wird sich eine vortreffliche russische Kirchen-Geschichte schreiben lassen, т. е. «Какъ скоро Императорская Академія Наукъ окончитъ (тогда еще только начатое) изданіе лѣтописей, а Святѣйшій Сунодъ дозволитъ пользоваться богатымъ архивомъ и остатками Патріаршеской библіотеки, — и явится Русскій *Флери*, или *Вальхъ*, тогда можно будетъ превосходно написать Русскую Церковную Исторію.

**) Das geistliche Recht forderte gleichfalls eine neue Gestaltung, um sich ergänzend dem weltlichen anzuschliessen und diese vom Patriarchen Iosep h begonnene und von seinem Nachfolger N i k o n vollendete, erschien bald darauf in dem Steuerbuche (Кормчая книга) 1652, т. е. «Церковное право требовало также новаго образованія, дабы оно по примѣру Гражданскаго права и въ разсужденіи онаго усовершенствовано было. И сіе новое образованіе, начатое патріархомъ Іосифомъ, а оконченное преемникомъ его Никономъ, вскорѣ потомъ представлено было въ *Кормчей книгѣ*, 1652 года.» Но мы послѣ увидимъ, что при патріархѣ Іосифѣ печатаніе К. К. окончено уже было. — Тотъ же Авторъ въ послѣднемъ своемъ сочиненіи *Древнѣйшее право Россіи* (Das älteste Recht der Russen. Dorpat, 1826), пишетъ: die Untersuchung über das alte geistliche Recht der Russen wäre wohl vor allem darauf zu richten, ob dasselbe nicht während der mongolisch-tatarischen Herrschaft wesentliche Veränderungen erlitten, und die E i g e n t h ü m l i c h k e i t g e n o m m e n h a b e, wodurch es am meisten von seinem Vorbilde unterschieden wird. Es lässt sich jedoch kaum hoffen, dass uns irgend eine dahin gehörige Urkunde aus dem Zeitraume von 988 — 1240 erhalten ist, т. е. «Изслѣдо-

Лѣтъ за 15 предъ симъ, занимавшись обозрѣніемъ законовъ, собралъ я во второмъ томѣ *Систематическаго свода* существующихъ *законовъ* Россійской Имперіи (напечатаннаго въ 1816 году) древнѣйшіе и новѣйшіе источники, какъ греческіе, такъ и славянскіе, одной главы нашего права, именно

Исторіографъ Н. М. *Карамзинъ*, въ нѣкоторыхъ статьяхъ своей Исторіи Государства Россійскаго, упомянулъ о Кормчей книгѣ, и замѣтилъ даже ошибку Татищева; но все не полагалъ нужнымъ включить въ свое твореніе хоть нѣкоторыя свѣдѣнія объ источникахъ или о переводахъ оной книги.

Въ Предисловіи къ Исторіи, или въ исчисленіи *Источниковъ* (стр. XXVII — XXXV) онъ не упомянулъ о Кормчей книгѣ. Я весьма далекъ отъ того, чтобъ несправедливо критиковать сего почтеннаго Автора; но какъ ему открыты были всѣ архивы, публичныя и частныя библіотеки: то кажется, что онъ могъ бы собрать свѣдѣнія, и помѣстить оныя между прочимъ въ слѣдующихъ главахъ: Въ главѣ I стр. 119, 122, въ примѣчаніяхъ 285, 286, 287, 289 и 291; въ главѣ IX стр. 213, 219, 224, 236, и въ примѣчаніяхъ: 446, 447, 458, 463, 468 и 474; въ гл. X. стр. 248, 249, и 250, и примѣчаніяхъ 532; въ гл. XI стр. 28, 29, 83, 92, 162 и 163 и въ принадлежащихъ къ онымъ примѣчаніяхъ, гдѣ онъ упоминаетъ о такъ называемомъ *Софійскомъ спискѣ*, (который ниже будетъ описанъ), стр. 108, 441, 415 и т. д. въ слѣдующихъ томахъ, при изложеніи произшествій касающихся до времени митрополитовъ *Кирила III*, и *Кипріана* и *Макарія* и проч.

Въ XVI вѣкѣ баронъ *Герберштейнъ*, въ извѣстномъ своемъ сочиненіи: *Commentarii rerum Moscovitarum*, *Francofurti*, 1600, стр. 24 и проч. помѣстилъ выписки изъ разныхъ статей Каноническаго права, находящихся въ древнихъ спискахъ Кормчей XIII и XIV вѣковъ, и я не премину объ оныхъ упомянуть, гдѣ слѣдуетъ. Онъ же *Герберштейнъ* сохранилъ выписку изъ перваго Судебника 1498 года; и сей важный памятникъ 15 вѣка, едва за 15 лѣтъ предъ симъ, изданъ иждивеніемъ государственнаго канцлера графа Румянцова, стараніемъ и съ объясненіями Гг. К. Калайдовича и П. Строева. Въ книгѣ барона *Мейерберга*, извѣстной подъ именемъ *Путешествіе въ Россію* (*Iter in Moschoviam Augustini L. B. de Mayerberg anno MDCLVI descriptum et ab ipso cum statutis Moschoviticis ex Russico translatis*), находится Латинскій переводъ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича; но о Кормчей никакихъ свѣдѣній нѣтъ.

Въ 1709 году напечатано *Изложеніе восточной Русской церкви*: *Specimen ecclesiae Ruthenicae*, *сочиненное Суперинтендентомъ Берхомъ* и Шведскимъ извѣстнымъ историкомъ *Спарфенфелдомъ* (Sparvenfeld), который въ 1682 г. путешествовалъ по Россіи, и зналъ Русскій языкъ. — Въ сей книгѣ находится краткое *заглавіе Кормчей книги*, а въ концѣ оной оглавленіе *Требника* патріарха *Филарета*. Сіе рѣдкое сочиненіе находится въ Императорской библіотекѣ.

Не могу не упомянуть здѣсь также о книгѣ, часто Шлёцеромъ употреблявшейся, и исполненной ученыхъ свѣдѣній, къ восточной Греческой и Русской церкви принадлежащихъ. — *Kalendaria ecclesiae universae, in quibus Sanctorum nomina, imagines et festi per annum dies ecclesiarum orientis et occidentis praemissis uniuscuiusque ecclesiae origines recensentur, studio et opera Iosephi Assemani, Romae.* 1755. t. I — VI. Въ первомъ томѣ находятся между прочимъ два изслѣдованія: De tabulis Capponianis и Origines ecclesiasticae Slavorum, съ стр. 1 до 473. Но тамъ ничего нѣтъ ни объ исторіи, ниже о

ванія о древнемъ церковномъ правѣ Россіянъ должны предварительно обращены быть къ тому вопросу: не подвергалось ли оно во время *монголо-татарскаго ига* важнымъ перемѣнамъ, и не получило ли оно въ то время того особеннаго свойства, которымъ право сіе наиболѣе отличается отъ своего образца; однако же едва ли надѣяться можно, чтобъ сохранились какія бы то ни были сюда относящіяся свѣдѣнія или памятники съ 988 — 1240 г.» Но Татары не имѣли ни какого вліянія на наше церковное право, и не хотѣли имѣть ни какого на управленіе духовное. Сіе явствуетъ изъ ихъ *ярлыковъ*. Мы также увидимъ послѣ, что переводы нашей Кормчей книги извѣстны были въ Россіи въ XIII вѣкѣ, и что самые греческіе источники всѣ принадлежатъ именно тому времени, которое съ X до XIII вѣка простирается, въ чемъ почтеннѣйшій Авторъ сомнѣвается.

о бракѣ, и изложилъ оную по тѣмъ же правиламъ, и тѣмъ же почти порядкомъ, каковыя находятся въ древнемъ номоканонѣ патріарха Фотія, включенномъ въ Кормчую книгу.

Въ слѣдъ за симъ, продолжая знакомиться съ источниками древняго греко-россійскаго каноническаго права, и пользуясь сочиненіями и записками Митрополита Евгенія, имѣлъ я случай разсмот-

---

содержаніи Кормчей книги. Тотъ же Ассемани издалъ еще два, къ восточной Церковной исторіи принадлежащія весьма важные сочиненія; первое заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о распространеніи собраній Правилъ Св. Отецъ на востокѣ и на югѣ, подъ заглавіемъ: *Bibliotheca orientalis Clementino-Vaticana, in qua manuscriptos codices Syriacos, Arabicos, Persicos, Turcicos, Hebraicos, Samaritanos, Armenicos, Aethiopicos, Graecos, Aegyptiacos, Ibevicos, et Malabaricos, jussu et munificentia Clementis XI Pontif. Max. ex. oriente conquisitos, comparatos, advectos et bibliothecae Vaticanae addictos, recensuit, digessit, et genuina scripta a spuriis secrevit, addita singulorum auctorum vita. Romae.* 1719, *fol. IV tomi.* — Другое подъ заглавіемъ: *Bibliotheca juris civilis et canonici orientalis. Romae.* Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ изъ сихъ сочиненій, есть свѣдѣнія, служащія къ объясненію разныхъ статей Кормчей книги, напр. на главы: 42, 44, 48, 49. Но говорю здѣсь о менѣе важныхъ сочиненіяхъ, какъ то: *Iohannis Kohlii in Academia Scient. Petrop. Hist. eccles. et hum. litt. professoris, Introductio in historiam et rem litterariam Slavorum, imprimissacram. Altonaviae,* 1729. Изъ предисловія ученаго Автора видно, что онъ приготовилъ разные, къ исторіи греческой церкви принадлежащіе матеріалы, гдѣ между прочимъ упоминается: 1) Historia Ruthenae ecclesiae schismaticae: sive de ortu et progressu scitae illius quae superiori jam saeculo Niconis Patriarchae temporibus a Ruthena ecclesia divortium fecit, quaeque Raskolnika h. e. schismatica vulgo appellatur ex fide digna domesticis monumentis hausta etc. etc. 2) Catalogus librorum qui in bibliothecis Mosquensibus Graeco juxta ac Slavonico idiomate consignati extant manuscriptorum adhuc ineditus observationibus nonnullis utramque historiam illustrantibus instructus. — Но гдѣ сіи бумаги нынѣ сохраняются, мнѣ неизвѣстно. *Possevini, Liber de rebus Moscovitis.* Colon. 1595. — *Ignatius Kulczynski Specimen Ecclesiae Ruthenicae. Romae.* 1733. — *Heineccii* Abbildung der alten und neuen griechischen Kirche. Halle. 1712 и 1733. Равно Dr. *Sigmund Iacob Baumgarten* Geschichte der Religions Partheien, herausgegeben von D. I. S. Semler. 1766.

Во всѣхъ сихъ книгахъ, также въ разныхъ общихъ историческихъ изложеніяхъ, находящихся въ сочиненіяхъ *Баронія* (*Baronii Annales ecclesiasticae*), *Томасини* (*Tommassini De veteri et nova disciplina ecclesiae* 13 tom. in quart.), въ Церковной исторіи *Шрека и Генке* (Allgemeine Geschichte der christlichen Kirche), ничего не сказано о Кормчей книгѣ. — Недавно въ Нѣмецкомъ журналѣ, въ Вѣнѣ изданномъ (Jahrbücher der Litteratur) № 24 и 25, включено краткое изложеніе печатной Кормчей, о которомъ сказано будетъ въ III Отдѣленіи.

4) Новѣйшія сочиненія Преосвященнаго Кіевскаго Митрополита *Евгенія* по сей части суть: 1) *Исторической словарь писателей Грекороссійской церкви духовнаго чина*, въ которомъ говорится о Кормчей въ статьяхъ: *Кипріанъ, Іосифъ, Никонъ* и другихъ мѣстахъ; 2) Описаніе Кіевскаго Собора Святыя Софіи, гдѣ письмо Его Высокопреосвященства ко мнѣ писанное (стр. 235 и проч.), содержитъ въ себѣ разныя, къ исторіи Кормчей книги принадлежащія свѣдѣнія; 3) Историческое обозрѣніе Россійскаго законодательства, 1826 года.

Изъ многочисленныхъ, прежде изданныхъ твореній Преосвященнѣйшаго Евгенія, нужнымъ считаю упомянуть 1) объ Историческомъ изслѣдованіи сборовъ Россійской церкви, изд. 1803 г. въ С.Пб. и 2) Разсужденіе о соборномъ дѣяніи, бывшемъ въ Кіевѣ 1157 года. С.Пб. 1804.

5) Въ названіи митрополита Кирилла III-мъ сего имени, я слѣдовалъ мнѣнію важнѣйшихъ по сей части писателей, какъ то: Димитрія Ростовскаго, Сочинителя Словаря духовнаго чина и Описанія Кіевскаго собора и Кіевской Іерархіи. Во второмъ изданіи первато тома Исторіи Рос. Іерархіи на

рѣть болѣе 30 списковъ Кормчей книги, сообщенныхъ мнѣ покойнымъ государственнымъ канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцовымъ, также сенаторомъ графомъ Ѳ. А. Толстымъ и другими лицами.

Представляя нынѣ сей трудъ ученому свѣту, совершенно знаю, что изложеніе сіе не можетъ быть удовлетворительнымъ, и ещо весма далеко отъ той полноты, которую имѣю въ виду доставить впредь моимъ изслѣдованіямъ.—Однако же и первые опыты ведутъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ и могутъ служить пособіемъ особливо для тѣхъ: кои имѣютъ возможность пользоваться драгоцѣнными матеріалами, содержащимися по сему предмету въ богатыхъ синодальныхъ, монастырскихъ и другихъ архивахъ,

---

Желающему имѣть точное понятіе о Кормчей книгѣ, надлежитъ разсмотрѣть оную не токмо въ *общемъ ея составѣ*, но должно познакомиться и со всѣми статьями ея *отдѣльно*, по тому, что не всѣ онѣ имѣютъ одинаковое происхожденіе и принадлежатъ разнымъ временамъ и разнымъ сочинителямъ, начиная отъ первыхъ вѣковъ Христіанства до напечатанія Кормчей въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Россія попеченіямъ своего Духовенства обязана была успѣхами просвѣщенія всѣхъ состояній и сохраненіемъ древняго общаго отечественнаго права: словомъ, первымъ устройствомъ гражданской образованности. Доказательства постепеннаго развитія и распространенія сей образованности сохранены во многочисленныхъ статьяхъ древнихъ списковъ Кормчей книги, и въ разныхъ сборникахъ; а доказательства трудовъ нашего Духовенства находимъ въ разныхъ эпохахъ россійской исторіи, начиная отъ первыхъ, изъ Греціи присланныхъ святителей, до святителей нашихъ временъ.

Если же Россія получила первыхъ святителей, равно и книги и правила Святыхъ Отецъ изъ Греціи; то и историческому изложенію содержанія славянской Кормчей книги должны предшествовать нѣкоторыя обстоятельныя свѣдѣнія о греческихъ церковныхъ правилахъ и о переводѣ ихъ вообще во всѣхъ странахъ Христіанскаго міра; самое же изложеніе сіе имѣетъ быть раздѣлено на четыре отдѣленія по слѣдующимъ оглавленіямъ.

Въ восточной православной Церкви существуютъ *два главныхъ разряда* собраній правилъ Святыхъ Отецъ.

стр. 2, митрополитъ сей названъ Кирилломъ *вторымъ или третьимъ*; на стр. 88 онъ названъ Кирилломъ *вторымъ*, а третій по ошибкѣ названъ *четвертымъ*. Слѣдовательно, сіе требуетъ еще разсмотрѣнія. Митрополитъ Платонъ сомнѣвается, два или три были Кирилла до конца XIII вѣка.

Я узналъ еще о спискѣ, нѣкогда принадлежавшемъ къ рукописямъ Ставропигіальнаго Воскресенскаго монастыря, Новый-Іерусалимъ называемаго, гдѣ пребывалъ Патріархъ Никонъ. Въ описи рукописи, тамъ хранящейся, сдѣланной П. М. Строевымъ 8 февр. 1818 г., показаны два списка Кормчей книги: первый (№ 52) въ листъ, писанъ полууставомъ на пергаминѣ XIV вѣка, на 297 листахъ; это Греческій Номоканонъ, въ коемъ на концѣ нѣсколько листовъ недостаетъ, и принадлежалъ Сербской Хиландрской обители; вторый (№ 53) въ 12-ю долю листа на бумагѣ XVI вѣка, изъ 651 листа. По краткости сихъ оглавленій, мнѣ сообщенныхъ В. Гр. Анастасевичемъ, изъ сей описи, не могу назначить, къ которой фамиліи оба списка принадлежатъ. Преосвященный Евгеній полагаетъ, что изъ сихъ двухъ списковъ вторый употребленъ былъ при первомъ изданіи печатной Кормчей; ибо и въ самой сей описи отмѣчено: *сія рукопись вѣроятно была употребляема при печатаніи*; и листы отъ 353 до 357 перехерены, и на полѣ написано: *не набирать до закона градскаго*, т. е., *до слѣдующей главы*. Желательно было бы имѣть обстоятельное описаніе обоихъ сихъ списковъ.

Первый разрядъ основанъ на Номоканонѣ и Собраніи правилъ святыхъ соборовъ, составленномъ патріархомъ *Іоанномъ Схоластикомъ*; другій—на Номоканонѣ и Собраніи такихъ же правилъ, составленномъ патріархомъ *Фотіемъ*,

Изъ *перваго разряда* извѣстенъ только одинъ славянскій переводъ въ трехъ спискахъ; первый списокъ *харатейный*, принадлежащій библіотекѣ графа Румянцова, найденный въ ней Митрополитомъ Евгеніемъ, и два *бумажные*, изъ коихъ одинъ находится въ хранилищѣ Св. Троиц. Серг. лавры, а другой принадлежитъ нѣкоторому любителю.

Изъ *втораго разряда* находятся *разные переводы* въ *разныхъ спискахъ*.

Раздѣливъ всѣ мнѣ извѣстные списки на нѣсколько родовъ или фамилій, смотря по *разности переводовъ* и *по различію входящихъ въ оные статей*, я представляю читателямъ шесть древнихъ переводовъ, составленныхъ до конца XVII вѣка, и мною означенныхъ буквами A. B. C. D. E. F.

Переводъ А. есть тотъ, который составленъ былъ, вѣроятно, для Болгаръ, въ концѣ IX вѣка, и заключаетъ въ себѣ Номоканомъ *Іоанна Схоластика*, т. е., Изложеніе правилъ четырехъ вселенскихъ и шести помѣстныхъ соборовъ, равно и 68 правилъ Св. Василія Великаго. Другой, древнѣе сего Номоканона, намъ неизвѣстенъ.

Переводъ В. есть тотъ, который былъ составленъ съ Фотіева Номоканона и собранія, заключающаго въ себѣ правила седми вселенскихъ и девяти помѣстныхъ соборовъ; также статьи, назначенныя 2-мъ правиломъ шестаго вселенскаго собора. Первый списокъ, содержащій въ себѣ сей переводъ, къ 1270 году присланъ былъ всероссійскому митрополиту Кириллу III (5) отъ болгарскаго Деспота Святислава.

Подлинный сей списокъ, Кирилломъ полученный, не дошелъ до насъ; снятые же съ онаго списки почти всѣ ниже упоминаемые, какъ харатейные, такъ и бумажные, имѣютъ правила не цѣлыя, но мѣстами выписанныя и съ толкованіями не *Зонары*, но *Аристина*. Однакоже я нашелъ въ одномъ спискѣ, такъ называемой *сводной Кормчей*, всѣ полныя и цѣлыя правила всѣхъ седми вселенскихъ соборовъ, по составу Зоноры и съ его толкованіями.

Переводъ С. есть тотъ, который составленъ по сокращенію діакона *Аристина* и съ его толкованіями.

Собраніе, содержащее въ себѣ сей переводъ, равнымъ образомъ существовало уже въ концѣ XIII вѣка въ Кіевѣ; ибо въ 1284 году, по желанію рязанскихъ князей, братьевъ Ярослава и Ѳеодора и матери ихъ великой княгини Анастасіи, при епископѣ Іосифѣ, доставленъ былъ изъ Кіева списокъ въ которой внесены не *всѣ* правила по Аристинову сокращенію, но *смѣшаны краткія* поперемѣнно *Аристиновы правила съ полными правилами по составу Зонары* и съ толкованіями изъ обоихъ сихъ составовъ заимствованными, какъ сіе явствуетъ изъ сличенія сего рязанскаго списка 1284 года съ Кирилловскими и другими списками.

Переводъ Д. составленъ въ концѣ XIV вѣка при митрополитѣ Кипріанѣ, и названъ мною *Кипріановымъ* потому, что сей митрополитъ самъ занимался переводомъ правилъ и вывезъ греческій списокъ, оныхъ съ собою изъ Сербіи. — О семъ переводѣ, равно какъ и о толкованіяхъ, по составу ученаго болгарскаго митрополита Дмитрія Хоматина—(Δημητρίου τοῦ Χωματήνου), сказано будетъ ниже.

Переводъ Е., составленный по полному тексту правилъ, находится въ книгѣ *Никона Черныя горы*, на который мы вндимъ ссылки въ разныхъ мѣстахъ печатной Кормчей.

Всѣ сіи пять переводовъ втораго разряда составлены были не въ Россіи, но у южныхъ Славянъ, что доказывается самымъ языкомъ.

Сѣверные славяне пользовались по сей части въ полной мѣрѣ успѣхами южныхъ единоплеменниковъ своихъ, съ самыхъ первыхъ вѣковъ принятія Христіанской вѣры.

Переводъ F. также по полнымъ правиламъ и по составу *Валсамона* съ его толкованіями, сдѣланъ былъ *Епифаніемъ Славиницкимъ* и хранится въ сѵнодальной библіотекѣ.

Еще упомянуть должно:

1) Объ отрывкахъ древняго перевода правилъ, существовавшаго при великихъ князьяхъ Ярославѣ Владиміровичѣ и Изяславѣ Ярославичѣ, на который ссылается новгородскій монахъ *Зиновій*.

2) О переводѣ Апостольскихъ и соборныхъ правилъ, который, по свидѣтельству патріарха Іоакима, составленъ былъ монахомъ *Максимомъ Грекомъ*.

3) О переводѣ правилъ Апостольскихъ и Соборовъ, какъ вселенскихъ, такъ и помѣстныхъ, т. е., правилъ составленныхъ по вѣрнѣйшему тексту, находящемуся въ изданіи *Беверегія*, подъ заглавіемъ Συνοδικόν seu *Pandectae Canonum*.—Переводъ сей, хранящійся въ архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, сдѣланъ былъ Василіемъ Козловскимъ и сѵнодальнымъ переводчикомъ Григоріемъ *Полетикою*. Книга сія раздѣлена на 4 части, состоящія изъ 2757 листовъ; первыя двѣ части читаны *справщикомъ* Александромъ *Поповымъ*; годъ не означенъ; бумага изъ первой половины XVIII вѣка. По запискамъ существуетъ и другой переводъ сего же изданія Беверегія, составленный переводчикомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ *Уліанинскимъ*, въ 1782 г.; но я объ ономъ ближайшаго свѣдѣнія не имѣю.

Изъ всѣхъ упомянутыхъ здѣсь старыхъ переводовъ, я составилъ два *главные рода* списковъ Кормчей книги начиная съ XIII вѣка до перваго изданія печатной Кормчей въ 1653 году.

Первый родъ есть *Кирилловскій*, заключающій въ себѣ всѣ *списки*, сдѣланные по *Зонарову* составу *(рецензіи)* полныхъ правилъ, и по переводу, присланному въ 1270 году отъ болгарскаго деспота *Святислава*, которыя однакожъ, какъ сказано выше, списаны не *всѣ въ цѣлости*, и имѣютъ толкованія Аристоновы вмѣсто Зонаровыхъ.

Таковые списки суть слѣдующіе:

1) Пергаменный, такъ называемый *Софійскій списокъ* XIII вѣка (ѧsѰ... года), находящійся нынѣ въ Москвѣ, въ сѵнодальной библіотекѣ.

2) Списокъ XV вѣка, такъ называемый *Архангельскій* (бывшій Строгоновскій), равно какъ и списокъ прилуцкаго монастыря (1536 г.), сообщенный мнѣ преосв. Епископомъ Вологодскимъ Стефаномъ.

3) Списокъ, принадлежащій кущу И. П. Лаптеву, XV же вѣка, который, по порядку главъ, совершенно сходенъ съ московскимъ харатейнымъ; также списокъ только 2-й части Кормчей книги, XV вѣка, подаренный мнѣ здѣшнимъ любителемъ сего рода памятниковъ.

4) Разные бумажные списки XVI вѣка, находящіеся въ новгородскомъ соборѣ, также сходные съ харатейнымъ московскимъ спискомъ, изъ коихъ одинъ разсмотрѣнъ былъ мною.

Подобный предшествовавшимъ списокъ XVII вѣка, принадлежащій библіотекѣ графа Румянцова, съ собственноручною подписью патріарха Никона (№ 10).

6) Два, такъ называемые болгарскіе списка, XVI вѣка, съ письмомъ *болгарскаго деспота Святислава* къ митрополиту Кириллу III, принадлежащіе той же библіотекѣ (№ 2 и 9).

7) Подобный болгарскій списокъ, въ новгородскомъ соборѣ.

8) Четыре списка, XVI и XVII вѣковъ, того же перевода, принадлежащіе сенатору графу Ѳ. А. Толстому (по каталогу его: Отд. I, № 13 и 318 и Отд. II № 243 и 216).

9) Еще два списка, XVI и XVII вѣка, того же рода съ нѣкоторыми варіантами по составу и по слогу; также принадлежащіе библіотекѣ графа Румянцова № 3, 4).

10) Три списка, находящіеся въ Императорской публичной библіотекѣ, одинъ XV вѣка (Браиловскій) и два XVI вѣка (Флоровскіе).

Всѣ сіи, къ *Кирилловскому роду причисленные мною списки, между собою сходны, въ разсужде-*

ніи перевода толкованій и правилъ, но различествуютъ токмо по числу и выбору главъ по статьямъ, собственно до россійской іерархіи относящимся.

Второй родъ есть *Рязанскій* или *Іосифовъ*. Къ нему принадлежатъ всѣ списки, составленные по *Аристинову сокращенію*, но имѣющіе нѣкоторыя правила, переведенныя по полному тексту, съ Зонаровыми толкованіями.

Таковые списки были слѣдующіе:

1) *Старшій* въ семъ родѣ, въ Рязани 1284 года, составленный по кіевскому списку, нынѣ принадлежитъ сенатору графу Ѳ. А. Толстому, о которомъ выше сказано.

2) Одинъ списокъ (бумажный XV вѣка), совершенно сходный съ онымъ, принадлежащій вологодскому купцу И. П. Лаптеву.

3) Два списка, въ сѵнодальной библіотекѣ въ Москвѣ находящіеся.

4) Два списка, хранящіеся въ новгородскомъ софійскомъ соборѣ, изъ которыхъ одинъ XVI вѣка списанъ съ благословенія архіепископа Серапіона въ 1568 году,

5) Три списка, хранящіеся (въ музеумѣ) графа Румянцова (№ 5, 7, 8).

6) Три списка, изъ библіотеки графа Ѳ. А. Толстаго; (по каталогу № 14, отд. I и № 64 и 69, II отд.).

7) Списокъ, XVI вѣка, принадлежащій купцу Тимофею Лаврову.

8) Печатная Кормчая.

Всѣ списки сей Рязанской фамиліи совершенно *согласны между собою въ разсужденіи перевода* какъ Апостольскихъ, такъ и соборныхъ правилъ, составленныхъ, по большей части, изъ сокращенныхъ Аристиномъ правилъ и съ его толкованіями, кои однакоже смѣшаны съ нѣкоторыми Зонаровыми правилами и толкованіями; *различіе между ими состоитъ токмо* въ числѣ и въ выборѣ главъ и статей, собственно до россійской іерархіи касающихся.

Особенное отдѣленіе сихъ списковъ составляютъ три списка, содержащіе въ себѣ Номоканонъ патріарха Фотія со всѣми соборными правилами, выписанными по порядку 14 граней и главъ, къ каждой грани принадлежащихъ. Первый изъ сихъ Номокановъ, находящійся въ библіотекѣ гр. Румянцова (№ 9) имѣетъ правила по Аристинову сокращенію, какъ и прочіе списки Рязанской фамиліи. —

Второй списокъ, принадлежащій гр. Ѳ. А. Толстому, (по каталогу № 169, I. отд.) содержитъ въ себѣ правила по полному тексту, какъ оныя находятся въ прочихъ Кирилловскихъ спискахъ.

Третій же, сообщенный мнѣ Вологодскимъ купцомъ И. П. Лаптевымъ, имѣетъ тѣ же правила, какъ первый; но сверхъ того содержитъ дополнительныя статьи къ каждой грани, изъ сочиненій восточныхъ іерарховъ, собранныя игуменомъ Іосифова монастыря Нифонтомъ, съ вѣдома митрополитовъ Данііла и Макарія.

Третью фамилію списковъ, по переводу *Д.* слѣдовало бы назвать *Кипріановою*; но изъ оной я нашелъ до сихъ поръ только одинъ, и тотъ не совсѣмъ полный списокъ, по вышеозначенному переводу съ толкованіями, мною приписаннымъ болгарскому митрополиту Дмитрію Хоматину. Сіи правила и толкованія находятся въ *сводной Кормчей*, составленной въ XVI вѣкѣ при митрополитѣ Макаріи.

Въ семъ спискѣ сводной Кормчей книги, сообщенномъ мнѣ Вологодскимъ купцомъ И. П. Лаптевымъ, число правилъ и порядокъ тѣ же, какіе находятся въ другихъ; но оный отличается соединеніемъ двухъ и иногда трехъ переводовъ съ разными толкованіями, и имъ соотвѣтствующими выписками, какъ изъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, такъ и изъ другихъ правилъ Св. Отецъ. Цѣль сего своднаго собранія очевидно, была та, чтобы приготовить, такъ сказать *матеріалы* для новаго изданія Кормчей, *въ видѣ настоящаго русскаго Номоканона*, составленнаго изъ соборныхъ правилъ восточной церкви, а равно и изъ русскихъ соборовъ и посланій русскихъ іерарховъ; къ чему отчасти

способствовалъ бы и самый *Стоглавный соборъ* 1551 года. Послѣ же сего времени никакихъ уже новыхъ опытовъ въ семъ родѣ мною не отыскано.

Особенный разрядъ Номокановъ составляютъ краткія выписки изъ всѣхъ правилъ Святыхъ Отецъ подъ разными заглавіями. — Къ сему разряду принадлежатъ: 1) Номоканонъ, или Законоправильникъ, печатанный въ Кіевѣ первымъ вторымъ и третьимъ изданіемъ, съ предисловіями Памвы Берынды, Захарія Копыстенскаго и Петра Могилы, съ 1621 до 1629 года, о которыхъ подробно сказано будетъ ниже. — 2) Тѣ Номоканоны, которые помѣщены въ концѣ московскихъ требниковъ, большаго, средняго и малаго. Въ одномъ изъ сихъ требниковъ — именно Іоасафскомъ, напечатанномъ въ 1639 году, помѣщены статьи изъ Стоглава о святительскихъ судахъ, напечатанныя въ § VII втораго отдѣленія сей книги. — 3) Рукописи, подобныя тому списку, который находится въ музеумѣ графа Румянцова, подъ заглавіемъ *Зинаръ* (№ 14). 4) Греческій краткій *Номоканонъ*, нѣкоторыми приписанный толкователю Зонару въ ономъ находятся 547 правилъ, или постановленій, заключающихъ въ себѣ между прочимъ и всѣ статьи, помѣщенныя въ вышеупомянутыхъ краткихъ Законоправильникахъ; однако ихъ гораздо болѣе, и онѣ въ другомъ порядкѣ изложены. Онъ печатанъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ въ извѣстномъ собраніи: Cotelerii Monumenta Ecclesiæ Graecæ, Lutetiæ Paris. 1677, въ первомъ томѣ на стран. 68 до 158, подъ заглавіемъ: ΑΡΧΗ ΣΥΝ ΘΕΩ ΝΟΜΟΚΑΝΟΝΟΣ, κανόνες τῶν ἁγίων Ἀποστόλων, καὶ τῶν ἑπτὰ Οἰκουμενικῶν Συνόδων περὶ ἀρχιερέων, ἱερέων, μοναχῶν, μεγασχήμων καὶ ἄλλων μοναχῶν, καὶ λαϊκῶν, т. е. «съ Богомъ начало Номоканона. Правила Святыхъ Апостолъ и седми Вселенскихъ Соборовъ, о Іерархахъ, Священникахъ, Монахахъ великаго образа и о прочихъ духовныхъ лицахъ и о мірскихъ людяхъ». Начало сего Номоканона тоже, что и списка *Зинаръ*. Оно взято изъ Апостольскихъ заповѣдей, и есть слѣдующее: Азъ Петръ и Павелъ и проч. 5) Также здѣсь упомянуть должно о Номоканонѣ патріарха *Іоанна Постника* — τοῦ ἐν ἁγίοις Πατρὸς ἡμων Ἰωάννου Ἀρχιεπισκόπου Κωνσαντινοπόλεως, τοῦ Νηστευτοῦ οὗτινος ἐπωνυμον τέκνον ὑπακοης, διαφόροι διαφοραὶ τῶν ἐξομολογουμένον. Въ одномъ древнемъ спискѣ находится слѣдующій переводъ сего сочиненія: «Иже во Святыхъ отца нашего Іоанна, Архіепископа Константиноограда, Постника, о исповѣдѣхъ, различія разное извѣщена исоповѣдающимъ». Есть еще сочиненіе Іоанна Постника, подъ названіемъ: Наставленіе какъ исповѣдывать, исповѣдываться и проч. Λόγος πρὸς τὸν μέλλοντα ἐξαγορεῦσαι τὸν ἑαυτοῦ πνεύματικὸν υἱόν. κ. τ. λ. Instructio, qua non modo confitens de confessione pie et integre edenda instituitur, sed etiam sacerdos qua ratione confessiones excipiat, pœnitentiam imponat et reconciliationem præstet, informatur.

О сей книгѣ упоминается въ толкованіяхъ Валсамона, равно въ Кормчей книгѣ второй части, въ главѣ 53, на листахъ 260, 266, 268, 270, 272; и въ Тактиконѣ преподобнаго Никона Черныя горы, по Почаевскому изданію 1795 года на л. 35 (Сравн. сочиненіе ученаго *Ассеманія*: Bibliotheca juris orientalis Canonici et civilis. Tom. III. pag. 524 и проч.). Русскій переводъ оной издавна существуетъ.

Слѣдуя симъ разрядамъ, содержаніе каждой фамиліи, и каждаго списка изложено будетъ со всевозможною точностью; переводы жь будутъ сравнены съ греческими подлинниками, и сіе извлеченіе раздѣлится на четыре отдѣленія.

Отдѣленіе первое.

О греческихъ собраніяхъ, предшествовавшихъ славенскому собранію правилъ Св. Отецъ.

§ I. О первыхъ собраніяхъ соборныхъ правилъ вообще.

§ II. О распространеніи оныхъ въ разныхъ переводахъ.

I. На *западъ*: a) въ Италіи, b) въ Галліи, c) въ Германіи, d) въ Англіи, e) въ Африкѣ. II) На *югъ*.

§ III. Объ усовершенствованіи греческихъ собраній въ царствованіе императора Юстиніана.

§ IV. О трудахъ патріарха Іоанна Схоластика.

§ V. О канонѣ или составѣ правилъ Святыхъ Соборовъ и Святыхъ Отецъ, поставленномъ на шестомъ вселенскомъ Соборѣ въ Труллѣ Палатнѣмъ.

§ VI. О трудахъ патріарха Фотія.

Отдѣленіе второе.

О переводахъ греческихъ собраній правилъ Св. Отецъ на славянскій языкъ.

§ 1. Историческія свѣдѣнія о славянскомъ переводѣ Номоканоновъ или Кормчей книги съ XIII вѣка.

§ II. Объясненіе слова: *Кормчая книга.*

§ III. О спискахъ Номокановъ или Кормчей книги съ XIII вѣка.

§ IV. О спискахъ, составленныхъ послѣ митрополитовъ Кирилла, Максима и Кипріана.

§ V. О греческихъ источникахъ, которые вошли въ составъ Кормчей книги.

§ VI. О двухъ разрядахъ славянскихъ собраній каноническихъ правилъ.

§ VII. Изложеніе *перваго разряда.*

§ VIII. О вліяніи и дѣйствіи каноническихъ правилъ въ первой эпохѣ русскаго законодательства и о собственныхъ русскихъ статьяхъ.

За сими двумя отдѣленіями слѣдуютъ: 1) Индексъ или оглавленіе предметамъ, содержащимся въ первыхъ двухъ отдѣленіяхъ. — 2) Указатель источниковъ, и 3) Приложенія. № I. *Підаліонъ.* — № II. *Прохиронъ Арменопула.* — № III. *Леунклавій.* — № IV. *Церковные акты.* — № V *О Прохиронѣ греческихъ царей на грузинскомъ языкѣ, и о Номоканонѣ грузинскомъ.* — № VI. *Никонъ Черныя горы.* — № VII. *Сводная Кормчая.* — № VIII. *Номоканонъ патріарха Фотія.* — № IX. *Прохиронъ императора Василія Македонянина.*

Отдѣленіе третье.

§ I. Изложеніе втораго разряда Номоканоновъ.

§ II. III. IV. V. VI. VII. Описаніе разныхъ списковъ, къ сему разряду принадлежащихъ, по составу Кирилловской фамиліи.

Отдѣленіе четвертое.

§ I. Изложеніе Номоканона по рязанскому харатейному списку.

§ II. Изложеніе печатной Кормчей книги.

§ III. О переводѣ правилъ, нынѣ въ Валахіи и Сербіи находящемся.

§ IV. О другихъ собраніяхъ правилъ Св. Отецъ, на югѣ и на сѣверѣ употребляемыхъ.

§ V. Историческое сравненіе Кормчей книги Церкви Восточной съ таковою жь книгою Западной Церкви (подъ заглавіемъ: Decretum Gratiani), въ XI вѣкѣ собранною.

§ VI. Заключеніе.

Если не ошибочно мое мнѣніе, то собственныя слова барона Розенкампфа, значащіяся въ *Введеніи*, что *онъ пользовался записками* митрополита Евгенія, достаточно и вполнѣ обнаруживаютъ прямое его участіе въ составленіи *Обозрѣнія кормчей.* Намъ не одинъ разъ уже приводилось читать въ письмахъ архипастыря о нежеланіи, дабы имя его было выставляемо на собственныхъ, даже его сочиненіяхъ, какъ мы это увидимъ ниже, а равнымъ образомъ для избѣжанія пересудовъ *) онъ не желалъ прини-

* См. Письмо къ Анастасевичу стр. 23.

мать отъ авторовъ посвященій. На громадный трудъ составленія *Обозрѣніе кормчей*, болѣе чѣмъ вдвое увеличенный сравнительно съ первымъ изданіемъ, на трудъ, для котораго употреблено было столько времени и потрачено денегъ, Евгеній не могъ смотрѣть равнодушно и потому вышеприведенныя слова Терещенки заслуживаютъ полнаго довѣрія, *что Евгеній могъ пожертвовать и нужную сумму* для 2-го изданія. За смертью барона Розенкампфа изданіе было поручено П. Г. Анастасевичу, который, получивъ изъ академической типографіи *сто* экземпляровъ *Обозрѣнія кормчей книги*, уже послѣ смерти Евгенія, разослалъ (говорятъ всего 10 экземпляровъ) тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ считалъ болѣе достойными или болѣе интересовавшимися этимъ сочиненіемъ, а остальные экземпляры остались у него въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ получилъ ихъ изъ типографіи т. е. въ листахъ, которые остались не брошированными до самой его смерти (1845).

Когда за отсутствіемъ наслѣдниковъ, имущество его, какъ ученаго, состоявшее преимущественно изъ разнаго книжнаго и бумажнаго добра, а какъ выражаются профаны — хлама, по смерти его было опечатано и по 1863 годъ сберегаемо въ сараѣ при домѣ бывшаго Румянцевскаго музея, то и листы «*Кормчей*», въ продолженіи почти 20 лѣтъ, ожидали своего освобожденія изъ этого временнаго помѣщенія, не совсѣмъ почетнаго и безопаснаго отъ сырости.

За неявкою наслѣдниковъ все это наслѣдство, по настоянію новаго владѣльца Румянцевскаго дома, книжное и бумажное имущество Анастасевича передано было на храненіе полицейскому начальству, гдѣ оно и находилось до времени продажи его съ аукціона.

Въ купленныхъ мною кулякъ, въ которыхъ продавались книги, брошюры и рукописи на *вѣсъ* нудами, попались мнѣ отдѣльные листы *Кормчей*. Заинтересованный этимъ открытіемъ и понимая всю важность и значеніе этого сочиненія, я началъ дѣлать продолжительные поиски этихъ отдѣльныхъ листовъ, попавшихъ также въ кули и другимъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ аукціонѣ.

Похожденія мои для собранія этихъ листовъ и составленія изъ нихъ хотя одного полнаго экземпляра сопровождались такими сценами, которыя заслужили быть извѣстными и онѣ опубликованы мною въ вышеупомянутомъ період. изданіи, въ статьѣ подъ заглавіемъ: *Судьба послѣднихъ экземпляровъ Кормчей книги, изданія Анастасевича.*

Здѣсь только скажемъ, что задавшись идеею — во что бы ни стало собрать листы

Кормчей, я не останавливался ни передъ какими преградами. Во время этихъ поисковъ не существовали для меня ни какія стѣснительныя формы; приступомъ во имя науки открывалъ я себѣ входъ туда, гдѣ только можно было видѣть кули и убѣдиться собственными глазами, что въ нихъ не остались недостававшіе мнѣ листы «*Кормчей*». Былъ я и въ будуарѣ незнакомой мнѣ свѣтской дамы, которой управляющій вмѣсто кипсековъ нашелъ въ куляхъ листы «*Кормчей*»; былъ я и въ полуразвалившейся избушкѣ торговца старой бумаги. Къ сожалѣнію явился я поздно къ этой просвѣщенной дамѣ, потому что драгоцѣнные для меня листы, по формату, весьма пригодились на затопку камина и засталъ я ихъ уже истребленными. Посчастливилось мнѣ спасти нѣсколько листовъ у маляра, купившаго *пятьдесятъ* кулей книгъ и бумагъ на обклейку стѣнъ, и, по его указанію, я видѣлъ уже много листовъ наклеенныхъ и испорченныхъ. Нашимъ книжнымъ торговцамъ, распространившимъ свою неприбыльную торговлю по всѣмъ мостамъ и перекресткамъ, досталась самая большая часть Анастасевичева собранія. Они лучше ученыхъ по званію, но не по призванію, поняли значеніе листовъ и составили было нѣсколько экземпляровъ *Кормчей*, которую книгопродавецъ Литовъ перекупалъ отъ нихъ и продавалъ по 25 р. за неполный экземпляръ. По принятому между ними обычаю, они купленный артелью книжный товаръ дѣлятъ между собою связками и для этого дѣлежа временно сложили въ сарай свою покупку; но какъ это было зимою и, послѣ сильныхъ морозовъ, появилась оттепель, то и всѣ бумаги, при бывшемъ въ сараѣ и разстаявшемъ снѣгѣ, обратились въ жидкую массу и тогда уже окончательно погибло собраніе Анастасевича, а съ нимъ и листы «*Кормчей*».

Полиція, маляры, огонь, вода, а всего болѣе равнодушіе самыхъ ученыхъ учрежденій, которыхъ прямою обязанностью было предупредить всѣ эти несчастные случаи, — были причиною истребленія множества автографовъ и драгоцѣнныхъ книгъ!!!

Митрополитъ Евгеній, мы выше видѣли, въ своемъ письмѣ къ барону Розенкампфу, старался успокоить его, приходившаго въ отчаяніе отъ того, что первое изданіе *Обозрѣнія кормчей* опоздало появленіемъ въ свѣтъ, по причинѣ болѣзни Снегирева, какъ б. Секретаря Общества, исторіи и древностей которому поручено было изданіе.

Что́ сказалъ бы баронъ, увидѣвъ, какъ изъ добросовѣстныхъ его трудовъ едва только нѣсколько экземпляровъ мною спасено, и причиною тому—равнодушіе ученыхъ его собратій, которые вовсе не интересовались даже его сочиненіемъ. Мнѣ пріятно сознавать, что отыскиваніемъ листовъ «*Кормчей*» и составленіемъ изъ нихъ нѣсколькихъ

полныхъ экземпляровъ, я воздавалъ честь трудамъ достославнаго архипастыря и почтеннаго барона Розенкампфа *).

Въ числѣ ученыхъ учрежденій и обществъ, пользовавшихся многосторонними познаніями достославнаго архипастыря для своихъ научныхъ цѣлей, и *статистическое отдѣленіе* (нынѣ статистическій центральный комитетъ) министерства внутреннихъ дѣлъ, 12-го декабря 1835 года, сочло для себя честью принять въ число своихъ членовъ корреспондентовъ и митрополита Евгенія, какъ это значится въ собственноручной его автобіографіи.

Очень вѣроятно, что въ архивѣ бывшаго статистическаго отдѣленія находятся дѣла, изъ которыхъ можетъ обнаружиться, въ какой степени важно было участіе нашего ученаго іерарха въ трудахъ этого отдѣленія.

Въ подтвержденіе этого предположенія, привожу здѣсь изъ переписки ученаго архипастыря съ академикомъ Кеппеномъ одно письмо, изъ котораго можно убѣдиться, что и въ вопросахъ *этнографическихъ* ученые того времени не обходились безъ его дѣятельнаго содѣйствія или совѣта.

Вотъ это письмо митрополита Евгенія:

Милостивый государь мой,

Петръ Ивановичъ!

Покорно благодаренъ вамъ за письмо, отъ 15-го сентября, и за посылку В. Г. Анастасевича. Они дошли до меня въ цѣлости 21-го сентября, но я замедлилъ отвѣчать вамъ, потому что былъ въ отлучкѣ изъ дому на нѣсколько дней.

Исторія ваша объ Ольвіи по Кенигсбергскимъ (!) идеямъ будетъ еще любопытнѣе, нежели по Геродоту, Страбону и Діогену Лаэрцію. Но для насъ чѣмъ чуднѣе, тѣмъ лучше. Исторія безъ прикрасъ обыкновенно тоща.

Вы спрашиваете меня, какъ бы опредѣлить число разныхъ россійскихъ нарѣчій? Я никогда не занимался симъ изслѣдованіемъ, и потому навѣрно ничего отвѣчать вамъ не могу. Но, по слу-

---

*) По случаю торжественнаго празднованія въ Москвѣ, 5 августа 1867 года, 50-ти лѣтняго юбилея достославнаго архипастырства, недавно въ Бозѣ почившаго митрополита Московскаго Филарета, самый лучшій и полный экземпляръ «*Кормчей книги*» благоговѣйно поднесенъ мною, скромнымъ труженикомъ отечественнаго книгохранилища, какъ посильная лепта великому святителю-юбиляру. Покойный Высокопреосвященный Архипастырь, во уваженіе сердечнаго моего желанія—быть хотя заочнымъ участникомъ этого столь отраднаго для Россіи и для всея вселенской Церкви бывшаго торжества, не отвергъ моего усерднѣйшаго приношенія.

За симъ два экземпляра (полныхъ) принесены мною въ даръ двумъ нашимъ университетскимъ библіотекамъ (въ Харьковъ и Одессу), а за симъ три экземпляра предназначены для славянскихъ библіотекъ — въ Прагу, Львовъ и Краковъ.

чаю вашего вопроса, первая мысль у меня родилась о слѣдующемъ раздѣленіи по историческимъ документамъ.

1) Послѣ церковно-славянскаго діалекта (который я почитаю болгаро-моравскимъ, а не сербскимъ, какъ другіе), я полагалъ самымъ древнимъ у насъ діалектомъ *новгородскій*, оставшійся въ Русской Правдѣ, Новгородской лѣтописи, въ Новгородскихъ граматахъ. Онъ былъ общій по всей сѣверной полосѣ отъ Пскова до Устюга и даже нынѣ сходенъ. Новгородскія колоніи занесли его въ Ярославль и въ Кострому, и на Вятку, и въ Нижегородъ, и въ Казань, и въ Симбирскъ, и въ Тобольскъ, и въ нѣкоторые сѣверные сибирскіе уѣзды. Тамъ до сего времени вездѣ отзывается Новгородское о и многія собственно Новгородскія слова.

2) Діалектъ *кіевскій*, коимъ писалъ Несторъ, не походитъ уже ни на Русскую Правду, ни на Новгородскія лѣтописи, ни на собственно церковный языкъ.

3) *Владиміро-суздальскій*, съ перенесеніемъ столицы во Владиміръ измѣнившійся и произведшій нынѣшній языкъ *московскій*, *рязанскій*, *тульскій*, *калужскій* и всей средней полосы Россійской Имперіи. Отличительная черта сего діалекта та, что онъ Новгородское *о* превратилъ въ *а*.

4) *Бѣлорусскій*, съ XIV вѣка образовавшійся въ Полотскѣ (sic) и въ Смоленскѣ изъ смѣшенія славяно-русскаго языка съ польскимъ и литовскимъ по причинѣ завладѣнія Смоленска и Полотска Литовскими великими князьями. Но начало сего языка старѣе въ Литвѣ у поселившихся тамъ Славено-Руссовъ.

5) *Кіево-малороссійскій* со времени завладѣнія Польскихъ королей по обѣ стороны Днѣпра изъ смѣси польскаго языка съ русскимъ образовавшійся и съ выходцами оттуда распространившійся по губерніямъ: Курской, Орловской, Харьковской и Воронежской. Но донскіе казаки говорятъ московскимъ или владимірско-суздальскимъ языкомъ съ малою примѣсью малороссійскихъ словъ.

Вотъ вамъ мое мнѣніе о русскихъ діалектахъ, вашимъ же вопросомъ во мнѣ рожденное. Если вамъ не полюбится, спорить не стану.

Кстати еще примолвлю мое замѣчаніе о *кривическомъ* діалектѣ, если хотите по Аделунгову раздѣленію и его считать. Онъ долженъ быть не особенный какой, а *новгородскій*, ибо, по всей вѣроятности, и Новгородцы поглотили Кривичей, изъ Пруссіи и Литвы пришедшихъ къ Полотску, Смоленску и Пскову и отсюда уже далѣе простершихся къ озеру Ильменю. Сходство *псковскаго* діалекта съ новгородскимъ сіе подтверждаетъ до нынѣ, Смолянежъ частію склоняются къ московскому, а Полочане больше къ польско-литовскому.

Желая вамъ добраго здоровья и усѣха въ ученыхъ трудахъ, есмь всегда преданный вашъ.

Е. А. П.

Октября 1-го дня 1820 года.
Псковъ.

На отдѣльной запискѣ, приложенной къ письму рукою Кеппена, сдѣлана слѣдующая замѣтка: «На просьбу мою о дозволеніи издать мнѣніе о русскихъ нарѣчіяхъ митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ) отвѣтствовалъ 17-го декабря 1820 года:

«На просьбу вашу объ изданіи моего письма, относительно русскихъ діалектовъ и даже о сообщеніи съ онаго копіи вашимъ друзьямъ я не могу согласиться. Помните, я писалъ вамъ (ибо копіи съ письма у себя не оставилъ), что я никогда не занимался симъ розысканіемъ и написалъ вамъ только первую встрѣтившуюся мнѣ мысль, въ которой и самъ не увѣренъ. А на необдуманныя мнѣнія легко могутъ появиться обдуманныя возраженія. Совсѣмъ другое дѣло писать для друзей, нежели писать для

публики. И такъ, поберегите меня или пришлите мнѣ мое письмо, либо копію съ онаго, дабы я могъ на досугѣ обдумать, даже передумать сей предметъ *).

Ученость и патріотизмъ Евгенія были на столько извѣстны Императору Александру I, что при открывшейся вакансіи, назначая Евгенія, по собственному выбору, на Кіевскую митрополію, въ рескриптѣ своемъ Монархъ выразилъ надежду, что знаменитая нѣкогда Кіевская академія достигнетъ подъ его руководствомъ цѣли ей предположенной, и что просвѣщенная его опытность и ученіе въ духѣ вѣры принесутъ пользу церкви и отечеству.

И дѣйствительно, митрополитъ Евгеній для этихъ высокихъ цѣлей не только не щадилъ трудовъ, какъ усердный дѣятель-пастырь церкви, но не задумавшись, выказалъ полную готовность принесть самую жизнь свою въ жертву долгу вѣрноподданства.

Случай къ тому представился именно утромъ 14-го декабря 1825 года.

Въ то время, когда сенатская площадь наполнялась нестройными рядами нижнихъ чиновъ, увлеченныхъ обманомъ къ неповиновенію законному Государю, назначено было въ Зимнемъ дворцѣ торжественное молебствіе, для котораго и пріѣхали митрополиты С.-Петербургскій Серафимъ и Кіевскій Евгеній (бывшій тогда въ Петербургѣ для присутствованія, какъ членъ св. Синода). Молодой Государь послалъ іерарховъ на площадь уговаривать заблудшихъ. Выѣхали они къ войску. Народъ окружилъ владыкъ, умоляя ихъ не идти на явную опасность, такъ какъ не задолго передъ тѣмъ былъ смертельно раненъ храбрый Милорадовичъ. Но архипастыри, ставя долгъ выше самохраненія, не вняли такимъ предостереженіямъ. За С.-Петербургскимъ митрополитомъ слѣдовалъ Евгеній съ иподіаконами. При видѣ архипастырей, шествовавшихъ подъ сѣнію креста, солдаты стали было креститься, а нѣкоторые даже и прикладывались ко св. кресту. Пользуясь такимъ настроеніемъ нижнихъ чиновъ, митрополиты призывая Бога въ свидѣтеля истины словъ своихъ, объясняли настоящее положеніе дѣла о престолонаслѣдіи и успѣли поколебать многихъ. Видя это, предводители мятежа распорядились ударить въ барабаны, чтобы заглушить слова архипастырей, грозя притомъ стрѣлять по нимъ. Надъ головами митрополитовъ скрестились шпаги. У митрополита Евгенія во время этой смуты со святительскаго облаченія сорвали на-

*) Письмо это въ подлинникѣ находится въ рукописной книгѣ *Кеппена*, озаглавленной: *Свѣдѣнія о русскихъ нарѣчіяхъ* и хранится въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ.

лицу. На успѣхъ дальнѣйшихъ попытокъ къ убѣжденію, при такой очевидной опасности, уже нельзя было разсчитывать; потому оба митрополита и удалились къ забору Исакіевской церкви, откуда уже возвратились во дворецъ.

За этотъ подвигъ гражданской доблести митрополитъ Евгеній былъ удостоенъ слѣдующимъ Всемилостивѣйшимъ рескриптомъ:

Преосвященный митрополитъ Кіевскій Евгеній!

Обращая вниманіе мое на служеніе ваше церкви, престолу и отечеству, для котораго вы подвизались нынѣ въ 14-й день декабря, когда подвергая жизнь свою опасности, раздѣляли оную вмѣстѣ съ преосвященнымъ митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ Серафимомъ, справедливымъ почитаю изъявить вамъ за то мою признательность. Въ ознаменованіе оной жалую вамъ украшенную драгоцѣнными камнями панагію. Пребываю вамъ доброжелательнымъ и проч.

Свидѣтель тяжелой катастрофы, разразившейся въ первый день царствованія Николая I, митрополитъ Евгеній имѣлъ счастіе привѣтствовать Императора рѣчью въ день коронованія и удостоился получить орденъ св. Андрея Первозваннаго (22-го августа 1826).

Событія политическія не отвлекали впрочемъ на долго ученаго іерарха отъ любимыхъ занятій наукою. Простой перечень ученыхъ обществъ и учрежденій *), которыя наперерывъ избирали преосвященнѣйшаго Евгенія въ свои члены, служитъ лучшимъ доказательствомъ того уваженія, которымъ пользовались его ученые труды. Признанныя современными разными обществами ученыя заслуги митрополита Евгенія

---

*) Евгеній избранъ былъ:

Въ 1805 году почетнымъ членомъ Московскаго университета.
» 1806 » дѣйствительн. » Россійской Академіи.
» 1808 » почетнымъ » С.-Петербургской медико-хирургической академіи.
» 1810 » » » С.-Петербургскаго общества любит. наукъ словесности и художествъ.
» 1811 » » » и соревнователемъ С.-Петербургской бесѣды любителей русскаго слова.
» 1813 » » » общества исторіи и русскихъ древностей при Московскомъ университетѣ.
» 1814 » членомъ С.-Петербургской духовной академіи.
» 1815 » » Московскаго общества врачебныхъ и физическихъ наукъ.
» 1816 » » Казанскаго общества любителей отечественной словесности при университетѣ.
» 1817 » » Харьковскаго и Казанскаго университетовъ.
» » » » С.-Петербургскаго вольнаго общества любителей русской словесности.
» 1818 » » Коммисіи составленія законовъ.
» 1822 » » Виленскаго университета.
» 1823 » » Кіевской духовной академіи.
» 1826 » почетнымъ членомъ Академіи наукъ.
» 1827 » » докторомъ философіи Дерптскаго университета.
» 1829 » » членомъ С.-Петербургскаго университета.
» 1834 » членомъ королевскаго Копенгагенскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ.
» 1835 » корреспондентомъ Статистическаго отдѣленія совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ.

на пользу отечественнаго просвѣщенія, не обязываютъ ли насъ, потомковъ, сохранить благодарную память о немъ, какъ о великомъ дѣятелѣ, всю жизнь свою трудившемся на невоздѣланной нивѣ отечествознанія.

18-го декабря минувшаго года, какъ день столѣтняго юбилея, со времени рожденія достославнаго архипастыря, вызываетъ насъ всѣхъ, кто чѣмъ можетъ, почтить заслуги ученѣйшаго изъ Іерарховъ.

Ежели въ жизни обыкновеннаго человѣка день рожденія считается до того замѣчательнымъ, что не одни пустые любители празднествъ стараются каждый годъ проводить его въ кругу людей любимыхъ или расположенныхъ къ нимъ, то не во сто ли разъ важнѣе долженъ быть почтенъ юбилей *перваго столѣтія*, отъ появленія въ міръ труженика, имя котораго чуть не *полвѣка* упоминалось съ почтеніемъ въ кружкахъ лучшихъ людей отечества и въ три десятилѣтія, протекшія отъ его кончины, не перестаетъ еще являться на уста каждый разъ, какъ рѣчь спеціалиста коснется исторіи отечественной и литературы и достойныхъ ихъ представителей.

Самъ высопреосвященный Евгеній, по словамъ одного изъ его біографовъ, лѣта своей жизни исчислялъ не годами протекшими безвозвратно и безполезно, но подвигами, совершенными на всѣхъ доступныхъ ему поприщахъ дѣятельности; какъ человѣкъ, въ высшемъ значеніи этого слова, служилъ онъ церкви и государству молитвою и путемъ науки.

Повсюду, куда только ни назначала его воля монарховъ въ санъ предстоятеля церкви, преосвященный Евгеній ознаменовалъ себя добросовѣстнымъ и ревностнымъ исполненіемъ своего долга, по крайнему разумѣнію. Разумѣніе его всегда неразрывно соединяло дѣло науки съ ходомъ администраціи.

На обоихъ путяхъ *ученомъ* и *административномъ* нельзя не удивляться неутомимой его дѣятельности и памяти, обнимавшей столько предметовъ съ одинаковою свѣжестію, какъ въ годы юности, такъ и при глубокой старости. *Богословіе, философія, языкознаніе, законовѣдѣніе* вообще и *каноническое право* въ особенности, *естественныя* и *медицинскія* науки, *исторія* церковная и гражданская, *археологія, географія, этнографія* и *библіографія*, преимущественно же *отечественная литература* духовная и свѣтская — были предметами изученія для его всеобъемлющаго свѣтлаго ума. И по каждой изъ этихъ отраслей человѣческихъ знаній онъ оставилъ труды болѣе или менѣе важные. Впрочемъ, занимаясь съ особенною любовью общеисторическими изслѣдовані-

ями и преимущественно исторіею литературы, онъ даетъ намъ право видѣть въ этихъ наукахъ прямое его призваніе, какъ *историка* и *библіографа*.

Серьозное направленіе его трудовъ всюду равно высказывается: пишетъ ли Евгеній о наукахъ, художествахъ и изобрѣтеніяхъ, старинной славянской арѳметикѣ, или о личныхъ и собственныхъ именахъ у славяно-руссовъ, о первомъ нашемъ посольствѣ въ Японію, или занимается изслѣдованіями о символическихъ книгахъ Россійской церкви, объ обращеніи Славянъ въ христіанскую вѣру, о переводѣ св. писанія на славянскій языкъ, о древнемъ церковномъ пѣніи и музыкѣ, и пр. вездѣ онъ развиваетъ ихъ подъ лучемъ одного и того же историко-литературнаго воззрѣнія.

Гдѣ бы ни совершалъ онъ чреду пастырскаго служенія, вездѣ, среди трудныхъ занятій епархіальными дѣлами онъ старался оживлять память временъ минувшихъ самостоятельнымъ трудомъ литературнымъ, имѣвшимъ прямое отношеніе къ мѣстной исторіи.

Бывъ еще въ *Воронежѣ* въ 1800 г., онъ составилъ историческое, географическое и экономическое описаніе Воронежской губерніи, собранное имъ изъ исторіи, архивныхъ записокъ и сказаній. Сочиненіе это посвящено было имъ Императору Павлу. Изъ заявленія редактора *Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* *) извѣстно, что тамъ приготовляется 2-е изданіе этого сочиненія, которое и по сіе время не утратило своего интереса.

Ко времени пребыванія Евгенія въ столицѣ, кромѣ указанныхъ уже выше историческихъ его трудовъ, совершенныхъ по порученію высшей власти, нужно отнести составленное имъ «Историческое изображеніе Грузіи въ политическомъ, церковномъ и учебномъ ея состояніи съ присовокупленіемъ описанія разныхъ ордынскихъ народовъ, окружающихъ Грузію, и родословныхъ таблицъ князей трехъ грузинскихъ царствъ Кахетинскаго, Карталинскаго и Имеретинскаго». Спб. 1802 г. 8°.

Трудъ этотъ, заслужившій лестный отзывъ Шлёцера и переведенный на нѣмецкій языкъ **), по важности содержанія былъ посвященъ отъ имени Александро-Невской академіи Александру I.

*) Часть неофиціальная, № 18, 1862 г.

**) Въ 1803 году Гёттингенскій профессоръ Августъ-Людв. фонъ-Шлёцеръ въ *Ученыхъ Гётингенскихъ Вѣдомостяхъ* 12-го марта, отд. 42, статья 4, помѣстилъ обстоятельное критическое разсмотрѣніе этой книги съ похвалою, а Фридрихъ. Шмидтъ того же года перевелъ ее на нѣмецкій языкъ и напечаталъ въ Ригѣ и Лейпцигѣ 1804 г. въ 8-ю долю листа. Въ Bullet de l'acad. 1843, № 14—15 столб. 221 акад. Броссе сдѣлалъ слѣдующій отзывъ объ этой книгѣ Евгенія: *«Cet ouvrage classique est devenu rare»*. Ежели это сочиненіе 25 лѣтъ тому назадъ считалось уже *библіографическою рѣдкостью*, то не лишнимъ было бы перепечатать его въ *Сборникѣ*.

Любопытное и подробное изложеніе въ этомъ сочиненіи неизвѣстныхъ фактовъ возбудило въ русскомъ обществѣ сильное желаніе ближе ознакомиться съ Грузіей, которая въ 1801 году окончательно была присоединена къ Россійской Имперіи. Само даже правительство нуждалось въ подобномъ сочиненіи и было благодарно автору за доставленіе точныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній о новоприобрѣтенной области. Свѣдѣнія эти, почерпнутыя Евгеніемъ изъ письменныхъ источниковъ и устныхъ разсказовъ грузинскихъ посланниковъ и депутатовъ, находящихся тогда въ столицѣ, дѣйствительно возбуждали сильный интересъ.

Къ трудамъ первыхъ годовъ пребыванія въ Петербургѣ Евгенія, еще въ званіи архимандрита, нужно отнести замѣчательное его сочиненіе подъ заглавіемъ: «*Церковный календарь* или *полный мѣсяцесловъ* съ означеніемъ всего, что въ какіе дни въ православной церкви совершается, съ присовокупленіемъ разныхъ статей до Россійской іерархіи касающихся и историческаго словаря Россійскихъ государей, императоровъ, императрицъ, царей, царицъ, великихъ князей, княгинь и княженъ, въ память коихъ установлены въ церкви соборныя панихиды, и съ мѣсяцесловомъ панихидъ», напечатанное въ Москвѣ 1803 года въ 12-ю долю листа, а новое полнѣйшее изданіе въ Кіевѣ въ 1832 году въ 8-ю долю листа, подъ названіемъ: «*Кіевскій мѣсяцесловъ.*»

Этотъ календарь, какъ видимъ, занималъ нашего ученаго іерарха съ 1803 по 1832 годъ; почти 30 лѣтъ думалъ онъ о томъ, какъ бы составить святцы въ такомъ видѣ, какъ онъ понималъ. Заботливость свою объ этомъ предметѣ онъ выразилъ чистосердечно въ задушевномъ письмѣ, отъ 24 сентября 1824 года, къ Кеппену, котораго вполнѣ признавалъ способнымъ и довольно приготовленнымъ къ составленію святцевъ *).

Заслуги Евгенія, какъ профессора и префекта Александро-Невской духовной академіи, безъ сомнѣнія, вызовутъ кого нибудь изъ профессоровъ ея къ составленію спеціальнаго труда, который представитъ достойную характеристику педагогической его дѣятельности **).

---

*) См. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1867 годъ, декабрь, статья: Памяти Евгенія.

**) Результатомъ этой дѣятельности, кромѣ выше уже упомянутыхъ, были составленныя имъ самимъ или подъ его непосредственнымъ надзоромъ, слѣдующія сочиненія:

1. Изслѣдованіе объ обращеніи славянъ въ христіанскую вѣру, 1803 года (рукопись).

Что́ древняя классическая литература была любимымъ предметомъ его занятій, въ этомъ высшемъ духовномъ разсадникѣ, доказательствомъ тому можетъ служить свобода, съ какою Евгеній излагалъ свои мысли на латинскомъ языкѣ. Сохранившаяся его переписка съ академикомъ Френомъ еще болѣе убѣждаетъ въ томъ, что онъ принадлежалъ къ первымъ латинистамъ своего времени. Если бы сочиненія его, написанныя на латинскомъ языкѣ и сохранившіяся въ рукописи *), были изданы, то справедливость этихъ словъ еще болѣе подтвердилась бы.

Въ бытность свою въ Новгородѣ, **) этомъ, такъ сказать, средоточіи источниковъ для изученія древностей сѣвера Россіи, Евгеній направлялъ умы студентовъ мѣстной семинаріи къ разработкѣ отечественной исторіи, и бесѣды съ питомцами на-

---

2. Историческое изслѣдованіе о соборахъ россійской церкви, читанное кандидатомъ богословія Михайломъ Сухановымъ въ собраніи Александро-Невской академіи. С.-Петербургъ 1703 г. 4°.

3. Разсужденіе о соборномъ дѣяніи, бывшемъ въ 1157 на еретика Мартина, читанное кандидатомъ богословія Иваномъ Лавровымъ. С.-Петербургъ 1804 г. 4°.

4. Разсужденіе о началѣ, важности и ознаменованіи церковныхъ облаченій, читанное кандидатомъ богословія Константиномъ Китовичемъ. С.-Петербургъ 1804 г. 4°.

5. Разсужденіе о книгѣ, именуемой «Православное исповѣданіе вѣры соборныя и апостольскія церкви восточныя» сочиненное Кіевскимъ Митрополитомъ Петромъ Могилою, читанное кандидатомъ богословія Алексѣемъ Болховскимъ. С.-Петербургъ 1804 г. 4°.

6. Историческое разсужденіе о чинахъ Грекороссійской церкви, читанное кандидатомъ богословія Дмитріемъ Малиновскимъ. С.-Петербугъ 1804 г. 4°.

*) De ideis innatis perperam admissis (1800); De existentia spirituum ex ratione facile demonstranda (1801); De libris symbolicis Ecclesiae Russicae (1802); Трактатъ о папской власти и др.

) Нижеприводимая рѣчь Евгенія вполнѣ заслуживаетъ вниманія, какъ показывающая тотъ путь архипастыря, по которому онъ шелъ неуклонно на всѣхъ святительскихъ каѳедрахъ *).

Рѣчь, говоренная (12 Генваря 1804 года), Святѣйшему Правительствующему Синоду Архимандритомъ при нареченіи во Епископа: Новгородской Митрополіи въ Викарнаго Старорусскаго, Санктпетербургской епархіи второклассной Троицкой Сергіевой пустыни, что по Петергофской дорогѣ и Александроневской Академіи Префектомъ Евгеніемъ.

«Святѣйшій Правительствующій Синодъ! Почтительнѣйшіе Пастыреначальники Христовы Церкве!

Изволися Духу Святому и Вамъ избрати мя и томужде Духу сердцемъ Царевымъ утвердити избраніе сіе, еже есть званіе Божіе, давно на мнѣ явленное, предаясь во всемъ Промыслу Божію, покоряясь мудрымъ намѣреніямъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, благоговѣя въ душѣ моей къ волѣ Всеавгустѣйшаго Нашего Монарха, что на сіе рещи могу паче глаголовъ отрока Самуила «*се азъ яко звасте мя, глаголите, яко слышитъ рабъ вашъ!*» (1 Цар. глава III) Готовы нозѣ мои тещи въ путь, въ оньже рецете; готовы устнѣ мои проповѣдати, еже аще заповѣдаете; готово все сердце мое въ повиновеніе Богу, Благочестивѣйшему Монарху и Вамъ Святѣйшіе Пастыреначальники пра-

***) Этою *библіографическою рѣдкостью* мы обязаны достопочтенному академику А. А. Кунику; по его просвѣщенному вниманію мы имѣли возможность пользоваться пособіями изъ библіотеки Академіи Наукъ и его собственной: сочиненія Евгенія въ Петербургѣ—рѣдкость!!!

вели его на мысль объ *Историческихъ разговорахъ о древностяхъ великаго Новгорода*; *) гдѣ второй собесѣдникъ — онъ самъ, руководитель юности въ области далекаго прошлаго. Разговоры эти и теперь могутъ возбуждать удивленіе обширностью выказанной въ нихъ Евгеніемъ учености. Можно легко представить себѣ, чѣмъ они были для своего времени въ самую пору появленія ихъ въ свѣтъ.

По словамъ проф. Ѳаворова, пользовавшагося рукописями преосвященнаго Евгенія, поступившими въ библіотеку Кіево-Софійскаго собора, С.-Петербургскій митрополитъ Амвросій, по поводу этого сочиненія, писалъ князю Голицыну слѣдующее:

«Не угодно ли будетъ Вамъ, Милостивому Государю, поднести оную книгу (т. е. разговоры о древностяхъ великаго Новгорода) Государю Императору. Она содержитъ всю древность Новгорода. Все было забыто или по крайней мѣрѣ разсѣяно, а Евгеній собралъ въ одну кучу прекурьозную и прелюбопытную».

Объ этомъ важномъ для исторіи сочиненіи и вообще о трудахъ и заслугахъ митр. Евгенія на пользу отечественной археологіи, одинъ изъ нашихъ спеціалистовъ по этой части (П. Н. Петровъ) приготовляетъ подробное изслѣдованіе.

Самъ же Евгеній, въ послѣдствіи будучи архіепископомъ Псковскимъ, въ одномъ изъ писемъ къ графу Н. П. Румянцеву, указываетъ на источники, откуда онъ черпалъ

вославныя церкве. Но о когда бы готовы были и способности на предлежащій мнѣ подвигъ! Подвигъ же не легкій и для Васъ самихъ! Подобаетъ бо въ немъ, по слову Апостолову, образомъ быти для вѣрныхъ *словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою; настояти благовремянно и безвремянно; подобаетъ въ сихъ поучатися, въ сихъ пребывати, въ сихъ разумѣвати, да преуспѣяте явлено будетъ во всѣхъ* (1 Тим. гл. IV). Иначе страшенъ гласъ Божій, обращаемый на недостойныхъ пастырей! *Се азъ пастыри глаголетъ Адонаи Господь, взыщу овецъ моихъ отъ рукъ ихъ*». (Іезек. гл. 34).

Все сіе воображая во умѣ моемъ и потомъ обращаясь мыслями на самого себя, возмущаюсь духомъ и подвигаюся сердцемъ.—Но—разсуждая промыслительное званіе Божіе, нелицепріятное избраніе Ваше, непрерѣкаемое изволеніе Всемилостивѣйшаго Монарха — оживляюсь надеждою, что благодать Бога, воззвавшаго мя, что благословеніе Святѣйшихъ Пастырей, избравшихъ мя, и наконецъ благоволеніе помазанника, Духомъ Божіимъ водимаго—невидимо укрѣпятъ во мнѣ немощное и восполнятъ оскудѣвающее; а при толь могущественныхъ пособіяхъ и я, юнѣйшій собратій моей, не отчаяваюсь, что по глаголу Господню: *яко пастырь, погибшее взыщу, заблудившее обрящу, сокрушенное обяжу, немощное укрѣплю и упасу я съ судомъ* (Іезек. гл. 34)».

*) Историческіе три разговора о древностяхъ великаго Новгорода, говоренные въ Новгородской семинаріи, съ прибавленіемъ росписи древнихъ улицъ, монастырей, пятинъ новгородскихъ и селеній въ оныхъ. Москва, 1808 г. 4⁰ *).

*) Въ Вѣстникѣ Европы за 1808 годъ ч. 40 № 16, стр. 312 помѣщено издателемъ Каченовскимъ извлеченіе изъ первыхъ двухъ разговоровъ: о многолюдствѣ древняго Новгорода и о древнемъ богопочитаніи славянъ Новгородскихъ.

матеріалы для упомянутаго сочиненія и, что всего любопытнѣе, указываетъ и мѣсто, гдѣ они находились.

«Объ архивскихъ бумагахъ, великою кучею лежащихъ въ Софійскомъ Новгородскомъ Соборѣ, доношу, что они находятся при всходѣ по лѣстницѣ вверхъ въ чуланѣ близъ библіотеки верхней Бумаги сіи въ свиткахъ и листахъ большею частію епархіальныя: но туда же брошены и многія статьи губернскія, коимъ мѣста не нашли въ прежнихъ присутственныхъ мѣстахъ. Развѣ не выкинута ли уже въ рѣку или въ печи вся сія куча. Я, пріѣхавши въ Новгородъ въ 1804 году, нашелъ и Архіерейскаго дома старую архиву *разбросанную по двору* и кое-что выбралъ. Въ бывшихъ присутственныхъ мѣстахъ, сгорѣвшихъ въ 1812 году, не было уже старыхъ бумагъ, а давно и до того вынесены они подъ *Софійскую колокольню*. Остались только въ губернскомъ правленіи двѣ подробныя описи Новугороду 1615 и 1623 годовъ, но онѣ въ пожарѣ сгорѣли. Къ счастію, я изъ нихъ выписалъ опись Новгородскихъ концовъ, церквей и пятинъ и напечаталъ при моихъ *Историческихъ разговорахъ Великаго Новагорода.*»

Что *колокольни* въ прежнее время служили мѣстомъ храненія архивныхъ дѣлъ, между которыми скрывались не рѣдко драгоцѣнныя рукописи, о томъ и графъ Николай Петровичъ сообщаетъ Евгенію слѣдующее любопытное свѣдѣніе:

«... Кеппенъ конечно увѣдомилъ Васъ, Преосвященнѣйшій Владыко, о происшествіи Харьковскомъ. Тамошній архіерей, при разобраніи ветхой соборной колокольни, нашелъ въ ней полный архивъ, о коемъ никто ни малѣйшаго свѣдѣнія не имѣлъ. Харьковъ не древній городъ, древнихъ бумагъ ожидать было нельзя, но тѣ изъ нихъ, кои не запечатаны, обозначены по военной, какъ и по духовной части, съ 1724 г. по 1774 г. Я сіе обстоятельство почитаю важнымъ потому, что твердо въ томъ увѣренъ былъ и прежде, что въ древнихъ колокольняхъ хранили часто важныя бумаги; помню, съ какимъ сожалѣніемъ я одинъ разъ слышалъ, года три тому назадъ (1816), отъ нынѣшняго Московскаго митрополита, котораго тогда засталъ въ Тверской епархіи, что, во время пребыванія его въ Смоленскѣ, нѣкто изъ духовныхъ тамошнихъ неоднократно ему утверждалъ, *что въ одной древней тамошней колокольнѣ точно, есть никому неизвѣстныя забытыя бумаги: сіе показаніе осталось безъ изслѣдованія.* Позвольте м. г. мой, покорнѣйше просить, приказать осмотрѣть съ большимъ тщаніемъ и очень подробно всѣ чуланы колокольни Троицкаго Собора въ Псковѣ и въ иныхъ древнихъ святыхъ обителяхъ вашей епархіи — *вѣрно гдѣ нибудь лежатъ забыты* и *плеснѣютъ древніе документы*».

Во время моего (въ 1859 г.), по Высочайшему повелѣнію, заграничнаго путешествія, для пріобрѣтенія недостававшихъ въ И. П. Библіотекѣ сочиненій *), мнѣ самому

*) Въ отчетѣ И. П. Библіотеки за 1860 годъ, представленномъ г. Министру Императорскаго Двора, директоромъ библіотеки, Членомъ Государственнаго Совѣта (нынѣ предсѣдателемъ департамента законовъ), статсъ-секретаремъ, барономъ М. А. Корфомъ, сказано:

«Командированъ былъ мною съ разными библіографическими порученіями, въ Западныя наши губерніи, Царство Польское и прилежащія къ нему Австрійскія и Прусскія владѣнія, Библіотекарь Ивановскій. Онъ возвратился въ С.-Петербургъ къ началу зимы, и о результатахъ его командировки будетъ сказано ниже въ своемъ мѣстѣ.» (Стр. 5).

«Не могу еще не упомянуть здѣсь объ особенномъ сочувствіи къ Публичной Библіотекѣ, обнаружившемся въ Западныхъ нашихъ губерніяхъ, при командировкѣ туда Библіотекаря Ивановскаго, о

привелось, проѣздомъ въ Галицію чрезъ *Замость* (Люблинской губ.). видѣть жалкіе остатки поіезуитской библіотеки академіи Замойскихъ, сложенные на храненіе также въ *колокольнѣ* при р.-к. каѳедральномъ Соборѣ. Одно только любопытство могло возбудить во мнѣ рѣшимость—подниматься на самый верхній этажъ колокольни по ветхой лѣстницѣ. Трудъ былъ не напрасный, ибо, въ кучѣ брошенныхъ книгъ на полу, удалось мнѣ замѣтить нѣсколько *библіографическихъ рѣдкостей*, но, къ крайнему сожалѣнію, въ самомъ испорченномъ отъ сырости видѣ. Такъ напр. попались мнѣ подъ руки листы знаменитой и чрезвычайно рѣдкой *Соцініанской библіи* *), изданной въ Несвижѣ 1570 года, которой нѣтъ и по сіе время въ прекрасной коллекціи **) всевозможныхъ изданій библій, собранныхъ въ И. П. Библіотекѣ.

которой уже выше упомянуто. Это сочувствіе выразилось многочисленными приношеніями рѣдкихъ или въ другихъ отношеніяхъ замѣчательныхъ книгъ, полученными имъ для Библіотеки отъ разныхъ общественныхъ заведеній и частныхъ лицъ. Кромѣ осмотра публичныхъ и частныхъ коллекцій собственно въ означенныхъ губерніяхъ, Г. Ивановскій, обозрѣвъ также важнѣйшія библіотеки въ Варшавѣ, Лембергѣ, Краковѣ и проч., успѣлъ установить прочныя, на пользу нашего книгохранилища, сношенія съ тамошними библіотекарями и другими учеными, а также книгопродавцами, и, съ свойственною ему неутомимостію, посѣтилъ склады не только важнѣйшихъ изъ послѣднихъ, но и всѣхъ мѣстныхъ букинистовъ, пересматривая, по цѣлымъ днямъ, старыя ихъ собранія, для отысканія, въ покрытыхъ пылью грудахъ книгъ, иногда одной только нужной намъ книжки или брошюры. Плодомъ этой его поѣздки, сверхъ пользы для библіографическихъ нашихъ связей, было пріобрѣтеніе 2,800 томовъ, изъ числа которыхъ 1,200 куплены, а остальные (1600) принесены намъ въ даръ». (Стр. 75).

*) Быть можетъ какому нибудь ревнителю преуспѣянія нашего публичнаго книгохранилища понадется подъ руки эта библія, которую онъ пожелалъ бы принесть въ даръ или предложить на условіяхъ доступныхъ, — на случай привожу здѣсь полное ея заглавіе: «Biblia, to jest Księgi Starego i Nowego Przymierza znowu z języka ebrayskiego, greckiego y łacinskiego na polski przełożone, a Simona Budnego» (въ концѣ книги) Drukowano w Nieświeżu nakładem pana Macieja Kawieczyńskiego, starosty Nieświeżskiego przez Daniela drukarza z Lęczycy R. P. 1570. in 4°. Второе *изданіе* этой библіи совершено 1572 in 4°, хотя въ немъ не означено въ концѣ книги мѣсто изданія, но извѣстно, что и она напечатана въ Несвижѣ ***).

Не лишнимъ считаемъ къ сему прибавить еще слѣдующую замѣтку, что издатель сказанной библіи Симеонъ Будный и другой пасторъ, его товарищъ, Лаврентій Крышковскій, съ 1562 года издавали сочиненія на понятномъ мѣстномъ нарѣчіи, дабы скорѣе распространить между простымъ народомъ свое реформатское ученіе. Для образчика этого языка привожу здѣсь заглавія двухъ сочиненій, изданныхъ ими съ цѣлію прозелитизма: 1) O oprawdeniі hriesznaho czelowieka pred Bohom knyszka S.

**) Объ этой коллекціи сказано ниже.

***) Полный и прекрасно сбереженный экземпляръ этого *бѣлаго ворона* въ мірѣ *библіографическихъ рѣдкостей* я видѣлъ тогда же въ Холмѣ у бывшаго Инспектора Семинаріи уніатскаго священника В. который было обѣщалъ доставить эту драгоцѣнность въ И. П. Библіотеку., но по сіе время не исполнилъ своего патріотическаго желанія содѣйствовать полнотѣ нашего собранія Библій.

Государственный Канцлеръ, ревнуя о сбереженіи памятниковъ нашей письменности, вѣроятно вліялъ на Смоленскаго гражданскаго губернатора барона Аша, потому что сей послѣдній сдѣлалъ по губерніи интересное предложеніе, дающее и въ настоящее время прекрасный примѣръ для подражанія нашимъ губернаторамъ.

B. (Simona-Budnoho). Nieśwież, 1562 in 8°. 2) Katychijsis tojest nauka starodawnaja Christianskaja od swiatoho Pisma dlia prostych liudiej jazyka ruskoho w pytaniach i otkazach sobrana.... 1562. (Iunia desiataho dnia). Катехизисъ этотъ былъ перепечатанъ въ Стокгольмѣ 1628 года. Эти изданія также въ П. Библіотекѣ не имѣются, кромѣ Катихизиса, 1562 года, который находится въ выставкѣ библій.

Бывшій директоръ И. П. Библіотеки, баронъ М. А. Корфъ, поставивъ себѣ задачею собрать въ особомъ отдѣленіи иноязычныхъ писателей о Россіи все, что когда либо напечатано о нашемъ отечествѣ, не оставлялъ ни одного случая, при которомъ могъ обогатить созданное имъ отдѣленіе, хотя бы одною *брошюрою*. Узнавъ, что въ библіотекѣ археологическаго общества находились два сочиненія, которыя еще не имѣлись въ любимомъ его отдѣленіи—*russica*, а именно: Relationes authenticae de statu Ruthenorum cum S. R. E. unitorum in regno Poloniae degentium. Romae 1727 *) и Informacya o fundacyi Collegium Polockiego Societatis Iesu y Dobrach onego (Nieswież 1699 г.), — достопочтенный сановникъ—библіографъ обратился къ обществу съ просьбою объ уступкѣ публичной библіотекѣ помянутыхъ брошюръ, и оно, какъ и всѣ другія общественныя установленія и частныя лица, къ которымъ баронъ обращался съ подобными просьбами **), съ особенною готовностью исполнило его желаніе.

Перестав быть офиціальнымъ директоромъ И. П. Библіотеки, Его Высокопревосходительство, нынѣ почетный ея членъ, а скорѣе *дѣйствительный*, не перестаетъ и по сіе время продолжать заниматься приращеніемъ образованнаго имъ отдѣленія. По представленію Министра Народнаго Просвѣщенія, (1865) основанному на ходатайствѣ начальства Императорской Публичной Библіотеки, Государь Императоръ изъявилъ искреннюю благодарность барону Модесту Андреевичу Корфу за постоянную его заботливость объ отечественномъ книгохранилищѣ. Кромѣ большаго числа рѣдкихъ и отчасти единственныхъ сочиненій, баронъ Корфъ подарилъ Библіотекѣ богатое собраніе библіографическихъ матеріаловъ для предполагаемаго изданія систематическаго каталога отдѣленія Russica, которые имъ были собираемы въ продолженіе 30 лѣтъ. При другихъ огромныхъ заслугахъ, по устройству и введенію новыхъ порядковъ въ И. П. Библіотекѣ, сдѣлавшихъ ее болѣе доступною для публики, образованіе въ ней отдѣленія: russica, увѣковѣчиваетъ память имени барона Корфа и всегда будетъ возбуждать чувства благодарности за сосредоточеніе въ одномъ мѣстѣ всѣхъ печатныхъ матеріаловъ о Россіи.

Библіотечная зала, гдѣ помѣщается отдѣленіе иноязычныхъ писателей о Россіи, по Высочайшему повелѣнію, названа *Залою барона Корфа* и украшена портретомъ самаго собирателя драгоцѣнныхъ матеріаловъ, для изученія нашего отечества. Кругомъ рамы портрета, посреди орнаментальной рѣзьбы, обозначены имена лицъ, служившихъ въ библіотекѣ при Модестѣ Андреевичѣ.

При постоянномъ стремленіи собрать всѣ печатные матеріалы о Россіи, отечественное отдѣленіе хотя сосредоточиваетъ въ себѣ уже до 30,000 названій, но не смотря на такое богатство, имѣетъ еще пробѣлы.

Если бы у какого нибудь библіофила явилось желаніе полюбопытствовать взглянуть на книги, хранящіяся въ колокольняхъ, подвалахъ, сараяхъ и другихъ временныхъ помѣщеніяхъ, то не лишнимъ

*) Очень рѣдкая брошюра объ уніатахъ, авторомъ которой считается монахъ ордена св. Василія Игнатій Кульчинскій; другое сочиненіе его: Specimen Ecclesiae Ruthenicae ab origine susceptae fidei ad nostra usque tempora... per Ignatium Kulczynski, Monachum Ord. S. Basilii Magni Ruthenum, exhibitum. Romae 1733. 8, куплено за границею.

Приглашеніе Смоленскаго гражданскаго губернатора къ удовлетворенію слѣдующаго:

«Извѣстно, что многія историческія доказательства древнихъ происшествій чрезъ цѣлые ряды столѣтій оставались въ мрачномъ и горестомъ забвеніи и однимъ случайнымъ вниманіемъ извлека-

---

считаемъ обратить его любознательность на слѣдующія относящіяся до Уніи сочиненія, которыя, какъ не имѣющіяся еще въ И. П. Библіотекѣ, составляютъ ея desiderata:

1. *Angelus*, Status et ritus ecclesiae Graecae. Gedani, 1595.

Настоящая фамилія автора Engel, уроженецъ Прусскій. Онъ неоднократно совершалъ поѣздки по Россіи и имѣлъ возможность ближе познакомиться съ нравами и обычаями ея жителей.

2) Constitutiones capituli Basiliani, Brestae. Vilnae, 1772, 8.

Въ Брестѣ-Литовскомъ была каѳедра уніатскаго епископства.

3) Chrząstowski. Obrona tajemnicy chrztu prawoslawnego chrzscijaństwa. Wilno, 1584, 4.

Хржонстовскій—знаменитый богословъ реформатскаго исповѣданія и сильный антагонистъ іезуитовъ.

4. Dubowicz Obraz prawostawney cerkwi wschodniey Wilno, 1644.

Дубовичъ, Іоаннъ, архимандритъ Дерманскаго монастыря, пишетъ противъ Саковича и упрекаетъ его въ томъ, что онъ изъ уніата сдѣлался католикомъ.

5) Fiedorowicz, Obrona S. Synodu Florentskiego. Wilno, 1603.

Ѳедоровичъ былъ ректоромъ Виленскаго уніатскаго коллегіума.

6) Historya odstępstwa Greckiego, od pierwszych iey początków aż do zguby państwa y miasta Carogrodzkiego doprowadzona z poważnych pisarzów, mianowicie greckich wyjęta. Dla wierney informacyi Moskiewskiey Monarchii i całego narodu Ruskiego z francuskiego języka na polski przełożona. W. Zamościu W. drukarni Akad. R. P. 1698. 4°. (Вѣроятно авторъ—Maimbourg).

7) Inwentarz dobr metropolii kijowskiey, i cerkwi pieczarskiey Kijowskiey. S. l. 1593, fol.

8) Kossow. Exegesis t. j. zdanie sprawy o szkolach Kijowskich i Winnickich, Kijow, 1635, 4.

Коссовъ (Сильвестръ) митрополитъ кіевскій, поборникъ православія, даетъ отчетъ о томъ, какъ монахи въ кіевскихъ школахъ обучаютъ юношество греческому вѣроисповѣданію.

9) Orichowius (St.) Baptismus Ruthenorum. Cracoviae, 1544.

Авторъ многихъ сочиненій, но сдѣлался особенно извѣстенъ, какъ антагонистъ безбрачія католическаго духовенства, и хотя самъ былъ уже оффиціаломъ (благочиннымъ), но рѣшился жениться и, по этому поводу, подвергся преслѣдованію епархіальнаго начальства. За упомянутую брошюру былъ вызванъ передъ епископскій судъ и обвиненъ въ расположеніи къ православной церкви.

10) Pociej (Ad.) Harmonia albo konkordancya cerkwi orientalney z Kościolem Rzymskim Wilno. 1608, 4.

11) — O przywilejach... które S. Unią potwierdzają, s. l. et a. (1600, 4).

Поцѣй (Адамъ) извѣстенъ, какъ главный виновникъ брестской уніи 1595 года.

12) Sakowicz (Kas.) Dialog albo Rozmowa Maćka z Dyonizym popem Schizmatyckim o wielkiey nocy Ruskiey, 1641.

Сынъ православнаго священника, усердный сначала уніатъ, потомъ католикъ.

13) Rudzki (Wel). Wzywanie do jednosci katolickiey narodu Ruskiego. Krakow, 1629.

Рутскій, митрополитъ Кіевскій послѣ Рагозы, имѣетъ ту большую заслугу, что, не смотря на совѣты іезуитовъ, удержалъ церковно-славянскій языкъ въ литургіи.

14) Smotrycki. Appendix na examen Obrony werifikacyi s. l. et a.

15) — Listy do ojca Borcckiego i innych w Dermaniu. 1628.

лись изъ долговременной неизвѣстности и наконецъ, къ пользѣ отечества, увѣковѣчивались признательностію и уваженіемъ. Извѣстно и то, что въ наши счастливыя времена, озаренныя просвѣщеніемъ, вниманіе къ этимъ сокровищамъ древностей сдѣлалось общимъ; но разновидные случаи, не всегда благо-

Смотрицкій (Максимъ Герасимовичъ) полоцкій архіепископъ, извѣстный сначала противникъ, а потомъ приверженецъ уніи.

16) Witwicki (Stan). Synodus Dioecesana Luceoriensis et Brestensis. A. D. 1657. Varsaviae. 4.
Вятвицкій Епископъ познанскій, въ письмахъ Залускаго выставляется въ самомъ дурномъ свѣтѣ.

17) Quaestiones Greco-Ruthenicae alicujus orthodoxi presbyteri S. l. (1715 и 1716). Сочиненіе это въ переводѣ на польскомъ и славянскомъ языкѣ имѣется въ П. Библіотекѣ, но желателенъ подлинникъ на латинскомъ языкѣ (см. рукописный каталогъ rossica: Szapiel. Pytania. S. l. Suprasl).

Нѣкоторыя изъ этихъ брошюръ, недостающихъ для полноты отечественнаго отдѣленія по отдѣлу церковной уніи находятся въ библіотекѣ Московской Синодальной типографіи и еслибы начальство оной, по бывшимъ примѣрамъ, пожелало бы передать таковыя въ И. П. Библіотеку, то сдѣлало бы огромную услугу отечественной наукѣ и спеціалистамъ, изучающимъ этотъ вопросъ о церковной уніи, по сіе время еще мало изслѣдованный.

Недостававшія, но находившіяся въ библіотекѣ Виленской православной семинаріи слѣдующія *библіографическія рѣдкости:* Мелетія Смотрицкаго: Verificatia niewinności; Obrona verificaciy; Elenchus pism uszczypliwych..... Wilno, 1622. Игнатія Поцѣя: Poselstwo do Papieża Sixta IV. 1476, Wilno. 1605. Веліамина Рутскаго: Sowita wina.... Wilno, 1621, 4,—по просвѣщенному вниманію митрополита Литовскаго Іосифа къ заботливости барона Корфа о полнотѣ отечественнаго отдѣленіа, были переданы въ И. П. Библіотеку.

Въ одной частной библіотекѣ посчастливилось мнѣ отыскать весьма важное сочиненіе Игнатія Стебельскаго: Dwa wielkie swiatlana horyzoncie Polockim z cieniow zakonnych powstające, czyli żywoty SS. Panien y Matek Ewfrozyny y Parascewii, zakonnic y hegumeniy, pod ustawą S, O. Bazylego W. w monastyrze S. Spasa za Polockiem żyjących..... Wilno 1781—83, 3 vol. 8. Сочиненіе это, при всей недавности появленія его въ свѣтъ, уже сдѣлалось чрезвычайно рѣдкимъ и принесено въ даръ И. П. библіотекѣ почетнымъ ея корреспондентомъ А. К. Киркоромъ.

) Въ Отчетѣ И. П. Библіотеки за 1857 годъ на стр. 42 значится: «Предаваясь съ любовью и знаніемъ дѣла разбору и описанію рѣдкихъ польскихъ сочиненій, находящихся въ огромномъ запасѣ мелкихъ диссертацій и брошюръ Библіотеки, библіотекарь Ивановскій, по моему порученію, съ этою же цѣлью обозрѣвалъ разныя другія Польскія Библіотеки въ С.-Петербургѣ; знакомился, посредствомъ письменныхъ сношеній, съ подобными же учрежденіями внѣ столицы и стараніями своими много способствовалъ къ передачѣ въ наше книгохранилище довольно значительнаго количества недостававшихъ ему изданій: изъ бывшей Поіезуитской Полоцкой Библіотеки, хранящейся при Статистическомъ Комитетѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; изъ монастырскихъ Библіотекъ Римско-Католическихъ церквей Св. Станислава и Св. Екатерины въ С.-Петербургѣ, въ чемъ мы особенно обязаны благосклонному содѣйствію Высокопреосвященнаго Митрополита Жилинскаго **) и Настоятелей тѣхъ церквей, священниковъ Горскаго и Сганевскаго, *) изъ Библіотеки Графа Платера и изъ вновь образовавшейся при Виленскомъ Археологическимъ Обществѣ.

**) Этотъ достойный представитель р. к. духовенства въ Петербуртѣ, съ 1857 по 1863 годъ, ежегодно обогащалъ Библіотеку недостававшими ей сочиненіями. По случаю кончины Его Высокопреосвященства, въ Отчетѣ И. П. Библіотеки за 1863 годъ, на стр. 6 сказано: «Въ истекшемъ году Библіотека лишилась Почетнаго Члена Митрополита р. к. церквей въ Россіи Жилинскаго; покойному Митрополиту Библіотека обязана безмезднымъ пріобрѣтеніемъ значительнаго числа *рѣдкихъ* сочиненій.

***) Бывшій Пріоръ іеромонахъ Доминиканскаго ордена, нынѣ Епископъ — Суффраганъ Максимиліанъ Станевскій, управляющій Могилевскою епархіею и всѣми р. к. церквами въ Россіи.

пріятствующіе желаніямъ людей, увлекающіе насъ вопреки намѣреній нашихъ, все еще кроютъ разныя драгоцѣнности, и что по нынѣ продолжаемыя изслѣдованія не остаются безъ утѣшительнаго и отраднаго вознагражденія открытіемъ достопамятностей историческихъ. Смоленская губернія, издревле знаменитая въ бытописаніяхъ, заслуживаетъ съ сей стороны особеннаго вниманія. Достиженіе желаемыхъ открытій всего ближе и удобнѣе произвесть черезъ почтеннѣйшее духовенство. Каждый изъ Священниковъ совершенно ознакомленъ съ своимъ приходомъ; онъ извѣстенъ всѣмъ обывателямъ, знаетъ всѣхъ владѣльцовъ и всѣхъ жительствующихъ; почтенъ ими и пользуется должнымъ уваженіемъ и довѣренностію; вѣдаетъ всѣ мѣста, всѣ урочища земли. Первые, на вопросы его скажутъ ему, ежели что имѣютъ у себя въ семъ родѣ достойнаго любопытства и не откажутся снабдить тѣмъ; удовольствіемъ почтутъ повѣдать и указать, что̀ есть у другаго, непзвѣстнаго ему, и что̀ могли слышать вѣроятно отъ старожиловъ. Послѣднія (мѣста) сами собою возвѣстятъ за себя и поведутъ любопытствующаго къ догадкамъ, изысканіямъ и извлеченіямъ. Въ семъ полезнѣйшемъ намѣреніи я приглашаю:

1-е. Развѣдать, нѣтъ ли гдѣ либо и у кого нибудь историческихъ рукописей, грамматъ, рескриптовъ, подлинныхъ или въ копіяхъ, древнихъ записокъ, книгъ, повѣстей церковныхъ, гражданскихъ и другихъ свѣдѣній. Со всего, что найдется, доставить точные и вѣрнѣйшіе списки, а всего лучше прислать въ подлинникѣ, съ условіемъ возвратить не продолжительно въ цѣлости или продать, за что̀ я охотно и немедленно доставлю слѣдующія деньги.

2-е. Доселѣ находятъ любопытные, пролагающіе путь къ изслѣдованіямъ и заключеніямъ, камни надгробные и другіе памятники земляные и каменные, могилы и валы, доски, надписи, орудія и иныя изображенія. Все то, что достигнетъ слуха и представится глазамъ, описать съ ближайшимъ вниманіемъ и прислать.

3-е. Мѣста, которыя любопытны, по преданіямъ и очевидностямъ, груды камней и возвышеній, свидѣтельствующія существованіе какого либо строенія, напримѣръ: города, крѣпости, монастыря и проч. или какихъ либо достопримѣчательныхъ происшествій, сраженія и проч. осмотрѣть и описать равномѣрно съ наилучшимъ вниманіемъ, замѣтивъ видъ, положеніе, пространство, примѣты и присовокупивъ свои замѣчанія и непосредственно разсказы старожиловъ.

Примѣчаніе. Говорятъ, что въ одномъ мѣстѣ Бѣльскаго уѣзда есть известковыя громады и что оныя суть приготовленная известь во времена Сигизмунда III, короля Польскаго, будто имѣвшаго намѣреніе построить тамъ городъ. Въ Порѣчскомъ и въ другимъ уѣздахъ есть остатки камней и насыпей, удостовѣряющіе бытность городовъ или крѣпостей и замковъ. Въ окрестностяхъ города Бѣлаго и въ Смоленскомъ и Порѣчскомъ уѣздахъ, увѣряютъ, есть бездонныя озера, въ коихъ находили всплывавшіе отломки кораблей, снастей и лодокъ. Въ Духовскомъ уѣздѣ, въ приходѣ села Пречистаго или Сошны, есть въ лѣсу ель, посаженная вверхъ корнемъ руками Петра I, при слѣдованіи Его на бой съ Карломъ XII, съ произношеніемъ сихъ словъ: *Если она прирастется, то кровожадный воитель будетъ, подобно ей, ниспровергнутъ* и *пораженъ мечемъ Русскаго.* Говорятъ, что сію ель и теперь указываютъ. И первое и послѣднее достойно наиближайшаго обозрѣнія, распросовъ, изысканій и описаній.

4-е. Нѣкоторые изъ Царей, особенно уже безсмертный и благодѣтельный Феникъ, одушевитель нашъ, Петръ I, многихъ вознаграждали за разные подвиги добродѣтели, искуства и храбрости грамотами, кубками и прочимъ. Сіи знаки воздаянія безмолвно хранятся въ разныхъ рукахъ. И то и другое для увѣковѣченія именъ признательныхъ и заслужившихъ воздаяніе, должно быть доставлено въ подлинникѣ съ вышесказанными условіями или, по меньшей мѣрѣ, въ описаніяхъ, съ прибавленіемъ, ежели можно, описанія случаевъ, коихъ слѣдствіемъ было указанное отличіе.

Примѣчаніе. Извѣстно, мнѣ, что у иныхъ, изъ здѣшнихъ владѣльцовъ, есть старинныя свѣдѣнія и доказательства, относящіяся собственно къ чести фамилій ихъ. Весьма полезно и похвально и сіи

предать свѣдѣнію публики и памяти потомства. Утверждаютъ, что кому то изъ Духовскихъ гражданъ дана потомственная привиллегія отъ Императора Петра I варить пиво безъ пошлины. Въ Дорогобужѣ нѣкоторые граждане вознаграждены кубками при грамматахъ за отличное производство комерціи съ Архангельскомъ и за другія полезныя дѣянія. Въ Вязьмѣ такіе же были опыты. Далѣе разсказываютъ, что на высотахъ Дорогобужской крѣпости были два искуственные фонтана (!!)

5-е. Въ нѣкоторыхъ городахъ, селахъ и пустошахъ есть церкви и монастыри, сооруженные въ древнія времена. Имъ надобно сдѣлать описаніе, когда и кѣмъ воздвигнуты они и по какому случаю, что имѣютъ у себя отличительнаго и любопытнаго и въ какомъ теперь положеніи. Не умолчать, ежели есть древніе, въ даръ принесенные сосуды, кресты, ризы или что другое, а также Евангелія или иныя Священныя книги; въ числѣ оныхъ, разсказываютъ, есть писанныя въ давно-прошедшія времена. Первыхъ и послѣднихъ означить названіе, мѣсто и время печатанія или написанія. При семъ обратить вниманіе, не сохраняютъ ли при себѣ церкви или монастыри какихъ либо давнобытныхъ, такъ сказать, архивныхъ бумагъ и нѣтъ ли между ими чего либо интереснаго.

6-е. Въ достопамятный по бѣдствіямъ и славѣ 1812 годъ, извѣстно, что разныхъ сословій обыватели Смоленской губерніи показали въ полной мѣрѣ блистательное могущество душевнаго порыва и преданности вѣрѣ, наслѣдованной отъ отцовъ, отечеству, въ которомъ рождены и возлелѣяны, Государю, которымъ охраняемы и щастливы, — оправдали непоколебимость духа, страшнаго врагамъ и достойнаго имени Русскаго, благоразуміе и великодушіе, издревле украшающія и отличающія дѣтей Сѣвера. Но весьма многіе подвиги вѣры, чести и славы извѣстны только между содѣлавшими оные и участвовавшими въ нихъ. Время нашествія новыхъ Вандаловъ были единственнымъ, безпримѣрнымъ въ исторіи временъ—и потому всякая почему-либо отличная черта событія и происшествій должна быть свято сохранена для преданія потомству, которое едва будетъ вѣрить испытанному нами и которое не престанетъ удивляться величію духа Русскихъ, храбрости воителей и мудрости Богомъ благословеннаго Александра I. Всѣ, какіе гдѣ содѣланы подвиги вѣры, мужества, неустрашимости, силы, добродѣтели, ума, пожертвованій, вѣрности, любви или привязанности и прочее (разумѣя обоего пола людей), все описать обстоятельно, безъ всякаго прибавленія—вѣрно, по внушенію чести и совѣсти; означить каждаго изъ таковыхъ, чѣмъ либо отличившихся, званіе, имя, отечество и фамилію и мѣсто событія. Нѣкоторые изъ начальствующихъ монастырями и изъ священно и церковно-служителей ознаменовали себя подвигами должности и добродѣтели. Я всѣхъ таковыхъ покорнѣйше прошу, съ полною довѣренностію, свойственною душамъ добрымъ, описать что и самими содѣлано. Не забыть съ одинакою вѣрностію и точностію собрать и начертать поступки непріятелей, отличительные по варварству, жестокости, грабительству и разбою, а ежели есть и по добродѣтелямъ.

7-е. Ежели кто составитъ одинъ разъ возможныя описанія и отправитъ ихъ, а за тѣмъ узнаетъ, найдетъ или вспомнитъ что нибудь новое, то, не ограничиваясь разъ исполненнымъ, доставлять во всякое послѣдующее время въ дополненіе предшествовавшему.

Предпринимая сіе общеполезное и во многихъ отношеніяхъ должное, съ моей стороны, приглашеніе, я остаюсь въ полной увѣренности, что благородное дворянство и другихъ сословій особы не откажутся содѣйствовать возможнымъ отъ нихъ, и что почтенное духовенство исполнитъ оное съ приличнымъ доброхотствомъ и усердіемъ, какъ такое дѣло, которое поручается съ уваженіемъ къ его священному сану и которое, по мѣрѣ важности дѣйствія или выполненія, не останется безъ достойнаго вниманія и свѣдѣнія Вышняго Начальства; къ чему толико благорасположенъ Его Преосвященство Смоленскій и Дорогобужскій Архіерей. Февраля 1819. Смоленскъ.

Смоленскій Гражданскій Губернаторъ Баронъ Аш.

Губернаторы, какъ предсѣдатели мѣстныхъ статистическихъ комитетовъ, имѣютъ

даже нѣкоторымъ образомъ прямую обязанность слѣдить и за погибающими историческими матеріалами. Дирекціи учебныхъ и духовныхъ вѣдомствъ, входя въ составъ этихъ комитетовъ, могли бы доставлять имъ свѣдѣнія объ архивахъ и даже частныхъ собраніяхъ, остающихся нынѣ въ самомъ жалкомъ положеніи *).

Впрочемъ наше правительство съ самыхъ отдаленныхъ временъ заботилось о сбереженіи памятниковъ отечественной старины; любопытныя и небезполезныя въ этомъ отношеніи свѣдѣнія мы находимъ въ статьѣ пок. П. С. Савельева подъ заглавіемъ: «Историческій очеркъ мѣръ принятыхъ въ Россіи для сохраненія и изслѣдованія древностей **). Такъ какъ въ немъ сообщаются историческія данныя, составлявшія предметъ неусыпной заботливости Евгенія и Канцлера, то позволяемъ себѣ сдѣлать изъ него нѣкоторыя извлеченія.

Въ очеркѣ этомъ указываются сдѣланныя въ царствованіе Петра Великаго, распоряженія, которыми между прочимъ повелѣвалось:

«Также ежели кто найдетъ въ землѣ, или въ водѣ, *какія старыя вещи*, а именно: каменья необыкновенные, кости человѣческія или скотскія, рыбьи или птичьи, не такія какія у насъ нынѣ есть, или и такія, да зѣло великіе или малые передъ обыкновенными, *также какія старыя надписи на каменьяхъ, желѣзѣ, или мѣди, или какое старое и нынѣ необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зѣло старо и необыкновенно:* такожъ бы приносили, за что давана будетъ довольная дача, смотря по вещи; понеже не видавъ, положить нельзя цѣны».—Вещи должно было приносить къ губернаторамъ и комендантамъ, а ежели кто противъ сего указа будетъ таить, на такихъ возвѣщать; а кто обличенъ будетъ, на томъ штрафу брать въ десятеро противъ платежа за оныя, и тѣ деньги отдавать извѣтчикамъ».

Въ царствованіе Анны Іоанновны для храненія драгоцѣнныхъ вещей устроена была мастерская палата, и въ Указѣ было сказано:

«...*ибо въ мастерской только пристойно быть такимъ вещамъ, которыя въ диковинку, и для того, кромѣ самыхъ куріозныхъ и драгоцѣнныхъ вещей*, прочія всѣ порядочно продавать». — Тотъ же указъ предписывалъ (св. п. и 3 и 9): а) «Ежели изъ мѣдныхъ, оловянныхъ и желѣзныхъ вещей нѣкоторыя куріозныя будутъ, такія изъ артиллеріи (въ которую отсылались издѣлія изъ этихъ металовъ) отдавать охочимъ людямъ, какъ за серебряныя вещи указомъ повелѣно, по пропорціи цѣны, за мѣдь противъ серебра» — и в) «иконы и всякую утварь и книги церковныя не продавать, но отсылать въ сунодъ, и такую утварь и книги изъ сунода раздавать по раз-

*) Такъ напр. въ Курской губерніи въ одномъ частномъ имѣніи находится прекрасный архивъ и библіотека, оставшіеся послѣ смерти сановника, занимавшаго въ столицѣ по государственому управленію высокій постъ. Въ этомъ имѣніи книги и документы дворовою прислугою безжалостно уничтожаются и сожигаются.

**) См. Журналъ Общеполезныхъ Свѣдѣній. 1858 г.

смотрѣнію, въ бѣдные монастыри и церкви окружныя, гдѣ ихъ недовольно; а планы хранить въ сунодальномъ казенномъ приказѣ, а полотняныя церкви отсылать въ военную коллегію для отсылки въ полки».

Кромѣ мастерской и оружейной палаты, въ царствованіе Анны Іоанновны, учреждено было другое хранилище нумизматическихъ достопамятностей. Резолюціею кабинета министровъ, 21 августа 1735 г. повелѣно хранить въ монетной канцеляріи «старинныхъ денегъ по нѣскольку для куріозности», описывая ихъ подробно.

Вскорѣ и прочіе остатки древностей обратили на себя полное вниманіе тогдашнихъ ученыхъ. Въ царствованіе же Елисаветы Петровны Академіею наукъ сдѣлана была попытка офиціальнымъ путемъ собрать всѣ свѣдѣнія о нашихъ древностяхъ.

Мѣры для историческаго изслѣдованія мѣстностей особенно развились въ царствованіе Екатерины II. Великая Монархиня, имѣвъ въ виду обозрѣть полуденный край Россіи, для «государственныхъ пользъ и къ усовершенствованію благоденствія ея подданныхъ», повелѣла предварительно *составить описаніе* всѣхъ городовъ, мѣстечекъ, знаменитыхъ рѣкъ, и достойныхъ замѣчанія урочищъ, черезъ которыя должно было совершиться путешествіе Ея Величества. Если въ этомъ описаніи не находятся свѣдѣнія особенно любопытныя для нашего времени, то по крайней мѣрѣ оно служитъ свидѣтельствомъ высокаго желанія Императрицы узнать настоящее состояніе и прошедшую жизнь отечества.

Въ царствованіе Императора Александра Благословеннаго приняты были дѣятельныя мѣры *для сохраненія въ порядкѣ и цѣлости древнихъ сокровищъ, хранящихся въ Оружейной палатѣ*. Заботливость и управленіе по этой части возложены были на главноуправляющаго палатою П. С. Валуева.

Въ числѣ составленныхъ тогда правилъ между другими значилось:

«Палатѣ дозволяется, по обычаю, нѣсколько вѣковъ въ Россіи и повсюду существующему, принимать и отъ частныхъ людей добровольныя подношенія, состоящія въ манускриптахъ, доставляющихъ нужныя свѣдѣнія, въ вещахъ достойныхъ уваженія или древностію или искусствомъ; но также неиначе какъ съ Высочайшаго соизволенія и утвержденія». «Имена подносящихъ и ихъ подношенія, по изъявленіи имъ за то Монаршаго благоволенія, имѣютъ быть напечатаны въ историческомъ описаніи палатскихъ достопамятностей».

Монархъ, заботливый о сбереженіи древностей, поручалъ особенному попеченію П. С. Валуева, дабы въ продажу отнюдь включаемы не были разнаго рода оружія и воинскіе уборы, какъ-то: мечи, палаши, карабины, пушки, знаки шведскіе офицерскіе и т. п.,» которое хотя ветхо и по прежнему худому надзору приведено въ дурное состояніе, но составляетъ древніе трофеи, заслуживающіе ихъ сбереженіе».

«Уваженіе къ отечественнымъ памятникамъ древности, по словамъ пок. Савельева, имѣетъ источникомъ своимъ не одно любопытство. Болѣе или менѣе удовлетворяя любознательности при историческихъ изслѣдованіяхъ, эти памятники, въ тоже время, возбуждаютъ въ потомкахъ любовь къ этой замѣчательной и почтенной старинѣ, вниманіе къ дѣяніямъ предковъ, благоговѣніе къ лицамъ, со славою дѣйствовавшимъ на поприщѣ отечественной исторіи.

Въ этомъ отношеніи прекрасна мысль академика Броссе, которою онъ началъ свои статьи: «О необходимости и способахъ изучать памятники старины Грузіи» (Кавказск. Календарь на 1848). «Лѣтопись и памятники старины, говоритъ нашъ оріенталистъ, имѣютъ тоже значеніе для отдѣльныхъ народовъ, какъ документы на дворянство для отдѣльныхъ лицъ».—Дѣйствительно, какъ каждый дворянинъ не забываетъ о дипломахъ и гербахъ, пріобрѣтенныхъ трудами и кровью его отцевъ, такъ и каждый народъ имѣетъ священною обязанностью беречь слѣды быта своихъ предковъ, сохранившіеся на бумагѣ или въ массахъ камней и земли, остаткахъ оружія и утвари, — это его дворянскій дипломъ, это его право на гордость.

Наше правительство уже полтораста лѣтъ постоянно имѣетъ въ виду благотворное, нравственное вліяніе сохраненія остатковъ отечественной старины; но полное осуществленіе этой мысли, какъ и всего прекраснаго, принадлежитъ только славному царствованію Государя Императора Николая Павловича, когда православіе, самодержавіе и народность сдѣлались единственнымъ девизомъ всѣхъ мѣръ правительства. Самъ воздвигая безпрерывно памятники чести и славы отечества, Онъ утвердилъ своею державною волею, да будетъ отнынѣ хранимо и благоговѣйно передаваемо потомкамъ наслѣдіе предковъ—ихъ храмы, ихъ домы, ихъ гробницы, ихъ завѣтныя хартіи, ихъ древнія хоругви, брони и утвари—всѣ слѣды ихъ государственнаго, общественнаго и семейнаго быта.»

Изъ частныхъ лицъ, какъ мы видимъ, П. С. Савельевъ былъ достойнымъ преемникомъ заботливости Преосвященнаго Евгенія и Государственнаго канцлера графа Румянцева о сбереженіи памятниковъ отечественной старины.

Этотъ извѣстный археологъ въ засѣданіе Императорскаго Археологическаго Общества представилъ на обсужденіе записку: «О принятіи мѣръ къ приведенію въ извѣстность и къ сохраненію случайно находимыхъ въ Россіи предметовъ древностей.»

«Въ Русской землѣ—писалъ онъ—ежегодно находятъ монеты и издѣлія различныхъ эпохъ, начиная отъ древне греческой до новѣйшей. Находки эти дѣлаются большею частію случайно, при копаніи земли для колодцевъ, канавъ, фундамента домовъ, вспахиваніи полей, нивилировкѣ для дорогъ, срытіи кургановъ и т. п.; но свѣдѣнія объ нихъ рѣдко доходятъ до археологовъ. Находятъ большею частію крестьяне, скрываютъ вещи отъ глазъ непользующагося ихъ довѣріемъ начальства, и продаютъ ихъ изъ подъ полы первому попавшемуся частному человѣку за безцѣнокъ. Такъ извѣстный екатеринославскій кладъ 1851 года, состоявшій почти изъ 14 слишкомъ тысячь серебряныхъ монетъ около

полутора пуда вѣсомъ, слѣдовательно стоившій болѣе 1000 р. серебр., запроданъ былъ находчиками жиду за 25 рублей. Большая часть сохранившихся такимъ образомъ древнихъ монетъ и издѣлій идетъ въ плавильный тигель, гдѣ уже погибло и доселѣ гибнетъ, вмѣстѣ съ незамѣчательными вещами и множество драгоцѣнныхъ памятниковъ древностей и старины, нерѣдко невознаградимыхъ для науки.»

Вотъ какими доказательствами этотъ патріотъ—археологъ въ 1859 году, значитъ спустя 40 лѣтъ послѣ барона Аша, старался убѣдить Археологическое Общество принять мѣры къ предупрежденіи на будущее время такихъ невознаградимыхъ потерь *).

---

*) Преждевременная смерть поразила секретаря археологическаго общества, П. С. Савельева, старавшагося распространить науку археологіи внутри обширнаго нашего отечества, вызвать на дѣятельность многихъ лицъ, которые, живя въ отдаленныхъ и часто глухихъ мѣстахъ Россіи и будучи окружены предметами древности, не знали, что дѣлать съ ними *).

«Савельевъ (говоритъ одинъ изъ его біографовъ) былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ нашихъ ученыхъ, для которыхъ ученость не *чинъ* и *званіе*, а *призваніе*, потребность, сила внутренняя, нужная имъ для самыхъ себя, а не для внѣшнихъ дѣйствій. Она въ немъ была, какъ запахъ въ цвѣткѣ, какъ тяжесть въ золотѣ, чѣмъ кто болѣе узнавалъ его, тѣмъ яснѣе видѣлъ эту его внутреннюю силу, самимъ имъ въ себѣ воспитанную **).

Съ именемъ Савельева, какъ перваго, можно сказать, основателя общества, невольно соединяется воспоминаніе о государственномъ сановникѣ, принявшемъ на себя трудъ окончательно устроить археологическое общество.

И неудивительно, что, потерявъ въ его лицѣ покровителя, столь сочувствовавшаго всѣмъ научнымъ интересамъ, общество заявило горесть свою многими рѣчами, высказанными въ чрезвычайномъ общемъ собраніи (19 февраля 1864 г.), назначенномъ въ память пок. графа Дмитрія Николаевича Блудова, какъ помощника предсѣдателя Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Въ ряду многихъ трогательныхъ словъ, особенно обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее удачно сдѣланное академикомъ Срезневскимъ сравненіе скромныхъ тружениковъ науки съ рудокопами.

«Незавидна доля рудокопа: безучастно со стороны тѣхъ, для кого онъ трудится, въ темномъ углѣ своего подземелья, трудится онъ добывая драгоцѣнности, и радъ, радъ, если прохожій, осматривая имъ вырытые ходы, почтитъ его привѣтомъ: «Богъ въ помощь.» А затѣется-ли празднество подъ темными сводами его рытвины, когда освѣтятся онѣ своими кристаллами, когда загремитъ музыка и раздадутся пѣсни въ славу его, онъ не столько радуется, сколько боится, чтобы этотъ гулъ, сотрясши воздухъ, не разрушилъ его работъ и не заставилъ бы его трудиться вновь надъ тѣмъ, что ему уже стоило много пота и крови. Труженики науки—тѣ же рудокопы; работая для міра они также безучастно осуждаются на забвеніе въ темныхъ углахъ своихъ рудниковъ, также безучастно получаютъ плату за трудъ на хлѣбъ насущный и также должны считать наградой привѣтъ: «Богъ на помощь» также боятся, когда люди свѣта захотятъ почтить ихъ празднествомъ, и шумомъ своимъ нарушатъ ихъ мирные труды.

«Припоминая это сравненіе покойный графъ думалъ, что какъ ни сходны занятія рудокопа и

---

*) См. Извѣстія И. археологическаго общества 1859 г. т. II. вып. 2. Память Павла Степановича Савельева, статья Д. Полѣнова.

**) Тамъ-же: 19 мая 1859 года, статья И. И. Срезневскаго.

Наслѣдовавъ имѣніе на Тоснѣ и близь Ижорскаго Яма, (Новгородской губерніи).

труженика науки и какъ ни должно чтить всякій общественно полезный трудъ, все-таки труженики науки должны стоять въ общественномъ уваженіи выше рудокопа, выше всѣхъ другихъ тружениковъ и каждый тѣмъ выше, чѣмъ безкорыстнѣе его дѣятельность, чѣмъ честнѣе и общительнѣе трудъ. Ходы, открываемые усиліями этихъ дѣятелей—это пути человѣчества ко всему лучшему, ко всякому свѣту ума и жизни. Чѣмъ кто съ большею честностью работаетъ въ этихъ ходахъ, тѣмъ тотъ больше содѣйствуетъ дѣлу общему. Такъ думалъ покойный графъ и убѣжденія ума его отражались въ жизни на каждомъ его дѣйствіи» *).

Если къ этимъ словамъ, дышащимъ истиною, прибавимъ, что покойный графъ Д. Н. Блудовъ, какъ истинно Русскій, не могъ не принимать всего ближе къ сердцу того, что въ наукѣ дѣлалось русскими и для Россіи, что непосредственно относилось къ наукѣ русской, то намъ будетъ понятно, что русскіе ученые не по званію, а по призванію, какимъ былъ Савельевъ и ему подобные, могли въ немъ находить поддержку для своихъ трудовъ и *не унывать подъ гнетомъ безотрадной холодности* ***).

Патріотическія заявленія Савельева, относительно сбереженія древнихъ нашихъ памятниковъ, не остались не замѣченными и вызвали уже послѣ его смерти со стороны провинціальнаго археолога не безполезныя указанія, которыми вѣроятно въ свое время воспользовались тѣ, коихъ онѣ непосредственнымъ образомъ касались.

Корреспондентъ Общества В. С. Шевичъ изъ Полтавской губерніи въ своей замѣткѣ: *о затрудненіяхъ въ пріобрѣтеніи и собраніи древностей, находимыхъ въ нашемъ отечествѣ* **) между прочимъ, говоритъ «что большая часть древностей въ нашемъ югозападномъ краѣ скрывается отъ вниманія науки—евреями, переливающими драгоцѣнные металлы въ слитки, недостаткомъ вниманія къ памятникамъ древности мѣстныхъ чиновниковъ и недостаткомъ знатоковъ и цѣнителей древностей.»

Указывая на это обстоятельство, что евреями черезъ рѣчку Сбручь перевезено за границу множество древнихъ оружій, монетъ, идоловъ, найденныхъ въ Каменецкомъ уѣздѣ, приводитъ онъ слѣдующій случай.

«Въ 1830 годахъ когда наше правительство вынуждено было отобрать оружіе у католиковъ, то мѣстныя полиціи, не разбирая назначенія оружія—было-ли оно предметомъ рѣдкой древности или сохранялось съ злымъ намѣреніемъ—брали все, имѣющее видъ оружія, причемъ обращалось вниманіе на видимую цѣнность вещей. По этому самому обстоятельству западныя полиціи завалены были собраніемъ древняго оружія, тщательно собираемаго польскими магнатами. Куда дѣвались эти древности: польскіе мечи, старинныя ружья, пистолеты, знаменитые своею отдѣлкою и цѣнными украшеніями, панцыри, кольчуги? Вѣдь всего этого были горы, а у насъ въ наличности и на часть маленькой комнаты не хватитъ. Они въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Лембергѣ и другихъ городахъ Европы. Да кто же перенесъ это все туда? Тотъ, кто носилъ и передавалъ тайкомъ за границу нашъ хлѣбъ, наше золото и серебро въ тѣ же мѣста—жидки. Не вѣрите? Загляните въ слѣдственныя дѣла западныхъ губерній.»

---

*) Извѣстія И. Археол. Общества 1864. Т. V. вып. 5. Лѣтопись, III, столб. 393.

**) См. Извѣстія И. Археол. Общ. 1859. Т. II. вып. 5 и 6.

***) Впрочемъ еще до Савельева, кромѣ пр. Евгенія и гр. Румянцева, были русскіе ученые, которые своими спеціальными трудами возвели археологію на степень науки. Въ литературныхъ извѣстіяхъ *Вѣстника Европы* за текущій годъ (мартовской книжкѣ), по поводу изданій московскаго археологическаго Общества (Трудовъ и Древностей), мы встрѣтили нѣсколько заявленій, дополняющихъ нашу бѣг-

канцлеръ поручилъ управляющему навѣдаться о камняхъ. Оставшись недовольнымъ

Невольнымъ образомъ приходится спросить, уцѣлѣли-ли собранные изъ всего сѣверозападнаго края подобные же археологическіе предметы, хранившіеся въ Виленскомъ Музеумѣ древностей. Предметы эти были выдѣлены и не признаны соотвѣтственными для мѣстнаго Музеума; но все равно въ какомъ бы мѣстѣ Россіи они не оставались, лишь бы только были сохранены для научныхъ цѣлей.

Великая заслуга И. Археологическаго Общества, что оно своими стараніями въ 1864 году исходатайствовало у бывшаго Генералъ-Губернатора этого края графа М. Н. Муравьева средства на командированіе члена Кор. Общества И. И. Горностаева и художника московской оружейной палаты Струкова *для изслѣдованія русскихъ и вообще православныхъ памятниковъ западнаго края*. Оба они по возвращеніи изъ поѣздки, представили отчеты о своихъ дѣйствіяхъ, которые напечатаны въ Извѣстіяхъ И. Арх. Общ. за 1866 годъ Т. VI. выпускъ 1—2.

Заботливость Петербургскаго и Московскаго Обществъ, столь дѣятельно устремленная на сбереженіе археологическихъ памятниковъ нашей старины, рождаетъ невольно вопросъ, когда же и какое общество позаботится командировать въ западныя губерніи спеціалистовъ для осмотра и выбора нужныхъ для нашихъ столичныхъ и университетскихъ библіотекъ книгъ, сдѣлавшихся собственностью казны, послѣ упраздненія Р. К. монастырей и конфискованія частныхъ библіотекъ. Вѣдь если онѣ будутъ долгое время оставаться въ сараяхъ и подвалахъ, гдѣ онѣ временно хранятся, то съ ними могутъ произойти разныя случайности. Петербургское общество для своихъ *археологическихъ экспедицій* примѣрно требовало отъ 10 до 15 т. рублей серебромъ; *библіографическія поиски* не потребуютъ и десятой доли этой суммы, а принесутъ неменьшую пользу для науки. Мѣстныхъ силъ для подобнаго труда недостаточно, нужно употребить для того не чиновниковъ-библіотекарей, а дѣйствительно опытныхъ и съ любовью работающихъ по этой части, мало кого интересующей; но всей справедливости труженики-библіографы могутъ быть названы рудокопами, ибо библіографическіе ихъ труды поглощаютъ много времени и часто непроизводительно.

лую замѣтку, поэтому позволяемъ себѣ помѣстить здѣсь слѣдующій отрывокъ изъ рецензіи компетентнаго въ этомъ дѣлѣ судьи.

«Русская археологія до самаго послѣдняго времени была въ очень жалкомъ положеніи. Археологическіе вопросы начали занимать нашихъ ученыхъ съ самыхъ первыхъ началъ науки русской исторіи; эти вопросы поднимались уже въ XVIII-мъ столѣтіи нѣмецкими и русскими учеными, начавшими изслѣдованія по русской исторіи, составлявшими первыя ученыя описанія Россіи. Карамзинъ далъ этимъ вопросамъ должное мѣсто въ своей исторіи; но сдѣлано было еще слишкомъ немного; ученые, которые брались за подобные предметы, еще не въ силахъ были одолѣть всей массы матеріала, обращались часто къ вещамъ, слишкомъ маловажнымъ или только оригинальнымъ, и —«банное строеніе», «тмутараканскій камень» входили наконецъ въ пословицу. Конечно, труды нѣмецкихъ академиковъ и нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія доставили много важныхъ указаній, но археологія еще долго не могла стать прочно и пріобрѣсти научную форму. Самые любители древности и изслѣдователи ея, отыскивавшіе у продавцовъ всякаго хлама такъ называемой ими «дичи», не внушали должнаго уваженія къ наукѣ и не давали о ней истиннаго понятія: памятникъ древности оставался въ глазахъ большинства только курьезомъ, и остроты объ «Ярославовыхъ голенищахъ» въ самомъ дѣлѣ не были лишены соли и мѣткости. Археологія долго оставалась чисто эмпирическимъ знаніемъ, дѣломъ дилетантскаго любопытства, и считалось возможнымъ трактовать археологическіе вопросы съ прибавкой къ нимъ романическихъ арабесковъ. Такимъ эмпирикомъ былъ, напр., Сахаровъ, впрочемъ человѣкъ съ своими несомнѣнными заслугами дѣлу; такіе арабески бывали нерѣдки въ сочиненіяхъ г. Снегирева. Описанія памятниковъ, преимущественно церковныхъ, начинаются довольно давно; наша литература насчитываетъ довольно значительное количество описаній церквей и монастырей, но до очень недавняго времени подобныя описанія отличались тѣмъ же эмпирическимъ

его отвѣтомъ, онъ обратился съ просьбою къ преосв. Евгенію о доставленіи вѣрныхъ и точныхъ извѣстій о надгробной плитѣ, о которой упоминалось въ депешѣ управляющаго.

Въ своемъ отвѣтѣ Преосвященный Евгеній сообщаетъ любопытныя данныя, изъ которыхъ мы можемъ судить, въ какой мѣрѣ занимали его археологическіе поиски въ Новгородѣ *).

*) Выписка изъ донесенія управляющаго къ государственному канцлеру.

«Велѣніе Вашего Сіятельства получилъ на которое симъ доношу: по рѣкѣ Тоснѣ по одну сторону оной въ дачахъ Александра Дмитріевича Балашева, а по другую Графа Несельрода дѣйствительно камень находится которой и называютъ жители *Большой камень*, но только оной не на берегу, какъ Ваше Сіятельство изволите предписывать, а въ самой срединѣ рѣки, и видѣнъ выше воды по примѣру аршина два; надписи же на немъ никакой нѣтъ. — Сей камень находится разстояніемъ отъ Саблина верстахъ въ шести. — Во время развѣдыванія моего о семъ камнѣ отъ жителей узналъ я что имѣется въ дачахъ Якова Федоровича Дубенскаго, разстояніемъ отъ дачи Александра Дмитріевича Балашева верстахъ въ пяти между лѣсовъ на возвышенноо горѣ *плита*, длиною аршина два съ половиною, а шириною съ небольшимъ аршинъ на которой есть и надпись писанная не по Русски, и чуть видна, такъ что и разобрать едвали можно. — Жители сихъ мѣстъ сказываютъ: что *де тутъ похоронена какая-то Новгородская Княжна и что якобы въ древнія времена была на этомъ мѣстѣ ка-*

характеромъ, и слѣдовательно, не имѣли настоящаго научнаго значенія. Вѣкъ памятника опредѣлялся по личной наглядкѣ, по преданіямъ или даже просто на-угадъ; извѣстныя преданія, сохранявшіяся благочестивымъ воспоминаніемъ, выдавались безъ всякой повѣрки за положительный фактъ, такъ что иной разъ вещь, сработанная несомнѣнно не раньше XVI-го вѣка, считалось произведеніемъ XI-го, и т. п. Очевидно, что многое въ этихъ описаніяхъ могло стать достояніемъ науки не иначе, какъ послѣ новой повѣрки людьми болѣе компетентными. Наиболѣе обработанной и правильно освѣщенной частью русской древности была археографія, т. е. описаніе и опредѣленіе памятниковъ письменности. Первые серьезные труды по этой части, совершенные Востоковымъ и Калайдовичемъ, были уже трудами высокаго научнаго достоинства, и послѣ нихъ археографія, хотя и разработывалась эмпириками, но имѣла уже свои прочныя основанія».

За симъ не могу еще не привести словъ вступительной рѣчи предсѣдателя московскаго археологическаго Общества, графа Алексѣя Сергѣевича Уварова: «О дѣятельности предстоящей этому Обществу.

Въ рѣчи этой достопочтенный графъ—археологъ, очертивъ, въ немногихъ словахъ, развитіе археологической науки на западѣ, представляетъ очень вѣрную картину тѣхъ трудностей, какія встрѣчаетъ археологія у насъ, при господствующемъ пренебреженіи къ памятникамъ старины и при отсутствіи археологическихъ свѣдѣній. Московское археологическое Общество поставило себѣ цѣлью заботиться, сколько возможно, о сбереженіи самыхъ памятниковъ, нерѣдко уничтожаемыхъ невѣжествомъ, приводить ихъ въ извѣстность, распространять интересъ къ предмету въ обществѣ и издавать ученые труды русскихъ археологовъ. Между прочимъ, въ своей рѣчи гр. Уваровъ указалъ одну мѣру, которая, по его мнѣнію, можетъ возбудить интересъ къ русской археологіи и существенно содѣйствовать ея успѣхамъ, это—ученые съѣзды.

По уставу московскаго археологическаго Общества, основанному въ 1864 году, вообще сходному съ уставами другихъ ученыхъ обществъ, обыкновенныя засѣданія Общества происходятъ при посторонникъ посѣтителяхъ, и о нихъ заблаговременно извѣщается въ газетахъ: эта прекрасная мѣра, можетъ способствовать возбужденію въ публикѣ интереса къ занятіямъ Общества, и заслуживаетъ подражанія со стороны тѣхъ обществъ, которыя незнакомы съ этой мѣрой могущей вызвать благодѣтельныя послѣдствія.

«Живши въ Новѣгородѣ 4 года, я всячески старался сыскать хотя какую нибудь древнюю надпись по церквямъ и кладбищамъ. Но не успѣлъ. Въ 1807 году при починкѣ Соборной Церкви Юрьева монастыря, основаннаго въ началѣ XII вѣка, я велѣлъ окопать кругомъ всю церковь для канала и открылъ при самыхъ стѣнахъ въ два и три ряда сплошь множество каменныхъ гробовъ, составленныхъ изъ большихъ плитъ и всѣ полны земли съ голыми костьми, а больше ничего. Черезъ сіе получилъ я только понятіе о древнихъ гробахъ почетнѣйшихъ гражданъ, судя по огромности и гладкости плитъ. Даже и на ракахъ святыхъ Новгородскихъ нѣтъ нигдѣ древнихъ надписей».

Переписка эта достаточно обнаруживаетъ сильную страсть къ археологическимъ изслѣдованіямъ, какою оба эти мужа были преисполнены. Нельзя отрицать, что попытки ихъ на поприщѣ этихъ изслѣдованій пробудили и въ другихъ ученыхъ молодаго поколѣнія подобное же желаніе объяснить исторію нашего прошлаго, по уцѣлѣвшихъ археологическимъ памятникамъ старины.

Преосвященный Евгеній находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ бывшему ректору Новгородской Семинаріи преосвященному Амвросію Орнатскому.

Въ попавшихъ мнѣ въ кули скомканныхъ бумагахъ, принадлежавшихъ В. Г. Анастасевичу, оказались адресованныя къ нему письма *) преосвященныхъ Амвросія, епископа старорусскаго и Епифанія, епископа Воронежскаго и Донскаго и какъ въ нихъ оказалось много любопытнаго матеріала, характеризующаго этихъ современниковъ преосв. Евгенія, то мы считали себѣ позволительнымъ нѣсколько включить изъ нихъ извлеченій въ настоящія замѣтки **).

Преосвященный Амвросій, 17 декабря 1816 года, даетъ Анастасевичу на его письмо отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

«Весьма лестно для меня быть въ собесѣдованіи съ Вами, при участіи толико знаменитыхъ и почтенныхъ мужей, каковы владыки: Псковскій, Воронежскій и Полтавскій. Здѣсь многому я могу поучиться, естли Вы будете ко мнѣ снисходительны.

Въ другихъ письмахъ преосвященный Амвросій обѣщалъ свое содѣйствіе Анастасевичу къ распространенію предлагаемаго журнала (Человѣколюбиваго Общества?), который признавалъ полезнымъ для чтенія каждому христіанину; изъявлялъ сожа-

---

менная церковь и разорена во время нашествія Шведовъ. — Отъ Саблина же до сего мѣста разстоянія будетъ 44 версты. — Кромѣ же сихъ достопамятностей сколько ни старался, но узнать не могъ, да и жители утверждаютъ, что по всему берегу рѣки Тосны, и въ сосѣднихъ дачахъ оныхъ нѣтъ, въ дачахъ же деревни вашей Саблина ни какихъ достопамятностей не имѣется».

*) Автографы преосвященнаго Амвросія принесены мною въ даръ библіотекѣ Новгородско-Софійской Собора, гдѣ покойный святитель трудился, на пользу отечественной исторіи и археологіи.

**) О преосвященномъ Епифаніѣ будетъ сказано ниже.

лѣніе о томъ, что рукописи Софійской библіотеки не были въ порядкѣ и не описаны, какъ должно; извѣщалъ о своихъ занятіяхъ надъ пересмотромъ и исправленіемъ описанія Новгородоко-Софійскаго Собора и дополненіемъ 1-й части своего собственнаго сочиненія Россійской Іерархіи.

Въ письмѣ отъ 2 генваря 1819 г. значится:

«Хвала и безсмертная слава Канцлеру, что воскрешаетъ памятники древности, бывшіе погребенными въ забвеніи. Я переселясь изъ Хутыня занялся описаніемъ библіотеки Софійской и уже три мѣсяца въ свободные часы отъ епаршескихъ дѣлъ занимаюсь.»

Въ 1819 году Амвросій былъ назначенъ епархіальнымъ епископомъ въ Пензу и на этой каѳедрѣ оставался по 1825 годъ и въ этомъ же году уволенъ на покой.

Онъ выѣхалъ изъ Пензы въ нагольномъ тулупѣ и въ Кириловомъ монастырѣ заключился въ тѣсной кельѣ; здѣсь питался онъ только просфорою, которую приносили къ окну его. 27 декабря 1827 г., просфора оставшаяся на окнѣ кельи, дала знать, что святитель-подвижникъ окончилъ земной путь свой *). По отзыву покойнаго архіепископа Филарета Исторія Россійской Іерархіи **) и въ настоящее время, когда уже изданно столько памятниковъ древности, хотя оказывается во многомъ недостаточною, но все-таки она не теряетъ еще своей классической важности. Въ свое время это былъ трудъ высокой важности, дорогой для св. Церкви.

Письма Государственнаго Канцлера къ Новгородскому Протоіерею Скородумову, изданныя Г. Прудниковымъ, заключаютъ въ себѣ также драгоцѣнный біографическій матеріалъ, изъ котораго мы видимъ, какимъ богатымъ источникомъ для изданій Гр. Румянцева служила Новгородско-Софійская библіотека ***).

*) Историкъ Спб. духовной академіи утверждаетъ, что Амвросій скончался Вологодскимъ епископомъ, Ак. Срезневскій (см. воспоминаніе о научной дѣятельности Евгенія Спб. 1868 года), соглашается съ вышеозначеннымъ мнѣніемъ Филарета.

**) Евгеній во 2-й части «*Исторіи Россійской Іерархіи*» въ Введеніи помѣстилъ составленную имъ *исторію монастырей* греко-россійской церкви. Въ послѣдствіи времени, по смерти Амвросія и Евгенія, Св. Синодъ далъ порученіе Архимандриту Новоспасскаго монастыря Аполлосу исправить и дополнить эту исторію Іерархіи, но къ сожалѣнію трудъ этотъ не былъ имъ приведенъ къ окончанію.

***) Пок. академикъ М. Коркуновъ въ отрывкахъ изъ путевыхъ записокъ, напечатанныхъ въ Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній о Россіи (изд. Калачевымъ), описалъ древности и библіотеки Новгородскаго Собора и монастырей въ Новгородѣ. Достопочтенный академикъ, какъ самъ о томъ сообщилъ, при пересмотрѣ рукописей Софійской библіотеки, нашелъ опись рукописныхъ сборниковъ, составленную митрополитомъ Евгеніемъ: по крайней мѣрѣ на многихъ рукописяхъ, показанныхъ въ сей описи, находятся разныя заглавія статей, писанныя рукою преосвященнаго и согласныя съ описью.

Къ своему усердному корреспонденту, высокопреподобному отцу Захарію, съ 1816 по 1825 годъ, Канцлеръ постоянно обращался за разными справками, выписками, обмѣнивался съ нимъ мыслями, въ разныхъ предпріятіяхъ, доставлялъ ему свои изданія, однимъ словомъ, употреблялъ на пользу науки все, что только могъ извлечь чрезъ посредство достопочтеннаго протоіерея Скородумова.

Жаль, что никѣмъ изъ Новгородскихъ ученыхъ по сіе время не заявлено еще о трудахъ и заслугахъ б. Викарія Новгородской митрополіи; для чего безъ сомнѣнія имѣются на мѣстѣ богатые и драгоцѣнные матеріалы.

И. К. Купріяновъ въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ Т. V, выпускъ 7 (1856 г.) помѣстилъ историческій очеркъ Новгородско-Софійской библіотеки.

У этого извѣстнаго археолога И. П. Библіотекою пріобрѣтено собраніе рукописей и печатныхъ книгъ. Въ отчетѣ своемъ за 1863 годъ начальство Библіотеки признало нужнымъ заявить, что въ этомъ собраніи, заключающемъ въ себѣ 40 рукописей, 4 юридическихъ акта и 70 печатныхъ книгъ и брошюръ, особенно замѣчательны:

а) Отрывокъ евангелія, расположеннаго по недѣлямъ (Матѳ. XXIV, 25—37; Мар. X, 45 и Іоанна XI, 1—16), состоящій изъ двухъ пергаментныхъ листовъ большаго формата (длиною безъ малаго 8 вершковъ, а шириною 6½), писанныхъ въ два столбца, по 20 строкъ въ каждомъ, краснымъ уставнымъ письмомъ XI вѣка. Заглавія евангельскихъ чтеній наведены золотомъ, а заглавныя буквы, подходящія по своей формѣ къ таковымъ же Святославова Сборника 1073 года, писаны золотомъ и красками. Эти листы, увеличивающіе собою ограниченное число памятниковъ церковно-славянской письменности, сохранившихся отъ XI столѣтія, составляютъ чрезвычайно важное пріобрѣтеніе и замѣчательны не только по особенностямъ языка, но еще болѣе по нотнымъ знакамъ, писаннымъ въ нихъ, какъ и въ греческихъ евангеліяхъ, апостолахъ и паремейникахъ, киноварью. Настоящіе листы представляютъ едва ли не единственную церковно-славянскую рукопись евангелія съ нотными знаками и возводятъ въ рядъ положительныхъ фактовъ чтеніе его въ древней нашей церкви на распѣвъ по этимъ знакамъ (F. п. 1. 58).

б) Сборникъ житій избранныхъ святыхъ и поученій, рядъ которыхъ начинается поученіемъ въ недѣлю Мытаря и Фарисея; писанъ скорописью XVI вѣка, въ 4 д. л., на 427 листахъ. Эта рукопись содержитъ въ себѣ много любопытныхъ проповѣдей, въ числѣ коихъ находится немало и русскихъ сочиненій. Здѣсь, между прочимъ, помѣщены: слова Кирилла Туровскаго, житіе Варлаама Хутынскаго и повѣсть о приходѣ въ Москву чудотворной Владимірской Иконы Божіей Матери и о избавленіи столицы отъ Темиръ-Аксака (Q. 1. 495.)

в) Книга записная присылаемымъ въ новгородской митрополичій розрядъ изъ разныхъ канцелярій Великаго Государя указамъ, 1720-го года апрѣля съ послѣднихъ чиселъ по ноябрь 1722 года. Рукопись писана современною скорописью разныхъ почерковъ, въ л., на 265 листахъ, и содержитъ въ себѣ копіи съ весьма многихъ любопытныхъ документовъ того времени (F. II. 100).

г) Сборникъ, писанный въ 4 д. л., на 164 листахъ, полууставомъ, въ 1794 году, какъ видно изъ слѣдующаго, имѣющагося при рукописи послѣсловія: «Списана сія книга въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ домѣ великаго господина преосвященнаго Иларіона, митрополіта псковскаго и изборскаго, по благословенію его архіерейскому, въ лѣто 7202-го году августа съ перваго числа того же мѣсяца до пятагонадесять числа писана и совершися». Въ этой рукописи содержатся: 1) л. 1. Книга, глаголе-

По поводу письма Евгенія о томъ, что подъ кровлею Софійскаго Собора находятся старыя бумаги, графъ обращается къ нему съ просьбою: договорить двухъ изъ лучшихъ семинаристовъ, съ помощью которыхъ бумаги эти могли бы быть приведены въ извѣстность.

По истеченіи нѣсколькихъ недѣль дѣлаетъ уже запросъ: составляются ли списки этихъ бумагъ и не нашлись ли въ частныхъ рукахъ какія либо рукописи, особливо лѣтописцы, разнствующіе съ тѣми, которые намъ извѣстны, «сдѣлайте мнѣ крайнее одолженіе, навѣдывайтесь о томъ тщательно не только у помѣщиковъ, но у купцовъ, у богатыхъ крестьянъ, старообрядцевъ, а особливо по нашимъ благочестивымъ монастырямъ, разсѣяннымъ по Новгородской губерніи».

мая ученіе о тайнѣ святѣй покаянія. Списокъ съ напечатанной въ Кіевѣ, въ 1671 году; 2) л. 85. Образцы для разнаго рода привѣтствій, увѣщаній, рѣчей и поученій на разные дни. Безъ начала и конца. Находящіеся здѣсь образцы поученій замѣчательны и любопытны въ томъ отношеніи, что составлены на дни тезоименитствъ всего царскаго семейства; самымъ младшимъ его членомъ, для котораго имѣется въ рукописи поученіе, является царевичъ Петръ Алексѣевичъ (Q. 1. 492).

д) Книга глаголемая граніографъ, рекше начало писменомъ царьскихъ родовъ отъ многихъ лѣтописцовъ; писана скорописью XVII вѣка, въ листъ, на 443 листахъ. Рукопись дѣлится на 170 главъ; русскія происшествія въ ней доведены до 7163 (1655) года и оканчиваются извѣстіемъ о взятіи Смоленска и 32 городовъ и о разбитіи «гетмана Родивила, иже бысть сатанинъ полководецъ, имѣя хоругви дьявола» (F. IV 300).

е) Прологъ, мартовская половина, писанный полууставомъ XVI вѣка, въ л., на 505 листахъ. Полный и хорошій списокъ, со многими русскими статьями и житіями русскихъ святыхъ (F. 1. 381).

ж) Сборникъ поученій и житій разныхъ святыхъ, писанный въ XVII вѣкѣ, скорописью нѣсколькихъ почерковъ, въ 4 д., на 484 листахъ. Первыхъ и послѣднихъ листовъ недостаетъ. Между житіями святыхъ помѣщены въ этомъ сборникѣ слѣдующія: 1) житіе св. Александра Свирскаго, составленное игуменомъ Продіономъ, въ 1545 г., л. 206—314; 2) житіе Евфросиніи Полоцкой, об. л. 329—344, 3) житіе блаженнаго Михаила Клопскаго, л. 344—361; 4) житіе преподобнаго игумена Александра; Ошевенскаго, л. 362—447; 5) житіе препод. Ангонія Римлянина, составленное инокомъ Андреемъ, об. л. 457—484 (Q. 1. 497).

з) Историческій сборникъ, писанный въ XVIII вѣкѣ, скорописью, въ 4 д. л., на 96 листахъ, и содержащій въ себѣ: 1) л. 1. Лѣтопись отъ Ноева потопа и о зачалѣ Россіи и Великаго Новаграда и Старой Русы изъ разряда новгородскихъ; начинается баснословнымъ сказаніемъ о Славенѣ, Волховцѣ и Русѣ, и оканчивается 1702 годомъ, извѣстіемъ о томъ, что «царь Петръ Алексѣевичъ помирился съ турецкимъ царемъ на 75 лѣтъ;» 2) л. 81. Лѣтопись о епископахъ, и архіепископехъ і митрополитахъ новгороцкихъ, доведенная до 1801 года, до назначенія митрополитомъ новгородскимъ Амвросія Подобѣдова (Q. IV. 175) *),

*) Такъ какъ нѣкоторыя изъ Кирѣяновскихъ рукописей относятся къ исторіи Новгорода, а отчеты И. П. Библіотеки, печатаемые въ весьма ограниченномъ количествѣ, мало извѣстны любителямъ, то, при недостаткѣ печатныхъ каталоговъ отечественной старины, выписка эта изъ отчета, смѣю думать, не будетъ здѣсь неумѣстною, вѣроятно и самыя рукописи найдены въ Новгородѣ, гдѣ жилъ и работалъ для науки Преосв. Евгеній.

Получивъ отъ Евгенія, уже Кіевскаго Митрополита, извѣстіе, что въ Новгородской Софійской библіотекѣ находятся 14 писемъ, писанныхъ патріархомъ Никономъ къ Царю Алексѣю Михайловичу изъ Соловецкаго похода, когда онъ симъ Царемъ посыланъ былъ съ грамотою къ мощамъ Филиппа Митрополита — умоляетъ отца Захарія приказать снять для него списки со всѣхъ 14 писемъ и при этомъ не преминулъ опять спросить его: «не дошли ли до свѣдѣнія вашего, что гдѣ либо по монастырямъ, церквамъ или въ частныхъ рукахъ не отыскались ли неизвѣстныя древнія бумаги и не было ли также чего вырытаго вновь изъ земли старинаго; кой часъ же случится, дайте мнѣ точно знать».

По доставленіи протоіереемъ списка съ цѣлой книги, содержащей переписку Царя Алексѣя Михайловича съ Никономъ, прежде его Патріаршества, Канцлеръ дѣлаетъ новое порученіе, о пріобрѣтеніи для него древней монеты, съ изображеніемъ на ней «Новгородъ» величиною и формою совершенно согласной съ Новгородскою гривною, за которую просили 300 р. а между тѣмъ какъ продавцы въ Новѣгородѣ менѣе 1000 р. древнюю гривну не уступали — проситъ по этому случаю объяснить его недоразумѣніе.

Высокопатріотическія Преосвященнаго Евгенія и Государственнаго Канцлера графа Румянцева стремленія къ распространенію просвѣщенія въ Россіи, хотя и не всѣ и не вполнѣ осуществились при ихъ жизни, но въ настоящее время могутъ быть по крайней мѣрѣ надлежащимъ образомъ оцѣнены. Этой оцѣнкѣ весьма много можетъ содѣйствовать появленіе въ печати матеріаловъ, скрывавшихся по сіе время въ неизвѣстности и вызванныхъ теперь столѣтнимъ юбилеемъ рожденія высокопреосвященнаго Евгенія.

Воронежскій Статистическій Комитетъ, приступилъ къ изданію полной *переписки митрополита Евгенія съ Государственнымъ канцлеромъ графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцевымъ и съ нѣкоторыми другими современниками, съ* 1813 *по* 1825 *годъ* и изданный уже 1-й выпускъ этой замѣчательной переписки опередилъ ученыя общества, которыя, уже по самому названію *ученыхъ*, вѣроятно, достойно почтутъ память Святителя изданіемъ обѣщанныхъ этюдовъ о Митрополитѣ Евгеніѣ.

Переписка эта дѣйствительно представляетъ богатѣйшій источникъ, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражается вся ученая и патріотическая дѣятельность этихъ двухъ достойныхъ представителей своего времени.

Но ежели собираемые и издаваемые матеріалы объ Евгеніѣ, дадутъ хотя *отчасти* нѣкоторое понятіе о заслугахъ этого духовнаго дѣятеля, то неужели графъ Н. П. Румянцевъ, котораго столѣтній юбилей рожденія миновалъ еще въ 1854 году, останется долго безъ достойной оцѣнки заслугъ его на поприщѣ отечественной исторіи?

Справедливо замѣчаетъ г. Прудниковъ, что графъ Румянцевъ не былъ только любителемъ старины, каковыми многіе бываютъ, украшая свой кабинетъ рѣдкостями, а былъ строгимъ археологомъ, онъ не зналъ умѣренности въ страсти своей къ древнимъ рукописямъ, какъ это очевидно обнаруживается во всей перепискѣ его, не только съ протоіереемъ Скородумовымъ, но и другими лицами, которыхъ канцлеръ оцѣнивалъ способности для подобныхъ розысканій.

Объ этомъ меценатѣ литературы издатель переписки его съ прот. Скородумовымъ сдѣлалъ слѣдующій справедливый отзывъ:

«Время сокрушаетъ памятники, надъ которыми можетъ быть цѣлыми столѣтіями трудились, даже изглаживаетъ слѣды ихъ существованія, едва оставляя воспоминаніе, которое рано или поздно уничтожится—но слава и дѣянія великихъ людей не сокрушимы.

Сколько было воздвигнуто памятниковъ въ воспоминаніе великихъ событій, сколько было воздвигнуто памятниковъ великимъ людямъ? но время ихъ сокрушило и все обратилось въ прахъ.—Если же и остались какіе либо изъ нихъ, то и они заросли травою, и только вѣтеръ обдуваетъ ихъ, никто къ нимъ не идетъ.

Кому неизвѣстны великія дѣла Графа Николая Петровича Румянцева, которыя онъ совершилъ для Россіи, кто изъ насъ не былъ въ томъ Музеумѣ, для составленія котораго Графъ Румянцевъ трудился десятки лѣтъ, нещадя ни здоровья, ни собственнаго состоянія.

Съ юныхъ лѣтъ Графъ Румянцевъ выказалъ стремленіе къ наукамъ, ему было двадцать одинъ годъ, и онъ путешествовалъ за границей не для того только, чтобы разлечься или пользоваться удовольствіями, не для того, чтобы пріобрѣсть славу, разсыпая Русскіе червонцы для обогащенія Западныхъ отелей, нѣтъ, онъ путешествовалъ какъ другъ своего отечества, для матери своей Россіи, съ цѣлію образовать себя, чтобы въ послѣдствіи принести пользу своему отечеству.

Возвратившись въ Россію, Графъ Румянцевъ нашелъ себѣ высокое попровительство въ Императрицѣ Екатерины II-й. Она, видя въ немъ способности, избрала его чрезвычайнымъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ. Итакъ, 26-ти-лѣтъ, Графъ Румяцевъ вступилъ на дипломатическое поприще, будучи обязанъ своему геніальному уму и высокому покровительству Ея Величества. Но по злобѣ завистниковъ, Графъ Румянцевъ долженъ былъ оставить посольское мѣсто и возвратиться въ Россію.

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Павла, Румянцевъ вновь является дѣйствующимъ лицемъ въ Государственныхъ дѣлахъ, въ это время онъ оказалъ великія услуги отечеству *).

Въ царствованіе Александра I-го, въ дѣлахъ Графа Румянцева выказался весь умъ, онъ оправдалъ себя въ глазахъ Августѣйшаго Монарха, съ доблестію исполняя возложенныя на него порученія.

---

*) См. обозрѣніе Русскихъ Сановниковъ стр. 251. Изд. Г. Терещенко.

Будучи великимъ Государственнымъ человѣкомъ, Графъ Румянцевъ былъ страстнымъ обожателемъ наукъ.

Многимъ казалось страннымъ, что Государственный Канцлеръ дорожилъ клочками бумагъ едва удоборазбираемыми, собиралъ листки, на которыхъ едва понятными словами были начерчены какіе нибудь историческіе факты, но эти самые клочки и листки увѣковѣчили имя Румянцева, которое никогда не изгладится изъ страницъ Русской Исторіи. Кто бы могъ подумать, что изъ клочковъ древнихъ рукописей, составится великолѣпное изданіе, которое просвѣтитъ Отечественную Исторію.

Графъ Румянцевъ издалъ собраніе грамотъ и договоровъ и напечаталъ много рукописей, хранившихся въ Новгородской Софійской библіотекѣ.

Облеченный въ высокія Государственныя званія, украшенный первостепенными Россійскими и Иностранными орденами, Графъ Румянцевъ не гнушался подать руку каждому, кто только могъ быть ему полезнымъ сотрудникомъ, въ его ученыхъ трудяхъ, онъ былъ чуждъ тщеславія и надменности, (качество всѣхъ умныхъ людей) — доказательствомъ тому могутъ служить упоминаемыя здѣсь письма, къ Протоіерею Новгородскаго Знаменскаго Собора Отцу Захарію Скородумову *)».

Ко времени пребыванія преосвященнаго Евгенія въ Новгородѣ относится также и замѣчательная переписка его съ Г. Р. Державинымъ, жившимъ въ Званкѣ, въ недалекомъ разстояніи (въ 60 верстахъ) отъ Новгорода; по близкому сосѣдству Евгеній и Державинъ скоро сблизились и первый сдѣлался учителемъ Исторіи втораго.

Профессоръ московскаго университета Н. С. Тихонравовъ въ біографическомъ очеркѣ Митрополита Евгенія, прочитанномъ въ публичномъ засѣданіи Общества любителей Россійской словесности, бывшемъ наканунѣ дня юбилея, вотъ, что по поводу ихъ сношеній говоритъ:

«Замѣчательна бесѣда этихъ двухъ людей объ Одиссеи, Евгеній говоритъ Державину, что въ Одиссеѣ какой-то дикій оборотъ мысли, и что это крайне затруднительно для перевода; буквально перевести на другіе языки нельзя, развѣ только на русскій, да и этотъ подъ часъ щетинится. Державинъ и Евгеній расходились еще относительно пониманія народныхъ пѣсенъ. Державинъ не находилъ ничего въ народныхъ пѣсняхъ, кромѣ какого-то богатырскаго хвастовства, да неуваженія къ женскому полу и признавалъ всѣ эти пѣсни за сочиненія одного лица. Иначе мыслилъ о нихъ Евгеній: онъ считалъ ихъ драгоцѣннымъ матеріаломъ; онъ даже совѣтовалъ писать стихи въ размѣрѣ народныхъ пѣсенъ.»

Но какъ переписка Евгенія съ Державинымъ составляетъ въ настоящее время предметъ ученыхъ изслѣдованій Я. К. Грота, то остается только покорнѣйше просить достопочтеннаго академика—ускорить изданіе Евгеніевскихъ писемъ къ Державину, не относя ихъ къ послѣднимъ томамъ полнаго собранія его сочиненій.

Изъ Новгорода, адресованныя къ неизвѣстному архимандриту, два письма Евгенія,

*) Подлинныя письма Графа Румянцова найдены у родной дочери отца Захарія Скородумова, находящейся въ Кашинѣ, Тверской губерніи, въ замужествѣ за Протоіереемъ Кашинскаго Воскресенскаго Собора Отцемъ Александромъ Петрошенинымъ. (Примѣчаніе издателя писемъ).

любопытныя по своему содержанію, какъ матеріалъ для біографіи, перепечатываются здѣсь безъ сокращенія *).

1-е. Отъ 8 апрѣля 1806 года. Новгородъ.

«Сердечное спасибо любезному другу, почтеннѣйшему отцу... за поздравленіе и желаніе. Взаимно поздравляя васъ съ наступившимъ уже праздникомъ, желаю да воскресшій Спаситель нашъ укрѣпляетъ ваши силы и здравіе и утѣшаетъ во всѣхъ скорбѣхъ и навѣтѣхъ вражіихъ.

Мужайтесь и не ослабѣвайте въ переводѣ Бержіера, не смотря на всѣ доброхотныя запинанія; добрымъ дѣламъ всегда бываютъ препятствія отъ тѣхъ, кои сами не хотятъ, или не способны дѣлать ихъ. Лучшій способъ побѣждать и даже пристыдить такихъ недоброхотовъ, есть успѣвать въ начатомъ. Пусть хотя и не помогаютъ вамъ, но если вы тома два, три переведете, то и симъ однимъ пользу и славу сдѣлаете и Церкви и себѣ. Ободряйтеся словами св. Апостола Павла Галат. VI. 9. О нововышедшей нашей Церковной Исторіи скажу вамъ, 1) что это отнюдь не Исторія, а лѣтопись, въ коей на лыко лѣтосчисленія безъ порядка нанизаны бытія, какъ будто вмѣстѣ и калачи и сайки и бублики. Исторія должна быть въ системѣ, то есть въ раздѣленіи на періоды, эпохи, и въ подборѣ единообразныхъ матерій по статьямъ или главамъ: а тутъ хотя видишь главы, но не найдешь причины, почему та или другая глава начинается на этой, а не на другой страницѣ. И такъ раздѣленіе ея отнюдь не есть раздѣленіе исторіи. 2) Много находится парадоксовъ, которыхъ и доказать нельзя, а напримѣръ, что будто бы у языческихъ Славянъ не было жрецовъ. Ergo argumenta, a silentio historicorum deducta, nihil probant. Если былъ при идолѣ сторожъ, то и это уже sacriniculft. 3) Много также тутъ съ одной стороны хвастливаго ханжества, а съ другой натужнаго безпристрастія. По всѣмъ симъ причинамъ, а особливо по первой, лѣтопись сія, яко сбивчивая, для преподаванія въ классахъ не годится; да и тѣмъ самымъ, что въ ней нѣтъ ссылокъ на источники, она ни мало не облегчитъ всякаго того, кто послѣ сего приступитъ къ сочиненію подлинной Церковной нашей исторіи; ибо ему надобно будетъ опять читать старинныя лѣтописи и все повѣрять. И такъ вообще можно сказать, что сіе можетъ быть послѣднее твореніе, не дѣлаетъ чести автору **).

Впрочемъ это мнѣніе мое пусть останется у васъ подъ завѣсою скромности. Ибо совѣстно и грѣшно явно отнимать славу у почтеннаго старца. Будемъ думать про себя, а не для другихъ, которые, можетъ быть, еще лучше насъ оцѣнятъ сіе произведеніе.

Желаю вамъ здравія и благополучія есмь съ любовію моею преданный вамъ.

2-е. Отъ 7 Іюля 1806 года. Хутынь ***).

«Сердечное спасибо любезному другу, отцу, за присылку статьи объ Эйлерѣ старикѣ; но вѣдь попросливые люди отъ исполненія просьбъ тѣмъ повадливѣе бываютъ просить, таковъ-то и я, а вотъ и просьба: около 1735 года, былъ, не знаю гдѣ, въ Геттингенѣ или въ другомъ какомъ нѣмецкомъ университетѣ, славный профессоръ греческаго языка именемъ *Гейнсіусъ*, поищите его въ своемъ словарѣ и статью сію мнѣ переведите, да еще статью о славномъ Бишингѣ (Busching), бывшемъ Петербургскомъ пасторѣ. Вотъ вамъ сколько хлопотъ, прошу не скучать.

---

*) Письма эти напечатаны въ Москвитянинѣ за 1848 годъ № 8.

**) Евгеній судилъ слишкомъ строго: Исторія о коей идетъ рѣчь, была первымъ опытомъ, и вотъ прошло уже 40 лѣтъ съ ея появленія, какъ появились у насъ новыя руководства — Макарія и Филарета! Значитъ дѣло не легкое. Въ 1800 годахъ большинство удовлетворялось прежнею (примѣчаніе издателя «Москвитянина»).

***) Лѣтняя резиденція Новгородскихъ архіереевъ близъ Новгорода. Позволю себѣ сказать здѣсь нѣсколько словъ о соблюдаемомъ съ незапамятныхъ временъ въ хутыньскомъ монастырѣ обрядѣ христіанской благотворительности. (*Свѣдѣнія эти почерпнуты мною изъ частнаго письма Новгородскаго жителя, отъ 15 ноября 1829 года).*

Теперь скажемъ слова два и о *Сіонскомъ Вѣстникѣ*. Я его получаю и читаю часто до чувствительнаго умиленія и даже до благодарности Богу, вложившему мысли Г. Л. (Лабзину)*) издавать сей журналъ. Онъ многихъ отвратилъ, если не отъ развращенія жизни, то по крайней мѣрѣ отъ развращенія мыслей, бунтующихъ противъ религіи; а и это уже велико благодѣяніе человѣчеству! Большая часть сего журнала переводная съ нѣмецкаго изъ Шиллинговыхъ сочиненій, а нѣчто и изъ Мартинистскихъ и это жаль, что въ чистую воду примѣшивается и отрава секты. Вы потребуете доказательствъ — вотъ онѣ: 1) *Синкретизмъ* или мнѣніе, что будто во всѣхъ религіяхъ подъ разными только символами (см. статью о Философіи стр. 13 и 14) была истинная религія, ведетъ къ индифферентизму въ религіяхъ и противно духу истиннаго христіанства. Ефес. IV, 19, 15; Апокал. III, 15, 16. Признаки индифферентизма въ самомъ издателѣ замѣтите вы изъ словъ его стр. 328, 332, 362. 2) *Миѳологизмъ*, *Платонизмъ*, и *Математицизмъ*, употребляемый всѣми мистико-масонами и нашимъ издателемъ къ изъясненію Троицы и другихъ таинствъ откровенія, можетъ быть казистымъ для незнающихъ духа христіанской религіи, а не для богослова. Посмотрите, какъ Бержье въ своемъ Лексиконѣ противъ этого пишетъ; а что эта метода умствованій мистико-масонская, въ томъ увѣритесь, если прочтете Еккартзгаузенову книгу: *Іероглифы для сердца человѣческаго*. Тамъ вы найдете и всѣ фразы ихъ, какъ напр. *книга натуры, списки съ невидимыхъ, Божественная математика, универсальная тинктура или духовно-тѣлесность Христова* и проч. и проч. 3) Издатель, можетъ быть изъ желанія представить читателямъ яснѣе духовность, смѣло принимаетъ грубыя мнѣнія напр. стр. 263 сравниваетъ Евхаристіе съ какою-то воплощенною солнечною эссенціею, вездѣ присущіе Божіе съ воздухомъ, а недѣлимость съ пламенемъ см. стр. 364 — допускаетъ безпредѣльность тѣла Христова, стр. 385, а что грубѣе всего, въ Маѣ мѣсяцѣ стр. 195 приписуетъ шаровидную фигуру духу, можно ли такъ разсуждать о духѣ?—Но за многое хорошее, высокое и трогательное въ его журналѣ я охотно извиняю его. Укажите вы мнѣ, какіе въ семъ журналѣ ваши анекдоты?» — а сего мнѣнія моего о Сіонскомъ Вѣстникѣ прошу не дѣлать публичнымъ.»

Преданный Вамъ Е.

6-го ноября, въ день Преподобнаго Игумена Варлаама, Новгородскаго Чудотворца и основателя Хутынской обители (сконч. 1243 г.), по окончаніи литургіи, когда богомольцы выходятъ изъ храма, раздается на дворѣ монастырскомъ каждому по куску ржанаго хлѣба, со вложеніемъ на немъ денежки. Непремѣнное существованіе сего обряда установлено самимъ основателемъ, наложившимъ даже проклятіе на тѣхъ, которые пожелали бы отмѣнить сіе. Въ прежнія времена когда монастыри имѣли несравненно болѣе вкладовъ и пожертвованій,—весьма очевидно, что сей проницательный настоятель, радѣвшій о пользѣ своей обители, усматривалъ большую выгоду отъ сего учрежденія. Ибо во первыхъ, обрядъ сей могъ означать признательность монастыря къ своимъ благодѣтелямъ, во вторыхъ — усиливать къ нему уваженіе и любовь народа, подкрѣпляемыя духомъ тѣхъ временъ. Даже и теперь обрядъ сей имѣетъ вліяніе на умы простолюдиновъ. Замѣчательно, что сначала (какъ разсказываютъ) каждому приходилось на долю по одной полушкѣ и по четвертой части большой ковриги хлѣба.—Но *damnosa quid non imminuit dies?* говоритъ Горацій. И теперь четверть ковриги замѣнилась полуфунтовымъ ломтемъ, а мѣдная полушка—за неимѣніемъ оныхъ—денежкой.

Въ Петербургѣ у недавно умершаго поч. гражданина Н. В. Тарасова ежегодно 14 іюня производилась также раздача хлѣбовъ и денегъ. Въ этотъ день съ самаго ранняго утра на Тарасовскомъ дворѣ у Измайловскаго моста собиралось до 7000 нищихъ. Они въ ожиданіи часа подачи оставались съ возможнымъ благочиніемъ и съ примѣрнымъ терпѣніемъ переносили зной палящаго солнца. Въ награду за свое девятичасовое ожиданіе каждый изъ нихъ получалъ одну булку я 20 к. с. Разумѣется, не обходилось безъ приключеній, которые могли бы быть устранены, если бы раздача производилась на кладбищѣ, гдѣ похоронена усопшая, въ память которой соблюдался этотъ благотворительный обычай и въ послѣдствіи эта раздача дѣйствительно имѣла уже мѣсто на кладбищѣ.

*) А. Ѳ. Лабзинъ. Литературно-біографическій очеркъ Безсонова. Воспоминанія о Лабзинѣ (изъ записокъ М. А. Дмитріева), см. Русскій Архивъ, 1866 годъ стр. 817 — 859.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

О ВРЕМЕНИ ПРЕБЫВАНІЯ

МИТРОПОЛИТА ЕВГЕНІЯ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ ВЪ БЫТНОСТЬ

АРХИМАНДРИТОМЪ И ПРЕФЕКТОМЪ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

1800-1804 г.

Переписка Преосвященнаго Евгенія съ В. И. Македонцомъ, случайнымъ только образомъ открытая въ Воронежѣ у торговки на базарѣ и недавно напечатанная въ «*Русскомъ Архивѣ*», бросаетъ новый свѣтъ на пребываніе его въ Петербургѣ съ 1800 по 1804 годъ. На основаніи этой переписки и писемъ, благосклонно мнѣ доставленныхъ б. Инспекторомъ Воронежской гимназіи Ковалевскимъ, сдѣланъ обзоръ главнѣйшихъ событій, очевидцемъ которыхъ былъ Евгеній, въ бытность Архимандритомъ и префектомъ Александро-Невской Духовной Академіи. И какъ эти письма, при печатаніи первыхъ 15-ти листовъ Сборника въ 1867 г., не имѣлись въ виду и какъ онѣ заключаютъ въ себѣ важный матеріалъ, то представилось теперь возможнымъ—сдѣлать необходимое дополненіе къ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ на страницахъ 1-го выпуска Сборника. Дополненіе это, составленное, на основаніи бывшихъ неизвѣстными документовъ, печатается въ приложеніяхъ.

Въ приложеніяхъ къ 1-му выпуску «*Евгеніевскаго Сборника*» напечатаны два замѣчательныхъ труда Митрополита Евгенія, совершенныхъ имъвъ различные періоды его жизни: первый—«*Голосъ*», когда онъ былъ еще префектомъ Александро-невской Академіи, а второй *Пастырское увѣщаніе о прививаніи оспы*, въ бытность его Вологодскимъ Епископомъ.

При неусыпной заботливости правительства о доставленіи облегченія участи бѣдныхъ и о развитіи въ народѣ правильныхъ понятій о важности прививной оспы, эти труды не могутъ быть лишними и по истеченіи болѣе полстолѣтія со времени ихъ совершенія.

Въ издаваемомъ докторомъ Тицнеромъ «*Вѣстникѣ Благотворительности*» Журналѣ гигіеническихъ и филантропическихъ свѣдѣній, напечатана статья: *Смертность отъ непривитой оспы*, изъ которой усматривается, что много еще умираетъ дѣтей отъ натуральной оспы.

«Сводя общее число умершихъ отъ натуральной оспы съ перваго года введенія оспопрививанія у насъ т. е. съ 1801 по 1870 годъ, говоритъ г. Тицнеръ, мы видимъ, что Россія потеряла отъ натуральной оспы или что почти тоже самое вслѣдствіе непривитія ея, по однимъ только не офиціальнымъ свѣдѣніямъ, до 10,350,000 душъ! Могилы этихъ милліоновъ жертвъ будутъ вѣчнымъ монументомъ бездѣятельности тѣхъ, на которыхъ лежала обязанность распространять у насъ оспопрививаніе».

Памятникомъ заботливости Евгенія, какъ добраго Пастыря, будетъ вѣчно служить его увѣщаніе и въ настоящее время имѣющее историческій интересъ и важность въ практическомъ примѣненіи. Позволяемъ себѣ думать, что, перепечатывая увѣщаніе, дѣлаемъ услугу многимъ пастырямъ, ибо они будутъ имѣть подъ рукою прекрасный матеріалъ для обращеній съ амвона къ прихожанамъ, которые и по сіе время не далеко еще развились и весьма нуждаются въ подобныхъ наставленіяхъ.

За тѣмъ издатель, давая мѣсто въ Прпложеніяхъ своей перепискѣ по изданію Сборника, вовсе этимъ не имѣлъ въ виду заявлять объ усердіи своемъ, какъ собирателя, а сдѣлалъ это съ цѣлію указать на невниманіе нашихъ библіотекарей, нисколько неинтересующихся ни аукціонами, ни разными другими, представляющимися случаями для важныхъ пополненій недостающихъ въ ихъ отдѣленіяхъ книгъ.

О читанныхъ мною въ Воронежѣ, Москвѣ и Кіевѣ публичныхъ лекціяхъ помѣщены въ газетахъ отзывы, въ которыхъ заключается много любопытныхъ данныхъ о Митрополитѣ Евгеніѣ. Поэтому издатель полагалъ нелишнимъ включить эти отзывы въ «*Приложенія*» къ «*Сборнику*» тѣмъ болѣе, что провинціальныя газеты, по своей рѣдкости, мало кому доступны. За тѣмъ въ заключеніе перепечатано изъ «*Кіевскаго Телеграфа*» письмо почтеннаго изслѣдователя русскихъ святынь Графа Михаила Толстаго въ полной надеждѣ, что оно обратитъ на себя вниманіе тѣхъ, у коихъ находятся рукописные матеріалы для біографіи Митрополита Кіевскаго Евгенія.

19 Февраля 1871 года.

Hos ego versiculos feci, tulit alter honores:
Sic vos non vobis mellificatis apes,
Sic vos non vobis vellera fertis oves,
Sic vos non vobis fertis aratra boves,
Sic vos non vobis nidificatis aves. *)

Эпоха, въ которую жилъ и дѣйствовалъ Преосвященный Евгеній, какъ справедливо замѣтилъ въ «Воронежскомъ Телеграфѣ» Графъ Д. Н. Толстой, по поводу моихъ публичныхъ чтеній въ Воронежѣ объ этомъ Іерархѣ,—особенно замѣчательна въ исторіи русской науки одновременнымъ богатствомъ дѣятелей и любителей отечественной археологіи и библіографіи, можно сказать, изъ всѣхъ сословій общества. Такъ Графы: Бутурлинъ, Мусинъ-Пушкинъ, Толстой и въ особенности Графъ Н. П. Румянцовъ усердно занимались тогда собираніемъ книгъ и руконисей для своихъ книгохранилищъ. Ихъ окружала цѣлая плеяда спеціально посвятившихъ себя изученію разработкѣ русскихъ древностей. Оленины, Малиновскіе, Бантышъ-Каменскіе, Григоровичи, Калайдовичи, Строевы, Ермолаевы, Анастасевичи, Сонниковы, Востоковы, Кеппены и многіе другіе тщательно изучали отечественные памятники литературы

*) Эти стихи Виргилія весьма легко могутъ быть примѣнены и къ трудамъ библіотечныхъ труженниковъ, которыми весьма часто умѣютъ пользоваться ловкіе люди и, выставляя таковые за свои собственные, успѣваютъ получать награды за чужіе труды, а самыхъ бѣдныхъ труженниковъ стараются сбыть поскорѣе съ рукъ, дабы и сокрыть слѣды присвоенныхъ себѣ павлиныхъ перьевъ.

и полагали основаніе библіографической наукѣ въ Россіи. Все это не могло не располагать и Евгенія, отличавшагося не только любовью къ наукѣ, но и огромными свѣніями, къ принятію участіе въ общей дѣятельности. По переселеніи своемъ изъ Воронежа въ Петербургъ, Протоіерей Болховитиновъ, какъ выше было сказано, постригся въ монахи и, уже какъ Архимандритъ Александро-Невской Лавры, нареченный Евгеніемъ, наблюдательнымъ взглядомъ осматриваетъ все его окружающее и о своихъ впечатлѣніяхъ доноситъ своему другу В. П. Македонцу.

Въ письмѣ, отъ 14-го Мая 1800 года, по поводу прекрасной весны въ Петербургѣ онъ ему пишетъ:

«Фруктовъ у насъ много привезено на корабляхъ, а вы смотрите только еще на древесные цвѣты, за то у васъ слаще будутъ фрукты. Вы хвалитесь крапивными и щавельными щами. Крапивные ѣмъ и я, а щевельныхъ еще нѣтъ. Цикорей здѣсь премножество, но она здѣсь такъ крѣпка, какъ осенній вашъ дубовый листъ. Жаль Воронежскихъ мягкихъ травъ! Я не нашелъ здѣсь хорошей пищи, кромѣ поварскихъ приправъ. 3-го дня П. П. прислалъ ко мнѣ за деликатессъ полсотни самыхъ лучшихъ устерсовъ. Полюбопытствовалъ я—но право безъ омерзенія не могъ съѣсть съ принужденіемъ больше 12, да и то индигестіею мучился. Чудень для меня заморскій вкусъ?»

Въ другомъ письмѣ, писанномъ въ Апрѣлѣ, съ грустью заявляетъ:

«Теперь у васъ думаю уже половина весны и щи крапивные, а мы 5-го числа только Неву изъ подольду встрѣтили, а земля еще не оттаяла. Рыба крайне дорога; зелень не вышла, воздухъ сыръ, несносный климатъ!»

Хотя въ письмахъ жалуется, что ему скучно, тяжко, больно вспоминить о Воронежѣ, но все таки мыслями своими часто туда переносится и въ дружескихъ заочныхъ бесѣдахъ съ Воронежскимъ другомъ передаетъ сравненія сѣверной Пальмиры съ скромнымъ губернскимъ городомъ.

«Вы жалуетесь на засуху, а у насъ дожди излишніе. Если бы можно было по почтѣ ихъ къ вамъ переслать, то бы я охотно это для васъ сдѣлалъ. Хлѣбъ однакожъ у насъ отъ 940 к. до 970 к. и мы боимся, чтобы еще не вздорожалъ. Вишней у васъ 40 коп. ведро, а у насъ по 2 коп. не ведро, а каждая ягода. За то вишни прекраснѣйшія шпанскія, какихъ и у васъ нѣтъ. Мы ѣдимъ уже и арбузы (14 Августа) вскорѣ увидимъ и виноградъ. Такъ поэтому Петербургъ довольнѣе васъ. Вы намекаете меня въ ректоры, но бѣда; ректоръ еще съ рукъ не идетъ Въ Синодѣ заспорили и дѣло умолкло».

При неутомимой дѣятельности Евгенію не было и въ Академіи недостатка въ

трудѣ, ибо, по собственнымъ его словамъ, отъ множества должностей рѣдко онъ высыпался и чувствовалъ даже боль въ груди, спинѣ и въ головѣ.

«Вся Академія взвалена на мои плечи и въ ней 200 человѣкъ на всемъ содержаніи и такъ еще два класса. (Евгеній былъ учителемъ философіи съ высшаго краснорѣчія) Консисторія (былъ присутствующимъ), церковь и пр. Только и отдыху послѣ обѣда въ субботу, да Воскресенье...

Другое письмо Евгенія къ Македонцу, писанное 26 Іюля 1800 года, даетъ намъ понятіе о его способностяхъ, какъ будущаго хорошаго администратора и строителя въ разныхъ епархіяхъ, гдѣ ему, по волѣ Монарховъ, привелось служить Церкви.

«Теперь вмѣсто отдыху занимаюсь я копаніемъ каналовъ и выкладкою подземныхъ трубъ по академическому двору. Ко мнѣ на работу присылаетъ владыка и консисторія поповъ, да причетниковъ, и такъ я ихъ мучу, да и самъ вмѣстѣ съ ними, будучи на дворѣ, мучусь. Не знаю я, какъ здѣсь прежде начальники наши или бишь предмѣстники живали. Академическій дворъ сущее былъ болото и при маломъ дождѣ весь преисполненъ бывалъ водою, а весною ужаснулся я потопу. И потому, какъ для собственнаго здоровья, такъ и для учениковъ рѣшился копать каналы и дѣлаются трубы для осушенія двора съ позволенія Владыки. Вчера одинъ каналъ уже кончилъ, но работы еще много.»

Копанье каналовъ нисколько не отвлекаетъ префекта Академіи отъ зоркаго наблюденія за ходомъ политическихъ событій и вотъ въ этомъ же письмѣ считаетъ нужнымъ сообщить своему другу:

«По поводу нѣмѣцкихъ нынѣшнихъ неудачь въ войнѣ съ французами, весь Петербургъ и думаю вся Европа безпрестанно твердитъ имя Суворова, тоже думаю и у Васъ. И такъ посылаю при семъ Вамъ стишки о немъ же, которые Вамъ конечно будутъ пріятны. Они писаны конечно, какимъ нибудь *нѣмцемъ*, ибо россіянину нельзя сказать: *что нѣтъ у насъ уже вождя*, и мало чести хвалиться только своимъ вождемъ, да притомъ и однимъ. Россіянинъ—Патріотъ не долженъ такъ и думать, а Нѣмцу при теперешнихъ обстоятельствахъ весьма прилично это сказать.»

Къ письму приложены слѣдующіе стихи, подъ заглавіемъ «*Снигирь*».

Что ты заводишь пѣснь военну,
Флейтѣ подобно, милый снигирь?
Съ кѣмъ мы пойдемъ войной на гіену?
Кто теперь вождъ нашъ? кто богатырь?
Спльный гдѣ, храбрый, быстрый Суворовъ?
Сѣверны громы въ гробѣ лежатъ.

Кто будетъ пѣшій предъ ратью ходить?
Ѣздить на клячѣ, ѣсть сухари;
Въ стужѣ и зноѣ душу калитъ.
Спать на соломѣ, бдѣть до зари;
Съ горстью Россіянъ вмигъ побѣждать?
Быть въ судѣ первымъ, въ мужествѣ строгомъ,
Шутками зависть, злобу штыкомъ,
Рокъ поражать молитвой и Богомъ,
Скиптры давая, зваться рабомъ;
Доблестей только, жертвой единыхъ,
Жить для Царей — себя изнурять?
Нѣтъ теперь мужа въ свѣтѣ столь славна,
Полно пѣть пѣсни военны, Снигирь!
Бранна музыка днесь не забавна;
Слышенъ отвсюду томный вой лиръ;
Львинаго сердца, крыльевъ орлиныхъ,
Нѣтъ у насъ вождя — что воевать?

Стихи эти, написанные еще въ царствованіе императора Павла 1-го, безъ означенія фамиліи автора, вызвали въ Евгеніѣ, какъ мы видѣли, неудовольствіе и онъ даже въ авторѣ ихъ предполагалъ нѣмца, между тѣмъ какъ они сочинены Державинымъ, по случаю кончины Суворова, послѣдовавшей 6 Мая 1800 года.

У Державина былъ снигирь, умѣвшій пѣть одно колѣно военнаго марша; когда послѣ похоронъ Суворова поэтъ возвратился домой и услышалъ, что птица поетъ военную пѣснь, онъ написалъ вышеприведенные элегическіе стансы, оплакивая смерть славнаго полководца.

На другой день послѣ смерти генералиссимуса, Г. Р. Державинъ, писалъ Н. А. Львову въ Москву:

«Герой нынѣшняго, а можетъ быть и многихъ вѣковъ князь Италійскій, съ такою твердостію духа, какъ во многихъ сраженіяхъ, встрѣчалъ смерть и вчерась въ 3 часа по полудни скончался. Говорятъ, что хорошо, что это съ нимъ случилось. Подлинно хорошо—въ такой славѣ внѣ и въ такомъ неуваженіи внутрь окончить вѣкъ! Это истинная картина древняго великаго мужа. Вотъ урокъ, вотъ что есть человѣкъ!»

Въ тотъ же день Державинъ писалъ Оренбургскому губернатору, извѣщая его о смерти Суворова и въ письмѣ, между прочимъ, говоритъ:

«Кажется подъ орудіемъ она (смерть) его коснуться не смѣла. Нашла время, когда онъ уже сталъ изнемогать и потерялъ всѣ силы, не говорилъ и не глядѣлъ нѣсколько часовъ! Что бѣгать? хищницѣ сей никто противостоять не можетъ. Только безсильна истребить она славы дѣлъ великихъ, которыя на вѣки останутся въ сердцахъ истинныхъ Россіянъ...»

За нѣсколько дней до кончины Суворовъ былъ у Державина, и въ разговорѣ, между прочимъ, спросилъ у него: «Какую же ты мнѣ напишешь эпитафію?» «По моему, много словъ ненужно, отвѣчалъ Державинъ,—довольно сказать: здѣсь лежитъ Суворовъ!»

«Помилуй Богъ, какъ хорошо!.» произнесъ герой съ живостью и слабымъ уже голосомъ, пожимая руку поэта. Надпись эта дѣйствительно находится на гробницѣ Суворова, который былъ погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ въ церкви Благовѣщенія.

О надписи надгробной Суворову думалъ и Евгеній, какъ мы это читаемъ въ его письмѣ:

«Съ моей стороны, пишетъ Евгеній, нѣтъ лучше Суворову надписи, какъ завѣщательный стихъ Еннія, древняго Римскаго стихотворца, который онъ велѣлъ написать на своемъ гробѣ:

«Nemo me lacrimis decoret, neque funera fletu;

«Cur? — quoniam volito vivus per ora vivum.

Или Апостолово слово:

«Подвигомъ добрыхъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ, прочее останется мнѣ вѣнецъ правды, его же уготови Богъ любящій его»

Просвѣщенной заботливости Евгенія исторія обязана сбереженіемъ отъ утраты рукописнаго сочиненія Суворова: «Тактика или разговоръ съ солдатами ихъ языкомъ послѣ ученія.» Признавая этотъ военный катихизисъ достойнымъ любознательности русскихъ патріотовъ, Евгеній принялъ на себя трудъ собственноручно сдѣлать копію съ худого и неразборчиваго оригинала и присовѣтовалъ графу Д. И. Хвостову напечатать въ издаваемомъ графомъ журналѣ: «Другъ Просвѣщенія», дабы сохранить этотъ драгоцѣнный памятникъ, въ которомъ столь картинно отразились духъ, умъ и опытность великаго полководца.

Въ письмахъ Евгенія къ Македонцу, напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ», сохранилось много любопытныхъ свѣдѣній о Суворовѣ и, для полноты разсказа, мы здѣсь приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ мѣста.

Отъ 12 апрѣля 1800:

«Суворовъ въ Польскихъ своихъ деревняхъ отчаянно болѣнъ; по всему его тѣлу выступили волдыри водяные. Доктора однакожъ увѣряютъ, что это къ лучшему. Да сохранитъ его Господь Богъ!»

Отъ 16 апрѣля извѣщаетъ:

«Суворова мы уже можетъ быть не увидимъ, ибо онъ, доѣхавъ до Риги, не могъ далѣе; и ему внутри приключилось гангрена.»

Въ письмахъ, отъ 6-го и 10-го мая, описываетъ послѣдніе дни жизни Суворова и погребеніе его.

«Сегодня въ первомъ часу пополудня умре и генералисимусъ князь Суворовъ, у насъ въ Петербургѣ, въ хижинѣ у племянника, Синодскаго оберъ-прокурора (Графа Д. И. Хвостова). Дней съ 10, какъ онъ едва довезенъ сюда. Каждый день покой его подважды топили. Вотъ и конецъ великаго человѣка!

Mors sola fatetur

Quantula sunt hominum corpuscula!..

(Только смерть показываетъ, какъ ничтожно тѣло человѣческое.)

... «И смерть его обманывала лѣкарей, какъ самъ онъ непріятелей. Съ мѣсяцъ каждый день ему лѣкари назначали кончину, выдумывали гангрену и Богъ знаетъ что, но по смерти заключили, что это marasmus senilis. Говорятъ, что предъ кончиною за два дня открылись на давнихъ заживщихъ у него ранахъ язвы и превратились въ гангрену. Впрочемъ онъ скончался тихо и въ памяти и все остро шутилъ. Услышите много его анекдотовъ, но думаю много и прилгутъ, а особливо Госпожа Москва».

«Третьяго дня т. е. 12 маія погребли мы князя Суворова въ Невской Церкви нижней за лѣвымъ крылосомъ. Я былъ въ процессіи и потому могу коротко описать Вамъ церемоніалъ.

«Съѣхались всѣ синодальные Члены въ домъ Синодскаго оберъ-прокурора (ибо тамъ князь и скончался, потому что онъ ему по женѣ племянникъ). Въ 8 часовъ утра мы при нихъ были. Комната по обыкновенію обита была чернымъ сукномъ съ бѣлыми подъ потолкомъ карнизами. Гробъ стоялъ на высокомъ черномъ катафалкѣ, обитый малиновымъ бархатомъ съ золотымъ генеральскимъ позументомъ и золотыми по угламъ кистьми. Князь лежалъ въ фельдмаршалскомъ мундирѣ, въ Андреевской лентѣ. Около гроба стояли табуреты числомъ 18, на нихъ разложены были кавалеріи, брилліантовый бантъ, пожалованный Екатериною II-ой за взятіе Измаила и перо за взятіе Рымника, брильянтовая шпага, фельдмаршалскій жезлъ и проч. На шестроту разныхъ кавалерій (т. е. орденскихъ знаковъ) любо было смотрѣть. Подивился я Сардинской зеленой кавалеріи съ крупнымъ брильянтовымъ крестомъ. Два раза обходилъ я табуреты, спрашивая, какой гдѣ орденъ и знакъ, а для разсказыванія приставленъ былъ и человѣкъ. Тамъ я видѣлъ и любимаго князю каммердинера Прошку. Чудной шутовской физіономіи человѣкъ! Но на шеѣ его двѣ золотыя медали...

«Лице покойнаго князя было спокойно и безъ морщинъ, борода отросла на полдюйма и вся бѣлая. Въ физіономіи что-то благоговѣйное и спокойное. Между тѣмъ съѣзжались иностранные министры, сенаторы и президенты. Насмотрѣлся я шестроты иностранныхъ и нашихъ кавалерій... Предъ окнами

расположены были войска, по батальону изъ каждаго полка. Домъ у Николы Морскаго, надъ самымъ каналомъ. Въ 10 часовъ начался выносъ.

«По совершеніи литіи подняли подушки съ орденами офицеры и понесли на передъ процессіи по два въ рядъ. За ними архіерейскіе пѣвчіе; за ними бѣлое духовенство по два; затѣмъ придворные пѣвчіе въ черномъ платьѣ: за ними придворные священники; за ними и мы; за нами синодальные члены и гробъ. Мы всѣ прошли мимо строя при барабанномъ боѣ и опущенныхъ на молитву ружьяхъ. Гробъ везенъ былъ на шести сѣрыхъ лошадяхъ, пріодѣтыхъ съ головы до ногъ черными сукнами. На дрогахъ стоялъ катафалкъ съ гробомъ, а надъ гробомъ препышный малиноваго бархата, съ золотымъ подзоромъ фигурнымъ, балдахинъ на 8 столбахъ. Сей балдахинъ дѣланъ былъ еще для князя Безбородки и поставленъ въ Невскомъ. Шнурки поддерживали офицеры, а лошадей вели съ факелами нарочно къ тому одѣтые въ плащи. Едва провезли гробъ, то войско двинулось за нимъ съ траурнымъ маршомъ и сопровождало до Невскаго. С. Петербургскій архіерей провожалъ тѣло до Харламова моста, потомъ сѣвъ въ карету поскакалъ въ Невской на встрѣчу. Ростовскій архіерей провожалъ тѣло отъ туда до Аничковскаго дворца, а отъ селѣ до Лавры—Псковскій. Мы шли по Сѣнной безсмѣнно до Лавры. Едва вышли на Невскій проспектъ близъ Гостиннаго ряду, какъ вдругъ увидѣли Государя, ожидающаго церемонію верхомъ на лошади при углу Гостиннаго двора. Мы поклонились, и онъ соотвѣтствовалъ, а потомъ сдѣлалъ честь и гробу. Мы потянулись къ Невскому, а онъ куда изволилъ поѣхать не видали. Лбы наши припотѣли въ пути, ибо не менѣе 6 верстъ мы промаршировали. Улицы, всѣ окна въ домахъ, балконы и кровли преисполнены были народу. День былъ прекрасный. Народъ отдсюду бѣжалъ за нами. Наконецъ мы дошли и ввели церемонію въ верхнюю монастырскую церковь. Гробъ поставленъ на катафалкѣ, подъ тѣмъ же балдахиномъ посреди церкви. Обѣдня поспѣшно началась въ половинѣ 12-го часу. Въ церковь пускали только большихъ, а народу и въ монастырь не допускали. Проповѣди не было. Но за то лучше всякаго панегирика пропѣли придворные пѣвчіе 90-й псаломъ: *Живый въ помощи*, концертъ сочиненія Бортнянскаго. Прочтите этотъ псаломъ, и вы со мною согласитесь, что нѣтъ лучшаго панегирика Суворову. Войска расположены были за монастыремъ. Отпѣто погребеніе и тутъ-то разъ десять едва я могъ удерживать слезы. При послѣднемъ цѣлованіи никто не подходилъ безъ слезъ къ гробу. Тутъ явился и Державинъ. Его преуниженный поклонъ гробу тронулъ до основанія мое сердце Онъ закрылъ лице платкомъ—и отошолъ, и вѣрно изъ сихъ слезъ выльется безсмертная ода. Всѣ плакали; только что не смѣли рыдать... Я и самъ пришедши домой три раза читалъ пѣтый въ концертѣ псаломъ и отъ умиленія на сво бодѣ *похлыпавъ*. Если вы хотите почувтвовать во всей силѣ выразительность сего псалма, то попросите архіерейскихъ пѣвчихъ пропѣть сей концертъ Бортнянскаго, а при пѣніи вообразите Суворова. При опусканіи гроба трижды 12 разъ за монастыремъ выпалено изъ пушекъ, и чрезъ каждые 12 выстрѣловъ бѣглой огонь. Буди вѣчная память Суворову.»

За тѣмъ приводитъ надписи, сдѣланныя графомъ Бутурлинымъ и П. Н. Шаликовымъ:

Cïneres hic, fama ubique. (здѣсь—прахъ а слава—повсюду); да и самъ покойникъ предъ смертью сказалъ племяннику: «Митюшка! Не черти на моей гробницѣ стихами, а развѣ напиши только: *здѣсь лежитъ Суворовъ*».

Остановись, прохожій!
Здѣсь человѣкъ лежитъ на смертныхъ не похожій;
Въ глуши на крылосѣ съ дьячкомъ онъ басомъ пѣлъ,
А славою какъ Петръ и Александръ гремѣлъ,
Ушатомъ на себя холодную лилъ воду,
А пламень храбрости вливалъ въ сердца народу,
Не въ латахъ, на коняхъ, какъ греческій герой.
Не со щитомъ златымъ, украшеннымъ всѣхъ паче,
Съ нагайкою въ рукахъ и на казацкой клячѣ,
Въ едино лѣто взялъ полдюжины онъ Трой.
Не въ броню облеченъ, не на холму высокомъ,
Не издали на брань взиралъ спокойнымъ окомъ,
Въ рубахѣ, въ каскѣ онъ предъ войсками верхомъ
Какъ молнія сверкалъ и поражалъ какъ громъ.
Съ полками тамъ ходилъ, гдѣ чуть летаютъ птицы;
Жилъ въ низкой хижинѣ, а отнималъ столицы.
Вставалъ по пѣтухамъ, сражался на штыкахъ;
Чужой народъ его носилъ на головахъ.
Одною пищею съ солдатами питался,
Цари къ нему въ родство, не онъ къ нимъ причитался.
Былъ двухъ Имперій вождь, Европу удивлялъ;
Сажалъ на тронъ царей — самъ на соломѣ спалъ.

«Прилагаю при семъ вамъ, пишетъ Евгеній, копію съ печатнаго монумента, Суворову въ Италіи воздвигнутаго. Оригиналъ печатанъ во Флоренціи in folio заглавными большими литерами, какими и копія сія списана. Вы можете для любопытствующихъ перевесть оный, а кто хочетъ, пусть и по-итальянски читаетъ. Итальянскій буквальный переводъ съ Латинскаго.

Архимандритъ Евгеній, на правахъ благочиннаго, былъ командированъ осмотрѣть разные монастыри и, возвращаясь съ этого объѣзда, какъ скоро приблизился къ Петербургской заставѣ Марта 12-го въ 7 часовъ вечера, то услышалъ отъ карауленаго, что Государь Императоръ Павелъ I скончался, а взошелъ на престолъ Августѣйшій Императоръ Алелксандръ I.

...«И такъ проздравьте насъ, писалъ онъ Македонцу, а мы васъ, съ новымъ Всемилостивѣйшимъ Монархомъ. 12-го ввечеру и въ ночь весь городъ иллюминованъ былъ по всѣмъ окнамъ свѣчами, а по улицамъ фонарями и плошками и я ѣхалъ среди всеобщей иллюминаціи»...

«Въ прошлое Воскресенье служилъ я въ замкѣ и пѣли надъ покойнымъ Императоромъ панихиду

Онъ еще тогда лежалъ на постелѣ. Того жь дня въ 7 часовъ ввечеру подняли на парадный одръ, а выносъ въ крѣпость будетъ въ слѣдующую великую субботу...

«Михайловскій замокъ теперь запустѣлъ, пишетъ онъ въ письмѣ отъ 11 Апрѣля, а драгоцѣпностей въ немъ — хотя бы въ раю столько. Вездѣ мраморы, бронза, рѣзьба, живопись, статуи, обои мебель, гардины, люстры — безпримѣрныя...»

Не менѣе интересныя находятся свѣдѣнія и о погребеніи Государя Императора Павла I въ письмахъ Евгенія, напечатанныхъ въ «*Русскомъ Архивѣ*».

«20 Марта (1801) въ 9 часовъ вечера потребовали всѣхъ насъ въ замокъ (Михайловскій) для переносу тѣла съ трона въ траурную.

«Мы были положили въ гробъ тѣло монаршее и перенесли въ траурную въ *castrum doloris*, превеликолѣпною галлерею воздвигнутое среди залы. Шли сквозь всѣ покои замка. Я не могу вамъ описать изумительнаго великолѣпія и убранства покоевъ. Гробъ несли каммергеры и поставили на высокое такъ называемое *castrum doloris*. При переносѣ былъ Государь Императоръ съ Императрицею и Константинъ Павловичъ. А прочихъ не было...»

27 Марта Евгеній описываетъ своему другу похороны пок. Государя, бывшіе 23 Марта въ слѣдующемъ порядкѣ.

«Въ прошедшую великую субботу погребли мы покойнаго Монарха въ Петропавловскомъ соборѣ. Шествія было ровно мѣрныхъ восемь верстъ. Ноги мы такъ отбили, что и теперь еще не отдохнемъ. Тѣлу сопутствовалъ самъ Государь Императоръ и вел. кн. Константинъ Павловичъ и великая княгиня Анна Ѳеодоровна въ каретѣ, прочихъ же не было. Во время шествія черезъ каждую минуту были въ крѣпости пушечные выстрѣлы, а при опущеніи тѣла громъ изъ всѣхъ орудій. Въ церкви катафалкъ или *castrum doloris* былъ прекрасный. Стѣны всѣ обиты чернымъ сукномъ и окна завѣшаны Страшно было даже войти въ соборъ...

А въ другомъ письмѣ прибавляетъ:

«Вообще о церемоніи въ добавокъ скажу вамъ, что она была бѣднѣе Екатерининскаго погребенія. Тогда и катафалкъ въ соборѣ былъ величественнѣе... тогда шли и полки за гробомъ, а процессія была важнѣе и много парадныхъ каретъ вслѣдъ, а нынѣ ни одной...»

Кому неизвѣстно, что послѣ кончины Екатерины Великой, Россія подверглась внезапнымъ перемѣнамъ; всѣ начинанія этой Государыни были вдругъ пресѣчены или подчинены крутому повороту, а сотрудники и исполнители ея воли, были удалены со сцены. Послѣ такого грознаго времени весьма легко себѣ представить, какою радостью преисполнилось сердце каждаго русскаго, при извѣстіи о вступленіи на престолъ Великаго Князя Александра Павловича. Державинъ на бракосочетаніе

Великаго Князя съ принцессою Баденскою Луизою, еще 28 Сентября 1793 года, въ подражаніе 44-му псалму, между прочими, написалъ слѣдующіе стихи:

«Самъ Богъ тебя благословляетъ,
«Величествомъ въ тебѣ сіяетъ
«И при бедрѣ твой сильный мечь:
«Блеснешь ты имъ—и ополчишься
«Въ защиту правды устремишься
«Невинныхъ стонъ и вопль пресѣчь!
«Престолъ твой Богомъ утвердится,
«Щедротой скипетръ позлатится
«Явишься ты царемъ сердецъ;
«Ты добродѣтельныхъ возлюбишь,
«Злодѣя добрымъ быть принудишь
«И будешь вдовъ, сиротъ отецъ.

Ни одинъ быть можетъ Государь не вступалъ на престолъ, при столь единодушномъ ликованіи, какъ Александръ I. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ находится большое собраніе стиховъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, написанныхъ по этому случаю и посвященныхъ молодому Монарху.

Въ письмѣ, отъ 11 Апрѣля 1801 года, Евгеній писалъ другу:

«Посылаю къ Вамъ оду печатную, сочиненную Городчаниновымъ, коего Вы думаю помните... За оду онъ получилъ перстень въ рублей въ 150. Много здѣсь стиховъ; но изъ Москвы я думаю къ Вамъ больше присылаютъ....»

Достоинъ здѣсь повторенія отвѣтъ, данный молодымъ Императоромъ Палену. С.-Петербургскій военный губернаторъ докладывалъ Государю, что народъ съ жадностью расхваталъ всѣ манифесты и платитъ по 1 р. за экземпляръ «въ этомъ я совершенно удостовѣренъ буду, когда лѣтъ черезъ 10 моего царствованія, также дорого будутъ покупать мой манифестъ». Когда же Салтыковъ просилъ объ опредѣленіи своего сына президентомъ въ одну коллегію, то Императоръ отвѣчалъ: «я самъ молодъ и съ молодыми президентами мнѣ нечего дѣлать».

Въ письмахъ Евгенія къ Македонцу много есть анекдотовъ объ Александрѣ I и укажемъ здѣсь на нѣкоторыя изъ нихъ.

«Кн. Зубовъ недавно подступя началъ просить его всепокорнѣйше исполнить одну просьбу, не изъясняя напередъ оную. Монархъ далъ слово. Князь подложилъ ему подписать прости-

тельный и опредѣлительный указъ генералъ маіору (какъ помнится) Арбеневу, который виноватъ въ бездѣлицѣ — въ побѣгѣ отъ полка своего за 40 верстъ въ Италію во время самаго сраженія. Монархъ поморщился, однако подписалъ: *принять паки въ службу*. Чрезъ минуту онъ подступилъ къ князю и началъ просить выполнить его свою одну просьбу. Князь съ униженностію объявилъ готовность къ услугамъ. Раздерите пожалуста, сказалъ Монархъ, давишній, подписанный мною указъ. Князь сталъ въ тупикъ; однако что̀ дѣлать, разодралъ. Экономическое общество просило у Монарха позволенія штемпелевать портретъ его на своихъ медаляхъ. «Нѣтъ, отвѣчалъ Монархъ ваше общество обязано заведеніемъ Екатеринѣ II, такъ не будьте къ ней неблагодарны и въ память всегда штемпелюйте ея портреть на медаляхъ, а я прибавляю вамъ жалованья на расходы»... Слышали-ль вы исторію у насъ случившуюся съ генеральшею Обуховою, пострадавшею отъ своихъ дочерей, которыхъ она старалась воспитать по нынѣшнему. Модное воспитаніе ввело ихъ во всю моду. Мать хотѣла было унять. За то чуть было не зарѣзана была молодцами и едва бѣгствомъ тайно спаслась. Жаловалась Государю. Препоручено было изслѣдовать Гагарину, и — осудили матьже въ монастырь; но..... проницательный Монархъ, сверхъ чаянія и желанія судей, приказалъ выслать въ деревню и дочерей. О модное воспитаніе!... о судъ боярскій!.. Князь Гагаринъ въ отставку.. съ честнымъ видомъ. На его мѣсто въ коммерцъ-коллегію Румянцовъ.

Въ день восшествія на престолъ Императоръ Александръ объявилъ манифестомъ, что онъ будетъ править Богомъ врученный ему народъ, по законамъ и сердцу премудрой бабки своей. Вигель, въ своихъ запискахъ, говоритъ: «Послѣ четырехъ лѣтъ воскресаетъ Екатерина изъ гроба въ прекрасномъ юношѣ. Чадо ея сердца, милый внукъ ея, возвѣщаетъ манифестомъ, что возвратитъ намъ ея времена. Но нѣтъ, даже и при ней не знали того чувства благосостоянія, какимъ объята была Россія въ первыя шесть мѣсяцевъ владычества Александра. Любовь ею управляла и свобода вмѣстѣ съ порядкомъ водворялись въ ней. Не знаю, какъ описать то, что происходило тогда; всѣ чувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды у всѣхъ сдѣлались благосклоннѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе».

Не только въ Петербургѣ, но и въ бѣлокаменной Москвѣ, обнаружились подобныя чувства радости. Въ одномъ дневникѣ, веденномъ въ Москвѣ въ 1801 году, читаемъ; «Надобно сказать о нашемъ любезномъ Монархѣ, что милости его и кротости безпримѣрны. Здѣсь всѣ, какъ бы вновь одушевляемые, чувствуютъ свободу человѣчества, всѣ восхищаются его щедротами и, наслаждаясь весною, забываютъ зимніе ужасы. Всѣ пишутъ въ похвалу его стихи и прозу, грамотные и безграмотные, кто какъ умѣетъ и чего никогда не бывало пишутъ то, что прежде чувствовали и что нынѣ чув-

ствуютъ. Такъ много надѣются на снисхожденіе любезнаго Царя, который, безъ сомнѣнія, мыслитъ по сердцу обожаемой всѣми его бабки, Великой Екатерины, говорящей въ стихахъ Державина:

Не запрещу я стиховорцамъ
Писать и чепуху и лесть.

При коронаціи Архимандриту Евгенію Всемилостивѣйше пожалованъ осыпанный алмазами золотой крестъ и съ золотою цѣпью... «Креста своего я еще оцѣнить не умѣю, пишетъ онъ Мекедонцу, только самый щегольской. По счету моему на немъ 224 алмаза кругомъ по борду и въ коронѣ, не считая искръ въ промежуточныхъ лучахъ между рогами. Да еще четыре большихъ алмаза въ коронѣ. Вѣсу въ немъ 12 золотниковъ, а въ цѣпочкѣ 23 золотника. Крестъ очень субтильно, а цѣпочка увѣсисто выработана. Распятіе на финифтѣ.»

Въ другомъ письмѣ извѣщаетъ, что, по словамъ Митрополита, пожалованный ему, Евгенію, крестъ, Кабинету стоилъ 2,000 р., а Митрополичій крестъ обошелся въ 20,000 р. «Да правду сказать и крестъ весь состоитъ изъ каменьевъ алмазныхъ а журь, безъ всякаго распятія... такой же данъ и московскому, только сказываютъ, нѣсколько подороже и въ кольцѣ изумрудъ большой».

Послушаемъ, какъ разсказываетъ Евгеній своему другу В. И. Македонцу объ этомъ времени, въ письмѣ, отъ 11 Апрѣля 1801 года;

«Новости наши читайте въ газетахъ, но спасибо Всемилостивѣйшему нашему Монарху, что онъ въ новостяхъ не опрометчивъ. Однѣ только милости онъ спѣшитъ оказывать. 6-го апрѣля послалъ онъ Андреевскій орденъ Кіевскому Митрополиту, и вмѣстѣ почтилъ его титломъ Сѵнодальнаго Члена (а по сіе время еще никому и изъ свѣтскихъ орденовъ не давалъ). Указъ о обработываніи земель церковныхъ отмѣненъ, по докладу самого же Сѵнода, а положена священникамъ противъ прежняго 1775 г. двойная за все плата... Державинъ написалъ оду на восшествіе. Государь пожаловалъ ему золотую табакерку, но слышно сказалъ ему при томъ непріятный комплиментъ. Я признаюсь не похвалилъ его дерзость и удивился, какъ онъ отважился поднести такую оду. Эпиграмма на оду Державина моя.»

Для уразумѣнія этой дерзости, каковымъ именемъ называетъ Евгеній стихи Державина, вызвавшіе даже его писать эпиграмму, считаемъ нужнымъ объяснить, что враги Державина въ двухъ стихахъ его оды:

«Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
«Закрылся грозный страшный взглядъ

подразумѣвали изображеніе покойнаго Государя Императора Павла I-го и довели объ этомъ до свѣдѣнія вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Въ слѣдствіе этихъ несправедливыхъ толкованій, тогдашній генералъ-прокуроръ Беклешовъ запретилъ цензурѣ пропускать въ печать эту оду и потому она тогда не была напечатана. Но при всемъ томъ, Императоръ Александръ I прислалъ за нее поэту подарокъ въ 5000 руб.. Въ послѣдствіи Императрица Елисавета Алексѣевна, полюбопытствовавъ прочесть въ рукописи эту оду Державина, не нашла въ ней ничего предосудительнаго и не сдѣлала по поводу ея никакихъ замѣчаній. Впрочемъ эта ода, до напечатанія, была переведена на языки французскій, нѣмецкій и другіе.

Вотъ строфа, навлекшая непріятность поэту:

« Вѣкъ новый! Царь младый, прекрасный
« Пришелъ днесь намъ весны стезей!
« Мои предвѣстья велегласны
« Уже сбылись, сбылись судьбою.
« Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
« Закрылся грозный, страшный взглядъ
« Зефиры вспорхнули крылаты,
« На воздухъ вѣютъ ароматъ;
« На лицахъ Россовъ радость блещетъ,
« Во всей Европѣ миръ цвѣтетъ.

Приведемъ еще нѣсколько стиховъ изъ этой оды:

« Осанка, скромность и пріятность,
« Ея (Екатерина II) въ немъ виденъ духъ и умъ:
« Усердье, ревность къ нимъ и святость
« Въ полсвѣтѣ воздвигаютъ шумъ.
« Смотри! «другъ другу всякъ вѣщаетъ:
« Не образъ ли ея на немъ?
« Ужъ по законамъ обѣщаетъ
« Онъ быть, по сердцу ей, царемъ».
« О радость! духъ восторгъ объемлетъ:
« Се вижу — въ облакахъ она.

Ода Державина до напечатанія въ спискахъ была всѣмъ извѣстна и читалась съ жадностью. Разсказывали тогда, что Государь принявъ оду, хотя и наградилъ автора

*

но не приказалъ ее печатать. Потомъ будтобы въ Сенатѣ Оберъ-прокуроръ Трощинскій, отозвавъ Державина въ сторону, объявилъ ему приказаніе Государя, чтобы онъ не только не печаталъ своей оды, но и не давалъ съ нея списковъ.

Разсказывали и другой анекдотъ, что Державинъ написалъ подъ находящимся въ Сенатѣ портретомъ Государя слѣдующую подпись:

«Се Образъ ангельскій любезныя души,
«Ахъ еслибы вокругъ его всѣ были хороши.

Надпись эта, само-собою разумѣется, не понравилась окружающимъ молодаго монарха царедворцамъ и кто-то изъ нихъ подъ нею отвѣчалъ ему грубо и нелѣпо:

«Конечно только бы Державина не надо,
«Паршивая овца и все испортитъ стадо.

Почему неудивительно, что объ одѣ Державина носились разные слухи, которые возбудить могли негодованіе и въ архимандритѣ Евгеніѣ, принимавшемъ столь живое участіе во всемъ, чѣмъ только интересовалось общество.

Извѣстно, что 27 Іюля 1801 г. въ 6 часовъ по утру скончалась въ Царскомъ Селѣ, Великая Княжна Марія Александровна, по опредѣленію докторовъ ex difficili dentitione, epileptico paroxismo. Церемоніалъ ея похоронъ весьма картино описанъ Евгеніемъ въ одномъ изъ его писемъ къ Македонцу, отъ 2-го Августа 1801 года.

«Въ тотъ же день (27 Іюля) назначено было перевезти ее къ намъ. Множество придворныхъ съ обѣда пріѣхали въ лавру, услали и обили кавалерскую нижнюю близъ церкви залу черною фланелью, занавѣсили даже всѣ окны и свѣчнымъ свѣтомъ только освѣщали ее. Посреди залы поставленъ былъ обитый малиновымъ бархатомъ съ позументами въ три ступени катафалкъ, сверхъ того еще покрытъ отъ половины вдоль по полу малиновымъ же съ позументною опушкою покрываломъ. Гвардія и лейбъ-кирасиры стояли на караулѣ по всѣмъ дверямъ церковнымъ и залы. У воротъ монастырскихъ вездѣ разставлены были баталіонные часовые. Къ вечеру съѣхались многіе придворные, дамы втораго класса и нѣкоторые фрейлины. Двѣ дамы отряжены были къ дверямъ на встрѣчу. Мы облачились еще въ 8 часовъ по полудни и сидѣли дожидаясь въ церкви. Наконецъ въ половинѣ 11 уже часу пріѣхали три кареты по 8 лошадей, въ первой и второй сидѣли двѣ дамы и кавалеры четырехъ орденовъ, а въ послѣдней одна статсъ дама со гробомъ. Гробикъ обитый желтымъ глясетомъ съ выкладкою по бордамъ бѣлымъ позументомъ и съ кистями по угламъ, подняли на руки кавалеры и внесли сперва въ церковь, а черезъ церковь и въ залу, поставили на катафалкъ, сняли крышку и прикрыли отъ половины гроба внизъ по полу глясетовымъ желтымъ съ выкладкою позументною покровомъ. Мы отпѣли литію и послѣ литіи іеромонахами начато читать при главѣ гроба евангеліе денно ночно. Четыре дамы и четыре кавалера дежурили посмѣнно чрезъ два часа, при гробѣ стоя по сторонамъ. На утре

поутру отпѣли мы панихиду и допущенъ послѣ того народъ до цѣлованія тѣла. На третій день меня съ четырьмя іеромонахами нарядили служить заупокойную въ ближней церкви обѣдню и на гробѣ панихиду и я благополучно окончилъ. На четвертый день послѣ вечерни была общая архіерейская панихида и послѣ панихиды духовенство творило цѣлованье. Княжна лежала въ бѣленькомъ кружевномъ чепцѣ и бѣленькомъ платьицѣ. Личико бѣлокуренькое, кругленькое, миленькое. Наутре 31 назначено погребеніе. По утру въ половинѣ 9 часа Государь Императоръ, Императрица и Великій Князь Константинъ Павловичъ изволили прибыть прямо изъ Царскаго Села въ Невской, и по встрѣчѣ ихъ съ крестомъ начали мы обѣдню. Пѣвчіе пѣли придворные, въ траурѣ. Ни концерта, ни херувимской партесной не было, да и при дворѣ нынѣ партесъ уже оставленъ. Гробъ внесенъ въ церковь предъ обѣднею и также уставленъ на катафалкъ, около коего на дежурствѣ стояли 4 фрейлины въ траурѣ; балдахина не было. По окончаніи литургіи вышли мы на погребеніе и стали всѣ архимандриты и священники по лѣвую сторону, дабы на правой не заслонять Императорскую Фамилію. 4 архіерея начальствовали: Амвросій, Павелъ, Иринеи и Евгеній, престарѣлый грекъ. Во время пѣнія со святыми, Государь и Государыня долго крѣпившись не удержали слезъ. По окончаніи погребенія знатнѣйшее духовенство приложилось къ тѣлу, а за ними не безъ слезъ Государь Императоръ, Императрица и В. К. Константинъ Павловичъ, а за тѣмъ и прочіе по чину. Въ церкви были только три класса и придворные. Любо было смотрѣть на скромное и благочинное ихъ стояніе, а особливо на благоговѣніе Государя и Фамиліи. По окончаніи цѣлованія тѣло поднято. Гробъ вложенъ еще въ другой мѣдной гробъ и опущенъ въ землю, выкладенную кирпичемъ. Могила выкопана была предъ самыми сѣверными иконостасными дверьми нижней Благовѣщенской церкви по сосѣдству съ Ольгою Павловною. Государь самъ заботился при опусканіи тѣла на гарнитуровыхъ бѣлыхъ холстахъ или незнаю какихъ то, шелковыхъ только. По окончаніи всего Государь съ Императрицею изволили стать среди церкви и мы всѣ вслѣдъ за архіереями шли къ рукѣ къ обоимъ. Государь изволилъ поѣхать кушать въ Лѣтній садъ въ домикъ Петра I-го, а Государыня въ Царское Село. За ними и всѣ поднялись, изъ Невскаго а то было вытѣснили всѣхъ изъ покоевъ монаховъ. Всѣ кухни были заняты...»

Въ этомъ же и другихъ письмахъ мы читаемъ извѣстія о разныхъ похоронахъ*):

«Вчера мы погребли въ Невскомъ супругу Льва Алекс. Нарышкина, скончавшуюся ex apoplexia. Стеченіе народа и вой былъ чрезвычайный».

«Генваря 3-го (1802) погребли мы сенатора Храповицкаго, а 4-го вице-президента воен. коллегіи Ламба. Послѣднему Государь на погребеніе пожаловалъ 10,000 р. и самъ былъ съ Константиномъ Павловичемъ на выносѣ. Мы думали, что онъ за нами поѣдетъ въ Невскій, какъ то и обѣщался; однакожь воротился съ дороги. Погребалъ весь Синодъ. Мнѣ досталось говорить надгробную, и заплатили 100 р. съ спасибомъ. Это еще новизна въ Петербургѣ, ибо съ 1797 года ни по комъ здѣсь не смѣли говорить надгробныхъ, да и теперь о позволеніи сказать надгробную докладывали Государю...»

«9-го погребли мы дочь Осипа Ивановича Хорвата княгиню Тюфякину. Погребеніе устроили Зубовы Николай и Валеріанъ и горько плакали. 12-го кончили мы и императорскій трауръ; служили

*) Въ концѣ письма увѣдомляетъ, что онъ послалъ именный списокъ всѣхъ россійскихъ Архіереевъ и реестръ всѣхъ россійскихъ монастырей и штатныхъ и заштатныхъ, который просилъ ссудить отцу Архимандриту Тимоѳею».

всѣ въ крѣпости. Въ три часа по-полудни прибылъ Государь и Конст. Павл. со всею вообще импер. фамиліею, даже и малютками, и всѣ припадали къ гробницѣ. Не была только импер. Елисав. Алексѣевна: 13-го праздновали восшествіе, и я проповѣдывалъ въ Морскомъ; а при Дворѣ никокого собранія не было.»

«19 погребли мы Кутузова, президента Адмиралт. коллегіи. Добрый нашъ Монархъ съ Конст. Павл. были на выносѣ, да и на погребеніе пожаловалъ 20,000 руб.

«Сегодня (14 Мая 1801) погребли мы Преображенскаго полку Командира Генералъ-Лейтенанта Петра Талызина. На выносѣ присутствовать изволилъ самъ Государь Императоръ и Цесаревичъ. Послѣдній за нами и гробомъ шелъ до Невскаго, слушалъ обѣдню и погребеніе и присутствовалъ при опусканіи тѣла. Тутъ же были и всѣ знатнѣйшіе, Зубовы, Паленъ и другіе подобные. Весь Преображенскій полкъ былъ въ церемоніи, при опусканіи тѣла была пальба пушечная и ружейная. Офицера многіе плакали. Покойный умеръ a pleuresi. Предъ смертью онъ чистосердечно покаялся. Просилъ къ себѣ три раза Государя и Государь выходилъ отъ него съ влажными очами. Съ духовникомъ онъ бесѣдовалъ около часа. Пріобщился Св. Тайнъ, особоровался масломъ и съ твердымъ духомъ скончался. Государь пожаловалъ на погребеніе его 10,000 р. Распоряженіе своего имѣнія наслѣдникамъ предоставилъ онъ Государю. Государь и Цесаревичь при церемоніи присутствовали за просто безъ орденовъ. Талызина квартира была противъ самого дворца съ площади».

Описаніе Іордани и Петергофскаго праздника столь увлекательно и характеристично, что мы рѣшаемся сдѣлать объ нихъ выдержку изъ письма Евгенія къ Македонцу.

6-го (1802) была у насъ прекрасная, какой никогда не бывало здѣсь, церемонія: Іордань сдѣлана была противъ дворца на Невѣ. Полки разставлены во фронтъ вокругъ дворца. Командовалъ главно самъ милой Государь. Мы вышли изъ большаго дворцоваго подъѣзда и пошли по всей дворцовой площади къ Адмиралтейству и обошедши весь дворецъ кругомъ, при барабанномъ боѣ взошли на Неву въ Іордань. Къ намъ въ Іордань же пришли Императрицы, Марія Павловна и Баденскія принцессы. При погруженіи креста изъ всѣхъ гвар. полковъ прекрасный бѣглый огонь; а по окропленіи всѣхъ знаменъ съ крѣпости пушечная пальба. Прекраснѣе всего было глядѣть на конногвардейскій полкъ Константина Павловича, а и еще прекраснѣе было видѣть, какъ онъ по немъ леталъ соколомъ, и какъ браво дѣлалъ онъ честь Государю, съ глубочайшимъ, искреннимъ, на лицѣ написаннымъ почтеніемъ. Полкъ его стоялъ со стороны дворцов. набережной, противъ Іордани. Народу было безчисленно. День прекрасный и не холодный. У всѣхъ на лицахъ написано было благонадежное, безбоязненное взираніе на Высочайшую Фамилію. Послѣ окончанія водосвятія Государыни Императрицы вмѣсто того, чтобы возратиться прямо съ берегу во дворецъ, поохотились за нами пройдти пѣшкомъ вокругъ дворца по полкамъ, а это вѣдь около версты. Государь, Константинъ и другіе около нихъ плясали на лошадяхъ»

«22-го Іюля (1803) былъ праздникъ въ Петергофѣ и превеликолѣпная иллюминація. Туда приглашенъ былъ и Синодъ, а какъ Пустыня моя на дорогѣ, то двѣ ночи Синодальные всѣ у меня ночевали, и, слѣдовательно никогда мнѣ было отправлять къ Вамъ письмо, да и въ Петергофѣ мнѣ быть не удалось за домашними пріуготовленіями. Но изъ Петербурга цѣлые полгорода туда ѣздили и ходили.

Смѣшно было смотрѣть на многихъ женщинъ въ модныхъ платьяхъ и подъ флеромъ, а маршрующихъ туда пѣшкомъ, ибо извощики были крайне дороги. А въ женщинахъ обыкновенно нетерпѣливость такова, что хотя пѣшкомъ итти 26 верстъ, но только быть бы на гуляньи. Въ 12 часу ночи Гарнеринъ пустилъ съ Петергофской гавани иллюминованный шаръ; но по несчастію онъ едва поднялся на воздухъ, то загорѣлся и съ сильнымъ трескомъ лопнулъ. Вся Петергофская иллюминація, слышно, стоила 40000 руб., и всѣ были веселы. Столы были для всѣхъ. Но изъ духовныхъ за императорскимъ столомъ былъ только одинъ митрополитъ. Съ вечеру до свѣту былъ вольный маскарадъ.»

Вотъ какъ Евгеній въ одномъ изъ писемъ къ Македонцу описываетъ посѣщеніе молодымъ Императоромъ Александро-Невской Лавры.

«30 августа (1801) Государь со всею Царскою Фамиліею былъ у насъ въ Лаврѣ и у Митрополита въ покояхъ на праздникѣ. Всѣ весьма были веселы и мы предстоя имъ чрезвычайно ими любовались. Какой красавецъ, милой, ласковой, привѣтливой и самымъ взглядомъ привлекающій Монархъ! О! Москва его разцѣлуетъ, и по уши влюбится въ его милой характеръ. Да и вся Царская Фамилія подобна цвѣтнику самыхъ отборнѣйшихъ цвѣтовъ. Елена Павловна съ супругомъ на другой день поѣхали во свояси, и Баденской съ фамиліею въ Штокгольмъ. Всѣхъ ихъ мы насмотрѣлись 27 и 30 чиселъ... Говорили всѣ, то по французски, то по русски и весьма проворно, по придворному обычаю. Отпустя ихъ, мы у Митрополита не по праздничному, а по домашнему между своими только пообѣдали. Изъ постороннихъ были только Митрополитъ р. к. церквей Сестренцевичъ и баромъ Строгоновъ. Монастырь весь день преисполненъ былъ народу. Въ тотъ же день въ вечеру вдовствующая Императрица съ Княжнами слушали въ Казанскомъ соборѣ молебень на путь, а Государь на другой день по утру отправился въ Москву. А Митрополитъ нашъ, выѣхалъ уже 3-го Сентября, уступая встрѣчу въ Москвѣ одному Платону. Какъ то въ Москвѣ они поладятъ? Но нашъ уступивъ!»

Въ этомъ же письмѣ Евгеній мастерски изображаетъ дамскіе наряды, въ которые были одѣты придворныя дамы на праздникѣ 30 Августа:

«Всѣ онѣ были въ кисейномъ платьѣ съ серебряными по оному цвѣточками; головы причесаны въ складку косъ и перепизаны косы витками крупнаго жемчуга. Одна вдовствующая Императрица была въ маленькомъ чепцѣ. На всѣхъ были шали турецкія, платье въ обтяжку, однако со шлейфами; груди полузакрытыя, брильянтовъ по немногу, только на Царицѣ Императрицѣ нитка на шеѣ брилліантовъ была преудивительная. Государь былъ въ мундирѣ общемъ, а Константинъ Павловичъ въ бѣлой лейбкирасирской курткѣ».

По любви къ изящному, заставлявшей его присматриваться дамскимъ нарядамъ, вниманіе его обращала на себя также и живопись.

«Въ новой Невской церкви, пишетъ онъ Македонцу, нѣкоторыя картины такъ хороши, что въ сравненіи съ натурою недостаетъ имъ только души. На картину Введеніе Богородицы во храмъ смотрѣлъ я съ полчаса и все еще не досыта наглядѣлся. Удивительная живопись!»

О своемъ впечатлѣніи, при посѣщеніи Академіи Художествъ и Кунсткамеры, онъ пишетъ:

«Глаза всѣ растерялъ за множествомъ предметовъ не припомню всего... былъ въ гостяхъ у Петра Великаго, посмѣялись глядя и на сапожную сбрую его, на его шляпу, кафтаны и табакерки. Въ академіи художествъ все убрано было на показъ публикѣ... видѣлъ я тамъ славную сѣтку съ рыбой, ракомъ и паукомъ; видѣлъ еще славнѣйшую Ломоносова мозаическую картину, а и еще лучше его мозаическая картина Петра Апостола, составленная однимъ французомъ. Видѣлъ я много антиковъ и копій знатнѣйшихъ мастеровъ; видѣлъ безподобныя картины, статуи, эстампы, бюсты и т. п.»

Евгеній былъ архимандритомъ Зеленецкаго монастыря, находящагося отъ Петербурга въ разстояніи 100 верстъ, близъ Тихвина, но къ нему за болотами, нельзя было ѣздить иначе, какъ зимою. По многосложности своихъ занятій, Евгенію не удавалось въ своемъ монастырѣ отдохнуть и неоднократно онъ жаловался своему другу «хлопоты душатъ, да случились еще и огорченія». И когда онъ горѣлъ нетерпѣніемъ оставить опасный для его здоровья Петербургъ и силы его ослабѣвали отъ безчисленныхъ должностей и дѣлъ, онъ былъ переведенъ изъ Зеленецкаго монастыря въ Сергіево-Троицкую пустынь, всего только разстояніемъ 15 верстъ отъ Петербурга, отъ Стрѣльны въ 1 верстѣ, а отъ Петергофа въ 10 верстахъ.

Но мало ему принесло пользы это новое назначеніе: «мѣсто прекрасное, пишетъ онъ своему другу, и по окрестностямъ раю подобное. Но мнѣ больше имени, наслаждаться имъ не даютъ. Зеленецкаго я и не видалъ; а Пустынь хотя и часто видѣть можетъ быть случиться, но съ тѣмъ, чтобы отдохнуть въ ней на полсутки и съ большимъ вздохомъ оставлять ее. Sic nos in sceptra reponis? (Такъ-то опять вѣнчаешь ты меня на царство) скажу по Виргиліеву. 2-го Февраля (1802) я со звономъ туда въѣхалъ, служилъ и монастырь принялъ въ управленіе, разумѣется *по титлу*. Поглядѣлъ на море изъ настоятельскихъ прекрасныхъ покоевъ; посидѣлъ въ томъ покоѣ, гдѣ въ 1762 г. Іюня 28 сидѣла Екатерина II, трепеща отъ... Тамъ до нынѣ виситъ ея портретъ и надпись изъ Римлянъ XVI. 1. г. «(Вручаю же вамъ Фиву сестру нашу, сущу служительницу церкве яже въ Кегхреехъ. Да пріимите ю о Господѣ достойнѣ святымъ и споспѣшествуйте ей о ней же аще отъ васъ потребуетъ вещи: ибо сія заступница многимъ есть).

За тѣмъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ описываетъ устроенное имъ въ пустыни гулянье для ректора и учителей Академіи и посѣщеніе пустыни Государемъ Императоромъ.

« 2-го Іюня ѣздили мы всѣ въ Кронштадтъ, все чудесное тамъ осмотрѣли: машину всемощную, каналы для починки кораблей преудивительные, магазины преогромные, гавань преобширную, кораблей иностранныхъ неисчислимое множество, разнообразность народа неописанную и вмѣстѣ нанюхались воздуху смраднѣйшаго»...

«... 6-го Августа милой Государь былъ въ моей пустынѣ въ 9 часу по утру и притомъ *incognito* проѣздомъ въ Питеръ, вотъ какъ:

«Входитъ офицеръ въ застегнутомъ капотѣ и со шляпою простою офицерскою — одинъ безъ провожатаго, смѣло и не озираясь никуда — прямо въ монастырь и къ большой церкви, въ которой тогда не было никого. Подходя къ дверямъ встрѣчаетъ стараго монаха свѣчепродавца, идущаго также въ соборъ. Вотъ ихъ разговоръ:

« Благослови св. отецъ!

— « Я простой монахъ и не благословляю.»

« Отвори мнѣ церковь!»

— Что тебѣ тутъ дѣлать? тутъ никого нѣтъ!»

« Мнѣ хочется помолиться.»

— Вонъ тамъ раннюю служатъ у ризницы, поди туда ».

« Да мнѣ хочется приложиться къ иконѣ Сергія Преподобнаго.»

— Ну изволь. Тутъ онъ отворилъ ему дверп и самъ безъ вниманія пошедши впередъ, поворотилъ къ своему свѣчному ящику; а незнакомый пошелъ къ царскимъ дверямъ, сдѣлалъ три поклона; пошелъ въ олтарную, приложился къ престолу и оборотясь увидѣлъ молодаго іеродіакона, читающаго правила Подошедъ, сказалъ: « благослови отче!»

— Я іеродіаконъ, отвѣчалъ тотъ.

Тутъ незнакомецъ, не сказавши больше ни слова, пошелъ изъ олтаря. Старикъ ему видно очень полюбился и потому онъ подошелъ опять къ нему: ну отецъ святой, много-ли васъ тутъ братіи?

— Человѣкъ съ двадцать есть.

« По скольку вамъ жалованья?».

— По 24 рубля.

« О какъ мало »!

— Это еще слава Богу, бывало по 13 рублей.»

« Да чѣмъ же вы содержитесь ?

— Подаяніями.»

« И довольны »?

— Слава Богу.»

«А гдѣ живетъ братія»?

— Вотъ тамъ!

Между тѣмъ одна Петергофская баба, пришедшая на моленіе, узнала его еще въ воротахъ и побѣжала сказать казначею, который, по скорѣе одѣвшись, лишь вышелъ на дворъ, а гость ему на встрѣчу.

«Благослови отче святой!»

— Я не достоинъ благословить Ваше Императорское Величество

«Благослови, пожалуй.»

— Не смѣю.

«Ну я приказываю.»

Тутъ принялъ онъ благословеніе и успѣлъ руку поцѣловать.

«Гдѣ ты живешь.»

— Вотъ здѣсь!

«Вошедши Государь сказалъ: «о какъ тѣсно!»

— Другая братія еще тѣснѣе моего живетъ.

Вышедши, спросилъ: «а это кто живетъ?»

— Духовникъ.»

«Вшедши и къ нему принялъ благословленіе. Потомъ въ трапезу и въ кухню, а какъ стали его и другіе узнавать, то онъ поскорѣе вонъ изъ монастыря къ каретѣ, которая стояла на дорогѣ саженяхъ въ 50, сѣлъ и только видѣли. Казначей однакоже успѣлъ поднести ему просвиру и проводить. Въ монастырѣ все слава Богу было чинно и опрятно. Въ настоятельскихъ покояхъ не былъ, а то не сказалъ бы, взглянувъ въ нихъ: *это тѣсно и бѣдно.*»

«Вы небось подумаете, что изъ сего посѣщенія Государева что нибудь произойдетъ. Не безпокойтесь, онъ часто и вездѣ строитъ такіе инкогнито, иногда удастся поосмотрѣть, а иногда на первомъ шагу узнаютъ и онъ дальше не идетъ. На другой день узнавъ, пріѣхалъ и въ пустынь развѣдать пообстоятельнѣе. Бѣдный мой свѣчепродавецъ почти воетъ о томъ, что онъ грубо говорилъ съ незнакомцемъ, а духовникъ себѣ о томъ, что онъ его благословилъ. Я насилу успокоилъ ихъ, и потѣшился надъ ихъ простотою.»

При одномъ письмѣ Евгеній, препровождая Мекедонцу выписку изъ старой рукописи, найденной имъ въ академической библіотекѣ, въ которой находились свѣдѣнія, относящіяся до исторіи г. Воронежа, весьма справедливо замѣчаетъ:

«Вотъ какъ были внимательны и замѣчательны встарину, даже и нѣвчіе придворные часто писали журналы своего путешествія. А нынчѣ губернаторы вездѣ — даже въ своихъ губерніяхъ — все пропускаютъ безъ замѣчанія».

Какъ благодѣтельные лучи солнца согрѣваютъ окружающій его міръ, такъ благотворительность высшихъ особъ приноситъ двойную пользу, возбуждая общество

къ добродѣтельнымъ поступкамъ—утвердительно можно сказать, говоритъ г. Богдановичъ, что ни одна эпоха нашей исторіи не представляла дотолѣ такого множества подвиговъ добра, какое встрѣчается въ первые годы царствованія Александра I. *)

Съ первыхъ дней своего благаго царствованія Императоръ оказывалъ попеченіе о всѣхъ имѣющихъ нужду въ общественной помощи; это попеченіе сдѣлалось важною отраслью управленія и главнымъ докладчикомъ по дѣламъ благотворительности былъ избранъ волею Императора камергеръ Витовтъ.

---

*) Живой примѣръ чрезвычайнаго благодушія Государя Императора не могъ не возбудить подражаніе и въ окружавшихъ его. Приведемъ здѣсь одинъ только случай Царскаго сострадания къ ближнему, бывшій во время путешествія молодаго Императора чрезъ Литву, случай вполнѣ, обнаруживший высокохристіанскую душу этого Благословеннаго Монарха.

Опередивъ на довольно большее пространство свою свиту Государь усмотрѣлъ на берегу Вилліи нѣсколько человѣкъ, только что вытащившихъ изъ воды тѣло утонувшаго крестьянина и не будучи узнанъ ими, помогъ имъ раздѣть тѣло и тереть виски, руки и подошвы ногъ обмершаго, но все было тщетно; нѣсколько минутъ спустя подоспѣла сопровождавшая Императорская свита: Князь Волконскій, Графъ Ливенъ и лейбъ-хирургъ Вилліе. По желанію Государя, снова были испытаны всѣ средства къ спасенію погибшаго и столь же безуспѣшно. Вилліе пустилъ ему кровь; но она не пошла и какъ будто застыла; Вилліе рѣшительно объявилъ, что уже не оставалось никакой надежды вызвать жизнь угасшую невозвратно. Императоръ Александръ однако же настоялъ, чтобы лейбъ-хирургъ еще разъ попыталъ кровопусканіе. Вилліе, покачавъ головою, исполнилъ его желаніе и на этотъ разъ къ удивленію врача пошла кровь и вздохнулъ мнимо умершій. По свидѣтельству самого Вилліе, никакія слова не могутъ выразить восхищеніе и радость благодушнаго Монарха. Поднявъ глаза къ небу онъ вскричалъ: «Боже милостивый! сей день есть лучшій день моей жизни» и лице его покрылось слезами благодарности. Вилліе найдя, что у больнаго уже довольно было выпущено крови, приступилъ къ перевязкѣ и Государь разорвалъ весь свой платокъ, самъ перевязалъ руку спасеннаго имъ; прійдя въ себя крестьянинъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на неизвѣстнаго, усердно о немъ заботившагося человѣка. Государь оставилъ его только тогда, когда перенесли его въ ближайшую избу, чтобы оказать ему помощь, въ которой онъ могъ имѣть нужду. Императоръ Александръ не только щедро вознаградилъ всѣ издержки, необходимыя въ продолженіи его болѣзни, но устроилъ хозяйство и обезпечилъ будущность его.

Королевское общество въ Лондонѣ для спасенія мнимо умершихъ, получивъ свѣдѣнія объ этомъ случаѣ, единогласно постановило поднести Императору Александру чрезъ англійскаго посла Дугласа золотую медаль и исходатайствовать дозволеніе Государя на помѣщеніе имени Его Величества въ числѣ почетныхъ членовъ общества. Въ послѣдствіи общество довело до свѣдѣнія публики поступокъ человѣколюбца — Монарха въ особой брошюрѣ подъ заглавіемъ: Cace of of resuscition by his Majesty Emperor of Russia. На медали съ одной стороны изображенъ младенецъ, старающійся дыханіемъ своимъ возбудить погасшій свѣтильникъ съ надписью: latet scintilla forsan (можетъ быть искра скрывается), а съ другой дубовый вѣнокъ, окружающій слова: Alexandro Imperatori Societas Regia humana humanisime donat, Императору Александру Человѣколюбивое королевское общество усердно приноситъ.

*

Вотъ слова указа, даннаго на имя Витовта:

«Обыкновенное подаяніе нищимъ, умножая только число оныхъ, не упокоя старца, отягощеннаго лѣтами, не возвратитъ здоровья юношѣ, увядшему на зарѣ дней своихъ, не избавитъ отъ смерти или порока младенца, долженствующаго быть подпорою отечества. Нерѣдко также наглый тунеядецъ похищаетъ отъ руки благодѣтельной то, что назначено было отцу семейства, томящемуся на одрѣ смерти и отчаянія. Изъ сего слѣдуетъ, что растроганну быть наружнымъ и весьма часто обманчивымъ видомъ нищеты и убожества не есть еще благодѣяніе. Надлежитъ искать несчаятныхъ въ самомъ жилищѣ ихъ, въ сей обители плача и страданія.»

Далѣе сказано, что Государь, взявъ подъ свое особенное и непосредственное покровительство всѣ благодѣтельныя общества, поручилъ занятіе и доклады по части государственнаго благодѣянія также каммергеру Витовту.

Указомъ 16 Мая 1802 года учрежденъ былъ Благодѣтельный Комитетъ и, по назначенію Государя, состоялъ изъ трехъ членовъ: Министра коммерціи Гр. Румянцова, Надв. Сов. Щербакова и купца фонъ-деръ-Флита, которымъ было поручено избрать четвертаго, четыремъ членамъ пятаго и т. д. до девяти, коимъ предоставлено дополнить по большинству голосовъ, число членовъ до 17. Въ числѣ первыхъ членовъ этого Комитета былъ Архимандритъ Евгеній, которымъ былъ представленъ на обсужденіе членовъ Комитета «Голосъ»; въ этой запискѣ объяснялось, какимъ образомъ всего лучше можно подавать помощь убогимъ и престарѣлымъ.

Въ письмахъ Евгенія къ Македонцу сохранились любопытныя свѣдѣнія и объ этомъ Комитетѣ Благодѣтельнаго Общества.

«Вы спрашивали меня, какіе у насъ успѣхи по Комитету Благодѣтельнаго Общества. Доселѣ никакихъ еще не было. Иностранные сочлены хотѣли все учредить на Гамбургскій манеръ, а русскимъ это не нравилось и хотѣлось устоять на установленіи одного Приказа Общественнаго Призрѣнія. Все только спорили и ни въ предметѣ ни въ планахъ не согласились. Наконецъ я предложилъ раздѣлить и опредѣлить сперва предметы на разные разряды и по моему предложенію раздѣлены дѣла комитета на три класса: 1) помощь инвалидамъ, 2) воспитаніе дѣтей безпомощныхъ, 3) истребленіе таскающихся здоровыхъ и могущихъ работать нищихъ. Потомъ предложилъ я всѣ сіи разряды препоручить какимъ-нибудь членамъ обдумать и представить планы на разсмотрѣніе Комитету. По сему первая часть препоручена мнѣ, вторая пастору Буссе и третья ст. сов. Лерху. Я свое предначертаніе отдѣлалъ, подалъ и оно по послѣднимъ моимъ пунктамъ во всей силѣ принято за основаніе. Прочіе-же сочлены еще о сю пору ничего не представили. Графъ (Румянцовъ) хочетъ, чтобы основаніе моего плана было основаніемъ и прочихъ двухъ плановъ. Посмотримъ, что представятъ другіе коммиссіонеры, я теперь по-

тѣю надъ расположеніемъ подробнаго учрежденія моей части. Постановленія мы сдѣлаемъ на одинъ только Петербургъ сперва. Если удастся, то и вездѣ тоже будетъ.»

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ Евгеній пишетъ другу:

«Комитетъ нашъ вскорѣ рушится, ибо сотрудники мои отказались отъ сочиненія плановъ по своимъ частямъ и теперь все хотятъ оставить по прежнему Приказамъ, предположивъ размножить ихъ заведенія; а въ пособіе, по моему предначертанію, заставить и каждое состояніе печись о своихъ. Мнѣ же поручено написать и докладъ о семъ, который я уже и изготовилъ.»

Далѣе пишетъ:

«На прошедшей недѣлѣ былъ я съ Витовтовымъ у одного англичанина, работающаго голландскую тесьму — изъ чего же? Изъ нашей бросаемой пакли. Я прилагаю при семъ образчики отъ грубой пакли до шелковидной матеріи въ трехъ степеняхъ обдѣлки. Вотъ что иностранныя руки могутъ дѣлать изъ русской дряни!»

Не смотря на то, что Евгеній «потѣлъ» надъ докладами Комитета и одинъ работалъ за всѣхъ членовъ, но труды его остались не награжденными.

«Вы дивитесь, что я за нищенскій комитетъ ничего не получилъ. Да когда же я что нибудь за труды получалъ? Во всю мою жизнь судьба моя была работать, а не получать за работу награды, а если что получалъ и получилъ я, то совсѣмъ не за труды, а какъ-то послучаю. Чудно! И здѣсь не стыдятся меня въ глаза даже хвалить, и начальники и свѣтскіе. Но или я причиною, что никогда и ничего себѣ не просилъ и просить не хочу, или можетъ быть и Провидѣніе Божіе не хочетъ баловать меня и не за заслуги награждать меня хочетъ, а туне, когда я не чаю.»

Комитетскія дѣла не могли не сблизить архимандрита Евгенія съ графомъ Н. П. Румянцовымъ, съ которымъ въ послѣдствіи началась у него переписка, изданная Воронежскимъ Статистическимъ Комитетомъ.

Пришлось Евгенію съ митрополитомъ обѣдать въ Павловскѣ у вдовствующей Императрицы, гдѣ было около 100 человѣкъ.

«Признаюсь, пишетъ онъ Македонцу, сперва показалось дико, а послѣ осмѣлясь я говорилъ за столомъ столь-же громко и смѣло, какъ и другіе; а особливо сидѣвшій возлѣ меня графъ Румянцовъ много придавалъ мнѣ духу фамильярностью своею. Онъ меня тутъ-же за столомъ рекомендовалъ Государынямъ, какъ пріятеля своего и ученаго человѣка, а я краснѣлъ отъ его рекомендацій и притомъ отъ рекомендацій еще митрополичьихъ. Онъ передъ столомъ поднесъ всей фамиліи по экземпляру церковнаго церемоніала и, указавъ на меня донесъ, что я говорилъ проповѣдь. Румянцовъ тутъ примолвилъ что я же сочинилъ и Грузинскую исторію. Я отъ стыда всего упомнить не могу. Государыня вдовствующая спрашивала меня, бывалъ ли я прежде въ Павловскѣ, обходилъ ли я весь его и нравится ли онъ мнѣ? На все то я кое-какъ отвѣчалъ»

Не можемъ здѣсь не упомянуть о нѣкоторыхъ подробностяхъ, касающихся исторіи Грузіи; онѣ довольно интересны для характеристики особеннаго умѣнья Евгенія пользоваться всякимъ матеріаломъ для историческаго описанія.

Въ письмѣ отъ 14 Мая 1801 года вотъ что онъ пишетъ Василію Игнатьевичу:

«Царевичи Грузинскіе сюда пріѣхали; но судьба ихъ еще неизвѣстна. Еще ко Двору не представлялись. Грузинскій нашъ владыка, какъ нибудь да говоритъ по русски, а Грекъ Евгеній о сю пору ни слова, а всему Греческая гордость причиною.»

Варлаамъ Грузинскій архіерей, прикомандированный въ помощь С.-Петербургскому Митрополиту, по поводу присоединенія Грузіи 18 Января 1801 года, получилъ титулъ Члена Синода и ему назначена была мѣстомъ пребыванія Невская Лавра, въ которой и приготовлены были для него покои. Этотъ случай сблизилъ Евгенія съ Грузинскимъ Преосвященнымъ и онъ, проводя съ нимъ вечера, прислушивался къ разсказамъ о Грузіи и потомъ для памяти выслушанное записывалъ и такимъ образомъ составилась цѣлая книга о Грузіи.

«Прочелъ владыкѣ Варлааму — пишетъ онъ Македонцу, — онъ аже изумился, ну и пополнять, поправлять, съ находящимися здѣсь Грузинскими Князьями совѣтоваться и спрашиваться. Попросилъ я помощи отъ Бантышъ-Каменскаго. Онъ все любопытное изъ своего гнѣзда мнѣ сообщилъ. Вотъ и книга..., Названіе ея слѣдующее: Историческое изображеніе Грузіи въ политическомъ, церковномъ и учебномъ ея отношеніи.»

Въ книгѣ этой помѣщено по грузински «*Отче нашъ*» и нѣсколько стиховъ и все это писалъ, говоритъ самъ Евгеній, человѣкъ ни слова по грузински не знающій и отъ роду Грузіи не видавшій. Книгу эту напечаталъ онъ въ 200 только экземплярахъ на свой счетъ и на заглавномъ листѣ сказано просто: Сочинено въ Александро-Невской Академіи. Хотя по видимому этотъ трудъ былъ поспѣшный, но видно основательный, когда удостоился перевода на языки нѣмецкій, французскій и англійскій, а рецензію ея сдѣлалъ ученый Шлецеръ, профессоръ исторіи.

По поводу этой исторіи Грузіи Евгеній пишетъ Македонцу:

«Вы говорите, что я Грузиновъ слишкомъ расхвалилъ, а имъ самимъ и этого кажется мало-Нѣкоторые изъ ихъ Князей нѣнятъ на меня, зачѣмъ я назвалъ землю ихъ несчастною; зачѣмъ написалъ, что онѣ угнетены были, что не столь просвѣщенны нынѣ, какъ Европейцы, что они еще за 215 лѣтъ уже подданные русскіе, ибо правду сказать, въ ихъ исторіяхъ ни слова о томъ, чтобы они когда нибудь предавались русскимъ, но я имъ толковалъ, что у нихъ архивъ нѣтъ, и царь ихъ гра-

матъ россійскихъ беречь не умѣетъ, а у насъ всѣ ихъ граматы донынѣ цѣлы оригиналами. Прочелъ ими исторійку объ (нельзя разобрать)... Архіепископѣ и взбѣсилъ ихъ до безумія. Я имъ угрожаю, что напечатаю это описаніе. Земля ихъ дѣйствительно прекрасная, волшебная, но жители дурны.»

Въ другихъ письмахъ его къ Воронежскому другу мы читаемъ не менѣе достойные здѣсь повторенія извѣстія о другомъ его трудѣ: описаніе Воронежа.

«(26 Іюня 1800) Наконецъ владыкѣ своему представилъ я Воронежскую исторію и онъ позволилъ мнѣ согласиться на требованіе Александра Борисовича Сомова (Воронежскаго губернатора), чтобы оная представлена была отъ него черезъ Генералъ-Прокурора къ Государю. Сего только я и желалъ, ибо безъ вѣдома его оказавшаяся при Дворѣ книга могла бы меня представить предъ нимъ интриганомъ. И такъ Вамъ я чаю доведется писать о ней письма. Не забудьте упомянуть и о сочинителѣ. Къ Александру Борисовичу я на нынѣшней же почтѣ пишу и посылаю посвященіе простое безъ всякаго имени да и не нужно оно.»

Въ другомъ письмѣ, отъ 12 Сентября того же года, увѣдомляетъ:

«Александръ Борисовичъ описаніе Воронежа Государю черезъ Трощинскаго поднесъ и получилъ золотую табакерку съ брильянтами тысячи полторы, а мнѣ предоставилъ по Виргильеву припѣвать:

Hos ego versiculos feci, tulit alter honores:
Sic vos non vobis mellificatis apes,
Sic vos non vobis vellera fertis oves,
Sic vos non vobis fertis aratra boves,
Sic vos non vobis nidificatis aves.

Митрополитъ и П. В. вознегодовавъ на его поступокъ, утѣшаютъ меня, но не знаю къ чему послужитъ сіе утѣшеніе. П. В. пѣнялъ даже и Трощинскому. Вотъ каковъ вашъ Ал. Бор.! Хоть бы на счетъ своей табакерки прислалъ мнѣ хлѣбъ-соль, а то ничего не сдѣлавъ, уѣхалъ въ Москву; да и проститься со мною посовѣстился.

Черезъ годъ послѣ того жалуется на того же Губернатора:

«Я не знаю, правда ли то, что Александръ Борисовичъ вамъ говорилъ, что книга моя сдѣлала меня замѣчательнымъ, но то правда, что я крестъ получилъ не за нее, а за Александра Борисовича, ибо при случаѣ какъ я разсказалъ Митрополиту его поступокъ онъ именно выговорилъ: «не скучай, коли онъ тебя забылъ, такъ мы тебя не забудемъ», и въ тотъ же день на ряду съ прочими назначенными къ крестамъ вписалъ въ реестръ меня и послалъ къ Трощинскому. И такъ я все таки обязанъ А. Б., потому что я за него получилъ крестъ, хотя и не чрезъ него.»

Въ предпослѣдній годъ своего пребыванія въ Александро-Невской Лаврѣ Евгенію довелось принимать участіе въ большомъ торжественномъ церковномъ праздникѣ, бывшемъ въ Исакіевскомъ Соборѣ, по поводу столѣтняго юбилея основанія Петербурга.

За пять дней только до сроку объявлено было Евгенію, что онъ будетъ говорить проповѣдь и, не смотря на столь непродолжительное время проповѣдь онъ сочинилъ

и Синодъ одобрилъ къ печатанію. Проповѣдь вмѣстѣ съ церемоніаломъ, имъ же сочиненнымъ, была напечатана въ 2500 экземплярахъ и объ этомъ—то церемоніалѣ графъ Румянцовъ докладывалъ Императрицѣ за обѣдомъ въ Павловскѣ въ присутствіи тамъ Евгенія.

Нужно отдать справедливость умѣнью—воздавая похвалы основателю столицы Петру Великому, высказать всѣ надежды народа, положенныя на молодомъ монархѣ, повелѣвшемъ праздновать этотъ юбилей.

Заступничеству Румянцову мы обязаны, что Евгеній чуть было не былъ отправленъ въ Японскую экспедицію.

«Въ половинѣ іюня (1803) три наши корабля отправлены будутъ въ Японію и восточные острова около всего свѣта. Флотилія сія поѣдетъ подъ начальствомъ сенатскаго прокурора Ник. Петр. Рязанова, по собственному его вызову. Ему даются полныя кредитивныя грамоты ко всѣмъ восточнымъ державамъ отъ имени нашего Государя. Рязановъ, будучи мнѣ коротко знакомъ, звалъ меня въ сію экспедицію. Но Богъ съ нимъ? Пусть онъ одинъ Кукомъ будетъ. Не завидны мнѣ всѣ его Азіятскія почести. Онъ даже Государю докладывалъ обо мнѣ. Но спасибо графъ Румянцовъ отклонилъ сіе вниманіе на бѣдную мою голову. Лучше съ вами поживемъ въ Россіи.»

Заслуги Архимандрита и префекта Евгенія были столь уже гласны, что другъ его Македонцовъ нисколько не удивился, получивъ отъ него письмо слѣдующаго содержанія:

«1-го Января сего новаго года (1804) Промысломъ Божіимъ и милостію Монарха нашего пожалованъ я въ званіе Новгородскаго викарія. Признаюсь, что я не ожидалъ столь скоро выдти изъ послушниковъ; да и не вышелъ бы такъ скоро, еслибы благоволѣніе Архипастыря не было ко мнѣ особенное. Владыка выбралъ меня, и я сердечно готовъ ему жертвовать всѣмъ собою. Въ концѣ сего мѣсяца по посвященіи, думаю, успѣю и выѣхать въ Новгородъ, дабы тамъ не запустить епархіальныхъ дѣлъ; а владыка всю епархію въ полную мою власть вручаетъ. Прошу помолиться о благоуспѣшіи моемъ. 11-го будетъ мнѣ нареченіе, а 17 посвященіе. У васъ есть архіерейская присяга, посмотрите на какой подвигъ влечетъ меня неожиданное званіе Божіе! О! Да поможетъ Господь быть достойнымъ сего званія. Вы и я видали архіереевъ; сличите съ присягою, и тогда со мною прізнаетесь, что мы неключимые рабы».

Хлопоты по разъѣздамъ съ поклонами, пріему гостей, сдачѣ Академіи и суммъ академической и Сергіевой пустыни заняли Евгенію цѣлый мѣсяцъ времени и вотъ первыя его строки изъ Новгорода, отъ 17 февраля 1804 года:

«Досталось кое-гдѣ недочеты тихонько приплатить, неоконченное — докончить, неполное приполнить и тому подобное. Словомъ сказать, сверхъ пожалованной тысячи отъ Государя, я издержалъ своихъ столько же и съ малыми остатками вырвавшись пріѣхалъ въ Новгородъ 8 числа сего мѣсяца Февраля къ вечеру. Теперь душа на мѣстѣ... Служба была не долга, но крайне тяжела.»

II.

ГОЛОСЪ

ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ

КОМИТЕТУ БЛАГОДѢТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА

ЧЛЕНОМЪ ОНАГО

АРХИМАНДРИТОМЪ ЕВГЕНІЕМЪ

29 Октября 1802 г.

Угодно было высокопочтеннѣйшему Комитету Благодѣтельнаго Общества препоручить мнѣ обдумать и начертать планъ, какъ можно подать помощь убогимъ, престарѣлымъ и увѣчнымъ всѣхъ сословій. Приступая къ исполненію сего препорученія, за первый долгъ я себѣ почелъ сообразить все то, что уже въ Россіи учреждено было по сему предмету и примѣняя оное къ настоящему разсужденію и цѣли Комитета, встрѣтилъ я между тѣмъ нѣкоторыя недоумѣнія, которыя предварительно на рѣшеніе Комитету и представляю.

1.

Издревле, а найпаче со времени Государя Императора Петра I, Россійскіе Монархи и Монархини обращали вниманіе на способы, какъ облегчить судьбу бѣдныхъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ и всѣ согласно не предполагали иного къ тому способа, какъ или заводить для нихъ богадѣльню и гошпитали или производить имъ денежную дачу. Кто же изъ инвалидовъ назначенный въ гошпиталь не хотѣлъ быть въ ономъ, такому Государь Императоръ Петръ I въ Морскомъ своемъ уставѣ книги IV главы 4 отдѣленія 8, повелѣлъ выдавать единовременно годовое жалованье и паспортъ, а Государыня Екатерина II таковымъ же военнымъ инвалидамъ произвольно нехотѣвшимъ для пропитанія своего ѣхать въ назначенныя имъ мѣста, въ духовныхъ штатахъ 1764 года не повелѣла производить никакого пенсіона.

Посему Комитету прежде всякаго постановленія своего нужно рѣшить: заведеніемъ-ли богадѣлень и гошпиталей стараться помогать престарѣлымъ и увѣчнымъ или производствомъ денежныхъ пенсіоновъ или и тѣмъ и другимъ, смотря по удобности? И есть ли въ заведенныхъ богадѣльняхъ нѣкоторые безродные и безпомощные инвалиды, не по невозможности переселиться, но по пренебреженію сей помощи жить не похотятъ, то оказывать ли имъ другую какую помощь? и что съ ними дѣлать?

На сіе комитетомъ *рѣшено*: помогать и тѣмъ и другимъ, смотря по удобности. Но отъ богадѣлень увольнять неиначе, какъ на поруки.

2.

Государь Императоръ Петръ I многими указами повелѣвалъ для увѣчныхъ и дряхлыхъ строить богадѣльни при церквахъ. Императрица Анна Іоанновна указомъ 1730 Ноября 9 повелѣла оныхъ отсылать въ коллегію экономіи, которая отъ себя опредѣляла ихъ въ богадѣльни только на убылыя мѣста, а естьли убылыхъ мѣстъ не было, то давала имъ пропитаніе удѣляя изъ коллегіальной суммы, положенной на нищихъ; а отставныхъ изъ воинской службы инвалидовъ опредѣляла на пропитаніе при домахъ архіерейскихъ и монастыряхъ. Но первое учрежденіе въ разсужденіи богадѣленъ при церквахъ вышло изъ употребленія. А послѣднее сопряжено было съ великими затрудненіями и неудобствами, какъ для самихъ тѣхъ инвалидовъ, такъ и для духовныхъ мѣстъ, о чемъ подробно изъяснено 6-ю пунктами въ духовныхъ штатахъ 1764 года. Посему Высочайше отмѣнено было и сіе учрежденіе, а положено однакожъ при каждомъ архіерейскомъ домѣ содержать для самыхъ безпомощныхъ убогихъ всякаго рода при первоклассномъ 50, при второклассномъ 30, а при третьеклассномъ домѣ 25 человѣкъ и на содержаніе ихъ продолжающееся вездѣ и донынѣ назначено духовными штатами 1764 и 1797 года на каждаго человѣка по десяти

рублей. Прочихъ убогихъ по городамъ, по силѣ духовныхъ штатовъ 1764 года, велѣно было содержать отъ магистратовъ; а по силѣ учрежденія губерній главы XXV отъ Приказа общественнаго призрѣнія, коему смотря по надобности, предписано въ той же главѣ статья 386 распространять, умножать и заводить вновь богадѣльни а таковая богадѣльня нынѣ есть въ С.-Петербургѣ для 1000 человѣкъ обоего пола.

Въ поспѣшествованіе тому же въ уставѣ Благочинія статьѣ 119 предписано и каждому частному приставу имѣть попеченіе о призрѣніи убогихъ его части. А въ разсужденіи уѣздныхъ городовъ предписано 275-ю статьею учрежденія губерній каждому городничему стараться, чтобы всякій приходъ своихъ нищихъ убогихъ и по тѣлеснымъ недугамъ работать не могущихъ прокормилъ и оныхъ отнюдь не допускалъ до такой крайности, чтобы отъ голода и холода принуждены были по міру таскаться и стыднымъ и порочнымъ образомъ докучать людямъ подъ окошками или на улицахъ и мостахъ прошеніемъ милостыни. Точно тоже статьею 252 того же учрежденія губерній предписано вообще и каждому земскому исправнику по его уѣзду то есть имѣть попеченіе о прокормленіи нищихъ и убогихъ въ уѣздѣ и стараться, чтобы всякій приходъ; помѣщикъ или селеніе, своихъ нищихъ, убогихъ и по тѣлеснымъ недугамъ работать не могущихъ прокормилъ и проч. Кромѣ того еще и прежде указомъ 1758 года Апрѣля 15-го новелѣно было: увѣчныхъ и гнусныхъ нищихъ въ резиденціи таскаться отнюдь не допускать.

Посему Комитету нужно предварительно рѣшить: сверхъ ли всѣхъ вышеупомянутыхъ въ пользу безпомощныхъ убогихъ сдѣланныхъ уже учрежденій завести слѣдуетъ особыя Богадѣльни, либо другія вспомоществованія? или находящіяся уже донынѣ заведенія только постараться пріумножить и привести въ большее дѣйствіе?

Комитетомъ *рѣшено*: особыхъ не заводить, а умножить и усовершенствовать прежнія.

3.

Сверхъ всѣхъ вышеописанныхъ генеральныхъ предписаній относительно призрѣнія безпомощныхъ бѣдныхъ россійскія учрежденія содержатъ еще въ себѣ нѣкоторыя особенныя благодѣтельныя учрежденія порознь для всѣхъ почти народныхъ состояній, а именно:

1) Для содержанія отставныхъ изъ арміи инвалидовъ, Штабъ и Оберъ-офицеровъ и рядовыхъ, а также ихъ вдовъ и малолѣтныхъ дѣтей, по распоряженію духовныхъ имѣній въ 1764 году, положенъ Штатъ на 4353 человѣка и на нихъ опредѣлено ежегодной суммы по 120,000 рублей, а для удобнѣйшаго продовольствія распредѣлено ихъ разсылать по нѣскольку въ 31 украинскій городъ, гдѣ позволено было имъ селиться и получать каждому назначенный себѣ пенсіонъ, а тѣмъ, которые по дряхлости не могутъ ѣхать въ назначенные себѣ города, велѣно опредѣленную въ пенсіонъ сумму доставлять чрезъ команды въ тѣ мѣста, гдѣ онѣ находятся. Въ 1775 г. указомъ отъ 12 августа учреждена еще кромѣ того особая въ Москвѣ при полиціи больница на 100 ч. Въ 1779 г. указомъ отъ апрѣля 2 учрежденъ для военныхъ же Штабъ и Оберъ офицеровъ въ Москвѣ же Инвалидный домъ, штатомъ на 25 чел. и съ ежегоднымъ отпускомъ на нихъ 6679 р. 50 к., а въ 1797 г. ноября 2 при Межевыхъ правительствахъ учрежденъ Штатъ для Инвалидныхъ оберъ и унтеръ офицеровъ и рядовыхъ на 770 чел. вѣкъ съ опредѣленіемъ на нихъ ежегодно 7724 руб. Кромѣ сего Высочайше жалуется ежегодно военнымъ и статскимъ многимъ особенные пенсіоны.

2) Для дворянскаго состоянія XVI главою Высочайшаго учрежденія губерній и 59 статьею Дворянской Грамоты новелѣно быть въ каждомъ уѣздѣ губерніи дворянской опекѣ и естьли случилось бы дворянскому сиротѣ или вдовѣ остаться безъ всякаго имѣнія, то по силѣ 217 статьи учрежденія, опека обязана имъ доставить воспитаніе, пристанище и пропитаніе, приличное ихъ состоянію.

3) Для подаванія помощи бѣднымъ сиротамъ и вдовамъ мѣщанскаго и купеческаго состоя-

нія, въ XXI главѣ Учрежденія предписано при каждомъ городскомъ Магистратѣ быть Городовому Сиротскому Суду и есть ли бы случилось мѣщанскимъ и купеческимъ сиротамъ и вдовамъ остаться безъ всякаго имѣнія, то по силѣ 361 статьи Учрежденія, Сиротскій Судъ обязанъ имъ доставить воспитаніе, пристанище, пропитаніе, приличное ихъ состоянію.

4) Въ Городскомъ Положеніи въ статьяхъ 45 и 46 о ремесленникахъ предписано, что естьли бы кому и изъ нихъ случилось запемочь безъ призрѣнія или невинно обѣднѣть или въ нищетѣ умереть; таковому ремесленнику управа должна оказывать помощь и употреблять издержки изъ общей ремесленной казны; вдовамъ же ихъ опредѣлять попечителей, а дѣтей обучать ремеслу.

5) Духовные и престарѣлые и увѣчные предоставляются на пропитаніе ихъ дѣтямъ и родственникамъ, или тѣмъ, кои мѣста ихъ заступаютъ, а для таковыхъ же изъ монашествующихъ или безъ постриженія пребывающихъ въ монастырѣ во всѣхъ епархіяхъ въ силу Штата 1767 года назначено въ монастыряхъ по нѣскольку больничныхъ ваканцій, каковыя въ С.-Петербургской епархіи находится 25-ть. Сироты духовные воспитываются на всемъ казенномъ коштѣ въ духовныхъ училищахъ, каковыхъ и нынѣ въ С. Петербургской Александро-Невской Академіи содержится 100 человѣкъ. Тѣмъ изъ Церковнослужителей, которые соглашаются жениться на духовныхъ невѣстахъ сиротахъ и кормить осиротѣвшее семейство, даются лучшія мѣста или мѣста тестевъ ихъ. Вдовы духовныя преимущественно опредѣляются въ просвирни, въ монастырскія богадѣльни и есть ли пожелаютъ въ монастыри на монахинскія ваканціи; тѣ же вдовы и сироты, а найпаче градскія, которыя не могутъ воспользоваться всѣми выше означенными учрежденіями, а между тѣмъ по старости или дряхлости не имѣютъ силъ достать пропитанія, по Указу 1799 года Апрѣля 7-го, получаютъ жалованье, собираемое изъ духовныхъ штрафовъ, богадѣленныхъ кружекъ и остаточныхъ кладбищенскихъ доходовъ. Таковыхъ вдовъ и сиротъ нынѣ въ спискѣ въ С.-Петербургской консисторіи состоитъ 139.

6) Въ разсужденіи государственныхъ крестьянъ, Государь Императоръ Павелъ I въ учрежденіи объ Императорской Фамиліи въ статьѣ 201 предписалъ: «Тѣхъ, которые по причинѣ старости или за крайнею дряхлостью, работою не могутъ пріобрѣтать себѣ пропитаніе, содержать родственникамъ, а за неимѣніемъ или бѣдностію оныхъ попеченіемъ удѣльнаго приказа построить для жительства ихъ близь Церкви вѣдомства каждаго приказа подъ именемъ богадѣльни двѣ избы, одну для женскаго а другую для мужскаго пола, гдѣ и снабдѣвать ихъ теплотою, прокормленіемъ и нужною къ прикрытію наготы одеждою».

7) Помѣщичьихъ же таковыхъ крестьянъ, сверхъ вышеупомянутыхъ оныхъ узаконеній, еще указомъ 1730 года Ноября 9-го предписано отдавать помѣщикамъ для прокормленія и указомъ 1748 года Генваря дня подъ опасеніемъ немалаго штрафа запрещено таковымъ крестьянамъ даже и пашпорты давать для проходу въ другія мѣста.

За всѣми сими учрежденіями однакожъ оказываются бродящими увѣчные и престарѣлые нищіе изъ всѣхъ состояній, причиною сему не можетъ быть другое что, какъ или неисполняются всѣ изданныя въ пользу убогихъ узаконенія и учрежденія или къ удовлетворенію нуждамъ всѣхъ убогихъ не достаетъ средствъ. По сему Комитету остается или все исполненіе взять на себя, есть ли исполнить, то можно или не входя самому въ исполненіе и какими средствами можно удовлетворить нуждамъ безпомощныхъ увѣчныхъ и престарѣлыхъ.

Кажется первый и неотрицаемый долгъ имѣетъ каждое чиносостояніе призирать своихъ а прочихъ можно предоставить иныхъ казнѣ, а иныхъ общественному призрѣнію и для того Комитету есть ли угодно можно будетъ предположить своему плану слѣдующія правила:

1) Предписать каждому чиносостоянію призирать своихъ дряхлыхъ престарѣлыхъ и увѣч-

ныхъ безъ помощи находящихся, доставляя имъ на счетъ своей общественной казны (каковая вездѣ есть) пристанище, одежду и пропитаніе. Сіе предписаніе будетъ не новой налогъ, но давно уже узаконеніями назначенный, какъ выше показано.

2) Въ разсужденіи людей служивыхъ представить Его Императорскому Величеству, дабы умноженъ былъ штатъ инвалидовъ положенный въ 1764, 1775 и 1779 годахъ, включа въ число ихъ и инвалидовъ приказнаго званія.

3) Всѣ тѣ, которые не имѣютъ права на казенные пенсіоны и не найдутъ себѣ пристанища въ частныхъ каждаго чиносостоянія благодѣтельныхъ заведеніяхъ (каковы напр. иностранцы и другіе разночинцы) должны будутъ прибѣгать къ приказу общественнаго призрѣнія.

Комитетомъ всѣ сіи предположенія приняты, но за первое основаніе положено умножить и распространить заведенія приказовъ, а по наполненіи оныхъ представить оставшихся нищихъ каждому чиносостоянію. Полиціи же отсылать бродящихъ не къ командамъ, а въ приказы.

А чтобы безъ упущенія исполняемо было сіе отъ всѣхъ тѣхъ, на кого оное возложено будетъ то:

1) предписать полиціи забирать таковыхъ убогихъ и отсылать къ тѣмъ командамъ, которымъ предписано имѣть за ними призрѣніе или въ приказы общественнаго призрѣнія на разсмотрѣніе. Сія должность со строгимъ предписаніемъ возложена была на полицію еще указомъ 1730 года Ноября 9-го и 1770 года Февраля 27-го.

2) Есть ли найдутся въ другой разъ бродящіе таковые же люди какого нибудь состоянія, то штрафовать за то имѣющихъ непосредственную должность пещися объ нихъ и не допускать бродить. Такіе за сіе штрафы предписаны были давно уже указами 1718 года Іюля 20, 1730 Нвября 9 и 1734 Апрѣля 28-го.

Естьли приняты будутъ высокопочтеннымъ Комитетомъ сіи предварительныя положенія, то можно будетъ на нихъ основываясь, сдѣлать подробнѣйшее начертаніе, какъ все то удобнѣе произвести въ дѣйствіе.

ЗАМѢТКА ИЗДАТЕЛЯ ПО ПОВОДУ «ГОЛОСА».

Въ настоящее время чувство состраданія къ ближнему не менѣе развито, какъ и въ царствованіе блаженной памяти Императора Александра I. И сколько въ одномъ Петербургѣ находится разныхъ благотворительныхъ кружковъ, носящихъ разныя названія, но всѣ они не имѣютъ центра, въ которомъ сосредоточивались бы свѣдѣнія о результатахъ не только столичной, но и провинціальной благотворительности. Весьма желательно дабы возобновленъ былъ издававшійся *журналъ Человѣколюбиваго Общества*, въ которомъ помѣщались бы отчеты всѣхъ гуманныхъ учрежденій и излагались бы мѣры, принимаемыя заграницею для уменьшенія нищенства. Разумная помощь дѣйствительно облегчаетъ судьбу бѣдныхъ, но модная по увлеченію только благотворительность безъ солидныхъ основаній распространяетъ только тунеядцевъ. *Вѣстникъ благотворительности* доктора Тицнера, какъ частное изданіе, не можетъ достигать той цѣли, какой бы достигло своимъ органомъ *Императорское Человѣколюбивое Общество*.

III.

ПАСТЫРСКОЕ УВѢЩАНІЕ

О ПРИВИВАНІИ

ПРЕДОХРАНИТЕЛЬНОЙ КОРОВЬЕЙ ОСПЫ

СОЧИНЕННОЕ ЕПИСКОПОМЪ ВОЛОГОДСКИМЪ ЕВГЕНІЕМЪ.

НАПЕЧАТАНО ВЪ СУНОДАЛЬНОЙ ТИПОГРАФІИ,
ВЪ МОСКВѢ, ВЪ 1811 Г.

Благочестивыя чада,

Православныя Христовы Церкве!

Извѣстно всѣмъ вамъ, что Всеблагій Богъ есть Отецъ щедротъ, благопромышляющій о цѣломъ родѣ человѣческомъ. Онъ *сіяетъ солнце свое* не токмо *на благія*, но *и на злыя* [1]); Онъ *подаетъ намъ съ небесе дожди и времена плодоносна, исполняя пищею и веселіемъ сердца наша* [2]); Онъ же попускаетъ на насъ и искушенія, но *не оставляетъ намъ искуситися паче еже можемъ, а творитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи намъ понести* [3]); Онъ *болѣти творитъ и паки возставляетъ; поразитъ и руцѣ Его изцѣлятъ* [4]); Онъ есть *Богъ всякія утѣхи, утѣшаяй насъ о всякой скорби нашей*, и по свидѣтельству Святаго Апостола Павла, возлагаяй на пастырей своея Церкви долгъ *утѣшати сущыя во всякой скорби утѣшеніемъ, имже сами они утѣшаются отъ Бога* [5]).

Сими Божественными истинами руководствуяся, и симъ особенно Апостольскимъ завѣщаніемъ убѣждаяся, простираю увѣщательное слово мое къ вамъ, благочестивыя чада Христовы Церкве, къ вамъ особенно, сущимъ въ скорби отъ пагубнѣйшей язвы человѣческаго рода, именуемой *оспою*. Хотя свойственнѣйшій долгъ Пастырей церковныхъ есть прилагати врачевства къ ранамъ грѣховнымъ и цѣлити болѣзни душевныя; но не должны они равнодушно взирать и на недуги тѣлесныя овецъ Христовыхъ. Церковь есть *едино тѣло о Христѣ*: а *во единомъ тѣлѣ*, по слову Апостола, *вси уди единъ о другомъ пекутся*; *и аще страждетъ единъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди* [6]). И для сего-то Богъ, положивый въ Церкви быти *Апостоламъ, Пророкамъ и Учителямъ*, положилъ такожде въ оной *дарованія исцѣленій и заступленія* [7]). Сами Апостолы не о единомъ здравіи душъ учениковъ своихъ прилагали попеченіе, но и о здравіи тѣлесъ ихъ. *Возлюбленне!* пишетъ Іоаннъ ко ученику своему Гаію, *во всѣхъ молюся о тебѣ благоспѣятися тебѣ и здравствовати, якоже благоспѣется тебѣ душа* [8]). Святый Апостолъ Павелъ такожде совѣтуетъ Тимоѳею, подкрѣплять силы свои въ частыхъ недугахъ и слабости стомаха [9]). Первенствующіи Христіане въ числѣ главныхъ обязанностей братолюбія, поставляли попеченіе о недужныхъ и вспоможеніе болѣзнующимъ. Даже до нынѣ вся православная Церковь, при каждомъ возсылаемомъ къ Богу прошеніи, молитъ ежедневно о педугующихъ, страждущихъ и въ немощахъ лежащихъ.

Естьли убо Церковь долгомъ себѣ почитаетъ всегда молить о нихъ Господа; то кольми паче обязана увѣщавать чадъ своихъ не пренебрегать тѣхъ спасительныхъ средствъ, которыя самъ милосердый Богъ открываетъ ко изцѣленію и предохраненію рода человѣческаго отъ губящихъ его болѣзней. Таково есть изобрѣтеніе *прививанія оспы*, въ наши времена человѣколюбцемъ Богомъ явленное для сохраненія здравія и жизни наипаче любезныхъ вамъ самимъ чадъ вашихъ. Нѣтъ нужды, убѣждать васъ болѣе къ любленію ихъ и къ попеченію о ихъ благосостояніи. Ибо какіе родителеи, естьли они не изверги че-

1) Матѳ. гл. 5, ст. 45. 2) Дѣян. гл. 14, ст. 17. 3) 1 Корин. гл. 10, ст. 13. 4) Іова гл. 5, ст. 18. 5) 2 Коринѳ. гл. 1, ст. 3.

6) 1 Корин. гл. 12, ст. 25 и 26. 7) Тамъ же стихъ 28. 8) 3 Іоанново посланіе ст. 2. 9) 1 Тимоѳ. гл. 5, ст. 23.

ловѣчества, хладнокровны къ дѣтямъ? Какой отецъ и мать не печется о ихъ воспитаніи? Кто изъ нихъ не радуется о ихъ преуспѣваніи въ возрастѣ, здравіи и въ крѣпости силъ; и кто не состраждетъ имъ въ болѣзняхъ, и не соскорбитъ въ ихъ скорбѣхъ? Но не всѣ родители употребляютъ нужныя къ сохраненію ихъ средства, особливо въ младенчествѣ въ коемъ полагается основаніе ихъ здравію, крѣпости и цѣлости на всю жизнь. Потому что иные и не вѣдаютъ средствъ сихъ, а иные пренебрегаютъ даже извѣстныя, и отъ того вопреки предопредѣленію Божію теряютъ безвременно большую часть дѣтей своихъ, столь нужныхъ для нихъ самихъ и для всего человѣчества.

Ибо всеблагій Богъ для того и уставилъ союзъ супружества, дабы умножить родъ человѣческій, наполнить онымъ землю и покорить оную господствованію его. Тако благослови Богъ при самомъ началѣ міра первыхъ праотцевъ, глаголя: *растителся и множитеся и наполните землю и господствуйте ею* [10]). На сей конецъ вліялъ Онъ сердцу родительскому живѣйшее чувствованіе чадолюбія, и въ соотвѣтствіе оному первымъ видимымъ знакомъ благоволенія своего къ супругамъ поставилъ обѣтованіе умноженія чадъ ихъ и разпространенія оныхъ по лицу земли. *Благословляя благословлю тя, и умножая умножу сѣмя твое, яко звѣзды небесныя и яко песокъ вкрай моря: и наслѣдитъ сѣмя твое грады супостатовъ; дамъ сѣмени твоему всю землю сію и распространится на море и Ливу и Сѣверъ и на Востоки* [11]). Тако обѣтовалъ Богъ возлюбленнымъ своимъ Аврааму, Исааку, Іакову; и хотя таковое многочадіе по преимуществу обѣщано было симъ токмо праведникамъ и подобнымъ имъ въ благочестіи; однако первоначальное праотцамъ благословеніе Божіе во умноженіи племени неизмѣнно исполняется и во всемъ продолженіи потомства ихъ, такъ что нерѣдко родители ублажаются множествомъ чадъ, яко новосажденіями масличными окрестъ трапезы ихъ. Но съ другой стороны, сколь мало изъ сихъ плодовъ достигаетъ совершеннаго созрѣнія! Сколь немногіе изъ нихъ доживаютъ до лѣтъ отрочества! и коликое множество погибаетъ въ самомъ нѣжномъ еще цвѣтѣ младенчества! Безчисленныя причины могутъ быть виною жалостныя сея пагубы, и надлежитъ признаться, что въ числѣ оныхъ бываетъ и правосудный гнѣвъ Божій, поражающій чадъ, подобно какъ нѣкогда Богъ поразилъ всякаго первенца въ земли Египетстѣй [12]).

По неисповѣдимымъ судьбамъ конечно со гнѣвомъ Божіимъ изъ Египетскія же земли отъ предѣловъ Аравійскихъ проистекла во всю почти вселенную и губительнѣйшая для дѣтей язва, именуемая *Оспою* [13]). Немного на земли осталось странъ, уцѣлѣвшихъ отъ смертоноснаго яда ея; и тамъ гдѣ она рѣже, или въ первый токмо разъ появлялась, производила опустошенія пагубнѣйшія всякой язвы и самой кровопролитнѣйшей войны. Ибо обыкновенная язва и война бываютъ токмо мѣстно и временно изтребляютъ часть какого нибудь народонаселенія; но *Оспа*, содѣлавшаяся уже почти никому неминуемою, безпрестанно свирѣпствуетъ во всѣхъ частяхъ свѣта и опустошаетъ цѣлые народы [14]). Сколькожъ любезнѣйшихъ себѣ чадъ родители теряютъ отъ сей болѣзни! Сколь многіе домы лишаются отъ нея потомковъ, подпоръ и украшеній своего рода! Сколь многихъ благонадежныхъ гражданъ тратитъ Отечество! И что говорю, гражданъ? Нерѣдко язва сія похищала въ возрастѣ лѣтъ самихъ Государей, такъ какъ нѣкогда похитила она и у Отечества нашего вселюбезнѣйшаго Монарха Императора Петра Втораго, безвременно скончавшагося отъ ея заразы.

---

10) Бытія гл. 1, ст. 28.
11) Бытія гл. 22, ст. 17. гл. 26, ст. 4, гл. 28, ст. 14.
12) Искод. гл. 12, ст. 29. 13) Смотр. на концѣ прим. подъ буквою А. 14) Смотр. на концѣ примѣч. подъ буквою Б.

Около тысящи двухъ сотъ лѣтъ не обрѣтаемо было въ свѣтѣ никакого средства къ отвращенію смертоносныя сея болѣзни, и избытіе ея зависѣло токмо отъ невидимыхъ судебъ Божіихъ. Но наконецъ въ началѣ истекшаго столѣтія призрѣлъ Господь милосердо на безвременно погибающее человѣчество и съ Востока же, откоѣ истекла язва сія, открылъ дотолѣ невѣдомое средство къ отвращенію опасности яда ея *прививаніемъ* онаго [15]). Сей способъ принятъ былъ повсюду, и незабвенная наша Монархиня, блаженныя памяти Императрица Екатерина Вторая ввела оный въ Отечество наше; а для увѣренія подданныхъ своихъ въ пользѣ сего спасительнаго открытія, въ 1769 году подвергла даже собственную Свою и единственнаго Наслѣдника своего Особу испытанію онаго. Колико благоноспѣшно было испытаніе сіе, то засвидѣтельствовала и православная наша Церковь, съ того времени во все царствованіе Монархини своей праздновавшая ежегодно день ихъ изцѣленія [16]) съ торжественною, сердечною благодарностію милосердому Богу за спасеніе Ихъ и показаніе намъ въ примѣръ Ихъ спасительнаго способа избѣгать губительнѣйшей язвы человѣчества. Самъ благодѣтельнѣйшій и къ благоденствію Россіи Богомъ хранимый и благоноспѣшествуемый Монархъ нашъ Государь Императоръ, и вся Высочайшая Императорская Фамилія испытали на себѣ сіе же предохранительное средство прививанія.

Но въ недавнія наши времена человѣколюбецъ Богъ открылъ намъ еще другое легчайшее, дѣйствительнѣйшее и надежнѣйшее средство къ притупленію оспеннаго яда прививаніемъ такъ именуемой *коровей оспы* [17]). Сей спасительный способъ введенъ уже по всѣмъ странамъ земли, и попечительнѣйшій о благѣ подданныхъ своихъ нашъ Монархъ отъ самаго вступленія Своего на Всероссійскій Престолъ, обративъ на способъ оный мудрое Свое вниманіе, прилагаетъ дѣятельнѣйшія мѣры ко введенію его въ употребленіе также по всѣмъ предѣламъ пространнѣйшія Своея державы [18]). Въ поспѣшествованіе тому и чадолюбивѣйшая Матерь Его Императорскаго Величества, Благочестивѣйшая Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, столь неусыпно пекущаяся о воспитательныхъ заведеніяхъ, въ управленіи Ея находящихся, сопровождая Порфироднаго Сына своего въ царствующій градъ Москву для священнѣйшаго помазанія и увѣнчанія прародительскимъ императорскимъ вѣнцемъ въ 1801 году, принесла съ собою въ сію Столицу цѣлебное вещество *Коровей оспы*, и при воспитательныхъ тамо домахъ учредила оспенныя отдѣленія, въ коихъ воспитаникамъ до нынѣ прививается *Коровья Оспа*, и вещество оныя раздается туне всѣмъ желающимъ воспользоваться онымъ, а по требованіямъ посылается и въ отдаленнѣйшія мѣста. Соревнуя сему благодѣтельному и богоугодному попеченію своихъ Монарховъ и Святѣйшій Правительствующій Синодъ въ 1804 году Указами ко всѣмъ Епархіальнымъ Архіереямъ и прочимъ подвѣдомственнымъ ему мѣстамъ признавъ, что спасительное изобрѣтеніе прививанія «*Коровей оспы* младенцамъ, для отвращенія безвременной смерти ихъ, произвело полезнѣйшее «дѣйствіе во всей почти Европѣ, да и со времени употребленія онаго средства въ Россіи «самые опыты доказали ощутительную пользу «того прививанія оспы чрезъ сохраненіе жизни «всѣхъ тѣхъ, которые предупреждая неминуемо «могущую послѣдовать естественную, рѣшились «заблаговременно, оставя предразсудки суще«ствующіе въ одномъ токмо воображеніи, вос«пользоваться сими средствами; а потому убѣж«даясь симъ изобрѣтеніемъ яко ко благу об«щественному клонящемся, предписалъ всѣмъ «Духовнымъ Правительствамъ, дабы при [illegible]одскіе «Священники, яко болѣе могущіе им[illegible]ть вліяніе на крестьянъ и другаго зва[illegible] людей, «внушали имъ о безвредности сего изобрѣтен-

15) Смотр. на концѣ примѣч. подъ буквою В. 16) Ноября 21 дня.
17) Смотр. на концѣ примѣч. подъ буквою Г.
18) Смотр. на концѣ примѣч. подъ буквою Д.

«наго способа, и отвращали ихъ для собствен-«ной пользы дѣтей своихъ отъ несоглашенія «къ принятію онаго въ прививаніи имъ коровей «оспы, чрезъ примѣры выздоровѣвшихъ мла-«денцевъ безъ всякаго поврежденія въ тѣлес-«номъ составѣ, и напротивъ того напоминая «имъ о вредѣ, происходящемъ отъ оспы нату-«ральной, старались, исполняя тѣмъ долгъ свой «доставить соблюденіе жизни народной [19]».) Многія и другія толико же попечительныя о сохраненіи симъ прививаніемъ Россійскаго народа были предписанія и предостереженія благодѣтельнаго нашего Правительства, безпрестанно старающагося о разпространеніи повсюду сего спасительнаго средства [20]).

Всѣ сіи дѣятельнѣйшія промышленія о благѣ Россіянъ, проистекающія первоначально отъ самаго благодѣтельнѣйшаго Нашего Монарха, не должны ли въ самихъ Россіянахъ возбудить и сердечную благодарность къ Нему и собственное ихъ попеченіе о жизни и здравіи чадъ своихъ? Не должны ли убѣдить ихъ въ очевидной пользѣ сего изобрѣтенія тмочисленные примѣры не токмо иноземныхъ, но и соотчичей, воспользовавшахся уже онымъ и благословляющихъ Бога, открывшаго роду человѣческому сіе дѣйствительнѣйшее врачевство, а вмѣстѣ славословящихъ и человѣколюбивѣйшаго Государя Нашего, доставившаго, имъ оное? Какого еще болѣе потребно увѣренія, когда въ кругѣ сосѣдей и въ собственномъ семействѣ своемъ каждый можетъ видѣть, что дѣти, заражающіеся естественною *находною оспою*, часто въ мучительномъ томленіи кончатъ жизнь свою, а имѣющіе *прививную коровью* всегда безбоязненно и безопасно посреди ихъ обращаются, наслаждаясь здравіемъ и увеселяя взоры родителей своихъ? Паче же долженъ ли Христіанскій родитель равнодушно взирать на пагубу чадъ своихъ, въ залогъ благоволенія отъ Бога ему подаваемыхъ, имѣя средство предохранить и спасти ихъ, когда святый Апостолъ Павелъ нарицаетъ всякаго того *вѣры отвергшимся и невѣрнаго горшими, кто о своихъ паче же о домашнихъ не промышляетъ* [21]). Но есть, къ сожалѣнію, есть такіе родители, которые въ семъ дѣйствительно *горше невѣрныхъ*, безприкословно и охотно съ благодареніемъ благопромыслителю Богу пріявшихъ уже сіе цѣлебное средство — есть говорю, между православными Россіянами такіе, которые не пекутся о познаніи онаго или, что постыднѣе еще того, зная оное, не радятъ воспользоваться имъ потому только, что одни изъ нихъ вѣрятъ слѣпому нѣкоему *року*, какъ-бы неизбѣжно уже предопредѣляющему смерть чадъ ихъ, и почти за грѣхъ уклонять ихъ отъ оной, думая тѣмъ повиноваться воли Божіей, когда жертвуютъ ихъ жизнію. Другіе излишне надѣются токмо на *невидимую помощь Божію*, и ожидаютъ свыше чудеснаго изцѣленія; третьи питаютъ нѣкое *предубѣжденіе* вообще *противу врачей и врачебныхъ средствъ*. Сіи-то пагубные предразсудки до нынѣ препятствовали наипаче повсемственнымъ успѣхамъ откровеннаго намъ Богомъ новаго врачевства оспы, и благодѣтельнѣйшимъ попеченіямъ Правительства, старающагося ввести оное. Разсѣемъ тму сихъ заблужденій свѣтомъ Божіяго слова.

Неоспоримо, что бываютъ случаи, когда Правосудный Богъ по неисповѣдимымъ судьбамъ своимъ предопредѣляетъ или, справедливѣе рещи, только попускаетъ безвременной, неизбѣжной смерти восхищать людей отъ среды живыхъ. Ибо собственно сказать словами премудраго Соломона *Богъ смерти не сотвори, ни веселится о погибели живыхъ. Созда бо во еже быти всѣмъ, и спасительны быша начатки міра. Нижде бо бысть въ нихъ вра-*

19) Смотр. Указъ Святѣйшаго Сунода 1804 года отъ 10 Октября. А въ слѣдующемъ 1805 году при указахъ отъ 8 Іюня Свитѣйшій Сунодъ, дабы подать самимъ Священно и церковно-служителямъ яснѣйшее понятіе о семъ изобрѣтеніи, разослалъ ко всѣмъ Греко Россійскимъ въ Имперіи церквамъ и Духовнымъ училищамъ печатное о томъ наставленіе, сочиненное Санкт-петербургскимъ Медикофилантропическимъ Комитетомъ. 20) Смотр. на концѣ примѣч, подъ буквою Е.

21) къ Тим. гл. 5, ст. 8.

чеванія губителнаго, ниже аду царствія на земли; но нечестивіи руками и словесы призваша смерть, яко достойни суть оныя части быти [22]). По таковымъ-то причинамъ, какъ свидѣтельствуетъ Писаніе, *порази Господь царя Іероваама и Антіоха язвою неисцѣльною* [23]). По таковымъ-то причинамъ Онъ чрезъ пророка Наѳана предсказалъ Давиду неизбѣжную смерть сыну его, рожденному отъ законопреступнаго союза съ Вирсавіею, и не внялъ никакимъ моленіямъ родителя [24]). По таковымъ-то причинамъ Богъ чрезъ Іеремію изрекъ Израилю; *язвою вражіею поразихъ тя, наказаніемъ твердымъ; неисцѣльна есть болѣзнь твоя множества ради неправды твоея* [24]). Въ такихъ случаяхъ уклоняться отъ смерти, было бы дѣйствительно грѣхомъ противу опредѣленія Божія. Съ другой стороны есть также случаи, когда угодно даже бываетъ Богу добровольное жертвованіе своею жизнію, какъ на примѣръ, когда по слову Христову, *Пастырь добрый полагаетъ душу свою за овцы* [26]); или когда ревностный исповѣдникъ Іисусъ-Христовъ вѣщаетъ со Апостоломъ: *азъ не точію связанъ быти хощу, но и умрети готовъ есмь за имя Господа Іисуса* [27]); или когда вѣрные сыны Отечества, защищая отъ враговъ оное, взываютъ по примѣру Іуды Маккавейскаго: *не буди намъ, еже бѣжати отъ нихъ; и аще приближися время наше умремъ мужественно ради братіи нашея, и не оставимъ вины славѣ нашей* [28]). Но когда Богъ явно не опредѣляетъ намъ смерти, или когда смерть наша не приноситъ пользы ни вѣрѣ, ни церкви, ни ближнимъ, ни Отечеству, и когда напротивъ того жизнь наша имъ нужна и полезна; то можно ли думать, чтобы Богъ, не хотяй смерти и грѣшнику, могущему обратитися, восхотѣлъ оной безвременно невиннымъ тварямъ? и благоразумно ли подвергать жизнь очевидной опасности, слѣпо предаваясь токмо мнимому неизбѣжному *року*. Для чего же всеблагій Богъ вліялъ каждому изъ насъ природное чувствіе животолюбія, по внушенію коего, какъ говоритъ Апостолъ, *никтоже когда свою плоть возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю* [29])? Для чего же не вмѣнилъ Онъ во грѣхъ Моусею убѣганіе отъ лица Фараона, искавшаго погубити его [30]), Давиду скрываніе себя отъ Саула и Авессалома, коварствовавшихъ надъ нимъ [31]), Иліи удаленіе въ пустыню отъ злобныя Іезавели, старавшейся его убити [32]), Апостолу Петру, изшедшему изъ узъ темничныхъ во Іерусалимъ [33]), Павлу въ Дамаскѣ свѣсившемуся по стѣнѣ въ кошницѣ, уклонившемуся изъ Іерусалима отъ Іудеевъ и Еллиновъ, ушедшему съ Варнавою изъ Иконіи, съ Силою изъ Солуни, и не отвергшему въ Филиппійской темницѣ предложенія стража темничнаго, дававшего ему свободу [34])? Множество примѣровъ уклоненія отъ безвременныя смерти представляютъ намъ и святые Отцы Церкви: святый Поликарпъ Смирнскій вышелъ изъ подъ храмины, угрожавшей паденіемъ и по исходѣ его подавившей многихъ [35]); святый Аѳанасій Великій многократно убѣгалъ отъ гонителей, искавшихъ его смерти [36]); святый Амвросій не запрещалъ любившему его Медіоланскому народу защищать себя отъ нападеній присланныхъ на него Царицею Іустиною [37]). Воззримъ на примѣръ самаго Спасителя нашего. Онъ уклонился отъ Ирода, искавшаго Его умертвить, отъ Фарисеевъ, совѣщавшихся Его погубити, отъ Іудеевъ, въ одномъ случаѣ старавшихся открыто убить Его, въ другомъ каменіемъ наметати, въ третьемъ съ горы низринути [38]). Онъ заповѣдалъ и ученикамъ своимъ не подвергать себя безремен-

22) Премудр. Солом. гл. 1, ст. 13 и слѣд. 23) 1 Паралипом. гл. 21, ст. 15 и 2. Маккав. гл. 9, ст. 5. 24)2 Царствъ гл. 12, ст. 14—17. 25) Іерем. гл. 30, ст. 14 и 15. 26) Іоан. гл. 10, ст. 11. 27) Дѣян. гл. 21, ст. 13. 28) 1 Маккав. гл. 9, ст. 10.

29) Ефес. гл. 5, ст. 29. 30) Исх. гл. 2, ст. 15. 31) 1 Цар. гл. 19, ст. 10, и 2 Цар. гл. 15, ст. 14. 32) 3 Цар. гл. 19, ст. 3. 33) Дѣян. гл. 12, ст. 6 и 7. 34) 2 Кор. гл. 11, ст. 2. Дѣян. гл. 9, ст. 25, гл. 14, ст. 6, гл. 17, ст. 10, гл. 16, ст. 36. 35) Четьи Минеи 23 число Февраля. 36) Четьи Минеи 18 число Генваря. 37) Четьи Минеи 7 число Декабря. 38) Матѳ. гл. 2, ст. 13, гл. 12, ст. 15, Іоан. гл. 7, ст. 1, гл 8, ст. 59. Лук. гл. 4, ст. 29.

но опасности, и когда будутъ гнать ихъ въ одномъ какомъ градѣ, то убѣгать въ другой [39]). Скажутъ, можетъ быть, что все сіе относится болѣе къ избѣганію человѣческихъ навѣтовъ; а оспенная зараза есть неминуемая почти язва, гнѣвомъ Божіимъ на родъ человѣческій наведенная. Но когда Богъ не до конца гнѣваяйся, ниже въ вѣкъ враждуяй, самъ уже открываетъ намъ средство къ избавленію отъ оныя; то должны ли мы препебрегать и отметать сіи знаки милосердія Его? И должны ли безъ всякой осторожности ожидать болѣзни, погубившей уже многихъ и какбы желать себѣ нагубы? *Не вожделѣйте смерти въ заблужденіи живота вашего, ниже привлекайте погибели дѣлами рукъ вашихъ*, увѣщаваетъ насъ премудрый Соломонъ [40]). Когда есть средство, то прежде *недуга врачуйся*, совѣтуетъ такожде мудрый Сирахъ [41]).

Скажутъ паки иные, что когда Богъ непредвидимо поражаетъ язвою сею чадъ нашихъ; то Онъ же можетъ-де невидимо и исцѣлити ихъ свышеестественною своею силою. *Въ скорби нашей утренневати будемъ*, говорятъ они словами Іосіи, *и обратимся ко Господу Богу нашему, яко той поби ны, и исцѣлитъ ны, уязви, и уврачуетъ ны* [42]). Такъ подлинно Богъ, создавый всяческая единымъ словомъ своимъ, силенъ есть такожде единымъ словомъ не токмо исцѣлять болящихъ, но и воскрешать умершихъ; и не однократно бывало, по слову Давидову, что когда *люди приближишася даже до вратъ смертныхъ, и воззваша ко Господу, внегда скорбѣти имъ, и отъ нуждъ ихъ спасенія; посла слово свое, и исцѣли я, и избави я отъ растлѣнія* [43]). Но самъ же Богъ не всегда невидимою токмо силою и словомъ подавалъ исцѣленія, а показывалъ болящимъ и земныя врачевства. Могъ Богъ единымъ словомъ для Израильтянъ въ пустыни усладити горькія Меррейскія воды: однако показалъ Моусею для услажденію ихъ нѣкое древо [44]); могъ Елиссей Пророкъ единымъ словомъ Божіимъ изтребить въ Іерихонскихъ источникахъ вредоносное свойство; однако употребилъ къ тому соль [45]); могъ сей же Пророкъ единымъ словомъ Божіимъ исцѣлить отъ проказы Сиріанина Неемана, однако повелѣлъ ему мытися въ рѣкѣ Іорданѣ [46]); могъ Исаія, посланный отъ Бога къ Царю Іезекіи, мгновенно возставить его съ одра смертныя болѣзни, однако по изволенію Божію повелѣлъ ему приложить на язву пластырь изъ смоквъ [47]); могъ Ангелъ Рафаилъ свышеестественною силою возвратить Товіеву отцу зрѣніе и прогнати злотворнаго духа асмодея, однакожъ показалъ средство къ тому въ желчи нѣкія рыбы [48]). Многіе изъ святыхъ мужей были также по искусству врачи, яко-то Лука Евангелистъ, Косма и Даміанъ, Киръ и Іоаннъ, Пантелеимонъ, Сампсонъ и Діомидъ, Θалалей и Трифонъ; и хотя они имѣли даръ чудотворнаго цѣленія болѣзней, однако весьма часто употребляли для врачеванія болящихъ и земныя врачевства. Обратимъ взоры на самаго Спасителя нашего, коего всемогущее слово мгновенно исцѣляло всякіе недуги: и Онъ не рѣдко употреблялъ постепенно видимыя средства цѣленія, и одному слѣпому возвратилъ зрѣніе плюновеніемъ и возложеніемъ рукъ на очи, другому помазалъ очи бреніемъ и повелѣлъ умытися въ купѣли Силоамстѣй, глухому и нѣмому вложилъ перстъ во ухо и коснулся языка его [49]). Хотя сіи Спасителевы примѣры преимущественно доказываютъ Божественную силу плоти Его; но вмѣстѣ увѣряютъ насъ, что не всегда невидимыми и непосредственными токмо способами врачуетъ Богъ немощи человѣческія, а часто и самъ и чрезъ избранныхъ своихъ дѣйствуетъ вещественными средствами, дабы и мы не презирали оныхъ. *Господь* бо *созда отъ земли врачеванія, и мужъ*

39) Матѳ. гл. 10, ст. 23. 40) Прем. Солом. гл. 1, ст. 12. 41) Сираха гл. 18, ст. 19. 42) Осіи гл. 6, ст. 1 и 2. 43) Псал. 106, ст. 18 и слѣд.

44) Исхода гл. 15, ст. 25. 45) 4 Цар. гл. 2, ст. 20. 46) 4 Цар. гл. 5, ст. 14. 47) Исаіи гл. 38, ст. 21 и 4 Цар. гл. 20, ст. 7. 48) Товіи гл. 6, ст. 8 и 9. 49) Мар. гл. 8, ст. 22. Іоан. гл. 9, ст. 6. Марк. гл. 7, ст. 23.

мудрый не возгнушается ими, говоритъ Сирахъ [50]).

Остается еще наипаче въ невѣжествующемъ народѣ пагубное предубѣжденіе особенно противу мірскихъ врачей, пользующихъ одними естественными средствами, — предубѣжденіе, часто уклоняющееся и отъ самыхъ очевиднѣйшихъ пособій ихъ. Правда, кто надѣется только на мірскихъ врачей, а не прежде на Бога, тотъ долженъ вспомянуть примѣръ Асы Царя Іудина, который, по свидѣтельству Писанія, *разболься болѣзнію зѣльнѣйшею: ниже въ немощи своей взыска Господа, но врачевъ, и успѣ* [51]). Сами благоразумные врачи должны повторять каждому болящему слова Царя Сирскаго: *аще тебе не спасаетъ Господь, како азъ спасу тя* [52])? Но слѣдуетъ ли по сему вовсе не ввѣриться имъ? Слѣдуетъ ли пренебрегать изобрѣтенныя или спасительныя средства въ болѣзняхъ? Послушаемъ, какой совѣтъ даетъ всякому болящему премудрый Сирахъ: *чадо! въ болѣзни твоей не презирай, но* первѣе *молися Господеви, и той тя исцѣлитъ; отступи отъ прегрѣшенія и направи руцѣ твои, и отъ всякаго грѣха очисти сердце твое.* Потомъ, *даждь Богу благоуханіе и память семидала и умасти приношеніе;* а наконецъ, *даждь мѣсто врачу Господь бо его созда, и да не удалится отъ тебе, потребенъ бо ти есть* [53]). Послушаемъ еще, съ какимъ уваженіемъ врачей и врачебныя науки святый Василій Великій пишетъ въ одномъ своемъ посланіи къ мірскому врачу Евстаѳію: «Всѣ вы во врачебной наукѣ упражняющіися, «говоритъ онъ, упражняетеся въ человѣколюби«вой наукѣ; и мнѣ кажется, что тотъ, кто всѣмъ «вещамъ, въ жизни тщанія достойнымъ, ваше «званіе предпочитаетъ, здраво разсуждаетъ и «не заблуждаетъ отъ истины. Понеже дражай«шая всѣхъ вещей жизнь ненавистна бываетъ «и скучна, когда кому не возможно будетъ со «здравіемъ имѣть оныя; здравія же подательни«ца есть ваша наука [54]).» Приведемъ еще мнѣніе другаго свѣтильника нашея Церкви, святаго Іоанна Златоустаго, изъ одного его къ Діакониссѣ Олимпіадѣ посланія, въ которомъ онъ и ей совѣтуетъ въ болѣзняхъ своихъ пользоваться врачами и врачевствами, и себѣ просить доставить нѣкоторый врачебный составъ. «Молю честность твою, пишетъ онъ, и яко великаго одолженія прошу, дабы ты особенное «прилагала попеченіе о поправленіи немощи «тѣлесной. Причиняется болѣзнь и отъ унынія. Но когда тѣло истомленное трудомъ, или изможденное болѣзнью оставляется вовсе въ не«браженіи и не пріемлетъ ни врачей, ни бла«горастворенія воздуха, ни довольства потреб«ностей; то вѣдай, что немалое отъ того бы«ваетъ пріумноженіе болѣзни. По сему молю «твою честность, пользоватися различными и «искусными врачами и лѣкарствами, могущими «все то отвратить. Ибо и я за нѣсколько дней «предъ симъ, по преклонности моего желудка «отъ вліянія воздуха ко рвотѣ, пользовался «сверьхъ другаго лѣкарства и тѣмъ, которое «мнѣ прислано отъ почтеннѣйшей для меня «госпожи Синклитикіи, и не больше трехъ дней «принужденъ будучи прикладывать оное, по«правилъ я слабость его. Для сего и тебя молю «употреблять оное, и постараться мнѣ еще «прислать его [55]).» И такъ естьли столь просвѣщенные, столь благочестивые, столь примѣрные святостію Отцы православныя Церкви не отвращались мірскихъ врачей и врачевствъ, но уважали ихъ, пользовались ими сами и другимъ совѣтовали; то кто изъ Христіанъ можетъ оправдаться въ пренебреженіи ихъ? Многіе извиняются тѣмъ, что не рѣдко-де сіи врачи погрѣшаютъ въ цѣленіи, или предохраненіи насъ отъ болѣзней. На сіе паки отвѣтствуетъ святый Василій Великій: «Понеже нѣ«которые не добрѣ употребляютъ врачебное

50) Сираха гл. 38, ст. 4. 51) 2 Паралипом. гл. 16. ст. 12. 52) 4 Цар. гл. 6. ст. 27. 53) Сир. гл. 38, ст. 9 и 10.

54) Богоугодныхъ трудовъ св. Василія Великаго Славянскій переводъ изданный въ Москвѣ 1790 года, часть 3, листъ 215. 55) Смотр. въ числѣ 17 посланіе сего св. мужа къ Діакониссѣ Олимпіадѣ писанныхъ, посланіе 4.

«художество, говоритъ онъ, сего ради не долж-«но есть намъ убѣгати всякія пользы, отъ того «происходящія. Ниже бо того ради, понеже «поваренное или хлѣбенное, такожде и ткаль-«ное художество невоздержніи въ сластолю-«біяхъ, предѣлъ нужныхъ потребъ преходяще, «къ вымышленію своихъ удовольствій употреб-«ляютъ, того ради намъ безъ изъятія всѣ худо-«жества отвергнути достоитъ: но напротивъ «того правымъ ихъ употребленіемъ худо отъ «оныхъ употребляемое обличати подобаетъ. «Тако и во врачебномъ художествѣ дарованное «отъ Бога благодѣяніе нѣсть прилично пори-«цати за худое нами употребленіе его. Ибо еже «въ рукахъ врачей полагати упованіе своего «здравія, то скотское есть дѣло (якоже видимъ «нѣкіихъ немощныхъ толико бѣдныхъ сущихъ, «что и *спасителями* своими врачей нарицать «не усумнѣваются:), но и всеконечно же убѣ-«гати пользы отъ художества того происходя-«щія, знакъ упрямства есть [56]).» Чтожъ сказать о тѣхъ, каковыхъ въ невѣжествующемъ народѣ большая часть, которые въ болѣзняхъ своихъ вмѣсто моленія истинному Богу обращаются къ діавольскимъ обаяніямъ, вмѣсто Богомъ сотворенныхъ на пользу нашу врачевствъ употребляютъ чарованія, и вмѣсто благопросвѣщенныхъ врачей прибѣгаютъ къ суевѣрнымъ волхвователямъ? Лучше ли они въ семъ поступаютъ? Пусть внемлютъ таковые, что самъ Богъ заповѣдуетъ въ законѣ своемъ: *да не обрящется въ тебѣ*, вѣщаетъ Онъ, *очищаяй сына своего и дщерь свою огнемъ, волхвуяй волхвованіемъ, и чаруяй и птицеволшебствуяй, чародѣй обавая обаваніемъ, утробоволхвуяй, и знаменосмотритель и вопрошаяй мертвыхъ; есть бо мерзость Господеви Богу твоему всякъ творяй сія* [57]). Пусть внемлютъ, какъ прогнѣвался Господь Богъ на Израильскаго Царя Охозію, въ болѣзни пославшаго пословъ вопрошати о жи-вотѣ своемъ идола Аскаронскаго: *или нѣсть Бога во Израили, яко грядете вопрошати Ваала, сквернаго бога во Аскаронѣ*, рекъ Онъ посламъ симъ чрезъ Пророка Илію? *Сего ради сице глаголетъ Господь: одръ, на негоже возшелъ еси ту, не имаши слѣзти съ него, яко ту смертію умреши* [58]). Пусть внемлютъ паки, какое наказаніе за чарованія и волхвованія предсказалъ Богъ Царю Манассіи со всѣми его подданными: *сице глаголетъ Господь Богъ Израилевъ: се азъ наведу злая на Іерусалимъ, и на Іуду, яко всякому слышащему пошумятъ обѣ уши его, и истреблю Іерусалима, якоже изглаждается алавастръ изглаждаемый, и превращается въ лице свое, и изрину останки достоянія моего, и предамъ ихъ въ руки враговъ ихъ, и будутъ въ расхищеніе и въ плѣнъ всѣмъ врагомъ своимъ* [59]). По сему-то и святый Іоаннъ Златоустъ призываніе бабъ надъ недугующими дѣтьми волшебствующихъ, хотя бы онѣ называли себя Христіанками сравниваетъ съ идолослуженіемъ и увѣщеваетъ матерей, лучше лишитися дѣтей, нежели спасеніе имъ заимствовать отъ таковыхъ. Ибо де хотя бы и дѣйствительно спасено было чарованіями дѣтище, но оно подобно будетъ умерщвленному, а умершее безъ оныхъ, хотя бы то было въ рукахъ врачей отъ Бога данныхъ, подобно живому; зане изъ рукъ первыхъ къ бѣсомъ, а изъ рукъ послѣднихъ ко Господу оно отходитъ [60]).

Въ заключеніе всего къ вамъ обращаю мое увѣщаніе, Священницы, сослужители мнѣ о Господѣ и сопристовницы стаду, въ немъ же Духѣ Святый постави насъ пасти церковь Господа и Бога! Вразумляйте сими и подобными симъ наставленіями врученныхъ вамъ словесныхъ овецъ! Памятуйте всегда укоризну, нѣкогда пастырямъ Израилевымъ отъ Бога ре-

---

56) Въ вышеупомянутомъ Славенскомъ переводѣ часть 3 *въ правилахъ монашескихъ пространнѣе писанныхъ* вопросъ 55, листъ 319. 57) Второзакон. гл. 18, ст. 10, 11 и 12.

58) 4 Цар. гл. 1, ст. 2 и слѣд. 59) 4 Цар. гл. 21, ст. 12-14. 60) Въ нравоученіи бесѣды 8 на посланіе св. Апостола Павла къ Ефесеемъ, Славянскаго перевода напеч. въ Москвѣ 1765-1767 года часть 2, стр. 909 и слѣд.

ченную: *оле пастыри Израилевы! изнемогшаго не подъявше, и болящаго не уврачевасте, и сокрушеннаго не обязасте, и заблуждающаго не обратисте, и погибшаго не взыскасте: се азъ взыщу овецъ моихъ отъ рукъ ихъ* [61])! Проповѣдуйте убо всѣмъ во утѣшеніе, во первыхъ милосердіе всеблагаго Бога, въ наши наипаче времена явленное открытіемъ удобнѣйшаго и безопаснѣйшаго средства къ избавленію отъ смертоноснѣйшія заразы рода человѣческаго! Отвращайте невѣжествующихъ и заблуждающихъ отъ пагубныхъ предразсудковъ, препятствующихъ пользоваться симъ спасительнымъ открытіемъ! Помогайте сами изнемогающимъ, и аще можете, врачуйте болящихъ и взыскуйте погибающихъ! Ободряйте ихъ примѣрами многихъ даже невѣрныхъ и невѣжественныхъ народовъ, благоуспѣшно уже воспользовавшихся симъ благодѣяніемъ Божіимъ! Представляйте имъ промыслительное, отеческое попеченіе благодѣтельнѣйшаго Нашего Монарха, по всѣмъ предѣламъ Своея державы старающагося ввести и доставить предохранительное средство новоизобрѣтеннаго прививанія для спасенія подданныхъ своихъ отъ безвременныя смерти! Изъясняйте безопасность, дѣйствительность и преимущество сего предохраненія предъ всѣми врачеваніями отъ язвы ея до нынѣ въ свѣтѣ бывшими! Увѣряйте, что никто изъ пріявшихъ, и по надлежащему употребившихъ оное не раскаевался въ пріятіи онаго. Убѣждайте наипаче родителей, заблаговременно употреблять сіе надежное предохраненіе дѣтей отъ смертоносныя заразы естественной находной оспы, и внушайте имъ, что естьли они по упорству не воспользуются симъ спасительнымъ средствомъ то пагубою чадъ своихъ, часто естественною оспою умерщвляемыхъ, окажутся они недоброхотными Отечеству, неблагодарными попечительнѣйшему Нашему Монарху, непокорными самому промыслу Божію и подобными тѣмъ *чадоубійцамъ немилостивымъ и родителямъ убившимъ души безпомощныя* коихъ нѣкогда Богъ въ наказаніе *восхотѣлъ погубити руками отецъ нашихъ* [62]). А хотя бы дѣти ихъ и спасли жизнь свою отъ пагубы естественныя оспы, то не меньше виновными пребудутъ родители въ частыхъ послѣдствіяхъ оныя, въ увѣчьѣ, безобразіи, слабости и долговременныхъ немощахъ, коихъ никакое наслѣдіе благъ родительскихъ дѣтямъ вознаградить не можетъ. Ибо, какъ говоритъ мудрый Сирахъ, разсуждая о воспитаніи дѣтей: *лучше нищъ здравъ и крѣпокъ въ силѣ своей, нежели богатъ уранень тѣломъ своимъ. Здравіе и крѣпость лучше есть всякаго злата, и тѣло здравое, нежели богатство безчисленное; Нѣсть бо богатство лучше здравія тѣлеснаго, и нѣсть веселіе паче радости сердечныя. Лучше есть смерть, паче живота горька или недуга долгаго* [63]).

Пользуяся же симъ откровеннымъ отъ милосердаго Бога спасительнымъ средствомъ, должны всѣ истинныя чада православныя Церкви отъ глубины признательнѣйшихъ сердецъ славословить и благодарить промыслъ Божій, который такъ нѣкогда въ Ветхомъ Завѣтѣ научилъ сыновъ Израилевыхъ пепломъ юницы очищать тѣлесною скверну мертвенности [64]), такъ и въ наши времена показалъ намъ въ томъ же животномъ дѣйствительное врачество ко избытію отъ смертоноснѣйшей язвы рода человѣческаго. Аминь.

---

61) Іезекіиля гл. 34, ст. 3, 4 и 10.

62) Прем. Соом. гл. ст. 5 и 6. 63) Сир. гл. 30, ст. 14-17. 64) Числ гл. 19.

ПРИМѢЧАНІЯ.

А Естественная оспа по замѣчанію нѣкоторыхъ открылась въ первый разъ въ Аравіи 558 года по Рождествѣ Христовѣ; и изъ древнихъ писателей прежде всѣхъ обстоятельно описалъ оную въ 635 году Арунъ врачь и Священнослужитель Аравійскій, въ Александріи жившій. Но до того времени она была описываема подъ именами многоразличныхъ, въ припадкахъ совершенно между собою разнствующихъ заразъ, а у древнихъ Греческихъ и Римскихъ врачей ничего о ней не упоминается. Въ теченіи осьми лѣтъ по своемъ появленіи она разпространилась изъ Аравіи въ западныя страны Европы, Италію и Францію, и вскорѣ на нѣсколько времени было утихла, но въ 580 году паки со свирѣпствомъ во Франціи появилась. Въ 588 году замѣчена она въ Марсели, въ 590 году въ Испаніи, въ 614 году опять въ Италіи, а съ тѣхъ поръ содѣлалась болѣзнію какъ бы уже природною всему западу. Съ 1492 года перешла она съ Европейцами въ Америку; въ 1578 году появилась въ Швеціи; въ 1651 году на островѣ Ферро и другихъ островахъ Южнаго Океана; въ 1718 году на Мысѣ Доброй Надежды и въ Исландіи, а въ 1733 году въ Гренландіи. Въ Россіи она свирѣпствуетъ уже около полутора вѣка, и въ 1768 году достигла даже до Камчатки.

Б. По замѣчанію врачей изъ 160 милліоновъ щитающихся жителей Европы, ежегодно отъ оспы погибало болѣе 400 тысячь; и слѣдовательно въ одно 33 лѣтнее поколѣніе до 14, а въ теченіи цѣлаго столѣтія до 42 милліоновъ людей.

В. Въ 1713 году одна Агличанка Леди Вортлей, находившаяся въ Константинополѣ, узнала способъ прививанія *естественной* оспы въ отвращеніе пагубныхъ дѣйствій *находной*, за годъ предъ тѣмъ введенный тамъ, и сообщила оный своимъ соотчичамъ. Но нѣкоторые увѣряютъ, что Китайцы еще прежде за нѣсколько столѣтій прививали оспу насыпаніемъ толченаго струпа, а Брамины въ Индіи натираніемъ руки хлопчатою бумагою, оспеннымъ гноемъ напоенною, и въ Аравіи натираніемъ тою же оспенною матеріею. Впрочемъ вообще замѣчено чрезъ сіе первое открытіе прививанія, что когда люди, заражающіеся естественною или такъ именуемою *находною* оспою, при самомъ умѣренномъ свирѣпствованіи оныя, умирали изъ больныхъ седьмой, шестой, а иногда четвертой человѣкъ; а отъ прививной, и то конечно съ посторонними какими нибудь губительными причинами соединенной, умиралъ только изъ 300, а въ иныхъ мѣстахъ изъ 500 одинъ, и даже опасно боленъ бывалъ только изъ 40 или 30 одинъ. Въ Англіи прежде всѣхъ приняли сей первый способъ прививанія и въ 1721 году сообщили оный Америкѣ. Въ 1724 году введено оно во Францію и потомъ въ другія Государства.

Г. Около половины прошедшаго столѣтія замѣчено въ Англіи и Голштиніи, что оспа, случающаяся на вымѣ у коровъ и пристающая отъ нихъ къ доильницамъ, избавляла ихъ навсегда отъ заразы обыкновенной человѣческой оспы. Сіе открытіе прежде всѣхъ обнародывалъ Геттингенскій Профессоръ Юсти въ *экономическихъ* своихъ *запискахъ*, 1754 года въ Геттингенѣ напечатанныхъ. Но оно тогда осталось безъ всякаго вниманія, пока Англинскій Докторъ Дженнеръ опытами многихъ лѣтъ въ ономъ удостовѣрился и въ изданномъ отъ себя 1798 года особенномъ сочиненіи объявилъ, что прививаніе оспы коровей дѣйствительно предохраняетъ людей на всю жизнь отъ естественной человѣческой. Съ тѣхъ поръ другіе Англинскіе врачи изслѣдовали также многочисленными опытами сіе наблюденіе и даже Англинскій Парламентъ опредѣлилъ для удостовѣренія въ семъ цѣлый Комитетъ, и всѣ опыты доказали истину онаго. Какія ни представляемы были отъ нѣкоторыхъ сомнѣнія и опроверженія, всѣ по прилѣжнѣйшемъ изысканіи оказались неосновательными; а изъ срав-

ненія дѣйствій коровей оспы съ естественною и прививною человѣческою найдено, что 1) естественная оспа всегда почти, а прививная человѣческая, не рѣдко бываетъ опасна для жизни, особливо для слабыхъ и одержимыхъ другими какими нибудь своими или повальными болѣзнями дѣтей, для непраздныхъ женщинъ и для пожилыхъ людей; вообщежъ та и другая сопряжены съ жестокими болѣзненными припадками, съ сильными судорогами, жаромъ, лихорадкою, съ омерзительными сыпями и струпами, заражающими зловоніемъ самый воздухъ: а напротивъ того прививная коровья самымъ нѣжнымъ младенцамъ, равно пожилымъ и самымъ старымъ людямъ, какъ бы по сложенію и обстоятельствамъ слабы ни были они, и какія бы ни имѣли въ себѣ болѣзни, сообщается съ легкимъ только лихорадочнымъ припадкомъ безъ дальней боли, безпокойства и опасности, въ двухъ или трехъ небольшихъ струпахъ на мѣстѣ прививанія, и больные не лежатъ въ постелѣ, а бываютъ спокойны и бодры, 2) Естественная и прививная человѣческая оспа требуетъ нѣкоторыхъ вспомогательныхъ лѣкарствъ и предохраненія больныхъ на долгое время отъ надворнаго холоднаго воздуха, могущаго обратить всю оспу на внутренности и воспалить оныя, или отъ слишкомъ жаркой погоды, могущей умножить гноеніе, или отъ другихъ зараженныхъ злою естественною оспою, могущею имъ сообщиться: но коровья оспа не требуетъ никакихъ предъуготовительныхъ и вспомогательныхъ лѣкарствъ, никакихъ заботливыхъ охраненій отъ погодъ, никакого отдѣленія отъ другихъ зараженныхъ. Она равно успѣшно и безопасно можетъ быть прививаема во всякое время года, во всякую погоду, во всякомъ климатѣ и оканчивается по большой части въ теченіи трехъ недѣль; сама безъ прививанія никому не сообщается; и хотя бы всѣ окружающіе имѣющаго оную заражены были естественною человѣческою, то сія отъ нихъ не пристаетъ къ нему; а напротивъ того привитая коровья облегчаетъ даже и имѣющаго естественную; 3) Послѣ естественной и прививной человѣческой оспы можетъ иногда приключаться оная вторично; а послѣ коровей не пристаетъ никакая, ни даже коровья, хотя бы и прививаема была имѣвшему оную; 4) Послѣ естественной, а иногда и послѣ прививной человѣческой остается безобразіе, рябины, щербинки, ямки искажающія особенно лице, не рѣдко также слѣпота, глухота, хромота; часто на всю жизнь внѣдряются въ тѣло золотухи подъ разными видами, желѣзки, болячки на кожѣ, ломота въ составахъ, костоѣда, чахотка и другія болѣзненныя послѣдствія, отъ коихъ медленно истощаются жизненныя силы: но коровья оспа никогда не производитъ сихъ послѣдствій и напротивъ того еще врачуетъ многіе другіе недуги, въ тѣлѣ слабыхъ находящіеся; истребляетъ золотуху и, по увѣренію нѣкоторыхъ врачей, предохраняетъ даже отъ моровой язвы; 5) Прививаніе человѣческой оспы можетъ быть благонадежно только отъ рукъ свѣдущаго и искуснаго врача; но прививаніе коровей можетъ съ краткимъ только наставленіемъ, производить безопасно и успѣшно всякъ изъ самыхъ простолюдиновъ. Столь очевидныя преимущества прививной коровей оспы предъ естественною и прививною человѣческою убѣдили Правительства всѣхъ Европейскихъ державъ пещися о распространіи первой, а съ 1800 года во Франціи, Австріи, Испаніи, Пруссіи, Даніи и другихъ просвѣщенныхъ Государствахъ учреждены для сего распространенія особенныя общества. Даже въ большей части Азіи, Африки и во всѣхъ образованныхъ странахъ Америки нынѣ принято уже сіе прививаніе. Многія Правительства употребляютъ и понудительныя средства для обязанія простой народъ къ неотверганію онаго, запирая тѣ домы, гдѣ окажется естественная оспа и принимая на общественное содержаніе дѣтей, поручаемыхъ врачамъ для прививанія. Многіе также изъ частныхъ особъ, движимые любовію къ человѣчеству, занимаются въ Россіи таковымъ же попеченіемъ. И естьли бы возможно было повсюду запретить прививаніе естест-

*

венной оспы, а всѣмъ не имѣвшимъ никакой привить коровью; то, по увѣренію врачей, въ теченіи двухъ или трехъ лѣтъ истребилась бы вовсе изъ рода человѣческаго сія пагубная зараза.

Д. По повелѣнію Его Императорскаго Величества для изъясненія народу пользы и способа прививанія коровей оспы изданы въ 1801 году Медицинскою Коллегіею нѣкоторыя на Россійскомъ языкѣ о семъ сочиненія, а въ 1803 году отъ Медико-филантропическаго Комитета напечатано подробное описаніе сегоже предмета, и разослано во всѣ врачебныя Управы и по всѣмъ Грекороссійскимъ въ Имперіи церквамъ и Духовнымъ Училищамъ. Многія также частныя особы въ Россіи издавали о томъ свои сочиненія.

Е. Въ 1805 году отъ 29 Іюля Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ предписано окружно всѣмъ Начальникамъ Губерній: 1) Предложить Врачебнымъ Управамъ, дабы онѣ о распространеніи прививанія сего въ Губерніяхъ приложили всевозможное попеченіе, поставивъ предметъ сей въ непремѣнную обязанность Уѣздныхъ Медицинскихъ Чиновниковъ и старались посредствомъ безпрерывнаго прививанія имѣть навсегда въ Губерніи свѣжую коровью оспенную матерію, заимствуя оную, въ случаѣ потери въ одномъ Уѣздѣ, изъ другаго, и наблюдая, чтобы ни подъ какимъ видомъ прививаніе оспы сей, не производилось матеріею, силу свою потерявшею; 2) Чтобы Врачебныя Управы, собирая отъ Уѣздныхъ Медицинскихъ Чиновниковъ свѣденія два раза въ годъ, коликому числу дѣтей и съ какимъ успѣхомъ привита оспа, составляли общую изъ нихъ вѣдомость по данной имъ формѣ, и доставляли оную къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ посредствомъ Гражданскихъ Губернаторовъ два раза въ году; число же дѣтей привитыхъ сею оспою и успѣхъ операціи сей долженъ быть засвидѣтельствованъ, естьли не встрѣтится въ томъ особенныхъ препятствій, въ Уѣздахъ Земскими Комисарами, а въ городахъ Полицемейстерами или Городничими; свидѣтельства сіи также должны быть присылаемы въ Управы; 3) Чтобы отставнымъ и вольноврачующимъ Медицинскимъ Чиновникамъ, занимающимся симъ прививаніемъ, Врачебныя Управы также предписали о доставленіи имъ подобныхъ вѣдомостей, увѣривъ ихъ, что труды сіи не останутся безъ должнаго уваженія и, 4) Чтобы кромѣ сдѣланнаго со стороны Духовнаго Правительства пособія къ распространенію сего прививанія, Гражданское Начальство содѣйствовало также къ тому чрезъ посредство Земскихъ Полицій и Медицинскихъ Чиновниковъ, не допуская впрочемъ ни въ какомъ случаѣ никакого другаго способа, кромѣ убѣжденія и добровольнаго согласія.—В ь томъ же 1805 году, когда дошло до свѣденія Правительства, что нѣкоторые изъ частныхъ людей, занимающихся прививаніемъ коровей оспы, производятъ оное такіе, которые никакого не имѣютъ понятія ни о Врачебной наукѣ, ни о самомъ семъ прививаніи, то Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ отъ 30 Сентября чрезъ Гражданскихъ Губернаторовъ предписано Врачебнымъ Управамъ, чтобы прививаніе сіе въ Уѣздахъ дозволено было тѣмъ только, которые по испытанію Уѣздныхъ Медицинскихъ Чиновниковъ окажутся къ тому способными и будутъ имѣть на то отъ нихъ свидѣтельство. Производить же прививаніе сіе не иначе они должны, какъ подъ надзоромъ Уѣздныхъ врачей, заимствуя отъ нихъ оспенную матерію и доводя до свѣденія ихъ о всякомъ сомнительномъ случаѣ, въ операціи сей встрѣтиться могущемъ, и о дѣтяхъ, коимъ привита будетъ оспа, съ означеніемъ успѣха. Но чтобы и Медицинскіе Чиновники были въ семъ случаѣ осторожны; то объявлено имъ съ подпискою, что за всякій вредъ, могущій послѣдовать отъ прививанія людьми, имѣющими отъ нихъ на то позволеніе, они сами должны будутъ строго отвѣтствовать. О непроизводствѣ же прививанія людьми не имѣющими на то никакого дозволенія, возложено наблюдать на земскія или городскія Полиціи и на самыхъ Уѣздныхъ Лѣкарей.— В т слѣдъ за симъ, по случаю дошед-

шаго свѣденія о производствѣ нѣкоторыми Медицинскими чинами прививанія коровей оспы матеріею взятою отъ сухаго оспеннаго струпа, по заключенію Медицинскаго Совѣта, отвергнувшаго сей способъ прививанія какъ безуспѣшный, чрезъ Врачебныя Управы отъ 27 Ноября 1805 года, предписано всѣмъ Медицинскимъ чинамъ и объявлено чрезъ напечатаніе въ Вѣдомостяхъ, дабы въ выборѣ оспенной свѣжей матеріи и производствѣ самаго прививанія слѣдовали они правиламъ изъясненнымъ въ сочиненіяхъ по сему предмету на Россійскомъ языкѣ изданныхъ. Подобныя сему были до нынѣ и другія предписанія отъ Правительства; а въ 1806 году Министерство Финансовъ при ассигнованіи суммъ на непредвидимые по Губерніямъ расходы, въ число казенныхъ надобностей, означенныхъ въ Указѣ Правительствующаго Сената 24-го Августа, 1799 года состоявшемся и въ 238 и 241 статьяхъ Высочайшаго о управленіи Губерній Учрежденія, включило и прививаніе коровей оспы по селеніямъ, и распредѣлило суммы сіи, для удаленія при выдачѣ оныхъ всякихъ затрудненій, по Уѣзднымъ Казначействамъ; о чемъ чрезъ Губернаторовъ предложено Врачебнымъ Управамъ извѣстить всѣхъ Уѣздныхъ Лѣкарей.—Со времени попеченія Правительства о распространеніи въ Россіи прививанія коровей оспы до нынѣ щитается число людей, воспользовавшихся симъ средствомъ болѣе милліона.

ЗАПИСКА ВЫСОЧАЙШЕ ОДОБРЕННАЯ ВЪ 3 ДЕНЬ МАЯ, СЕГО 1811 ГОДА, ПО ПРЕДМЕТУ ВСЕОБЩАГО РАСПРОСТРАНЕНІЯ ВЪ ГОСУДАРСТВѢ ПРИВИВАНІЯ КОРОВЬЕЙ ОСПЫ.

Не взирая на всѣ попеченія, кои до сихъ поръ Правительство прилагало и прилагаетъ о распространеніи въ Имперіи прививанія коровьей оспы, яко самаго благодѣтельнаго для рода человѣческаго средства къ предохраненію отъ заразы оспы натуральной, успѣхи первой, по всѣмъ получаемымъ свѣденіямъ, хотя и примѣтно время отъ времени возрастаютъ, по всѣ еще, въ сравненіи съ общимъ числомъ ежегодно раждающихся дѣтей, слабы и маловажны.

Ежели взять въ сравненіе, что по публикованнымъ отъ Святѣйшаго Синода вѣдомостямъ, изъ числа родившихся одного Грекороссійскаго исповѣданія въ 1807 году 1.334,592 и 1808, 1.334,130 младенцевъ обоего пола, привито только, какъ изъ отчетовъ Министра Врутреннихъ Дѣлъ явствуетъ, извѣстными Медицинскими Чинами, въ первомъ 83,072 и во второмъ 117,948 младенцамъ; да полагая, что таковомужъ числу еще привито врачами вольнопрактикующими и другаго званія людьми, о коихъ Медицинское Управленіе вовсе свѣденія не имѣетъ; то и за таковымъ двойнымъ числомъ, т. е. въ 1807 году щитая 166,144, а въ 1808, 235,896; воспользовались только симъ спасительнымъ средствомъ въ 1807 съ небольшимъ осмая, а въ 1808 менѣе, нежели шестая часть родившихся; прочія же оставлены свирѣпству натуральной оспы.

Наблюденія и опыты ученыхъ мужей удостовѣряютъ, что отъ натуральной оспы въ общемъ народоисчисленіи умираетъ седьмое дитя; но отъ привитой коровей, ежели къ тому не присоединятся какіе особые болѣзненные припадки, нѣтъ еще примѣра, чтобъ хотя одинъ человѣкъ когда либо умеръ; слѣдовательно, по вышеизъясненному расчисленію, въ однихъ оныхъ двухъ годахъ т. е. въ 1807

до 166,922 и въ 1808 до 156,809, вообще до 323,812 младенцовъ остались неминуемо въ жертву преждевременной смерти. Терять такое множество народа, имѣя вѣрное средство избавиться отъ зла сего, ужасно для человѣчества и бѣдственно для Государства!

Въ семъ уваженіи, и стараясь всемѣрно сообразоваться съ человѣколюбивыми видами Вашего Императорскаго Величества, предполагающими паче всего сохраненіе здравія и благосостоянія народнаго, я считаю необходимо нужнымъ въ пополненіе принятыхъ уже отъ Правительства мѣръ для распространенія сей операціи, представить еще нѣкоторыя усиленныя, но нимало впрочемъ ни для кого неотяготительныя средства, коими въ непродолжительномъ времени несомнѣнно надѣяться можно распространить въ Имперіи прививаніе коровей оспы, и съ нимъ вмѣстѣ естьли не совершенно пресѣчь дѣйствія оспы натуральной, то конечно уже весьма ослабить гибельныя слѣдствія оной.

Препятствіемъ успѣху прививанія коровей оспы, сколько до сихъ поръ извѣстно, суть главнѣйшія три причины:

1) Предразсудки многихъ людей и въ особенности простаго народа будто несообразно природѣ человѣческой заимствовать оспенную матерію отъ животнаго, опасаяся отъ сего какого-то поврежденія въ здоровьи и даже нѣкотораго худаго вліянія и на самую нравственность.

2) Неимѣніе въ довольномъ числѣ Медицинскихъ чиновниковъ или другихъ способныхъ людей, могущихъ повсемѣстно распространить сію операцію; и

3) Несовершенно достаточныя за симъ надзоръ и пособіе со стороны мѣстныхъ Начальствъ.

Что принадлежитъ до причины первой, то сколь ни трудно сражаться съ предразсудками закоренѣлаго невѣжества; нельзя однако сомнѣваться, чтобъ при благоразумныхъ мѣрахъ постепенное ослабленіе онаго не послѣдовало. Очевидная польза прививанія коровей оспы въ сравненіи съ натуральною убѣдитъ конечно со временемъ и самаго недовѣрчиваго, ежели представится ему одно только ужасное страданіе, всегда почти сопровождающее одержимаго оспою натуральною и сравнится совершенно безболѣзненное состояніе получившаго оспу прививную; не говоря уже о томъ, что первая весьма не рѣдко на всю жизнь оставляетъ многихъ дѣтей безобразными и жалкими: а напротивъ дѣйствія другой всегда легки и никогда не бываетъ отъ нихъ никакихъ опасныхъ, ниже непріятныхъ послѣдствій.

Поясненіе пользы народу, отъ прививанія коровей оспы происходящей возложено было еще въ 1804 году на Духовенство, что и донынѣ исполняется; но о семъ неизлишне и вновь повторить, вмѣня въ особую обязанность Пастырямъ Духовнымъ, дабы они всемѣрно старались преклонять прихожанъ своихъ къ принятію сего спасительнаго средства: сравнивали въ приличныхъ и убѣдительныхъ выраженіяхъ дѣйствіе оспы натуральной съ оспою коровьею; злу первой противуполагали благодѣянія второй и даже подъ опасеніемъ гнѣва Божія вперяли бы имъ мысль, что не употреблять испытанныхъ и извѣстныхъ уже предохранительныхъ и цѣлебныхъ пособій въ свою или ближнихъ своихъ пользу, по одному предразсудку, упрямству или небреженію, значитъ отягощать совѣсть свою тяжкимъ преступленіемъ, сопряженнымъ не рѣдко съ самымъ человѣкоубійствомъ.

Къ вящшему же достиженію въ ономъ успѣха со стороны Духовенства и въ томъ наипаче разсужденіи, что примѣръ часто болѣе дѣйствуетъ на убѣжденіе человѣка, нежели и самое благоразумное увѣщаніе; не безполезно кажется учредить, чтобъ тѣ дѣти, а особливо по деревнямъ, у коихъ привита была коровья оспа, по совершенномъ выздоровленіи приводимы были въ праздникъ или Воскресный день, смотря по удобности мѣстнаго разстоянія и въ самую хорошую лѣтнюю погоду, въ церковь для слушанія Божественной Литургіи, коихъ и ставить впереди на особомъ, отъ Священника имъ назначенномъ мѣстѣ.

Обязанность Священника при семъ случаѣ

должна состоять въ томъ, чтобъ онъ по окончаніи Богослуженія, для подражанія другимъ и для увѣренія въ безопасности и пользѣ прививанія коровей оспы, объявлялъ имена выздоровѣвшихъ, равно упоминалъ бы съ свойственнымъ Пастырю Духовному увѣщаніемъ, и о тѣхъ, кои (ежели гдѣ къ нещастію случится) потеряли по небреженію своему семейнаго человѣка отъ натуральной оспы.

Къ отвращенію второй и третей причинъ, препятствующихъ успѣху прививанія коровей оспы, какъ-то, недостатка въ Медицинскихъ чиновникахъ или другихъ способнымъ людяхъ для производства оной операціи, и касательно не совершенно достаточнаго по сему предмету пособія и надзора со стороны мѣстныхъ Начальствъ, признаются полезнѣйшими слѣдующія мѣры:

1) Въ обѣихъ Столицахъ и въ каждомъ Губернскомъ городѣ учредить Комитеты, составя оные изъ Губернатора, Вице-Губернатора, Губернскаго Предводителя Дворанства и одного Члена со стороны почетнѣйшаго Духовенства, и въ Столицахъ изъ Штадтъ-Физиковъ, а въ Губернскихъ городахъ изъ Инспекторовъ Врачебныхъ Управъ. Въ Уѣздныхъ же городахъ изъ дворянскихъ Уѣздныхъ Предводителей, Городничихъ, Благочинныхъ Протоіереевъ, Капитанъ Исправниковъ и Уѣздныхъ врачей.

2) Комитетамъ симъ поставить въ непремѣнную обязанноеть: а) приведеніе въ извѣстность повсемѣстнаго въ каждой Губерніи числа малолѣтныхъ дѣтей, у коихъ не было еще оспы, и вѣденіе имъ правильнаго щета. d) Попеченіе, чтобъ вездѣ знающими людьми прививаема была всѣмъ дѣтямъ безъ изъятія коровья оспа. с) Снабдѣніе прививателей свѣжею оспенною матеріею и самоудобнѣйшими для сего дѣла инструментами и д) Наставленіе отъ Медицинскихъ Чиновниковъ желающимъ научиться основательному прививанію.

3) Возложивъ посему на оные Комитеты все попеченіе о распространеніи повсюду прививанія коровей оспы и предоставя благоразумію и усердію къ общему добру членовъ ихъ, употреблять на сей конецъ всевозможныя по мѣстному усмотрѣнію средства и принимать дѣятельнѣйшія мѣры; нужно для свѣденія Правительства о успѣхѣ всеобщаго прививанія постановить также правиломъ, чтобъ Губернскіе Комитеты, получая полугодовыя вѣдомости изъ Комитетовъ уѣздныхъ по придагаемому у сего образцу, составляли изъ нихъ немедленно у себя таковую общую по всей Губерніи и присылали къ Министру Полиціи.

Примѣчаніе. Изъ сего изъемлются Губерніи Сибирскія по пространству своему, откуда будутъ вѣдомости присылаемы поуѣздно, не дожидаясь составленія общей, т. е. какъ скоро Губернскій Комитетъ получить изъ какого уѣзда вѣдомость; то надлежащимъ образомъ освидѣтельствовавъ и повѣривъ оную, долженъ отправлять немедленно къ Министру Полиціи въ подлинникѣ съ своими примѣчаніями, буде что присовокупить заблагоразсудитъ.

4) Но дабы къ частнымъ вышеупомянутыхъ Комитетовъ распоряженіямъ придать и общія успѣху для сего способствующія средства, предполагается:

а) Ввести въ употребленіе, чтобы въ публичныхъ училищахъ, а особливо въ духовныхъ и народныхъ, показывать прививаніе коровей оспы во тѣхъ классахъ, изъ коихъ обыкновенно приготовляются по окончанін курсовъ къ выпуску. Изъ числа сихъ учениковъ, хотя и не всякъ будетъ имѣть способность и возможность заниматься прививаніемъ; но примѣтивши очевидную изъ сего пользу, будетъ по крайней мѣрѣ давать совѣты другимъ.

d) Распространить познаніе сего способа и на повивальныхъ бабокъ, прививая коровью оспу въ присутствіи ихъ во время преподаванія имъ ученія повивальнаго искусства.

с) Хотя и есть нѣсколько на россійскомъ языкѣ хорошихъ сочиненій о прививаніи оспы, пользѣ ея и о содержаніи дѣтей въ продолженіи оной: но тому прошло уже не мало времени, какъ оныя въ свѣтъ изданы, а предметъ сей, можно сказать, ежедневными почти опытами утверждается и обогащается, и къ тому же нѣтъ таковой

книжки въ особенности для простаго народа; почему предоставить Медицинскому Совѣту, яко Сословію по сей части отлично свѣдущему, дабы подъ руководствомъ его составлена была по новѣйшимъ наблюденіямъ таковая книжка, примѣняясь сколько къ общимъ понятіямъ и написана самымъ простымъ и внятнымъ для всѣхъ слогомъ съ надлежащими наставленіями и рисунками. — Книжку сію можно перевести на всѣ употребительнѣйшіе въ провинціяхъ языки, напечатать Гражданскими и Церковными буквами и на первый случай на щетъ казны разослать потребное число экземпляровъ по всему Государству.

Самый крайній срокъ для совершеннаго выполненія сихъ благодѣтельныхъ разпоряженій Правительства назначается три года, въ продолженіи коихъ ни одного не должно остаться во всемъ Государствѣ дитяти, кому не было бы привито оспы, исключая вновь родившихся въ послѣдней трети послѣдняго года.

Изложивъ такимъ образомъ ближайшіе по мнѣнію моему способы, коими въ скоромъ времени надѣяться можно, распространить повсемѣстно въ Имперіи Вашего Величества прививаніе коровей оспы, я осмѣливаюсь всеподданнѣйше еще представить: не благоугодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству повелѣть поставить въ виду Публики и нѣкоторыя награды и поощренія, коихъ каждый въ дѣлѣ семъ участвующій, кромѣ сердечнаго удовольствія быть полезнымъ человѣчеству, имѣетъ право особо надѣяться.

1) Члены учреждаемыхъ Комитетовъ, гдѣ успѣхъ прививанія коровей оспы введется повсемѣстный и натуральная вовсе пресѣчется, получать особое изъявленіе Высочайшаго благоволенія и приличныя награды, а имена ихъ внесутся въ публичныя Вѣдомости, яко добрыхъ рачителей о народномъ благосостояніи и прямыхъ исполнителей человѣколюбивыхъ намѣреній Вашего Императорскаго Величества.

2) Духовныя Особы, кои благоразумными совѣтами и увѣщаніями истребять въ своихъ приходахъ у поселянъ предразсудки противъ прививанія коровей оспы, и поученіемъ своимъ доведуть ихъ до того, что они сами стараться будутъ искать случаевъ употреблять сей способъ предохраненія отъ оспы натуральной — по мѣрѣ въ томъ успѣха и по засвидѣтельствованію мѣстнаго ихъ Начальства, получать знаки отличія, сану ихъ присвоенные.

3) Естьли съ сего времени кто изъ Медицинскихъ чиновъ привьетъ оспу коровью не менѣе 2000 людей въ одинъ годъ и засвидѣтельствуютъ о томъ мѣстные Комитеты, тотъ получитъ въ награду отъ щедротъ Монаршихъ подарокъ; а привившему въ годъ не менѣе какъ 3000, сверхъ подарка уменшится къ полученію Ордена Св. Владимира изъ 35 лѣтъ одинъ годъ, буде чиновникъ находится въ службѣ и въ классномъ чинѣ или Лѣкарскомъ званіи. Уменьшеніе времени къ сему награжденію постепенно можетъ прибавляться по мѣрѣ ежегоднаго успѣха въ прививаніи. Имена отличившихся въ семъ дѣлѣ трудами, напечатаны будутъ въ публичныхъ Вѣдомостяхъ.

4) Буде же кто и кромѣ Медицинскихъ Чиновниковъ, пріобрѣвъ познаніе о способѣ прививанія коровей оспы и получивъ надлежащее о томъ отъ Врачебныхъ Управъ или отъ другихъ ученыхъ Сословій одобреніе и видъ, приметъ на себя трудъ, обратить свое званіе на пользу общую и представить достовѣрныя свидѣтельства, что онъ предохранилъ отъ натуральной оспы число людей вышесказанное, привившимъ коровью оспу; тотъ получитъ награду, какая положена Медицинскимъ Чинамъ, смотря по состоянію и званію каждаго.

5) Но какъ не всякому, и въ особенности не изъ Медицинскихъ Чиновъ, случай и обстоятельства дозволять прививать оспу столь многому числу дѣтей, какъ вышеупомянуто, а иногда только по возможности нѣсколькимъ; предполагается однако объявить между прочимъ и о семъ, дабы каждый таковый благонамѣренный споспѣшествователь общему добру доставлялъ отъ себя полугодовыя же вѣдомости тому мѣстному Комитету, гдѣ сколькимъ именно дѣтямъ оспу съ успѣхомъ привилъ, за-

имствуя въ случаѣ надобности оспенную матерію отъ тѣхъ же Комитетовъ. Имена таковыхъ прививателей будутъ также доводимы до Высочайшаго свѣденія и вносимы въ публичныя Вѣдомости.

На подлинной подписано:

Министръ Полиціи А. Балашовъ.

Управляющій Гаврило Политковскій.

Министерство Полиціи. Копія.

3. Экспедиція.

1. Отдѣленіе.

1. Столъ.

О приведеніи въ дѣйство способовъ, принимаемыхъ по предмету распространенія коровьей оспы.

Мая 1801.

Господину Гражданскому Губернатору.

Изъ прилагаемыхъ при семъ экземпляровъ записки, удостоенной въ 3 день минувшаго Маія Высочайшаго одобренія, Ваше Превосходительство изволите усмотрѣть способы, принятые Правительствомъ къ распространенію въ Россіи предохранительнаго прививанія коровьей оспы.

Для приведенія положеній сихъ въ надлежащее исполненіе, я прошу Ваше Превосходительство:

1. Приступить къ учрежденію Комитетовъ, согласно правиламъ, въ запискѣ изъясненнымъ, какъ въ Губернскомъ, такъ равно и въ уѣздныхъ городахъ, и сдѣлать по сему Ваши, съ кѣмъ слѣдуетъ, сношенія.

2. Управленіе дѣлами Губернскаго Комитета принять на себя, дѣла же Уѣздныхъ Комитетовъ поручить Уѣзднымъ Предводителямъ Дворянства.

3. Въ случаѣ неимѣнія Инспектора въ Врачебной Управѣ, или лѣкаря въ Уѣздѣ должность перваго по Комитету Губернскому возлагать на одного изъ прочихъ Членовъ Управы, а по Комитету Уѣздному на того Врача, который къ Уѣзду сему будетъ прикомандированъ. О назначеніи Членовъ для сихъ Комитетовъ со стороны Духовной Святѣйшій Синодъ сдѣлаетъ свои распоряженія.

4. Комитеты должны воспринять точно дѣйствіе свое съ 1 Генваря будущаго 1812 года, а между тѣмъ поставляется въ обязанность ихъ сдѣлать распоряженія о собраніи первоначальныхъ свѣдѣній по городамъ и уѣздамъ о числѣ дѣтей, не имѣвшихъ оспы въ каждомъ селеніи по 1 число Генваря будущаго 1812 года, о числѣ же родившихся съ 1 Генваря по 1 Іюля 1812 года, и умершихъ безъ прививанія оспы могутъ доставлять Комитетамъ свѣдѣніе Члены опыхъ съ Духовной стороны, назначаемые обыкновенно изъ старшихъ Духовныхъ особъ. Чрезъ собраніе таковыхъ свѣдѣній Комитетамъ будетъ извѣстно число родившихся въ теченіи каждаго полугода, число умершихъ безъ прививанія оспы, число дѣтей, коимъ оная привита и число тѣхъ, кои не имѣли еще оспы. Сіе можно видѣть лучше изъ прилагаемой при семъ вѣдомости подъ буквою А, которую Комитеты и могутъ весги у себя для порядка въ дѣлѣ семъ и удобнѣйшаго составленія полугодовыхъ табелей по той формѣ, по которой они доставляемы должны быть Министерству Полиціи.

5. Дабы успѣхъ въ прививаніи оспы не былъ затрудненъ закоренѣлыми предразсудками народа, Комитеты должны внушить лѣкарямъ, ученикамъ ихъ и проч. чтобы они, прививая коровью оспу въ селеніяхъ, избѣгали называть ее коровьею, но именовали бы предохранительною оспою, на что есть и особенная Высочайшая воля.

6. Изъ числа препровождаемыхъ при семъ экземпляровъ упомянутой записки, Высочайше апробованной въ 3 день прошлаго Маія, Ваше Превосходительство не оставите препроводить по одному въ каждый Уѣздный Комитетъ и Врачебную Управу, и сдѣлать извѣстными въ Губерніи, управленію вашему ввѣренной, награжденія, опредѣляемыя за успѣхи въ прививаніи оспы.

7. Само собою разумѣется, что за нынѣшній 1811 годъ вѣдомости о прививаніи оспы должны еще быть составлены по прежней формѣ въ Врачебныхъ Управахъ, и присланы въ свое время Министерству Полиціи чрезъ Гг. Управляющихъ Губерніями.

О распоряженіяхъ, какія Вашимъ Превосходительствомъ по сему сдѣланы будутъ, вы не оставите меня увѣдомить.

Подлинное подписали:

Министръ Полиціи Александръ *Балашовъ*.

Управляющій Гаврило *Политковскій*.

Вѣрно: Въ должности Начальника Отдѣленія Андрей *Крыжановскій*.

А

Полугодовая вѣдомость, составляемая изъ полученныхъ свѣдѣній отъ Члена Комитета со стороны Духовной о числѣ родившихся и умершихъ и о привившихъ предохранительную оспу.

	Число дѣтей, коимъ не привита оспа во 2 полов. 1811 года.	Число родившихся въ 1 половинѣ 1812 года.	Число умершихъ безъ прививанія оспы въ 1 половинѣ 1812 года.	Привита оспа въ 1 половинѣ 1812 года.	Осталось непривитыхъ оспою къ 1 Іюля 1812 года.
Въ городѣ такомъ-то.	000	0000	00	0000	000
Въ деревнѣ такой-то.	00	00	0	00	0

Подписалъ Управляющій Гаврило *Политковскій*.

Въ первомъ нумерѣ «Архива судебной медицины и общественной гигіены» довольно пространно излагается о причинахъ связи между эпидеміями и эпизоотіями оспы Россіи. Потому для читателей, не успѣвшихъ ознакомиться съ вышедшимъ нумеромъ «Архива», будетъ небезынтересно узнать нѣкоторыя подробности относительно болѣзни, которой теперь такъ боятся петербуржцы. Опасаются этой болѣзни и въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ Россіи, и боятся не безъ основаній, если только обратить серьезное вниманіе на слѣдующія цифры офиціальной отчетности:

Въ періодъ 1863—1866 года въ Европейской Россіи ежегодно появлялась въ различныхъ губерніяхъ натуральная оспа на людяхъ; точно также ежегодно появлялась оспа и у овецъ. Въ этотъ шестилѣтній періодъ времени въ Европейской Россіи, по офиціальнымъ донесеніямъ, заболѣло: натуральной оспой—56.581 человѣкъ, изъ нихъ умерло—10,673; овецъ было поражено оспою—50,120, изъ которыхъ пало—22,256 головъ. Безъ сомнѣнія, всѣ эти цифры меньше дѣйствительныхъ, потому что донесенія изъ селъ и деревень о появленіи болѣзней обыкновенно поступаютъ только тогда, когда болѣзнь уже сильно распространится; объ отдѣльныхъ же, одиночныхъ случаяхъ, которые въ общей сложности должны быть довольно многочисленны, не доносятъ.

Что же такое оспа?—Наруральная оспа человѣка (variola vera) принадлежитъ къ числу міазматическихъ или повѣтренныхъ болѣзней, т. е. къ такому роду болѣзней которыя распространяются при посредствѣ атмосферы. Полагаютъ, что воздухъ можетъ быть заразителенъ, можетъ производить въ организмѣ человѣка, напримѣръ, оспенный процессъ тогда только, когда будетъ содержать въ себѣ «оспенный ядъ». Оспенный гной содержитъ въ себѣ это особое вещество, этотъ «ядъ», который, будучи привитъ вмѣстѣ съ гноемъ здоровому человѣку, порождаетъ въ его организмѣ оспенный процессъ. Чтобъ произвести послѣдній, достаточно ничтожнаго количества гноя, и затѣмъ заболѣвшій организмъ самъ вырабатываетъ его въ громадномъ количествѣ. Вырабовавши оспенный ядъ, организмъ на долгое время дѣлается неспособнымъ къ новому зараженію. Съ біологической точки неизбѣжно слѣдуетъ допустить, что при этомъ въ органическихъ молекуляхъ, составляющихъ организмъ, происходитъ какое-то недоступное пока нашему изслѣдованію перемѣщеніе атомовъ, которое затѣмъ удерживается надолго, и только впослѣдствіи атомы молекуль постепенно принимаютъ прежнее положеніе, и организмъ снова дѣлается способнымъ къ размноженію оспеннаго яда или къ зараженію имъ.

Оспа въ высшей степени заразительна. По словамъ профессора Леберта, «въ нашемъ поясѣ оспа составляетъ заразительнѣйшую изо всѣхъ извѣстныхъ болѣзнѣй». Впрочемъ, другіе ученые не вполнѣ соглашаются съ этимъ рѣзкимъ взглядомъ Леберта, и считаютъ эту фразу вполнѣ справедливою только относительно искусственнаго зараженія. Эпидеміи оспы бываютъ то весьма слабыя и ограниченныя, то весьма жестокія и обширныя, и на основаніи этого допускаютъ, съ одной стороны, возможность измѣненія качествъ оспеннаго яда, съ другой — неодинаковость въ продолжительности его сохраненія въ атмосферѣ жилищъ и различныхъ предметахъ. Прививаютъ оспу не только человѣку, но и животнымъ: такъ, съ 1870 года германскіе овцеводы начали употреблять прививаніе оспы овцамъ, какъ предохранительную мѣру противъ ея эпизоотій; матерію обыкновенно берутъ отъ коровъ, но можно ее брать и отъ лошадей. Существуютъ наблюденія надъ зараженіемъ человѣческой оспой свиней и на-оборотъ; наибольшаго же вниманія заслуживаетъ оспа овецъ, которая, по своимъ клиническимъ явленіямъ, наиболѣе приближается къ оспѣ человѣка и, господствуя повально, производитъ значительныя опустошенія въ стадахъ. Въ 1855 году, парижская медицинская Академія предложила задачу «доказать вырожденіе человѣчества въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ отъ оспопрививанія», но мы можемъ пока утѣшиться тѣмъ, что изо всѣхъ сочиненій, съ-тѣхъ-поръ поступившихъ въ Академію, еще ни одно не признано разрѣшившимъ эту задачу. Впрочемъ, еслибъ даже и было доказано, что оспопрививаніе способствуетъ вырожденію людей, то и въ такомъ случаѣ отъ него нельзя было бы отказаться до-тѣхъ-

*

поръ, пока не будутъ изучены всѣ свойства оспеннаго яда, и не будетъ найдена возможность окончательно уничтожить его около больныхъ оспою. Въ настоящее время, какъ и прежде, эпидеміи оспы появляются только въ извѣстные годы, и распространаются на болѣе или менѣе обширныя пространства, но теперь вслѣдствіе успѣховъ оспопрививанія, онѣ вообще не бываютъ такъ злокачественны, какъ прежде, хотя, напримѣръ, эпидемія, свирѣпствовавшая въ Парижѣ въ послѣдніе дни осады, доходила до того, что еженедѣльно умирало 400 человѣкъ отъ оспы.

ЗАМѢТКА ИЗДАТЕЛЯ ОБЪ ОСПОПРИВИВАТЕЛѢ КИРГИЗЪ-КАЙСАЦКИХЪ СТЕПЕЙ, ЛЕКАРѢ КОЛЛЕЖСКОМЪ СОВѢТНИКѢ С. И. ЩЕНСНОВИЧѢ.

Указавъ на заботливость Митрополита Евгенія и Министра Полиціи Балашова о распространеніи оспопрививанія въ 1811 году, въ которомъ было напечатано по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію пастырское увѣщаніе въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ для разсылки по всѣмъ епархіямъ и приходамъ, не можемъ пройти молчаніемъ о заслугахъ невѣдомаго по этой части труженика въ 1871 году, хотя раздѣляетъ ихъ разстояніе немалое-шестьдесятъ лѣтъ, но и въ настоящее время правительство еще нуждается въ людяхъ, гуманно посвящающихъ себя оспопрививанію. Потому смѣемъ думать, что, указывая на этого новаго дѣятеля на поприщѣ служенія страждущему человѣчеству, желаемъ доказать самымъ очевиднымъ образомъ, что общественнаго вниманія заслуживаютъ не одни только дѣятели, пріобрѣвшіе громкую извѣстность, но и тѣ скромные труженики, которые, посвятивъ себя наукѣ, ежедневно молча и терпѣливо борются съ преслѣдующею ихъ нуждою и не имѣютъ случая обратить должнаго вниманія на свою дѣятельность и на богатые результаты трудовой своей жизни. Къ числу всѣмъ замѣчательныхъ личностей принадлежитъ окончившій курсъ медицинскихъ наукъ въ Московскомъ университетѣ лекарь С. И. Щенсновичъ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ не улыбалось ему счастіе, и на долю его выпала самая сильная борьба съ жизнью. Не здѣсь мѣсто подробно ее разсказывать, это было бы повтореніемъ всего того, что пришлось испытывать каждому, кто пролагалъ самъ себѣ дорогу безъ протекціи. Homo sum, humani a nil me alienum esse puto, а потому позволяю себѣ въ краткомъ очеркѣ изобразить тѣ пути, чрезъ которые явился въ Петербургъ опытный *оспопрививатель*, успѣвшій, среди сонма и столь завистливыхъ къ чужой славѣ медицинскихъ авторитетовъ, обратить вниманіе даже медицинскаго начальства на свои изумительные труды.

Щенсновичъ родомъ изъ потомственныхъ обѣднѣвшихъ дворянъ западнаго края, въ молодыхъ еще лѣтахъ, оставшись сиротою, долженъ былъ, какъ старшій въ семействѣ, заботиться о пропитаніи матери, братьевъ и сестеръ. Бѣдность заставляетъ дѣтей созрѣвать раньше и молодой Щенсновичъ понялъ, что безъ его труда вся семья можетъ умереть голодною смертью. Физическій трудъ не предвѣщалъ ему ничего хорошаго, одна только наука могла скорѣе привести его къ желаемой цѣли-быть полезнымъ своей семьи. У сосѣда стоялъ на квартирѣ полковой писарь, Щенсновичъ пользуется этимъ случаемъ и въ два мѣсяца выучивается у него читать и писать мѣломъ на доскѣ азбуку и послѣ первыхъ началъ успѣваетъ дальше и поступаетъ въ первый классъ дворянскаго уѣзднаго училища. Знаніе ариѳметики, языковъ: латинскаго, французскаго и нѣмецкаго онъ пріобрѣтаетъ отъ товарищей, но не имѣетъ средствъ сдѣлать себѣ форменнаго сюртука и добыть 3 руб. на уплату за право ученія въ училищѣ. Но и здѣсь терпѣніе свое взяло, ибо счастливою ловлею рыбы въ Шарѣ и продажею ея евреямъ, онъ накопляетъ нужную сумму и, поступивъ въ третій классъ, смотрителемъ назначается репетиторомъ съ жалованьемъ 5 руб. въ мѣсяцъ. Обезпеченный этимъ трудовымъ капиталомъ продолжаетъ и оканчиваетъ 5 класное училище. Въ уѣздномъ городѣ служба гражданская, хотя и не представляла Щенсновичу впереди большихъ и скорыхъ повышеній, но привлекала его по неволѣ потому, что старая мать и дорастившіе братья и сестры требовали его попеченій; все это побуждаетъ его опредѣлиться писцомъ въ уѣздный судъ. Канцелярская должность не могла удовлетворить вкусившаго уже сладость науки и онъ, скрѣпя сердце, ѣдетъ въ Вильну, вопреки желанію матери, которая надѣялась скоро его видѣть протоколистомъ съ 10 руб. жалованьемъ въ мѣсяцъ. Оставляетъ онъ матери нѣсколько десятковъ рублей, заработанныхъ частными уроками и съ 3 руб. въ карманѣ поступаетъ въ Виленскую гимназію, которую въ 1852 году оканчиваетъ съ правомъ, за успѣхи въ русскомъ языкѣ, на чинъ XIV класса, при вступленіи въ гражданскую службу. Съ нѣсколькими рублями отправляется онъ потомъ въ Москву и въ 1857 году оканчиваетъ полный курсъ наукъ по Медицинскому факультету, со степенью лекаря. Но степень ученая и пергаментный дипломъ не даютъ еще средствъ къ жизни и Щенсновичъ увидѣлъ себя, по окончаніи университета, такимъ же бѣднякомъ, какимъ явился въ Москву за пять лѣтъ тому назадъ, но съ тою только разницею, что отъ усиленныхъ трудовъ по-

лучилъ острое воспаленіе глазъ, угрожавшее ему потерею зрѣнія. Не за что и не въ чемъ было Лекарю явиться къ матери, упрекавшей его письменно, что онъ въ продолженіи пяти лѣтъ могъ бы сдѣлаться помощникомъ столоначальника, а можетъ быть и начальникомъ стола. Воспользовавшись какимъ-то счастливымъ случаемъ, Щенсновичъ отправляется въ Петербургъ и получаетъ мѣсто уѣзднаго врача въ Царицынѣ, Саратовской губерніи. Со всевозможными лишеніями въ этомъ городѣ, выгорѣвшемъ совершенно и не представлявшемъ даже за высокую цѣну возможности имѣть квартиру, Щенсновичъ съ 200 р. жалованья въ годъ, влечетъ тягостную жизнь 7 лѣтъ. Не видя лучшаго исхода, при представившемся случаѣ, ѣдетъ въ Киргизскую орду, гдѣ лекарю положено въ годъ 750 руб. сер. жалованья и остается въ ордѣ ровно 5 лѣтъ.

Посмотримъ на его жизнь у киргизъ-кайсаковъ. Кочующіе народы не признаютъ предохранительной силы оспопрививанія и отвергаютъ оспу на томъ основаніи, что, если при рожденіи человѣку свыше предопредѣлено умереть отъ какой-либо болѣзни, то человѣческое искуство не въ состояніи защитить его отъ смерти. При такомъ суевѣрномъ и фанатическомъ взглядѣ на вещи трудно было и думать о распространеніи оспопрививанія между киргизъ-кайсаками, у которыхъ на цѣлую орду не было ни одного оспопрививателя. Для такихъ кочующихъ народовъ, стоящихъ на столь низкой степени умственнаго развитія и гражданской жизни, краснорѣчивыя слова и хитроплетенныя фразы не имѣютъ никакого значенія. Одинъ только примѣръ можетъ обратить на себя ихъ вниманіе. Щенсновичъ рѣшился во чтобы ни стало ввести и распространить въ ордѣ между номадами оспопрививаніе, но для достиженія этой цѣли нужно было сперва подготовить ихъ, и доказать имъ фактически, что привитіе предохранительной оспы дѣйствительно спасаетъ людей отъ неминуемой смерти и избавляетъ не только отъ наружныхъ безобразій, но и внутреннихъ страданій. Въ этихъ видахъ онъ старался сперва расположить къ себѣ номадовъ и, въ качествѣ лекаря, ласковымъ обращеніемъ и своимъ усердіемъ на дѣлѣ доказалъ надъ многими больными, въ глазахъ номадовъ, что искуство и знаніе стоятъ выше шарлатанизма и суевѣрія. Съ этого времени больные киргизы стали со всѣхъ концовъ орды толпами стекаться къ русскому лекарю и осаждали его съ утра до вечера въ теченіи цѣлыхъ пяти лѣтъ. Когда киргизы стали вѣрить медицинѣ, исцѣлявшей ихъ недуги, тогда только можно было расчитывать на успѣшное введеніе между ними оспопрививанія, но только нужно было выжидать удобнаго случая, чтобы фактически доказать, сколь спасительнымъ средствомъ есть оспопрививаніе, избавляющее человѣка отъ мучительныхъ страданій. Этотъ удобный случай не заставлялъ себя долго ждать. Въ 1866 году между киргизъ-кайсаками появилась сильная натуральная оспа, отъ которой они начали умирать, какъ мухи, но не столько отъ оспенной заразы, сколько отъ неблагопріятныхъ гигіеническихъ условій ихъ домашняго быта. Тутъ Щенсновичу предстояло обширное поле для успѣха. Въ цѣлой ордѣ не было ни одного оспопрививателя, слѣдовательно не было на лицо оспенной матеріи, а между тѣмъ Щенсновичъ на другомъ концѣ орды былъ занятъ прекращеніемъ эпидемической холеры, завезенной въ степь киргизами изъ Новоузенской покровской ярмарки, Самарской губерніи, свирѣпствовавшей съ возрастающею силою; описаніе ея помѣщено въ Архивѣ Судебной Медицины за 1867 годъ. Оставивъ при холерныхъ больныхъ во временной больницѣ единственнаго фельшера, Щенсновичъ поспѣшилъ прекращать вторую не менѣе слабую и опасную оспенную эпидемію, для прекращенія которой потребовались люди и оспенная матерія. За сею послѣднею онъ отправился въ Астраханскую губернію и послѣ долгихъ поисковъ ему удалось у одного сельскаго фельшера получить свѣжую оспенную матерію. Прибывъ на мѣсто оспенной эпидеміи, Щенсновичъ уговорилъ одного отставнаго изъ киргизъ солдата изучать подъ своимъ руководствомъ на практикѣ искуство прививать оспу. Въ теченіи полутора мѣсяца оба они успѣли прекратить оспенную эпидемію, тогда киргизы на дѣлѣ увидали, что тѣ дѣти и взрослые одного и того же семейства, которымъ была привита предохранительная оспа остались невредимы, между тѣмъ какъ несогласившіеся на привитіе оспы сильно страдали и нерѣдко умирали. Убѣдившись во время эпидеміи въ спасительной силѣ оспопрививанія, нѣкоторые изъ почетныхъ киргизовъ сами стали приглашать Щенсновича и его помощника для привитія оспы и примѣру ихъ нерѣдко слѣдовали другіе простые киргизы. По прекращеніи оспенной эпидеміи нужно было подумать о введеніи въ киргизъ-кайсадкую орду постоянныхъ оспопрививателей, преимущественно изъ киргизскихъ мальчиковъ, знающихъ языкъ, нравы и обычаи соотчичей, ибо русскому человѣку киргизы не давали бы своимъ дѣтямъ прививать оспу. Съ этою цѣлью Щенсновичъ вошелъ съ представленіемъ во временной совѣтъ по управленію внутреннею киргизскою ордою, который имѣетъ права губернскихъ правленій, объ учрежденіи въ каждой изъ 7 частей орды по одному оспопрививателю. Совѣтъ на представленіе это отвѣчалъ, что по штату оспопрививатели въ ордѣ не полагаются и что для содержанія ихъ нѣтъ никакихъ источниковъ. Послѣ такого рѣшительнаго отказа Совѣта, видя, что киргизы готовы принять у себя оспопрививаніе, Щенсновичъ началъ ходатайствовать чрезъ Оренбургскаго Гражданскаго Губернатора и потомъ Генералъ-Губернатора о необходимости имѣть въ ордѣ хотя 7 оспопрививателей на каждую часть орды по одному. Въ слѣдствіе продолжительной переписки наконецъ въ 1868 году послѣдовало Высочайше повелѣніе учредить въ внутренней ордѣ 7 оспопрививателей изъ киргизскихъ мальчиковъ, обученіе которыхъ какъ практическому, такъ и теоретическому оспопрививанію, возложено было на обязанности мѣстнаго врача. И какъ для преподаванія встрѣтилось большое затрудненіе, по недостатку руководства по этому предмету, то Щенсновичу пришлось самому составлять записки по оспопрививанію для своихъ слушателей. У него въ глухой степи подъ руками не было никакого наставленія, и онъ самъ, изложивъ свой практическій взглядъ на этотъ предметъ, и препроводивъ его во временной совѣтъ и врачебное отдѣленіе Оренбургскаго правленія, просилъ перевести на

татарскій языкъ. Но и это ходатайство Щенсновича не увѣнчалось сейчасъ желаннымъ успѣхомъ, ибо Совѣтъ отвѣчалъ, что безъ предварительнаго разсмотрѣнія цензурою и утвержденія высшаго медицинскаго начальства, записки не только не могли быть переведены, но даже и преподаваемы слушателямъ. Не оставалось Щенсновичу ничего другаго сдѣлать, какъ препроводить свою рукопись въ Медицинскій департаментъ Министрства внутреннихъ дѣлъ, который передалъ ее на разсмотрѣніе Медицинскаго Совѣта. Сей послѣдній призналъ составленное Щенсновичемъ наставленіе полезнымъ и достигающимъ своего назначенія и, разрѣшивъ печатать рукопись, нашелъ автора достойнымъ поощренія со стороны правительства.

Окончивъ обученіе киргизъ-кайсацкихъ мальчиковъ прививанію оспы Щенсновичъ въ исходѣ 1869 года прибылъ въ Петербургъ. Представилъ онъ кому слѣдовало свою рукопись объ оспопрививаніи съ просьбою о доставленіи средствъ на изданіе ея. По просвѣщенной заботливости Директора Департамента Е. В. Пеликана Щенсновичу выдано 300 рублей но, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ это наставленіе, по напечатаніи авторомъ, было представлено въ Департаментъ въ 1000 экземплярахъ для разсылки *) городовымъ, уѣзднымъ и полицейскимъ врачамъ. Въ видѣ поощренія Департаментъ причислилъ къ своему вѣдомству Щенсновича сверхштатнымъ медицинскимъ чиновникомъ съ ограниченнымъ содержаніемъ съ откомандированіемъ его въ Медико-Хирургическую Академію для усовершенствованія себя и для полученія степени Доктора. Подобное поощреніе, съ одной стороны возбудило ревностное желаніе предаться изученію медицинѣ, но со другой—обрекаетъ Щенсновича на новыя лишенія, которыхъ онъ уже испыталъ не мало во время 5 лѣтняго пребыванія въ ордѣ, гдѣ въ степяхъ подвергался всякаго рода непонятнымъ для Петербурга непріятностямъ степной жизни и въ вознагражденіе за свое гуманное обращеніе съ киргизами, оставленными мѣстными властями на произволъ, обращеніе, которое за границею признано было бы достойнымъ Монтіоновской награды, ему предоставляется только право учиться, безъ обеспеченія его достаточными средствами къ самой скромной жизни, которыя ему, безъ связей въ столицѣ невозможно добыть. Здѣсь оправдывается на дѣлѣ простая русская пословица: «*не родись уменъ, а родись счастливъ*».

Привезенная Щенсновичемъ коллекція собранныхъ въ киргизскихъ степяхъ ядовитыхъ пауковъ и тарантулъ, по своей неизвѣстности, въ другомъ столичномъ городѣ Европы обратила бы на себя вниманіе спеціалистовъ, но у насъ безъ протекцій къ академикамъ нѣтъ приступа, а между тѣмъ для собиранія этихъ пауковъ и тарантулъ Щенсновичъ подвергался опасности лишиться жизни отъ укушенія. Сколько стоило ему труда привезти ихъ въ столицу безъ спирту и если бы онъ самъ описалъ свои съ этими пауками странствованія въ столицѣ по переднямъ нашихъ орнитологовъ, то онѣ показались бы гораздо труднѣе и безотраднѣе странствованій его по степямъ для открытія ихъ. Составленная о ядовитости этихъ пауковъ рукопись авторомъ была представлена въ Медицинскій Департаментъ, которымъ препровождена на разсмотрѣніе Совѣта. Сей послѣдній, признавъ ее полезною, для распространенія свѣдѣній о ядовитомъ дѣйствіи пауковъ, одобрилъ къ печати, но къ сожалѣнію, по недостатку средствъ у автора, она и по настоящее время не вышла еще въ свѣтъ. Проживъ столько лѣтъ между киргизами, при своей наблюдательности, Щенсновичъ имѣетъ въ рукописи много любопытныхъ данныхъ: о введеніи ветеринарной части во внутреннюю киргизскую орду, о разныхъ предположеніяхъ къ реформѣ законовъ по оспопрививанію, однимъ словомъ, дѣятельность его могла бы быть очень производительною; но если бы онъ пріѣхалъ за границы, тогда только на него обращено было бы должное вниманіе и онъ могъ бы получить и приличное мѣсто, но какъ онъ явился изъ киргизскихъ степей и по своему неумѣнію записывать расположенія у всесильныхъ сего міра этотъ благодѣтель киргизской орды, по распространенію между ними оспопрививанія, остается и въ настоящее время въ довольно стѣснительномъ положеніи.

---

*) Руководство къ изученію оспопрививанія для духовныхъ училищъ, народныхъ, фельшерскихъ школъ и вообще для лицъ, желающихъ научиться оспопрививанію. Одобренное Медицинскимъ Совѣтомъ. Составилъ врачъ С. И. Щенсновичъ Спб. 1870 года, 8° 47 стр. съ приложеніемъ 2 таблицъ, изображающихъ прививіе настоящей предохранительной осцы и прививія коровьей осцы. Цѣна 30 коцѣекъ. Продается противъ Думы у Павленкова.

IV.

ПЕРЕПИСКА

ПО ИЗДАНІЮ МАТЕРІАЛОВЪ

ДЛЯ

ЕВГЕНІЕВСКАГО СБОРНИКА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ ЗАМѢТКИ.

ПИСЬМО С. И. ПОНОМАРЕВА КЪ ИЗДАТЕЛЮ СБОРНИКА.

М. Г.!—М. П. Погодинъ пишетъ мнѣ, что вы печатаете сборникъ писемъ митрополита Евгенія и что онъ вамъ доставилъ все, что имѣлъ объ этомъ великомъ архипастырѣ. Занимаясь составленіемъ біографіи его, я десятки разъ имѣлъ случай убѣдиться, что письма его составляютъ драгоцѣнный и незамѣнимый матеріалъ для его біографіи. Работою я надъ нею уже седьмой мѣсяцъ и встрѣчаю постоянные пробѣлы, которыхъ ничѣмъ нельзя восполнить. И вотъ, во имя науки, во имя достойнѣйшаго Святителя, обращаясь къ вамъ съ почтительнѣйшею просьбою—изыщите средство подѣлиться со мною всѣмъ, что имѣете о митрополитѣ Евгеніѣ. Я говорю: *«изыщите средство»*, потому, что вполнѣ увѣренъ въ вашей *готовности* быть полезнымъ дорогому вамъ дѣлу, подѣлиться со мною находящимися у васъ матеріалами. Я просилъ-бы васъ просто-на-просто отдать писцу переписать, если не всѣ, то хотя замѣчалельныя и наиболѣе пригодныя для біографіи письма Евгенія. Излишнимъ считаю говорить, что всѣ издержки ваши по этому поводу будутъ мною оплачены съ самой возможной быстротой. Или нельзя ли вамъ переслать мнѣ корректуры уже напечатанныхъ вами писемъ (конечно, послѣднія, собранныя, занумерованныя), а остальное переписать? Или, наконецъ, не окажете ли вы мнѣ такую великую и богатую милость, что пришлете *на мѣсяцъ* (это — maximum, а то хоть *недѣли на двѣ*) все цѣликомъ, въ подлинникѣ? Еще болѣе лишнимъ считаю увѣрять васъ, что я не замедлю въ срокъ возвратить и буду благодаренъ вамъ безконечно и всѣмъ, чѣмъ могу.

У меня также есть нѣсколько писемъ м. Евгенія (прочемъ, не особенно важныхъ) къ барону Розенкампфу, Свиньину и типографу Лавры въ особенности. Если вамъ угодно будетъ имѣть ихъ, я съ величайшимъ удовольствіемъ сообщу ихъ вамъ подлинниками, но покорнѣйше прошу васъ возвратить ихъ мнѣ по минованіи надобности.

Свою работишку думаю я пустить въ печать съ сентября мѣсяца или въ «Полт. Епарх. Вѣдомостяхъ» или въ «Трудахъ Кіевской Дух. Академіи» (хотя въ одномъ изданіи предлагаютъ 20 р., а въ другомъ 15 и не менѣе 10). Пристроить-же трудъ свой въ столичныхъ изданіяхъ я и думать не дерзаю; столичныя изданія или завалены матеріалами, или просто и читать не захотятъ издѣлія невѣдомаго міру труженика, и трудъ мой очень легко можетъ пропасть ни за что. И потому лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ. М. П. Погодинъ пишетъ мнѣ, что вы сами печатаете; счастливецъ вы! А нашъ братъ учитель едва концы съ концами сводитъ по личному матеріальному существованію. Служба у насъ даетъ гроши, а литература — полушки. Но какъ бы ни было, а работать надо — надо пока глаза смотрятъ; пока рука движется.

Отъ всей души, и проч.

С. Пономаревъ.

1867 г. 8-го- Іюля.
Севастополь.

ОТВѢТЪ.

М. Г.—С. И. Ваше письмо отъ 8-го Іюля, изъ Севастополя, вызываетъ меня на полную откровенность и возбуждаетъ живѣйшее участіе въ предпринятомъ вами полезномъ трудѣ. Дѣйствительно, я заявлялъ г. Погодину о моемъ намѣреніи издать ко дню юбилея митрополита Евгенія сборникъ матеріаловъ къ составленію, по возможности, самой полной біографіи этого достойнаго архипастыря, и главнымъ основаніемъ моего сборника должны были послужить письма митрополита Евгенія къ извѣстному библіографу и библіоману Василію Григорьевичу Анастасевичу.

Какимъ образомъ письма эти достались мнѣ, считаю не безъинтереснымъ сообщить къ вашему свѣдѣнію.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ продавалось съ аукціона собраніе, книгъ и рукописей, принадлежавшихъ В. Г. Анастасевичу и долгое время хранившихся, со смерти его (1845 г.), при домѣ бывшаго Румянцовскаго музея, такъ какъ покойный былъ сначала библіотекаремъ этого музея, а потомъ жилъ, какъ частное лицо, въ нанимаемой имъ отъ музея квартирѣ. Но когда музей былъ переведенъ въ Москву и домъ его сдѣлался частною собственностью, то потребовалось очищеніе мѣста въ принадлежавшемъ этому дому сараѣ, гдѣ хранилось собраніе нашего библіомана. Вслѣдствіе чего предписано было полицейскому начальству принять въ свое вѣдѣніе это бездомное имущество и хранить его впредь до предъявленія правъ на него законными наслѣдниками, которые, впрочемъ, не являлись въ продолженіе почти 20 лѣтъ, несмотря на неоднократныя публикаціи объ открывшемся ученомъ наслѣдствѣ. Полицейское начальство распорядилось перевозкою сказаннаго имущества изъ сарая въ нарочно нанятую квартиру и поручило одному изъ помощниковъ надзирателя привести это собраніе книгъ и рукописей въ порядокъ и составить ему опись. Чиновникъ этотъ, никогда не упражнявшійся ви библіографическихъ работахъ, сколько ни усердствовалъ, а дѣло по описи не подвигалось впередъ. По заявленію хозяйки, у которой нанята была квартира для временнаго помѣщенія этой случайной библіотеки, что она, по разнымъ причинамъ, опасается за безопасность этой библіотеки и своей квартиры, — такъ какъ командированный чиновникъ слишкомъ предается куренію папиросъ, отчего ветхія бумаги могутъ зажечься — полицейское начальство имѣя еще при томъ въ виду, что на подобныя библіографическія работы и наемъ квартиры подъ библіотеку частную не имѣется у него спеціальныхъ средствъ, нашлось вынужденнымъ ходатайствовать о разрѣшеніи: собраніе это книгъ и рукописей—и безъ описи — продать съ аукціона, и по полученіи этого разрѣшенія оно было переведено въ домъ полицейскаго управленія, гдѣ уложенное въ куляхъ и нашло себѣ временный пріютъ въ состоящей при казенномъ домѣ конюшни.

Случайнымъ образомъ привелось мнѣ быть свидѣтелемъ и отчасти соучастникомъ этого аукціона. Сердце замирало при видѣ, какъ труды цѣлой жизни ученаго сдѣлались безполезными для науки. Всѣ бумаги и рукописи, какъ попало, уложены были въ мѣшки, впрочемъ и до этого уже это собраніе приведено въ хаосъ отъ перемѣщенія его изъ квартиры покойнаго въ сарай, изъ сарая въ квартиру, изъ сей послѣдней въ полицейское управленіе, и тѣмъ болѣе, что переноска и перевозка производились безцеремонно людьми, не понимавшими значенія и важности ученаго труда. Впрочемъ, обвинять полицейское начальство въ этомъ случаѣ никакъ невозможно; напротивъ; оно дѣлало все возможное, дабы это собраніе

было пристроено надлежащимъ образомъ; оно обращалось въ одно изъ ученыхъ нашихъ учрежденій, давая знать объ этомъ собраніи, но сіе послѣднее, хотя ему не безъизвѣстны были библіографическіе труды пок. Анастасевича, отнеслось къ нему равнодушно и не полюбопытствовало даже узнать, что это за собраніе, а требовало представленія себѣ каталога или описи для выбора нужныхъ ему книгъ. На второе же заявленіе, что не имѣется описи, оно не удостоило даже отвѣтомъ полицейское начальство, столь сочувственно относившееся къ этому собранію въ интересахъ науки. Спрашивается: кто здѣсь виноватъ, что собраніе погибло?... во всякомъ случаѣ—не административное управленіе.

А что собраніе это, дѣйствительно, заслуживало обратить на себя вниманіе компетентнаго учрежденія, тому служитъ доказательствомъ найденное мною въ этомъ собраніи нижепоименованное.

Но возвратимся къ аукціону. Такъ какъ продажа производилась по 5-и мѣшковъ или кулей въ однѣ руки, то я рѣшился на рискъ купить одинъ пятокъ. Купилъ бы я и болѣе, но букинисты меня, какъ не принадлежавшаго къ ихъ артели, и притомъ хорошо имъ знакомаго покупателя, не допустили купить на аукціонѣ больше 5 кулей; ибо, надбавляя предложенную цѣну, заставляли меня платить несравненно дороже, чѣмъ они, покупая цѣлою артелью. При ихъ круговой стачкѣ мнѣ пришлось заплатить за 5 кулей въ 40 пуд. столько же, сколько они заплатили за 400 пудовъ, потому что они покупали по 23 до 30 коп. за пудъ, а меня заставили заплатить по 2 р. за пудъ. Это обыкновеннный ихъ маневръ, который дѣлаетъ почти невозможнымъ частному лицу выдерживать съ ними конкурренцію на аукціонахъ. Такимъ путемъ доставшіеся мнѣ въ купленныхъ пяти куляхъ разроненные томы книгъ, клочки бумагъ и рукописей требовали много труда и времени разобрать эту безпорядочную кучу, принявшую вредный, а можетъ быть и здоровый запахъ (но не очень пріятный). Желая удовлетворить любопытству и узнать поскорѣе, что Богъ послалъ на мою долю въ доставшемся пяткѣ, я весь погрузился въ кули и съ трепетомъ сердца вытаскивалъ между разнымъ хламомъ скомканные и разорванные автографы государственнаго канцлера гр. Румянцова, письма митрополита Евгенія и разныхъ нашихъ извѣстныхъ дѣятелей на поприщѣ литературы, но въ такомъ жалкомъ видѣ отъ времени и сырости, а всего болѣ неосторожной укладки, что, право, не повѣрилъ-бы разсказу другаго, какимъ образомъ въ XIX столѣтіи, и притомъ въ столицѣ, этомъ центрѣ всѣ ученыхъ и неученыхъ учрежденій, могутъ быть подобные случаи столь невознаградимыхъ научныхъ утратъ. Неужели не могутъ быть приняты административныя мѣры къ тому, дабы ни одинъ аукціонъ на книги не могъ имѣть мѣста безъ предварительнаго ихъ осмотра компетентными въ этомъ дѣлѣ учрежденіями? Если сами учрежденія не принимаютъ въ этомъ дѣлѣ живаго участія и остаются равнодушными свидѣтелями подобнаго кощунства надъ учеными трудами своихъ-же сочленовъ, то пусть законъ обяжетъ ихъ къ сохраненію ученыхъ наслѣдствъ, нигдѣ не пристроенныхъ и оставшихся безнаслѣдственными, какъ собраніе Анастасевича. Вѣдь снаряжались же ученыя экспедиціи для отысканія съ трудомъ въ отдаленныхъ провинціяхъ какой-нибудь старопечатной книги или древняго акта, и эти экспедиціи, при недостаткѣ желѣзныхъ дорогъ, соединены были съ большими неудобствами для библіографовъ и палеографовъ и требовали большихъ издержекъ, а отдаются въ жертву на истребленіе цѣлыя собранія книгъ и рукописей, въ которыхъ нашлась-бы не одна старопечатная книга или рукописный документъ, для чего не требуется расходовъ на поѣздки ученыя и вообще командировки съ библіографическими, палеографическими

и другими цѣлями. Здѣсь не отрицается польза этихъ ученыхъ поѣздокъ со всевожными цѣлями—онѣ въ свое время приносили и теперь могутъ еще принести существенную пользу для науки — но изъ этого не слѣдуетъ, что должно пренебрегать открытіями, которыя могутъ быть сдѣланы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста служенія наукѣ. Впрочемъ, заявленіе мое не обратить на себя ничьего вниманія, такъ какъ оно высказывается лицомъ неизвѣстнымъ и не имѣющимъ значенія въ ученой іерархіи. Пусть заявятъ объ этомъ авторитетныя личности, высоко состоящія на библіографическомъ поприщѣ и по заслугамъ и по отличіямъ: тогда, быть можетъ, на будующее время прекратится произволъ, имѣвшій прежде мѣсто при аукціонахъ на книги. Впрочемъ, заявленный фактъ едва-ли теперь можетъ повториться при новыхъ судебныхъ порядкахъ и когда во главѣ полицейскаго управленія стоятъ личности, отъ которыхъ вполнѣ можетъ надѣяться и наука самаго живаго участія къ ея интересамъ.

Что же касается до найденныхъ мною библіографическихъ рѣдкостей, уцѣлѣвшихъ изъ собранія Анастасевича, я распорядился ими слѣдующимъ образомъ:

Рукописный фоліантъ, заключающій въ себѣ весьма замѣчательное собраніе плановъ, фасадовъ изданій Царскаго Села, весьма художественно сдѣланныхъ отъ руки въ царствованіе Екатерины II, поднесенъ мною въ даръ Императорско-Царско-Сельской Библіотекѣ. Собраніе это удостоилось Всемилостивѣйшаго воззрѣнія, и за него мнѣ объявлена Высочайшая благодарность.

Автографы гр. Румянцова съ искреннею признательностью приняло отъ меня въ даръ начальство Москов. Румян. музея, куда также поступило отъ меня, какъ посильное приношеніе, весьма дорогое изданіе, въ богатѣйшемъ переплетѣ, *Реймское Евангеліе*, доставшееся мнѣ отъ пок. митр. Жилинскаго. О принесенныхъ мною въ-даръ И. Пуб. Биб. 160 экземлярахъ писемъ къ Анастасевичу нашихъ извѣстныхъ литераторовъ *) заявлено въ отчетахъ ея за 1865 и 1866 годы. Не менѣе считается важнымъ и мое приношеніе, той же библіотекѣ, происходящее также изъ собраніи Анастасевича, состоящее изъ rossica, т.е., книгъ и брошюръ на иностр. языкахъ. относящихся, по своему содержанію къ Россіи, которыхъ не доставало въ отечественномъ ея отдѣленіи. Библіотека И. Академіи Наукъ воспользовалась также у меня книгами Анастасевича для пополненія своихъ пробѣловъ русскаго отдѣленія.

Впрочемъ здѣсь упомянутое не попало въ мои кули; но заинтересованный тѣмъ, что у меня нашлось, и подстрекаемый желаніемъ отыскать у букинистовъ, покупавшихъ на аукціонѣ, недостающіе мнѣ томы, я въ продолженіе двухъ лѣтъ дѣлалъ поиски, а преимущественно автографовъ и отдѣльныхъ листовъ Кормчей Книги соч. бар. Розенкамфа.

Простите меня за невольное отступленіе отъ предмета моего отвѣта на ваше письмо, въ которомъ вы просите о содѣйствіи вашему изданію. Въ моихъ поискахъ, дѣйствительно, мнѣ попалось много писемъ митр. Евгенія и корреспонденція высокопреосвященнаго съ Анастасевичемъ, веденная съ полною задушевностью и о предметахъ чисто-ученыхъ. Корреспондеція эта представляетъ богатѣйшій матеріалъ къ біографіи архипастыря. Все, что у меня было, до 180 писемъ митр. Евгенія къ Анастасевичу, передано князю М. А. Оболенскому. Этотъ извѣстный знатокъ, любитель и меценатъ литературы нашей, а также и покровитель молодыхъ ученыхъ, а преимущественно собирателей рукописей, убѣдилъ меня передать его с-ву эти письма, которыя онъ

*) Каченовскаго, Кешена, Гнѣдича, бар. Дельвига, Каразина, Краевскаго, Муравьева, Перевощикова, Полеваго, Френа, Городчанинова, Метлинскаго, Адр. Чены (изъ Полтавы) и др.

обѣщалъ напечатать въ «Чтеніяхъ Москов. Общ. Ист. и Древн.» и за тѣмъ дать мнѣ 300 отдѣльныхъ оттисковъ, и, сверхъ того, въ возвратъ понесенныхъ мною затратъ на пріобрѣтеніе писемъ у букинистовъ, получено мною сто руб. сер. Но когда недавно у однаго въ Спб. собирателя (у А. Н. Неустроева) появилось до 80 писемъ митр. Евгенія къ Анастасевичу и князь, по миновапія двухъ лѣтъ, со времени передачи ему этихъ писемъ, не исполнилъ своего обѣщанія, то я, въ бытность мою въ Москвѣ, по поводу этнографической выставки, обратился къ его с-ву съ покорнѣйшею просьбою: дозволить мнѣ воспользоваться этими письмами, мною же отысканными, для предполагаемаго *сборника*. На всѣ мои просьбы князь М. А. остался непреклоненъ и неумолимъ: предлагалъ мнѣ ихъ дать, если ему доставлю и другія письма митр. Евгенія, не составляющія моей собственности. Впрочемъ, это исторія обыкновенная. Но меня утѣшаетъ мысль, что его с-во, вѣроятно, намѣренъ издать ихъ къ предстоящему юбилею *). Лишь-бы только наука выиграла, а моему самолюбію и того будетъ достаточно, что вѣроятно князь не скроетъ въ предисловіи, отъ кого эти письма имѣетъ. Быть можетъ, вы будете счастливѣе меня, попробуйте-просите князя. Но если князь и самъ не издастъ и вамъ не предоставитъ ими воспользоваться, то тѣнь достоуважаемаго всѣмъ русскимъ міромъ архипастыря да тревожитъ княжескій его сонъ за недозволеніе намъ, какъ слѣдуетъ, почтить память покойнаго юбиляра. Претерпѣвъ такую неудачу, я пересталъ было и думать о сборникѣ. Но на дняхъ заблисталъ для меня новый лучъ надежды; извѣстный нашъ археологъ Снегиревъ, котораго имя столь неразлучно съ именемъ покойнаго архипастыря, бывшаго съ Иваномъ Михайловичемъ въ столь дружескихъ сношеніяхъ, нарочно пріѣхалъ въ Петербургъ, дабы, при пособіяхъ изъ И. публичной библіотеки, исключительно заняться приведеніемъ въ порядокъ матеріаловъ для изданія своихъ воспоминаній о митр. Евгеніѣ. Этотъ заслуженный и достопочтенный ветеранъ науки, котораго чрезъ два года любители просвѣщенія могутъ праздновать 50-лѣтній юбилей ученой его службы, почтилъ меня своимъ посѣщеніемъ, предложилъ предоставить для моего сборника находящуюся у него переписку съ митр. Евгеніемъ*) (которой часть также находится, по словамъ г. Снегирева, у кн. Мих. Оболенскаго).

Теперь и я, съ моей стороны, имѣю честь обратиться, какъ, къ вамъ, такъ и ко всѣмъ, у которыхъ находятся автографы покойнаго архипастыря, съ покорнѣйшею просьбою: удостоить меня сообщеніемъ ихъ на время или подлинниками, или въ вѣрныхъ копіяхъ. Эта услуга сдѣлана будетъ не для меня, а для той цѣли, съ которою предполагаю издавать сборникъ, въ которомъ приготовляемая вами біографія митр. Евгенія можетъ найдти себѣ соотвѣтственное мѣсто, на ряду съ воспоминаніями о немъ многоуважаемаго И. М. Снегирева.

Что-же касается до просимыхъ вами библіографическихъ справокъ, то по случаю вакантнаго въ И. Публичной Библіотеки времени, онѣ не могутъ быть сдѣланы и при первой возможности съ удовольствіемъ исполню.

Примите увѣреніе и проч.

1 Августа 1867 г.
Петербургъ.

*) Не только къ юбилею (18 Декабря 1867 г.), но и по настоящее время неизвѣстно, какая судьба постигла это собраніе Евгеніевскихъ писемъ, мною съ трудомъ отысканныхъ, и теперь крайне нужныхъ для біографіи.

*) Она издана въ 1-мъ выпускѣ: «Старины Русской Земли».

ОБЪЯСНЕНІЕ ИЗДАТЕЛЯ О ПОБУЖДЕНІЯХЪ КЪ ИЗДАНІЮ «ЕВГЕНІЕВСКАГО СБОРНИКА».

Нѣкоторымъ показалось непонятнымъ и требующимъ объясненія, что могло побудить меня столь усердно и настойчиво собирать матеріалы для изображенія научной дѣятельности и при томъ *духовнаго лица*, по ихъ мнѣнію, не могущей быть удовлетворительно объясненною *свѣтскимъ* человѣкомъ.

Побужденіе мое не заключаетъ въ себѣ ничего загадочнаго; оно весьма естественно и очевидно, если только обратить вниманіе на то, что общепризнанными заслугами Іерарха-библіографа не можетъ не интересоваться каждый, кто только посвятилъ себя всецѣло изученію отечественной библіографіи, для которой образцомъ въ трудахъ можетъ послужить неутомимая дѣятельность митрополита Евгенія.

Какъ результатъ моихъ библіографическихъ о ней поисковъ, начавшихся еще съ 1863 года, явилась въ 1867 г. статья, посвященная памяти этого духовнаго дѣятеля и напечатанная въ органѣ министерства народнаго просвѣщенія. Статья моя многимъ любителямъ понравилась, заслужила ихъ одобреніе, а нѣкоторыхъ и покровительства и даже вызвала со стороны извѣстнаго біографа жизни и дѣятельности Графа Сперанскаго слѣдующій лестный для автора отзывъ: «Доставленный мнѣ вами біогра«фическій очеркъ Митрополита Евгенія чрез«вычайно интересенъ и по содержанію и по «образу изложенія. Занимавшись самъ много «изслѣдованіями подобнаго рода, я, можетъ «быть болѣе другаго, въ состояніи оцѣнить «всю степень труда, приложеннаго Вами къ «этой прекрасной статьѣ. Затѣмъ въ доказа«тельство вниманія, съ какимъ я ее прочелъ, «представляю, согласно Вашему желанію, слѣ«дующія пришедшія мнѣ на мысль замѣтки «и проч.».

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ:

Стр. 705. Можетъ быть не лишнее было бы напомнить читателямъ, что сѣтованія г. Погодина предшествовали изданію моей книги о Сперанскомъ и тѣмъ изслѣдованіямъ о Карамзинѣ, которыя были возбуждены его юбилеемъ.

Стр. 706. «Вполнѣли справедливы эти упреки при проявившейся въ послѣднее время живой дѣятельности по изданію нашихъ историческихъ памятниковъ, ознаменовавшейся даже учрежденіемъ для этого цѣлыхъ отдѣльныхъ обществъ?

Стр. 711. «Что скажутъ объ этомъ наши Соболевскіе, Полторацкіе и др. Вмѣсто «*первенства*» не сказать ли: «одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ и проч.

Стр. 722. «Духовныя особы не называются у насъ «кавалерами». Надо сказать просто: сопричисленіемъ его къ ордену.

Стр. 752. «Кіевскій викарій Иннокентій былъ тотъ самый, который впослѣдствіи такъ гремѣлъ славою на херсонской каѳедрѣ. Можетъ быть не лишнее было бы намекнуть объ этомъ въ выноскѣ.

«Помнится мнѣ (о чемъ у васъ нигдѣ не упомянуто), что извѣстное сомнѣніе Селлія: Schediasma literarium de scriptoribus qui historiam Politico-Ecclesiasticam Russiae

scriptis illustrarunt (Revaliae 1736) было переведено на русскій языкъ въ Вологодской семинаріи, именно въ бытность тамъ Евгенія Епископомъ, о чемъ можно ближе справиться въ собственныхъ его словаряхъ и у Филарета. Книжка Селлія (Sellius) сама по себѣ не важная и наполненная ошибками, но не позволительна ли догадка, что именно она дала первый поводъ Евгенію къ составленію его словарей?»

По разнымъ письменнымъ заявленіямъ и изъ вышеприведеннаго компетентнаго отзыва о моемъ первомъ трудѣ о Митрополитѣ Евгеніѣ, я сталъ убѣждаться, что начатый трудъ, при дальнѣйшихъ библіографическихъ розыскяніяхъ, можетъ принести нѣкоторую пользу для отечественной библіографіи. Въ этихъ видахъ со всѣмъ усердіемъ и неослабною настойчивостью я собиралъ матеріалы не только въ Петербургѣ, гдѣ не много представилось мнѣ возможности воспользоваться столичными библіотеками и архивами, но и въ провинціи. Побывавъ (даже два раза) въ Воронежѣ, Москвѣ, я читалъ тамъ лекціи съ благотворительною цѣлію и печатные объ нихъ отзывы перепечаталъ въ «Сборникѣ». Но безъ поѣздки въ Кіевъ я не могъ считать моего труда оконченнымъ. Посчастливилось мнѣ побывать и въ этой матери городовъ Россіи. Обязанный милостивому покровительству Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Арсенія, я пользовался столь извѣстнымъ гостепріимствомъ Кіево-Печерской Лавры, пріютившей меня, скромнаго библіотекаря, ибо я въ Кіевъ per pedes Apostolorum, явился безъ всякаго пособія со стороны И. П. Библіотеки, командировавшей меня въ качествѣ своего депутата на юбилей. Намѣстнику Лавры В-преподобному О. Варлааму позволяю себѣ публично принести искреннюю признательность за просвѣщенное его вниманіе къ моему положенію, въ которое я былъ поставленъ моимъ бывшимъ библіотечнымъ начальствомъ. Заботясь о приготовленіи матеріаловъ для «*Евгеніевскаго Сборника*», я не упускалъ изъ виду и другого изданія, «Старины русской земли», къ осуществленію котораго былъ обязанъ подпискою и по желанію любителей издалъ кромѣ того два біографическихъ очерка: канцлера Графа Н. П. Румянцова и б. Профессора Московскаго Университета И. М. Снегирева. Эти новые посильные труды удостоились также просвѣщеннаго вниманія моего бывшаго начальника барона М. А. Корфа, написавшаго слѣдующія драгоцѣнныя для автора строки:

«Прошу Васъ принять всю мою благо-«дарность за оба ваши приношенія. Труды «ваши равно, какъ и собранные Вами лю-«бопытные матеріалы не могутъ не интере-«совать не только знатоковъ дѣла, но и «каждаго просвѣщеннаго читателя, а дѣя-«тельность Ваша истинно изумительная; «остается только сожалѣть о томъ.... что «*Библіотека лишилась такого трудолю-«бивaго и полезнаго дѣятеля и пр.*»

Выдержки изъ частныхъ писемъ, преданныя печатной гласности, могутъ послужить моимъ недоброжелателямъ къ новому обвиненію меня въ *самохвальствѣ*. Къ этому нескромному поступку я отчасти нахожу себя вынужденнымъ, ибо съ 1861 года, работая безъ всякаго содѣйствія *матеріальнаго* и *научнаго* и сверхъ того претерпѣвая еще незаслуженныя гоненія за мои посильные библіографическіе труды, не могу не заявить публично о встрѣчаемомъ мною сочувствіи отъ бывшаго моего начальника, сочувствія тѣмъ болѣе весьма для меня отраднаго, что оно предаетъ мнѣ силъ къ продолженію труда. При всемъ томъ, смѣю надѣяться, что рано или поздно мнѣ не будетъ отказано въ должномъ покровительствѣ со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія, которое, имѣя въ главѣ управленія извѣстнаго въ русской и иностранной литературѣ писателя, Графа Д. А. Толстаго, вѣроятно удостоитъ своимъ внима-

ніемъ посильные труды бывшаго библіотекаря Императорской Публичной Библіотеки, уволеннаго не за какія нибудь злоупотребленія, а по *недоразумѣнію* и добродушности начальника библіотеки, послѣдовавшаго совѣтамъ *партіи*. Время уже указало несправедливость поступка ея и укажетъ еще болѣе доказательствъ несправедливаго увлеченія этой *партіи*.

ОТЗЫВЫ

О ПУБЛИЧНЫХЪ ЛЕКЦІЯХЪ

о

НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

МИТРОПОЛИТА ЕВГЕНІЯ.

«Кіевлянинъ», 11-го Сентября.

1869 г. № 107.

По поводу сдѣланныхъ нами заявленій въ №№ 100 и 103 «Кіевлянина», спѣшимъ довести до свѣдѣнія любителей отечественной исторіи и нашей кіевской старины, что библіотекарь Императорской публичной библіотеки А. Д. *Ивановскій*, прибывъ, въ качествѣ депутата въ Кіевъ для поднесенія кіевской духовной академіи въ день юбилея привѣтственнаго адреса отъ отечественнаго публичнаго книгохранилища и диплома нашему Высокопреосвященнѣйшему Владыкѣ на званіе *почетнаго члена* Имераторской публичной библіотеки, на дняхъ приступитъ къ чтенію публичныхъ лекцій о жизни и трудахъ двухъ знаменитыхъ въ исторіи просвѣщенія и народнаго образованія представителей: митрополита кіевскаго *Евгенія* и государственнаго канцлера графа Н. П. *Румянцова*.

Для предварительнаго ознакомленія нашей публики съ богатствомъ собранныхъ г. Ивановскимъ рукописныхъ матеріаловъ для біографіи вышепоименованныхъ ревнителей просвѣщенія и для указанія сколь были интересны его лекціи о тѣхъ же лицахъ, читанныя имъ въ Воронежѣ 20, 21 и 22 декабря 1868 г., приведемъ изъ № 2 «Воронежскаго Телеграфа» статью графа Дмитрія Николаевича Толстаго, въ которой сдѣлана надлежащая оцѣнка, какъ труда г. Ивановскаго, такъ и эпохи, въ которую жили и дѣйствовали на поприщѣ отечественнаго просвѣщенія и народнаго образованія митрополитъ Евгеній и канцлеръ графъ Н. П. Румянцовъ.

«Эпоха, въ которую жилъ Евгеній, особенно замѣчательна въ исторіи русской науки одновременнымъ богатствомъ дѣятелей и любителей отечественной археологіи и библіографіи можно сказать, изъ всѣхъ сословій общества. Такъ, графы Бутурлинъ, Мусинъ-Пушкинъ, Толстой и въ особенности Румянцовъ усердно занимались тогда собираніемъ знаменитыхъ своихъ книгохранилищъ. Ихъ окружала цѣлая плеяда ученыхъ, спеціально посвятившихъ себя разработкѣ русскихъ древностей. Малиновскіе Бантышъ-Каменскіе, Григоровичи, Калайдовичи, Строевы, Анастасевичи, Ермолаевы, Востоковы, Кеппены и мн. др. тщательно изучали наши памятники и полагали основаніе библіографической наукѣ въ Россіи. Въ числѣ ихъ митрополитъ Евгеній отличался не только любовію къ предмету, но и огромными свѣдѣніями. Получивши прочное классическое образованіе, онъ былъ вполнѣ знакомъ, какъ съ классическою, литературою, такъ и съ требованіями современной науки, а личные труды его по части исторіи и древностей доставили ему занасъ рѣдкихъ, спеціальныхъ познаній. Гдѣ ни былъ онъ, въ Воронежѣ, въ Новгородѣ, Вологдѣ, Калугѣ, Псковѣ, въ Кіевѣ, — вездѣ оставилъ онъ памятники своей ученой дѣятельности. Ничто сколько нибудь относящееся до его предмета, не узкользало отъ его любознательности, и наша археологія обязана ему многими драгоцѣнными открытіями. Пользуемся случаемъ, чтобы завить здѣсь о фактѣ, относящемся къ послѣднимъ годамъ его жизни, доселѣ — сколько мы знаемъ — остающемся неизвѣстнымъ.

«Въ 1836 г. статсъ-секретарь Н. М. Лонгиновъ посѣтилъ Кіевъ для обозрѣнія тамошняго института благородныхъ дѣвицъ. При свиданіи его съ митрополитомъ, высокопреосвященный, уже приближавшійся къ предѣлу

*

своей дѣятельной жизни, съ прискорбіемъ разсказывалъ Николаю Михайловичу, что въ Кіевѣ, въ подвалахъ казенной палаты гніютъ цѣлыя груды древнихъ актовъ, никѣмъ еще не разобранныхъ, и могущихъ заключать въ себѣ богатые матеріалы для исторіи. По возвращеніи въ С.-Петербургъ статсъ-секретарь доложилъ объ этомъ Государю, вслѣдствіе чего состоялось соотвѣтственное Высочайшее повелѣніе. Намъ неизвѣстны подробности этого распоряженія, но то несомнѣнно, что оно послужило основаніемъ къ учрежденію въ Кіевѣ той временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ, которая, подъ руководствомъ генералъ-адъютанта Дм. Гавр. Бибикова, обогатила впослѣдствіи нашу науку изданіемъ драгоцѣнныхъ памятниковъ о древностяхъ этого края. Такимъ образомъ наука наша и этой заслугой обязана Евгенію.

«Профессоръ Ивановскій, вмѣстѣ съ тѣмъ библіотекарь Императорской публичной библіотеки въ С.-Петербургѣ, не смотря на доступность для себя библіографическихъ источниковъ разнаго рода, онъ прошедшимъ лѣтомъ былъ уже насъ въ Воронежѣ, съ цѣлію собранія матеріаловъ для біографіи митрополита, уроженца здѣшняго города. Теперь онъ снова посѣтилъ Воронежъ, чтобы подѣлиться съ нами собранными богатствами. Лекціи были имъ прочитаны въ губернской и военной гимназіяхъ и въ духовной семинаріи. Каждая изъ нихъ была болѣе или менѣе приноровлена къ спеціяльности слушателей и содержала въ себѣ много любопытныхъ и полезныхъ свѣдѣній для воспитанниковъ этихъ заведеній, для которыхъ лекціи читались г. Ивановскимъ безплатно.

«Первая, читанная 20 декабря въ залѣ губернской гимназіи, заключала въ себѣ очеркъ торжественныхъ собраній, по поводу столѣтняго юбилея со дня рожденія митрополита Евгенія, бывшихъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Вологдѣ и Воронежѣ. Изложивъ содержаніе нѣкоторыхъ произнесенныхъ или изданныхъ посему случаю статей, профессоръ обратился къ оцѣнкѣ ученыхъ трудовъ юбиляра и указалъ на необходимость ихъ изданія. Лекція эта, служа вступленіемъ къ остальнымъ двумъ чтеніямъ, представила однакоже хотя бѣглую, но полную характеристику ученой дѣятельности Іерарха. Г. Ивановскій оживилъ ея содержаніе,—независимо отъ искуснаго расположенія,—многими, весьма любопытными цитатами изъ сочиненій и переписки Евгенія, и вообще развилъ передъ своими слушателями довольно законченную картину его трудовъ.

«На другой день, 21 дек., чтеніе происходило въ духовной семинаріи, Здѣсь профессоръ приступилъ къ болѣе подробному изображенію дѣятельности митрополита. Не ограничиваясь разсказами о педагогическихъ его трудахъ, сначала въ Воронежѣ, а потомъ въ С.-Петербургѣ, онъ ознакомилъ слушателей съ характеромъ той эпохи, въ которой дѣйствовалъ Евгеній. Это было въ то многознаменательное время, когда, послѣ кончины великой Екатерины, Россія подверглась внезапнымъ перемѣнамъ, когда всѣ начинанія этой Государыни были вдругъ или пресѣчены или подчинены крутому повороту, а сотрудники и исполнители ея воли или были удалены со сцены, или обнаружили такія стремленія, о которыхъ при ея жизни не осмѣливались-бы и помыслить. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и слишкомъ извѣстный у насъ генералъ ордена іезуитовъ Груберъ. Воспользовшись случайно милостивымъ расположеніемъ къ себѣ Императора Павла Петровича, Груберъ возъимѣлъ дерзкую мысль подчинить церковь нашу Риму. Удаливъ съ помощью другого, свѣтскаго іезуита, графа де Местра, изъ С.-Петербурга митрополита р.-католическихъ церквей въ Россіи Станислава Сестренцевича, онъ, подъ видомъ проекта о соединеніи церквей, составилъ записку о подчиненіи нашей церкви Папѣ, и готовился подать ее Государю. Нечего и говорить, что дѣло въ рукахъ хитраго іезуита было обстановлено всѣми нужными пружинами и ловко подготовлено. Кіевскій протоіерей Ѳаворовъ, разсказывая о семъ увѣряетъ, что въ пользу этого замысла, были предрасположены даже нѣкоторыя духовныя лица православной

церкви (г. Ивановскій съ этимъ не соглашается). Несмотря на тайну, съ которою разрабатывалось это дѣло, о немъ узналъ однакожь митрополитъ с.-петербургскій и поручилъ Евгенію, тогда еще архимандриту, написать возраженіе, не сообщивъ ему записки Грубера, которой и самъ не имѣлъ. Понятно затруднительное положеніе Евгенія опровергать-то, подробности чего не были ему извѣстны. Несмотря на это, нашъ ученый побѣдоносно вышелъ изъ затрудненія, написавъ отдѣльный трактатъ подъ заглавіемъ: *Каноническое изслѣдованіе о папской власти.* Результатомъ сего труда, доведеннаго до свѣдѣнія Государя было — какъ извѣстно — полнѣйшее разрушеніе плановъ Грубера, и самъ онъ попалъ въ немилость.

«Чтеніе въ духовной семинаріи, представляя полную картину не только библіографической и археологической, но отчасти и богословской дѣятельности Евгенія въ данную эпоху, было какъ нельзя лучше приспособлено къ характеру заведенія. Въ заключеніе, г. Ивановскій подарилъ семинаріи 50 экземпляровъ литографированнаго портрета митрополита со снимкомъ (fac-simile) его подписи, и экземпляръ втораго изданія «Кормчей книги» барона Розенкамфа, въ которой нашъ іерархъ принималъ такое участіе, что трудъ этотъ въ большей своей части, или по крайней мѣрѣ, въ главномъ своемъ достоинствѣ, можетъ по справедливости быть ему приписанъ. Этотъ подарокъ тѣмъ драгоцѣннѣе долженъ быть для семинаріи, что экземпляры втораго изданія составляютъ библіографическую рѣдкость и ихъ въ продажѣ найти невозможно.

«Послѣднее чтеніе происходило 22 дек. въ стѣнахъ военной гимназіи. Представивъ очеркъ ученыхъ трудовъ преосвященнаго въ Вологдѣ Калугѣ и Псковѣ, профессоръ остановился на совокупной дѣятельности его съ графомъ Румянцовымъ, въ Новгородѣ, по части археологическихъ изданій. Здѣсь г. Ивановскій не оставилъ безъ оцѣнки патріотическихъ трудовъ государственнаго канцлера, и, указавъ на огромныя его заслуги на пользу отечественнаго просвѣщенія, весьма подробно опредѣлилъ ту долю участія, какую принималъ въ нихъ Евгеній. Извѣстно, что гр. Румянцовъ не только былъ любителемъ русскихъ древностей, но и глубокимъ ихъ знатокомъ и просвѣщеннымъ критикомъ. Переписка его съ митрополитомъ, раскрывая всю обширность эрудиціи сего послѣдняго, свидѣльствуетъ и о богатствѣ археографическихъ познаній перваго. Періодъ ученыхъ сношеній этихъ знаменитымъ мужей совпадаетъ со временемъ славы и паденія Наполеона I. Профессоръ удачно воспользовался симъ обстоятельствомъ, чтобы привести о немъ отзывы Евгенія. Это было весьма кстати передъ военною аудиторіею заведенія.

«Указавъ въ главныхъ чертахъ на характеръ и содержаніе чтеній г. Ивановскаго, мы должны отдать полную справедливость искусству, съ какимъ онъ сгруппировалъ факты, относящіеся къ его предмету, и выказалъ взаимность отношеній Евгенія съ тою средою, въ которой онъ дѣйствовалъ, и съ эпохою въ которую жилъ. Сознаемся, что мы обязаны профессору такимъ удовольствіемъ, какое рѣдко встрѣчается въ обыденной жизни провинціальнаго города, наша публика. Но что же публика? «Le public a brillé par son absence», какъ говорятъ французы. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ двухъ, трехъ дамъ, принадлежащихъ къ нашему высшему кругу и серьезно относящихся къ отечественной наукѣ, мы не насчитали и двадцати посторонніхъ слушателей. Со всѣмъ тѣмъ чтенія г. Ивановскаго не были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ»; каоедру его окружали питомцы заведеній, гдѣ читались лекціи. Въ молодыхъ чертахъ лицъ мы ясно прочли выраженіе живаго участія, съ какимъ они слушали профессора, и мы увѣрены, что много плодотворныхъ зеренъ запало въ умы не одного изъ юныхъ слушателей. Зерна эти — Господу поспѣшествующу и слово утверждающу — дадутъ плодъ свой во время свое». *Графъ Д. Толстой.*

Мы вполнѣ увѣрены, что кіевская просвѣщенная публика отнесется съ полнымъ сочув-

ствіемъ къ чтеніямъ г. Ивановскаго, и къ ней не придется кіевскому рецензенту примѣнить словъ гр. Толстаго, сказанныхъ имъ о воронежской публикѣ, «le public a brillé par son absence» Независимо отъ животрепещущаго интереса содержанія лекцій о блистательной эпохѣ царствованія Александра Благословеннаго, достойными представителями котораго были, по всей справедливости, митрополитъ Евгеній и канцлеръ Румянцовъ, — самая благотворительная цѣль этихъ лекцій въ пользу *Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ*, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Александровны, должна побудить Кіевлянъ удостоить ихъ своимъ присутствіемъ и тѣмъ самымъ посодѣйствовать обществу къ достиженію высоко христіанской цѣли.

Вѣроятно здѣшній комитетъ этого общества не преминетъ принять на себя обязанность облегчить нашему гостю-депутату возможность осуществить задуманную имъ идею; подѣлиться своимъ богатствомъ матеріаловъ здѣшними любителями просвѣщенія, и постарается, въ интересахъ самаго общества содѣйствовать къ увеличенію числа посѣтителей.

«Кіевскій Телеграфъ»,
15-го Сентября 1869 г.

Въ № 107. «Кіевлянина» перепечатана изъ «Воронежскаго Телеграфа» статья графа Д. Н. Толстаго о чтеніяхъ профессора и библіотекаря Ивановскаго, читанныхъ имъ въ г. Воронежѣ, въ военной и гражданской гимназіяхъ и духовной семинаріи. Для дополненія свѣдѣній объ этихъ чтеніяхъ мы считаемъ не безъинтереснымъ для нашей публики сдѣлать извлеченіе изъ «Московокихъ Вѣдомостей» *) въ которыхъ помѣщенъ весьма интересный разборъ чтеній г. Ивановскаго: объ ученыхъ заслугахъ Государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцова и митрополита кіевскаго Евгенія, читанныхъ въ Румянцовскомъ московскомъ публичномъ музеумѣ.

Отзывъ этотъ о чтеніяхъ г. Ивановскаго въ Москвѣ, дополняя свѣдѣнія о подобныхъ же чтеніяхъ его въ Воронежѣ, даетъ достаточное понятіе о занимательности мало еще извѣстныхъ матеріаловъ, которые столь усердно и настойчиво отыскиваетъ г. Ивановскій въ тѣхъ городахъ гдѣ святительствовалъ преосв. Евгеній, митроп. Кіевскій.

*) См. Совр. Лѣт. за 1869 г. за № 17.

—

«Въ Румянцовскомъ залѣ Московскаго Публичнаго Музеума библіотекаремъ Императорской Публичной библіотеки А. Д. Ивановскимъ прочитаны были три публичныя лекціи: первая 30 апрѣля, вторая 2 мая и третья 3 мая 1869.

«Первая и вторая лекціи были о государственномъ канцлерѣ графѣ Н. П. Румянцовѣ, основателѣ Музеума, послужившаго основаніемъ Московскаго Публичнаго Музеума, о перепискѣ его съ митрополитомъ Евгеніемъ и о самомъ митрополитѣ Евгеніѣ столько послужившемъ на пользу отечественной исторіи. При краткомъ очеркѣ жизни и дѣятельности Румянцова, не жалѣвшаго ничего для распространенія просвѣщенія въ Россіи, и собранія всего касающагося ея исторіи, г. Ивановскій высказалъ свою главную идею, что только въ представителяхъ общества, оживленныхъ сильною любовью къ отечеству, какими были графъ Румянцовъ и митрополитъ Евгеній, правительство можетъ имѣть помощниковъ въ распространеніи просвѣщенія въ Россіи и что безъ усилій частныхъ лицъ никакія добрыя на-

мѣреніи самаго заботливаго правительства не могутъ принести желаемой пользы.

«Разсказавъ о признательности современниковъ за патріотическія стремленія двухъ покровителей науки и меценатовъ своего времени къ открытію, сбереженію и обнародованію историческихъ памятниковъ русской письменности и старины, лекторъ представилъ подробную характеристику просвѣщенной дѣятельности этихъ двухъ истинныхъ патріотовъ на пользу отечественнаго просвѣщенія. Характеристика эта была тѣмъ болѣе любопытна, что основывалась на свѣжемъ историческомъ матеріалѣ, на неизвѣстной доселѣ перепискѣ графа Румянцова съ митрополитомъ Евгеніемъ. Двукратная поѣздка въ Воронежъ, мѣсто родины митрополита Евгенія, гдѣ хранятся у наслѣдниковъ покойнаго іерарха его бумаги, дала возможность г. Ивановскому рельефно очертить образъ покойнаго труженика науки и воспользоваться для этого матеріалами, которые безъ него могли бы быть потеряны. Для насъ сталъ ясенъ складъ душевныхъ убѣжденій графа Румянцова и митрополита Евгенія, какъ людей вполнѣ *Русскихъ по душѣ*. Когда митрополитъ Евгеній пишетъ, что онъ не радуется своему избранію въ члены Академіи Наукъ, гдѣ большая часть членовъ—Нѣмцы, и гдѣ много всякихъ личностей «когда онъ» не радуется, а удивляется только своему избранію въ почетные члены Дерптскаго университета, который онъ всегда называлъ *нѣмецкихъ университетомъ*, то не звучитъ ли тутъ струна чувства вызываемаго отчужденіемъ столь многихъ русскихъ подданныхъ окраинъ отъ русской жизни, которое продолжается и до 1869 г. до дней московскихъ археологическихъ съѣздовъ?

«Указывая на многія стороны обширной дѣятельности канцлера Румянцова, лекторъ перечислялъ его пожертвованія по изданію государственныхъ грамотъ, лѣтописей, изданій по части исторіи, археологіи, географіи, торговли русской; упомянулъ о путешествіяхъ, предпринятыхъ на иждивеніи канцлера и изъ современныхъ канцлеру газетъ сообщилъ извѣстіе, что въ 1812 г. Румянцовъ въ Великихъ Лукахъ положилъ основаніе Публичной библіотекѣ, для чего пожертвовалъ капиталъ и самъ написалъ ея уставъ. Желаніе графа помочь всѣмъ, чѣмъ онъ могъ, русской наукѣ, привлекло къ нему всѣхъ тогдашнихъ тружениковъ науки, въ числѣ которыхъ, какъ иные замѣчаютъ было много *Нѣмцевъ*: но какъ справедливо замѣчалъ канцлеръ въ перепискѣ съ профессоромъ Самуиломъ Бандтке, въ дѣлѣ библіографіи и вообще въ дѣлѣ науки нѣтъ національности.

«Вторая лекція Ивановскаго посвящена была преимущественно митрополиту Евгенію. Не входя въ подробности весьма интересныхъ свѣдѣній, относящихся къ домашней и ученой жизни его, заимствованныя г. Ивановскимъ изъ неизвѣстной доселѣ переписки Евгенія съ Македонцомъ, воронежскимъ его другомъ, съ Державинымъ, гр. Дм. Ив. Хвостовымъ, проф. Казанскаго университета Горчаниновымъ, Анастасевичемъ, Снегиревымъ и другими,— мы не можемъ не упомянуть, что въ 1812 г. будучи на Вологодской каѳедрѣ, онъ давалъ пріютъ и убѣжище у себя въ Вологдѣ ученымъ собратамъ, оставившимъ Москву, и проповѣдывалъ, что французоманія навлекла кару небесную за пренебреженіе къ отчественному и увлеченіе иноземщиной. Можно сожалѣть о томъ, что недостатокъ времени не дозволилъ г. профессору окончить разсказъ о дѣятельности преосв. Евгенія въ Псковѣ, въ званіи уже архіепископа; заключительнымъ эпизодомъ бесѣды г. Ивановскаго былъ разсказъ, о событіи 14-го декабря 1825 года, — въ которомъ Евгеній, въ то время уже митрополитъ Кіевскій, подвергая свою жизнь опасности, увѣщевалъ народъ собравшій на Сенатской площади.

Таковы нѣкоторыя, оставшіяся у насъ въ памяти черты лекцій г. Ивановскаго, которому мы считаемъ долгомъ выразить свою признательность въ особенности за труды его по собранію и сохраненію отъ истребленія многихъ любопытныхъ документовъ. Онъ разсказывалъ напримѣръ, что собранія бумагъ

извѣстнаго библіографа Анастасевича, послѣ странствованія по полицейскимъ сараямъ и аукціоннымъ продажамъ, проданы въ Петербургѣ на вѣсъ пудами, какъ бумажный хламъ, а между тѣмъ въ этомъ хламѣ отысканы г. Ивановскимъ письма графа Румянцова, митрополита Евгенія и другихъ современныхъ представителей науки. Этотъ фактъ тѣмъ удивительнѣе, что Анастасевичъ, какъ бывшій библіотекарь Румянцовскаго музеума и приближенное лицо къ канцлеру, и по положенію своему и по своимъ библіографическимъ свѣдѣніямъ, былъ личностію весьма извѣстною петербургскому ученому люду.

«По распродажѣ этой библіотеки, въ спасенныхъ для науки кулякъ, найдены г. Ивановскимъ отдѣльные листы вясьма рѣдкаго сочиненія: *Обозрѣніе Кормчей книги*, барона Розенкампфа, изданнаго Анастасевичемъ всего во 100 экземплярахъ и не брошюрованнаго въ книги. Разсказъ г. Ивановскаго о поискахъ его по всему Петербургу *) у тѣхъ лицъ, которыя принимали участіе въ аукціонѣ, очень занимателенъ; а ежели въ столицѣ могло случиться подобное невниманіе со стороны мѣстныхъ ученыхъ учрежденій, то чему удивляться, говорилъ г. Ивановскій, что митрополитъ Евгеній, пріѣхавъ въ Юрьевъ монастырь, увидѣлъ монаха, преспокойно провожавшаго возы, наполненные книгами, рукописями и разными бумагами для погруженія ихъ нъ рѣку, съ цѣлію очистить помѣщеніе для самаго іерарха?...

*) Онъ будетъ напечатанъ въ слѣд. 2-мъ выпускѣ: *«Евгеніевскаго Сборника»*.

Кіевскій Телеграфъ 1869 г.

Въ маѣ текущаго года я имѣлъ удовольствіе быть на публичныхъ лекціяхъ Профессора библіотекаря А. Д. Ивановскаго, читанныхъ имъ въ Румянцовскомъ залѣ Московскаго Публичнаго Музея, въ пользу Миссіонерскаго общества, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы.

Такъ какъ содержаніемъ этихъ лекцій были ученыя заслуги Государственнаго Канцлера графа Н. П. Румянцова и Митрополита Кіевскаго Евгенія, по этому самому онѣ не могли не возбуждать живѣйшаго участія въ Московской публикѣ. И дѣйствительно, по всей справедливости въ *«Современной Лѣтописи»* издаваетой при *«Московскихъ Вѣдомостяхъ»* воздана похвала, какъ интересу самыхъ лекцій г. Ивановскаго отъ искуснаго выбора матеріаловъ еще неизвѣстныхъ, такъ и оживленному способу изложенія. Можно безъ преувеличенія сказать, что многіе изъ собравшихся старыхъ даже труженниковъ на поприщѣ отечественной исторіи и литературы съ удовольствіемъ провели нѣсколько часовъ въ слушаніи презанимательныхъ чтеній г, Ивановскаго, основанныхъ на отысканныхъ имъ же матеріалахъ. Нельзя не радоваться, что у насъ находятся подобные собиратели матеріаловъ; они не ограничиваются библіотеками и архивами, но ищутъ для своей любознательности жатвы на аукціонахъ сѣрой бумаги; на толкучихъ рынкахъ и даже на чердакахъ Мы слышали отъ г. Ивановскаго, что открыто было недавно въ Воронежѣ у торговки, торгующей селедками, большое количество писемъ преосв. Евгенія къ Македонцу и что онѣ переданы были для напечатанія въ «Православномъ обозрѣніи». Почему неудивительно, что съ открытіемъ неизвѣстныхъ матеріаловъ и научная дѣятезьность изучаемаго лица рельефнѣе обрисовывается и представляется въ болѣе опредѣленномъ видѣ.

Пріятно было встѣтить г. Ивановскаго въ Кіевѣ, куда онъ прибылъ депутатомъ отъ Им-

нераторской Публичной Библіотеки на юбилей Духовной Академіи. Воспользовавшись своимъ временнымъ пребываніемъ г. профессоръ читалъ публичныя лекціи въ залѣ Университета Св. Владиміра, также съ благотворительною цѣлію. Не удалось мнѣ быть на этихъ лекціяхъ, но сколько могу судить по объявленной въ газетахъ программѣ, Кіевскія его лекціи сравнительно съ Московскими были богаче новыми матеріалами и по отзывамъ рецензентовъ «Кіевлянина» и «Кіевскаго Телеграфа» возбудили живѣйшій интересъ въ публикѣ. Желая отъ души г. Ивановскому успѣха и въ дальнѣйшихъ его розысканіяхъ, не могу не изъявить отъ себя самого и многихъ его слушателей желанія, дабы его интересныя лекціи были напечатаны. По своей популярной формѣ изложенія лекціи эти найдутъ большой кругъ читателей и не бывшіе на нихъ, по разнымъ препятствіямъ, могли бы ознакомиться съ весьма замѣчательными трудами г. Профессора-библіотекаря Ивановскаго. Видны его желанія пробудить своими лекціями въ слушателяхъ сочувствіе къ его поискамъ. И нужно отдать справедливость, въ хорошіе руки попадаются матеріалы, если изъ нихъ дѣлается столь полезное употребленіе. Нельзя не желать дабы побольше этихъ матеріаловъ могъ собрать г. Ивановскій, а тогда знаменитыя личности графа Румянцова и митрополита Евгенія представятся нашимъ глазамъ въ достойномъ свѣтѣ. Возможна ли біографія ихъ, если біографическіе о нихъ матеріалы не вѣсть гдѣ подъ спудомъ сохраняются!

Послѣ всѣхъ заявленій самаго г. Ивановскаго и сдѣланныхъ въ его пользу заявленій разными редакціями, вѣроятно всякій, имѣющій у себя матеріалы для біографій упомянутыхъ русскихъ дѣятелей и не желающій ими воспользоваться для научной цѣли, поспѣшитъ передать эти матеріалы столь усердному и добросовѣстному собирателю и этимъ сдѣлаетъ доброе дѣло, содѣйствуя столь благонамѣреннымъ стремленіямъ г. Ивановскаго.

1-го Октября 1869 г. Кіевъ.

Гр. М. Толстой.

Замѣтка издателя. Перепечатывая письмо графа М. Толстаго изъ «Кіевскаго Телеграфа» и отзывы о моихъ лекціяхъ Графа Д. Толстаго изъ «Воронежскаго Телеграфа», а также рецензію, помѣщенную въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», издатель желалъ только этимъ указать на свои усердныя старанія, посредствомъ чтеній заслужить довѣріе лицъ, у которыхъ по сіе время безъ пользы для науки хранятся матеріалы о Митрополитѣ Евгеніѣ. Не можемъ не заявить крайняго сожалѣнія о томъ, что подобные любители отечественной старины, какъ Князь М. А. Оболенскій и А. Н. Неустроевъ съ 1865 года не могли по сіе время сдѣлать доступною публикѣ хранящуюся у нихъ переписку Митрополита Евгенія съ В. Г. Анастасевичемъ и этимъ лишили возможности воспользоваться матеріаломъ для болѣе полной біографіи Митрополита Евгенія.

СОДЕРЖАНІЕ

Iго ВЫПУСКА

ЕВГЕНІЕВСКАГО СБОРНИКА.

Посвященіе Митрополиту Кіевскому Арсенію.

I. Введеніе. О празднованіи юбилея, въ память столѣтія рожденія Митрополита Евгенія и объ изданіи «**Евгеніевскаго Сборника**». Мнѣнія М. Н. Муравьева и Шлецера объ изученіи отечественной исторіи и богатствѣ ея лѣтописей. Мнѣніе А. А. Писарева о значеніи біографіи великаго человѣка и важности для русскихъ-біографій Государственнаго Канцлера Графа Н. П. Румянцова и Митрополита Кіевскаго Евгенія и слова Тимковскаго: о любви къ отечеству. (I-V). Рѣчь Арнольда объ этомъ же предметѣ. Московское общество исторіи и др. поручаетъ И. М. Снегиреву написать біографію Преосвященнаго Евгенія. Снегиревъ издаетъ Словарь Евгенія; мнѣніе объ Архипастырѣ, высказанное П. И. Сенковскимъ, по поводу словаря, (VI — VII). С. И. Пономаревъ возбуждаетъ вопросъ: о необходимости празднованія юбилея, въ память столѣтія рожденія Митрополита Евгенія. Празднованіе юбилея Императорскаго Академіею Наукъ и изданныя по этому поводу изслѣдованія академиками Я. К. Гротомъ. и И. И. Срезневскимъ. Оцѣнка этихъ академическихъ изслѣдованій (VIII—X). Заявленіе П. Н. Петрова въ засѣданіи Славяно-русскаго отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества, бывшаго по поводу празднованіи симъ послѣднимъ Евгеніевскаго юбилея. Рѣчь профессора Кіевскаго университета Протоіерея Ѳаворова, произнесенная на годичномъ Университетскомъ актѣ, въ память заслугъ Евгенія, по поводу юбилея его. Московское общество любителей россійской Словесности празднуетъ юбилей. Предсѣдатель этого общества Н. П. Калачовъ, Профессоръ Московскаго Университета Тихонравовъ и Князь Цертелевъ произносятъ рѣчи и стихи въ честь юбиляра (XI-XII). Вологодскій Преосвященный (нынѣ Псковскій) Павелъ 18 Декабря, въ день юбилея, въ Вологодскомъ каѳедральномъ Соборѣ говоритъ Слово въ память Евгенія, какъ бывшаго Вологодскаго Епископа и объ юбилейномъ праздникѣ, бывшемъ въ мѣстной Семинаріи (XIII). Церковное юбилейное торжество въ Воронежской семинаріи, въ которомъ принимаютъ участіе Архіепископъ Серафимъ и викарный епископъ Ѳеодосій и литературный вечеръ у Воронежскаго губернатора Князя В. А. Трубецкаго (XIV). О непразднованіи юбилея въ Новгородѣ, Калугѣ, Псковѣ и Кіевѣ. Объ изданіи матеріаловъ, по поводу юбилея. Заявленіе В. Н. Каразина о манускриптахъ патріаршей ризницы и съѣденіи мышами змѣи въ спиртѣ (XV). Заявленіе П. И. Свиньина о бывшемъ рав-

*

нодушіи къ памятникамъ отечественной старины, обнаруженномъ при продажѣ русскаго музеума. (XVI). Заявленія о томъ же равнодушіи Академика Устрялова и Бантышъ-Каменскаго (XVII). Библіографическія поѣздки издателя Сборника съ цѣлію собрать матеріалы для біографіи Митрополита Евгенія. Чтеніе публичныхъ лекцій въ Воронежѣ и вниманіе къ нимъ мѣстныхъ любителей просвѣщенія. Программы чтеній о Митрополитѣ Евгенія и Государственномъ Канцлерѣ Графѣ Н. П. Румянцовѣ, по поводу юбилейнаго изданія Воронежскимъ Статистическимъ Комитетомъ дружеской переписки этихъ покровителей историческихъ изслѣдованій (XVIII). Поѣздка въ Рязань и открытіе рукописей Н. И. Надеждина, современника Евгенія. (XIX). Поѣздка въ Харьковъ и открытіе матеріаловъ для біографіи Петра Дубровскаго, извѣстнаго собирателя книгъ и рукописей, принесеяныхъ имъ въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ (XX). Замѣтка Мармье о Дубровскомъ, помѣщенная въ Revue des deux mondes (XXI) и описаніе имъ манускриптовъ, вывезенныхъ Дубровскимъ изъ Франціи. По поводу заявленія Мармье замѣтка издателя о многосторонней дѣятельности теперешняго консерватора рукописей И. П. Библіотеки, преемника Дубровскаго и Востокова (XXII). Поѣздка въ Москву и чтеніе публичныхъ лекцій въ Румянцовскомъ Музеѣ, въ пользу Миссіонерскаго Общества, о Митрополитѣ Евгеніѣ, Канцлерѣ Графѣ Румянцовѣ и И. М. Снегиревѣ (XXIII). Замѣтка о приношеніяхъ издателя Румянцовскому и Этнографическому Музею (XXII—XXIV). Поѣздка въ Кіевъ и бытность на юбилеѣ Кіевской духовной академіи, въ качествѣ депутата отъ отечественнаго публичнаго книгохранилища и чтеніе тамъ публичныхъ лекцій, въ пользу Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Приношенія издателя для библіотеки кіевской духовной академіи и изданіе имъ брошюры, въ память ея юбилея, (XXV-XXVI). Результаты библіографическихъ поѣздокъ. Указаніе на два случая истребленія историческихъ матеріаловъ (XXVII—XXVIII). Цѣль изданія Евгеніевскаго Сборника и обращеніе издателя къ любителямъ отечественной исторіи (XXIX-XXXII).

III. О Матеріалахъ для «Евгеніевскаго Сборника». Указаніе архивовъ и библіотекъ, въ которыхъ хранятся эти матеріалы. 1. Александро-Невская Духовная академія. II. Архивъ Святѣйшаго Синода. III. Императорская Публичная Библіотека. IV. 2-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. V. Императорская академія наукъ. VI. Архивъ Центральнаго Статистическаго Комитета Министерства внутреннихъ дѣлъ (1-6) О матеріалахъ, хранящихся въ провинціи: 1) въ Воронежѣ, 2) Новгородѣ, 3) Вологдѣ, 3) Калугѣ, 5) Псковѣ, 6) Кіевѣ и 7) Полтавѣ (7—9); О важности подписки и значеніи ея въ Англіи и о судьбѣ изданій въ Россіи, предпринимаемыхъ въ надеждѣ на содѣйствіе патріотовъ (10—11). Мнѣніе объ этомъ Ѳ. Ѳ. Булгарина и И. А. Крылова. Pia desideria издателя Евгеніевскаго Сборника и разсказъ его о неудачахъ изданія брошюры ко дню Евгеніевскаго юбилея (10 — 15).

III. Черты изъ жизни Митрополита Евгенія, какъ матеріалъ для біографіи его. О письмахъ Евгенія, какъ біографическомъ матеріалѣ и значеніе переписки его съ Н. Г. Городчаниновымъ и В. Г. Анастасевичемъ. Два письма Евгенія къ сему послѣднему и судьба остальныхъ писемъ, купленныхъ на аукціонѣ (16 — 24). Указаніе на лица, съ которыми Евгеній состоялъ въ перепискѣ и па необходимость собрать и издать ихъ, какъ историческій матеріалъ (25). Заявленія П. М. Строева, Митрополита Евгенія, М. П. Погодина и П. А. Муханова объ этой необходимости издаватъ въ свѣтъ историческіе матеріалы. Пробужденіе дѣятельности въ собираніи и обнародованіи этихъ матеріаловъ. (25 — 29). **Краткій біографическій очеркъ домашней и ученой дѣятельности Евгенія.** Рожденіе и первоначальное семинарское воспитаніе Евѳимія Болховитинова и продолженіе образованія его въ Московской Духовной Академіи и Университетѣ (30—31). Возвращеніе его на родину и педагогическая дѣятельность въ Воронежской семинаріи, съ указаніемъ

на изданныя имъ тогда сочиненія (32). Объ особенномъ предрасположеніи его къ библіографіи и выдержка изъ письма С. А. Селивановскаго и о Воронежскихъ трудахъ его (33 — 36). Поводъ переселенія ея въ Петербургъ и опредѣленіе его, послѣ постриженія и изреченія Евгеніемъ, префектомъ Александро-Невской Духовной Академіи и Архимандритомъ сначала Зеленецкаго монастыря а, потомъ Сергіевой, близъ Стрѣльны, пустыни (36). О первомъ русскомъ библіографѣ, Нижегородскомъ Епископѣ Дамаскинѣ (Рудневѣ), съ замѣткою и о другихъ русскихъ библіографахъ (37—38). Каноническое изслѣдованіе о Папской власти, написанное Евгеніемъ, по поводу записки Іезуита Грубера, касательно соединенія церквей съ біографической замѣткой объ авторѣ записки (39—42). Объ учрежденіи Комитета Благодѣтельнаго Общества и назначеніи Евгенія Членомъ онаго. О трудахъ его поэтому комитету и «Голосѣ», представленномъ членамъ для обсужденія способовъ подаванія помощи бѣднымъ. (43) О словѣ Архимандрита Евгенія, сказанномъ въ Исакіевскомъ соборѣ, по поводу празднованія юбилея, въ память совершившагося столѣтія со времени основанія Петербурга (44—45). О произнесенной, по этому же поводу, проповѣди, пасторомъ Буссе въ Екатерининской (что на Васильевскомъ острову) киркѣ, въ которой указываетъ на благодѣянія, оказанныя нѣмцамъ Россійскими Государями, со временъ Петра Великаго (46 — 49). О молебствіи, по поводу юбилейнаго празднества, бывшемъ въ р. к. церкви св. Екатерины, (что на Невскомъ проспектѣ) съ замѣткою о Митрополитѣ Сестренцевичѣ и указаніемъ на необходимость изданія біографіи его. (50—51). О трудахъ Графа Д. А. Толстаго, А. Попова и священника Морошкина, а также Самарина и Кн. О. М. Оболенскаго, предпринятыхъ для объясненія исторіи ордена іезуитовъ въ Россіи. (52). Объ одномъ патріотическомъ заявленіи, сдѣланномъ въ память столѣтія основанія Петербурга (53—54). О назначеніи Евгенія викаріемъ Новгородскимъ и епископомъ въ Старой Руссѣ. О составленныхъ имъ: предначертаніи о преобразованіи духовныхъ училищъ и изслѣдованія исповѣданія духоборческой секты (55 — 56). О другихъ двухъ трудахъ: пастырское увѣщаніе о прививаніи предохранительной коровьей оспы и слово къ паствѣ по изгнаніи французовъ изъ предѣловъ Калужской губерніи, совершенныхъ, первый — въ бытность Вологодскимъ, а вторый — Калужскимъ епископомъ (57 — 60). Воззваніе Митрополита Сестренцевича къ р. к. паствѣ о пребываніи въ вѣрноподанствѣ русскому престолу и о предосторожности отъ увлеченія льстивыми обѣщаніями Наполеона I (61 — 64) О сношеніяхъ Евгенія, въ бытность Псковскимъ архіепископомъ, съ Княземъ П. Лопухинымъ и трудахъ его по коммисіи составленія законовъ, которой онъ былъ Членомъ (65). О перепискѣ Евгенія съ барономъ Г. А. Розенкампфомъ, по изданію: Обозрѣнія кормчей книги. Судьба этой книги и значеніе ея для гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, объясненное въ отвѣтѣ Евгенія на вопросъ Розенкампфа: имѣетъ ли кормчая книга силу и употребленіе въ гражданскихъ и уголовныхъ судахъ Россійскихъ? (66 — 72) Оцѣниваетъ трудъ Евгенія профессоръ Берлинскаго Университета Бинеръ, а мы остаемся равнодушны къ истребленію его труда по части русскаго законодательства и допускаемъ распродажу кормчей книги на аукціонѣ, не обращая на нее никакого вниманія (73). Перепечатка Введенія къ 2-му изданію Обозрѣнія кормчей книги, сдѣлавшейся по истребленію библіографическою рѣдкостью (74 — 86). Поиски издателя Сборника для собранія разрозненныхъ листовъ кормчей, проданныхъ на аукціонѣ на вѣсъ пудами, какъ ненужная бумага (87 — 89). Слѣды трудовъ Евгенія по разрѣшенію этнографическихъ вопросовъ, сохранившіеся въ письмѣ его къ академику П. И. Кеппену (90 — 91). Преосвящ. Евгеній, въ бытность уже Митрополитомъ Кіевскимъ и членомъ Св. Синода, совершаетъ подвигъ самоотверженія во время

смутной катастрофы, случившейся въ 1825 году и Рескриптъ воцарившагося Императора Николая I, на имя Митрополита за этотъ подвигъ гражданской доблести (92). Краткій общій обзоръ ученыхъ трудовъ его, съ указаніемъ заслугъ его по части русскихъ древностей, а преимущественно объ историческихъ разговорахъ о древностяхъ великаго Новгорода (93 — 98). Колокольни служатъ мѣстомъ храненія архивныхъ дѣлъ (99). О рѣдкостяхъ, хранившихся въ Замостьѣ (Люблинской губ. Царства Польскаго) на колокольнѣ каѳедральнаго собора и видѣнныхъ издателемъ, во время командировки по Высочайшему повелѣнію въ 1859 году заграницу для библіографическихъ цѣлей. Замѣтка о заслугахъ барона М. А. Корфа, и о поискахъ недоставшихъ въ П. П. Библіотекѣ сочиненіяхъ, относящихся до исторіи Россіи на иностранныхъ языкахъ и указаніе тѣхъ библіографическихъ рѣдкостей, которыя еще не имѣются въ отечественномъ отдѣленіи (100 — 101). Смоленскій гражданскій губернаторъ баронъ Ашъ приглашаетъ въ 1819 году къ сбереженію отечественныхъ памятниковъ (102 — 109). Историческій очеркъ академика П. С. Савельева о мѣрахъ, принимаемыхъ правительствомъ въ Россіи для охраненія и изслѣдованія древностей. Заслуги по этой части П. С. Валуева. О таковой же заботливости Преосв. Евгенія и канцлера Румянцова (106 — 112). Переписка сего послѣдняго съ протоіереемъ Скородумовымъ, касательно матеріаловъ, хранившихся въ Софійской библіотекѣ и о Куприановскомъ собраніи Новгородскихъ рукописей. Сношенія Евгенія съ Г. Р. Державинымъ и переписка его съ Переяславскимъ Архимандритомъ Іосифомъ (113 — 121).

IV. Приложенія. 1) О времени пребыванія Митрополита Евгенія въ Петербургѣ, въ бытность Архимандритомъ и префектомъ Александро-Невской Духовной Академіи. (1800 — 1804). Дружеская **переписка Преосв. Евгенія съ Македонцомъ,** какъ матеріалъ для характеристи современныхъ имъ событій (124 — 125). Вакаціонныя занятія Евгенія въ Духовной Академіи (126 — 127). Евгеній сообщаетъ другу стихи Державина «Снигирь» и говоритъ, что только нѣмцу прилично сказать, что нѣтъ у насъ уже вождя, послѣ смерти Суворова (126 — 128). Заслуга Евгенія въ сохраненіи отъ утраты рукописнаго труда Фельдмаршала Суворова: Тактика или разговоръ съ солдатами. Въ письмахъ Евгеній сообщаетъ Македонцу подробности о болѣзни, кончинѣ, погребеніи Фельдмаршала и проектахъ надгробной ему надписи, а также о кончинѣ Императора Павла I и о вступленіи на престолъ Александра I (129 — 133). Всеобщая радость по поводу этого вступленія и анекдоты объ этомъ Государѣ, сообщаемые Евгеніемъ въ Воронежъ (134 — 135). Ода, написанная Державинымъ на восшествіе, подвергается преслѣдованію, и возбуждаетъ неудовольствіе въ Евгеніѣ, который на него пишетъ эпиграмму (136 — 137). Евгеній сообщаетъ церемоніалъ погребенія Великой Княжны Маріи Александровны и описываетъ похороны замѣчательныхъ лицъ, а также Іордань и Петергофскій праздникъ (138 — 140). За тѣмъ разсказываетъ эпизоды изъ посѣщеній Государемъ Императоромъ Александромъ I Александро-Невской Лавры и Сергіевой пустыни близь Стрѣльны (141—144). О чувствительности Александра I и объ оказанной имъ пособіи утонувшему крестьянину, за что Лондонское Общество подноситъ ему медаль (145). О дѣятельности Евгенія по Комитету Благодѣтельнаго Общества, какъ члена Комитета и жалобы его своему другу о невниманіи къ его трудамъ, всегда оставшимся не вознагражденными (146). Обѣдаетъ съ Митрополитомъ въ Павловскѣ и на него обращаетъ вниманіе вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны графъ Н. П. Румянцовъ, тогда Министръ комерціи (148). Подробности о написанной Евгеніемъ Исторіи Грузіи, съ указаніемъ на матеріалы, по которымъ она имъ составлена. Исторію Воронежа на-

писанную Евгеніемъ присвоиваетъ себѣ Воронежской губернаторъ А. Б. Солнцевъ и получаетъ за нее золотую табакерку съ брильянтами (148—152).

2) «Голосъ» представленный Архимандритомъ Евгеніемъ въ Комитетъ Благодѣтельнаго Общества, съ замѣткою издателя (153—158).

3) Пастырское увѣщаніе о прививаніи предохранительной коровьей оспы, съ приложеніемъ мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ для предохраненія отъ оспы въ 1811 году и біографическою замѣткою объ оспопрививателѣ изъ киргизъ-кайсацкихъ степей С. И. Щенсновичѣ (159—182).

4) Переписка издателя Сборника по собиранію матеріаловъ для біографіи Митрополита Евгенія съ С. И. Пономаревымъ и объяснительная замѣтка (183—182).

5) Отзывы о публичныхъ чтеніяхъ издателя въ Воронежѣ и Москвѣ, сдѣланные Графами Д. и М. Толстыми (193—201).

6) Объявленія объ изданіяхъ и сочиненіяхъ б. библіотекаря Императорской Публичной Библіотеки А. Д. Ивановскаго. (На оберткѣ).

кіевскаго Евгенія, съ указаніемъ значенія библіотекъ въ Россіи и важности заслугъ Петра Дубровскаго, барона М. А. Корфа и ген. адъютанта Н. В. Исакова. Извлеченія изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ залѣ Университета Св. Владиміра, 17, 19 и 21 сентября 1869 года, въ пользу Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Александровны, съ приложеніемъ привѣтствій и рѣчей, сказанныхъ на юбилеѣ кіевской-духовной академіи. Кіевъ 1869 г. цѣна 50 коп. Продается въ пользу студентовъ этой же Академіи.

4) Ѳедоръ Ивановичъ Прянишниковъ и его картинная русская галлерея. Біографическій очеркъ, съ приложеніемъ алфавитнаго и хронологическаго указателей къ его галлереѣ и біографическихъ замѣтокъ о русскихъ художникахъ. Спб. 1870. 8°. Продается въ пользу Румянцовскаго Музея, въ которомъ находится эта Всемилостивѣйше подаренная галлерея.

5) Иванъ Михайловичъ Снегиревъ и Дневникъ его воспоминаній. Извлеченіе изъ читанныхъ, въ маѣ 1869 года, въ Московскомъ Публичномъ Румянцовскомъ Музеѣ публичныхъ лекцій, въ пользу Миссіонерскаго общества, состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Александровны. Спб. 1871, 542 стр. 2 р. Продается на сооруженіе надгробнаго памятника И. М. Снегиреву.

6) Старина Русской Земли. Изслѣдованія И. М. Снегирева. (См. на оборотѣ).

7) Государственный Канцлеръ Графъ Н. П. Румянцовъ. Біографическій очеркъ, съ приложеніемъ: 1) Рѣчи о цѣли Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, читанной въ залѣ университета св. Владиміра въ Кіевѣ, 2) Матеріаловъ для исторіи Севастопольской обороны 3) Замѣтки о Севастопольскомъ Музеѣ и 4) Воззваніе Государя Наслѣдника Цесаревича. Спб. 1871 8°. 75 к. Продается въ пользу Севастопольскаго Музея.

Приготовлены къ печати:

8) Русскіе Канцлеры. Біографическіе очерки дипломатической ихъ дѣятельности. I—X выпусковъ. Печатается X выпускъ: Государственный Канцлеръ, Свѣтлѣйшій Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ. Очеркъ 50-ти лѣтней государственной службы Его Свѣтлости. Съ приложеніемъ фотографическаго портрета.

9) Императрица Марія Ѳеодоровна. Біографическій очеркъ жизни и благотворительной дѣятельности вѣнценосной Матери сирыхъ и убогихъ, съ приложеніемъ портрета.

10) Русскій Библіотекарь. Историко-библіографическій сборникъ статей о библіотечномъ дѣлѣ въ Россіи и заграницею, съ приложеніемъ біографій русскихъ библіографовъ и библіотекарей и ихъ портретовъ.

11) Библіографическій указатель русскихъ сочиненій, изданныхъ въ 1725 по 1825 г., какъ приложеніе къ Русскому Библіотекарю.

12) Севастопольская Библіотека. Сборникъ статей и біографій съ портретами Севастопольскихъ героевъ, какъ матеріалы для исторіи Крымской кампаніи и Севастопольской обороны. Въ этомъ Сборникѣ будутъ помѣщены дневники и записки очевидцевъ и дѣятелей.

У издателя находится на коммисіи: *Словарь славянскихъ нарѣчій*, составленный Линде и изданный во Львовѣ въ 6 большихъ томахъ въ 4-ю долю листа, 1852 г., ц. 18 р. с. Словарь этотъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для университетскихъ и гимназическихъ библіотекъ

„СТАРИНА РУССКОЙ ЗЕМЛИ“

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И. М. СНЕГИРЕВА.

Покойный Иванъ Михайловичъ, незадолго до смерти, пригласилъ меня быть редакторомъ новаго изданія своихъ сочиненій. На основаніи официальнаго документа, по этому случаю совершеннаго, была объявлена подписка на это изданіе со взносомъ по 3 р. сер. за два тома или 15 р. за всѣ десять томовъ.

Сочувствіе къ заслуженному старцу обнаружилось во время его болѣзни, и съ разныхъ отдаленныхъ городовъ Россіи многія лица стали обращаться ко мнѣ, какъ редактору, съ заявленіями о желаніи принять участіе въ подпискѣ.

На закатѣ дней своихъ 70-лѣтній авторъ имѣлъ счастіе увидѣть въ числѣ подписчиковъ Его Императорское Величество Государя Императора и Членовъ Императорской Фамиліи. Министры, ревнители просвѣщенія: гражданскіе, военные и духовные поспѣшили увеличить число подписчиковъ. Ректоры университетовъ, попечители учебныхъ округовъ, директоры гимназій и даже смотрители уѣздныхъ училищъ пожелали имѣть труды И. М. Снегирева въ учебныхъ библіотекахъ. Министры Военный и Государственныхъ Имуществъ рекомендовали сочиненія его библіотекамъ имъ подвѣдомственнымъ. Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Арсеній сдѣлалъ подобное предложеніе по своей Митрополіи, а когда собранная подписная сумма оказалась недостаточною для покрытія издержекъ печатанія, то Министерство Народнаго Просвѣщенія исходатайствовало отъ Царскихъ щедротъ Высочайшее пособіе на изданіе 1-го тома.

Но 10 Декабря 1868 года И. М. Снегиревъ скончался въ Маріинской больницѣ и я счелъ нужнымъ прежде всего, ознакомить публику съ его ученою дѣятельностью. На сколько я въ этомъ успѣлъ скажутъ сами читатели, когда пожелаютъ прочитать мой опытъ біографіи И. М. Снегирева, составленный на основаніи дневника воспоминаній и писемъ, сохранившихся въ домашнемъ архивѣ покойнаго профессора.

И послѣ кончины Ивана Михайловича просвѣщенное вниманіе публики къ его трудамъ не уменьшилось, ибо изъ получаемыхъ мною заявленій свидѣтельствуютъ ясно, что въ послѣднее время проявилась уже любовь къ отечественному и есть уже потребность въ историческихъ сочиненіяхъ для серьезнаго чтенія мыслящихъ людей.

Эти пріятныя заявленія побудили меня осуществить изданіе, предпринятое при жизни автора, и смѣю надѣяться, что Министерство Народнаго Просвѣщенія окажетъ свое содѣйствіе издателю для полученія того Высочайшаго пособія, которое было ассигновано въ 1868 году на изданіе 1-го тома сочиненій Снегирева, но за смертью сего послѣдняго не было выдано и даже кредитъ былъ закрытъ.

Часть чистаго дохода отъ продажи біографическаго очерка И. М. Снегирева (около 25 листовъ) предназначается на постройку памятника на могилѣ покойнаго профессора, похороненнаго на старомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

Окончивъ печатаніе біографическаго очерка покойнаго И. М. Снегирева, ученыя заслуги котораго оцѣнены Императорскою Академіею Наукъ и Московскимъ Университетомъ, я, съ разрѣшенія наслѣдниковъ его, приступаю къ изданію сборника историко археологическихъ его изслѣдованій, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ и ежедневныхъ изданіяхъ, сдѣлавшихся уже библіографическими рѣдкостями и какъ эти изслѣдованія большею частью относятся къ исторіи отечественныхъ древностей, то имъ и дано общее названіе: «Старина Русской Земли».

Въ 1-й выпускъ Сборника Историко-археологическихъ изслѣдованій И. М. Снегирева, который надняхъ будетъ оконченъ печатаніемъ, вошла также переписка съ нимъ Митрополита Кіевскаго Евгенія и дневникъ его воспоминаній; будетъ продаваться по 1 р. на учрежденіе Снегиревской степендіи при Московскомъ Университетѣ.

Гг. книгопродавцевъ, если они пожелаютъ быть посредниками для распространенія моихъ сочиненій и изданій, покорнѣйше прошу съ своими требованіями обращаться ко мнѣ *непосредственно*, по вышеозначенному адресу, ибо я не желалъ бы передавать моихъ трудовъ на коммисію исключительно только одному лицу, такъ какъ подобное посредство на дѣлѣ оказывается не въ пользу автора.

Издатель «*Евгеніевскаго Сборника*» покорнѣйше проситъ всѣхъ у кого находятся рукописные матеріалы, по содержанію могущіе войти въ составъ «*Сборника*», доставить таковыя издателю для напечатанія, а подлинники въ самомъ непродолжительномъ времени съ благодарностію сохранно будутъ возвращены по принадлежности.

Цѣна 1-му вып. Сборника съ лит. портретомъ Митрополита Евгенія 3 руб., веленевые же экземпляры съ большимъ фотографическимъ портретомъ 5 р. сер.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», по Мойкѣ, д. № 5.

LIBRARY OF CONGRESS
0 028 310 058 3